о кнутъ гамсунъ

новь

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

при влижайшемъ участи

ВЪ 12 ТОМАХЪ

СОВРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА и С. ПОЛЯКОВА

T. IV.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

ИЗД. «ІШИПОВНИКЪ» СПБ. 1909

THYOMAI distin.

© 118

BHEAVOTERA
POSTPETERKPANA-

Типографія В. Андерсона и Г. Лойцянскаго, СПБ., Вознесен. пр., 53.

Η В

Пер. А. ОСТРОГОРСКОЙ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Тонкая, золотистая полоска загорается на востокѣ, тамъ, гдѣ солнце встаетъ. Городъ начинаетъ просыпаться, уже слышится грохотъ съѣзжающихся на базаръ изъ окрестныхъ деревень возовъ, большихъ, тяжелыхъ крестьянскихъ телѣгъ, нагруженныхъ всякаго рода товаромъ, сѣномъ, мясомъ и дровами. Колеса стучатъ по камнямъ мостовыхъ, по ночамъ еще слегка подмерзающихъ. Былъ конецъ марта.

Въ гавани царитъ полная тишина. Кой-гдѣ на палубѣ появляется полусонный матросъ, изъ пароходныхъ трубъ подымается дымъ, а изъ окошечекъ каютъ высовываются попуодѣтыя фигуры, которымъ не терпится посмотрѣть, что за погода. Поверхность моря спокойна и неподвижна. Все тихо; не слышно скрипа воротовъ.

Но вотъ открывается первый амбаръ. Въ раскрытыя двери виднѣются безпорядочно нагроможденные мѣшки и ящики, рогожи и боченки; среди нихъ, съ тачками и съ веревками въ рукахъ двигаются еще не вполнѣ очнувшіеся отъ сна люди; они широко зѣваютъ, подставляя на встрѣчу солнцу свои бородатыя лица. Къ берегу подходятъ баржи, съ нихъ снимаютъ товаръ, нагружаютъ на возы и увозятъ.

На улицахъ одна за другою открываются двери, шторы по-

дымаются кверху, въ магазинахъ мальчики подметаютъ полы и смахиваютъ пыль съ прилавковъ; въ конторѣ фирмы Х. Генриксенъ сынъ хозяина сидитъ одинъ за конторкой и просматриваетъ почту.

По желѣзнодорожной площади усталой и сонной походкой двигается молодой человѣкъ; онъ возвращается изъ ресторана, съ товарищеской пирушки и дѣлаетъ утреннюю прогулку. У брандвахты онъ встрѣчаетъ знакомаго, тоже возвращающагося съ какой-нибудь пирушки; онъ кланяется.

- Ты уже всталъ, Эйенъ? говоритъ первый.
- Да. Т. е. собственно говоря, я еще и не ложился,—отвъчаетъ другой.
  - Какъ и я, говоритъ опять первый. Спокойной ночи.

И онъ идетъ дальше, улыбаясь тому, что среди бѣла дня сказалъ спокойной ночи. Это молодой, подающій надежды человѣкъ; имя его сразу пріобрѣло извѣстность два года тому назадъ, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ большую лирическую драму. Это Иргенсъ; всѣ его знаютъ. Онъ носитъ лакированные ботинки и, со своими закрученными кверху усами и блестящими, темными волосами, имѣетъ довольно изящный видъ.

Утомленный отъ безсонной ночи, онъ бродитъ съ площади на площадь, развлекаясь зрълищемъ всъхъ этихъ крестьянъ, съ грохотомъ проъзжающихъ по улицамъ и заполняющихъ своими возами всъ городскія площади; его забавляютъ ихъ успъвшія уже загоръть на весеннемъ солнцъ лица, шерстяные шарфы на шеяхъ, ихъ мускулистыя, грузныя руки. Они такъ торопятся сбыть свой товаръ, что зазываютъ даже его, юношу двадцати четырехъ лътъ, не имъющаго семьи, лирика, равнодушно бродящаго по улицамъ для собственнаго развлеченія.

Солнце подымается выше. Площади начинаютъ кишъть людьми и возами; съ окраинъ города съ небольшими промежутками доносятся фабричные свистки, которымъ вторятъ свистки паровозовъ на желъзнодорожныхъ станціяхъ; движеніе становится все ожив-

леннѣе, пѣшеходы торопливо шныряютъ во всѣ стороны, нѣкоторые на ходу уничтожаютъ свой завтракъ, который они держатъ въ рукахъ завернутымъ въ газетную бумагу. Человѣкъ, запряженный, какъ лошадь, въ ручную телѣжку, до верху нагруженную мѣшками и пакетами, развозитъ по домамъ товары, поминутно заглядывая въ свою записную книжку, гдѣ у него записаны всѣ адреса. Ребенокъ бѣжитъ, не останавливаясь ни на секунду, съ утренними газетами; это маленькая дѣвочка, страдающая пляской св. Витта; она кидаетъ во всѣ стороны свое маленькое тѣло, дергаетъ плечами, смотритъ застывшимъ внезапно взглядомъ, бѣжитъ торопливо отъ двери къ двери, взбирается по лѣстницамъ на верхніе этажи, звонитъ и спѣшитъ дальше, оставляя у каждаго порога газету. Съ ней собака, которая послушно слѣдуетъ за ней по пятамъ. Милая, маленькая собаченка!

Все пришло въ движеніе. Шумъ все растеть; отъ фабрикъ, отъ верфей, отъ механическихъ мастерскихъ, отъ лѣсопиленъ онъ распространяется все дальше и дальше, сливается съ гро-хотомъ колесъ и человѣческими голосами, отъ времени до времени перерѣзывается пронзительнымъ свистомъ пароходной трубы, возносящимся къ небу, словно чей-то жалобный вопль, и, наконецъ, обрушивается огромной волной на площади, такъ что весь городъ кажется объятымъ какимъ-то невѣроятнымъ гуломъ. И среди всей этой сутолоки торопливо мелькаютъ фигуры телеграфныхъ посыльныхъ съ ихъ сумками, разносящихъ по городу ордера и свѣдѣнія о состояніи курса со всѣхъ концовъ свѣта. Весь городъ словно проникнутъ величавой и своеобразной поэзіей торговли; индійскій ячмень и кофе изъ Явы стоятъ необычайно высоко, испанскіе рынки требуютъ по случаю поста чрезмѣрное количество рыбы.

Восемь часовъ; Иргенсъ отправляется домой. Онъ проходитъ мимо торговаго помъщенія X. Генриксена, и ему приходитъ въ голову заглянуть туда. За конторкой все еще сидитъ сынъ хозяина фирмы, молодой человъкъ въ шевіотовомъ костюмъ. У него боль-

шіе голубые глаза, хотя цвѣтъ кожи смуглый; непослушная прядь волосъ свѣшивается ему на лобъ. Онъ высокаго роста, съ довольно опредѣленными чертами и нѣсколько замкнутымъ выраженіемъ лица; на видъ ему можно дать лѣтъ тридцать. Товарищи очень цѣнятъ его за то, что онъ не разъ помогалъ имъ какъ деньгами, такъ и товарами изъ подваловъ своего отца.

— Доброе утро!-говоритъ Иргенсъ.

Тотъ удивленно подымаетъ голову.

- Это ты? Ты уже всталь?
- Да. Т. е. собственно говоря, я еще не ложился.
- A, это другое дѣло. Я сижу здѣсь съ пяти часовъ, отправилъ уже телеграммы въ три различныя государства.
- Боже мой, ты знаешь, что твои торговыя дѣла меня нисколько не интересуютъ. Я вотъ о чемъ хочу тебя спросить, Оле Генриксенъ: не найдется ли у тебя чего-нибудь выпить?

Оба молодыхъ человъка выходятъ изъ конторы, проходятъ черезъ магазинъ и спускаются въ подвалъ. Оле Генриксенъ торопливо достаетъ бутылку, каждую минуту отецъ можетъ придти въ контору, потому онъ такъ и торопится. Отецъ уже очень старъ, но ему все-таки не хотълось бы открыто поступатъ противъ его желаній.

Выпивъ, Иргенсъ спрашиваетъ:

— Могу я взять съ собой остатокъ?

Оле Генриксенъ киваетъ головой.

Поднявшись снова наверхъ, онъ открываетъ выдвижной ящикъ въ прилавкѣ; Иргенсъ, понявшій намекъ, запускаетъ въ ящикъ руку, вытаскиваетъ оттуда что-то и суетъ въ ротъ. Это кофе, жженный кофе, для уничтоженія запаха.

11.

Въ два часа толпы гуляющихъ двигаются взадъ и впередъ по главной улицъ. Со всъхъ сторонъ слышится говоръ и смъхъ, встръчные раскланиваются, улыбаются другъ другу, киваютъ, обо-

рачиваются, окликаютъ другъ другъ. Въ воздухѣ носится дымъ сигаръ и развѣваются дамскія вуали, пестрѣютъ свѣтлыя перчатки и носовые платки, мелькаютъ мужскія тросточки и поминутно приподымаемыя шляпы; экипажи съ разряженными дамами и мужчинами тянутся одинъ за другимъ.

На "углу" группа молодыхъ людей уже расположилась на своемъ посту. Это кружокъ знакомыхъ, два-три художника, дватри писателя, одинъ коммерсантъ, одинъ человъкъ неопредъленной профессіи,—все добрые друзья и пріятели. Одъты они чрезвычайно разнообразно: одни уже совершенно безъ верхняго платья, другіе еще въ длинныхъ демисезонныхъ пальто съ поднятыми, какъ въ сильные холода, воротниками. Группу эту всѣ знаютъ.

Одни присоединяются къ этой группѣ, другіе уходять; остаются молодой, толстый живописецъ, по имени Мильде, и актеръ со вздернутымъ носомъ и сладкимъ, тягучимъ голосомъ, кромѣ того, Иргенсъ и адвокатъ Гранде изъ знаменитаго рода Гранде. Но самымъ значительнымъ среди нихъ былъ все-таки Паульсбергъ, Ларсъ Паульсбергъ, авторъ полу-дюжины романовъ и научнаго сочиненія объ искупленіи грѣховъ. Его прямо вслухъ называли поэтомъ, даже тогда, когда Иргенсъ и писатель Эйенъ были тутъ же.

Актеръ застегиваетъ свое пальто до самаго верху; ему холодно.

- Нътъ, весенній воздухъ я нахожу все-таки слишкомъ ръзкимъ, — говоритъ онъ.
- А я какъ разъ наоборотъ, замъчаетъ адвокатъ. Я готовъ орать во всю глотку, радость такъ и кипитъ во мнъ, моя кровь буквально бьетъ тревогу, какъ передъ охотой. И маленькій, сутуловатый юноша выпрямляется при собственныхъ словахъ и бросаетъ взглядъ на Паульсберга.
- Скажите пожалуйста!—отвѣтилъ насмѣшливо актеръ.— Мужчина остается мужчиной, какъ сказалъ евнухъ.
  - Что ты этимъ хочешь сказать?

- Ничего, помилуй тебя Богъ. Но ты можешь себѣ представить себя, въ своихъ лакированныхъ ботинкахъ и въ цилиндрѣ, на охотѣ за рысью?
- Xe-хe, я констатирую, что комедіантъ Норемъ сталъ остроуменъ. Это слѣдуетъ цѣнить.

Они говорили безо всякаго затрудненія обо всемъ рѣшительно, съ легкостью играли словами, дѣлали быстрые выпады и въ любую минуту имѣли на готовѣ отвѣтъ.

Мимо нихъ проходитъ отрядъ кадетовъ.

— Есть ли что-нибудь несноснъе этихъ военныхъ?—говоритъ Иргенсъ.—Посмотрите-ка на нихъ, въдь они не прошли мимо, какъ прочіе смертные, они прослъдовали мимо.

Художникъ и самъ Иргенсъ разсмѣялись; адвокатъ же быстро взглянулъ на Паульсберга, лицо котораго осталось невозмутимымъ. Паульсбергъ сказалъ нѣсколько словъ о картинной выставкѣ и замолчалъ.

Затьмъ разговоръ перешелъ на вчерашній вечеръ въ Тиволи; коснулись также и политики: конечно, можно отвътить и отказомъ на все, но... Да впрочемъ, для такого отказа, можетъ бытъ, даже и не будетъ достаточнаго большинства... Они приводили мнѣнія вліятельныхъ членовъ стортинга, предлагали поджечь дворецъ и завтра же провозгласить республику. Художникъ грозилъ возстаніемъ рабочихъ.—Знаете ли, что президентъ сказалъ мнѣ съ глазу на глазъ: что онъ ни за что, ни за что не пойдетъ ни на какой компромиссъ, будь что будетъ съ уніей. Такъ онъ и сказалъ, будь что будетъ съ уніей. И кто знаетъ президента...

Паульсбергъ все еще ничего не говорилъ, а такъ какъ друзьямъ его было важно услышать его мнѣніе, то адвокатъ рѣшился спросить его:

— А ты, Паульсбергъ, ты ничего не скажешь?

Паульсбергъ ръдко говорилъ; онъ жилъ довольно замкнуто, посъщая лекціи или работая надъ своими сочиненіями, и въ уст-

ной болтовнъ не обладалъ снаровкой свсихъ товарищей. Онъ добродушно улыбнулся и проговорилъ:

— Вѣдь вашъ разговоръ сводится весь къ "да, да", или "нѣтъ, нѣтъ".—Надъ этимъ всѣ начали громко смѣяться.—Впрочемъ,—прибавилъ Паульсбергъ,—впрочемъ, я думаю отправиться теперь домой, жена меня ждетъ.

И Паульсбергъ ушелъ. Это была его манера—уходить сразу, какъ только онъ заявлялъ объ этомъ.

Но съ уходомъ Паульсберга казалось, будто и всѣ могутъ разойтись, незачѣмъ было больше оставаться здѣсь. Актеръ простился и исчезъ; видно было, какъ онъ торопится, чтобы догнать Паульсберга. Художникъ запахнулъ свое пальто, не застегивая его, передернулъ нѣсколько разъ плечами и сказалъ:

- Охъ, какъ мнѣ не по себѣ! Если бы это теперь достать нѣсколько грошей на обѣдъ!
- Тебѣ надо насѣсть на какого-нибудь купчишку,—замѣтилъ Иргенсъ.—Сегодня утромъ я выудилъ таки у одного бутылку коньяку.

Всѣ трое двинулись впередъ.

- Интересно бы знать, что собственно Паульсбергъ хотълъ сказать своими словами,—замътилъ адвокатъ.—"Вашъ разговоръ весь сводится къ "да, да", или "нътъ, нътъ; " ясно, что онъ чтото хотълъ этимъ сказать.
- Да, это ясно,—сказалъ художникъ Мильде.—Ты замътилъ, онъ при этомъ разсмъялся; очевидно, что-то показалось ему очень забавнымъ.

Пауза.

Толпы гуляющихъ по прежнему двигаются по улицъ взадъ и впередъ, медленнымъ шагомъ, улыбаясь и разговаривая.

Мильде продолжаетъ:

— Я такъ часто желалъ, чтобы у насъ въ Норвегіи появилась еще коть одна такая голова, какъ Паульсбергъ. Для чего, собственно?—спрашиваетъ Иргенсъ слегка раздраженнымъ тономъ.

Мильде смотритъ изумленно сначала на него, потомъ на адвоката и, наконецъ, разражается громкимъ хохотомъ.

- Нѣтъ, ты слышишь, Гранде? онъ спрашиваетъ, для чего намъ въ Норвегіи нужна такая голова, какъ Паульсбергъ.
  - Да?-повторяетъ Иргенсъ.

Но Гранде не смѣется, и живописецъ Мильде не можетъ понять, какъ можно надъ этимъ не смѣяться. Чтобы замять это, онъ переводитъ разговоръ на другую тему:

- Такъ ты говоришь, что выудилъ у одного лавочника бутылку коньяку? Значитъ, у тебя есть коньякъ?
- Потому что я ставлю Паульсберга такъ высоко, что считаю, что онъ одинъ въ состояніи совершить все, что угодно,— продолжаетъ Иргенсъ со скрытой ироніей.

Этого Мильде не ожидалъ; противъ этого онъ ничего не могъ возразить, поэтому онъ только кивнулъ головой и сказалъ:

— Совершенно вѣрно. Я только думалъ, что при нѣкоторой помощи дѣло могло бы подвинуться впередъскорѣе, это нисколько бы не помѣшало, коротко говоря: еще товарищъ по оружію. Но я совершенно согласенъ съ тобой.

Около ресторана Grand они столкнулись съ Тидемандомъ, тоже лавочникомъ, оптовымъ торговцемъ, крупнымъ коммерсантомъ, главою извъстной фирмы.

- Ты объдалъ? крикнулъ ему на встръчу живописецъ.
- Да, случалось не разъ, отвътилъ Тидемандъ.
- Не дури. Берешь меня съ собой въ Grand?
- Прежде да будетъ мнѣ позволено поздороваться съ тобой. Было рѣшено сначала зайти къ Иргенсу и выпить по рюмочкѣ коньяку, а затѣмъ всѣмъ вмѣстѣ вернуться въ Grand. Тидемандъ и авдокатъ пошли впередъ.
  - Что за чудесная вещь имъть въ запасъ этихъ лавочни-

ковъ, —говоритъ живописецъ Мильде Иргенсу. — Они иногда оказываются весьма полезными.

Вмѣсто отвѣта Иргенсъ пожалъ плечами - жестъ, который могъ обозначать все, что угодно.

— И вѣдь, приходя къ нимъ, никогда не рискуешь быть имъ въ тягость. Напротивъ, этимъ оказываешь имъ одолженіе, это льститъ ихъ самолюбію. Достаточно проявить по отношенію къ нимъ нѣкоторую любезность, выпить съ ними брудершафтъ, больше ничего не надо. Ха-ха-ха, развѣ я не правду говорю?

Адвокатъ остановился, поджидая остальныхъ.

 Покуда мы не забыли, надо же ръшить, наконецъ, что мы будемъ дълать съ Эйеномъ, — сказалъ онъ.

Да, правда, они чуть было вст не забыли объ этомъ. Да, конечно, Эйенъ уъзжаетъ, надо же придумать что-нибудь.

Дѣло въ томъ, что писатель Эйенъ написалъ два романа, которые были переведены на нѣмецкій языкъ; теперь онъ пришелъ въ очень нервное состояніе; нельзя же человѣку работать до полнаго изнеможенія, ему надо было доставить возможность отдохнуть. Онъ сталъ добиваться стипендіи и имѣлъ всѣ шансы получить ее, Паульсенъ самъ замолвилъ за него словечко, хотя и не особенно горячо. Друзья въ свою очередь приложили всѣ усилія, чтобы отправить Эйена въ Торахусъ, небольшую деревушку въ горахъ, воздухъ которой особенно живительно дѣйствовалъ на нервныхъ людей. Черезъ недѣлю Эйенъ долженъ былъ уѣхать, деньги были обезпечены, Оле Генриксенъ и Тидемандъ, оба проявили большое великодушіе и щедрость. Оставалось только устроить прощальную пирушку по этому случаю.

— Но гдѣ же намъ это устроить?—спросилъ живописецъ.— Не у тебя ли, Гранде? У тебя вѣдь большая квартира?

Гранде ничего не имълъ противъ этого; пожалуй, можно устроить пирушку и у него; онъ поговоритъ съ женой. Гранде былъ женатъ на фру Либеріи и не могъ ръшать такихъ вопросовъ, не посовътовавшись съ ней предварительно. Было ръ

шено пригласить Паульсберга съ женой въ качествъ гостей; что касается Тидеманда съ женой и Оле Генриксена, то ихъ присутствіе, какъ денежныхъ участниковъ, подразумъвается само собой. Прекрасно.

— Да, зовите, кого хотите, но комедіанта Норема я не хочу имъть у себя въ домъ, — сказалъ адвокатъ. — Онъ всегда напивается такъ, что нътъ возможности быть съ нимъ въ одномъ обществъ. Моя жена не захочетъ его, я въ этомъ увъренъ.

Но въ такомъ случав пирушка не можетъ состояться у Гранде. Въдь нельзя же не позвать Норема? Выходъ изъ затруднительнаго положенія нашелъ Мильде, предложивъ свое ателье.

Эта мысль всѣмъ понравилась. И въ самомъ дѣлѣ, это была прекрасная идея, лучшаго помѣщенія и желать нельзя было, большое и просторное, съ двумя преудобными боковыми комнатами. Прекрасно, значитъ, ателье Мильде.

Сраженіе будетъ дано черезъ пару дней.

Молодые люди поцнялись къ Иргенсу, выпили его коньякъ и снова вышли. Адвокатъ хотълъ отправиться домой, онъ чувствовалъ себя слегка задътымъ, ръшеніе воспользоваться ателье Мильде ему не особенно нравилось. Ну, что жъ, въ концъ концовъ, онъ можетъ и вовсе не принять участія во всемъ этомъ. Какъ бы то ни было, покуда что, онъ простился и ушелъ.

— Но ты, Иргенсъ, вѣдь идешь съ нами? — спросилъ Тидемандъ.

Иргенсъ не сказалъ нѣтъ, онъ отнюдь не далъ отрицательнаго отвѣта на это приглашеніе. Въ сущности говоря, у него не было ни малѣйшей охоты идти въ Grand съ Тидемандомъ, къ тому же и толстый Мильде страшно раздражалъ его своей фамильярностью; но, можетъ быть, ему удастся улизнуть сейчасъ же послѣ обѣда.

Впрочемъ, самъ Тидемандъ пришелъ ему въ этомъ на помощь; какъ только объдъ кончился, онъ поднялся, расплатился и простился со всъми. У него было еще дъло.

Тидемандъ направился къ набережной, гдѣ помѣщались огромныя кладовыя X. Генриксена; онъ зналъ, что въ это время застанетъ тамъ Оле.

Тидеманду было за тридцать лѣтъ, и на вискахъ у него уже слегка пробивалась сѣдина. Волосы и борода у него также были темные, какъ и у Оле, но у него были и темные глаза, съ усталымъ выраженіемъ. Когда онъ сидѣлъ спокойно и ничего не говорилъ, только сидѣлъ спокойно и медленно щурилъ глаза, вѣки его тяжело опускались и поднимались, словно утомленные безсонницей. Кромѣ того, животъ у него начиналъ слегка закругляться. Онъ слылъ чрезвычайно дѣльнымъ коммерсантомъ.

Онъ быль женатъ и имълъ двоихъ дѣтей; онъ женился четыре года тому назадъ. Его семейная жизнь началась самымъ лучшимъ образомъ и продолжалась и по сейчасъ, хотя люди и не могли понять, что она все еще продолжается. Тидемандъ, впрочемъ, и самъ не скрывалъ своего удивленія по поводу того, что жена его переноситъ совмѣстную жизнь съ нимъ. Онъ слишкомъ долго оставался холостякомъ, слишкомъ много разъѣзжалъ, слишкомъ много жилъ въ гостинницахъ,—это онъ самъ говорилъ. Онъ привыкъ звонить всякій разъ, когда ему нужно было чтонибудь; ему часто приходило въ голову требовать себѣ ѣду въ совершенно необычные часы дня. И Тидемандъ пускался въ подробности: онъ, напримѣръ, совершенно не могъ выносить, чтобы жена наливала ему супъ; развѣ можетъ жена, при всемъ своемъ желаніи, угадать, сколько именно супа ему хочется?

А съ другой стороны, фру Ганка, артистическая натура, женщина двадцати двухъ лѣтъ, влюбленная въ жизнь и веселая, какъ мальчишка. Фру Ганка была богато одаренная натура, съ живыми интересами; она была любимымъ гостемъ во всѣхъ молодыхъ кружкахъ, какъ въ салонахъ, такъ и въ ресторанахъ, и мало кто, или никто не могъ устоять противъ ея обаянія. У нея

не было ни любви, ни интереса къ домашней жизни и хозяйству, это правда, она ничего не могла противъ этого подълать, къ сожалънію, ей не было это дано. Рожденіе двухъ дѣтей два года подъ рядъ привело ее въ полное отчаяніе; Боже мой, вѣдь она и сама была еще почти ребенкомъ, неразумнымъ и жаждущимъ жизни, передъ ней стояла ея молодость, которую она жаждала использовать. Одно время она старалась овладѣть собой и взять себя въ руки, но дошло до того въ концѣ концовъ, что по ночамъ молодая женщина лежала и плакала. Но послѣ соглашенія, къ которому супружеская чета пришла годъ тому назадъ, фру Ганкѣ больше не приходилось дѣлать надъ собой никакихъ усилій...

Тидемандъ вошелъ въ кладовую. На встръчу ему ударилъ хоподный и кисловатый запахъ южныхъ товаровъ, кофе, прованскаго масла и вина. Ряды высоко нагроможденныхъ ящиковъ съ
чаемъ, тюки корицы, зашитые въ рогожу, фрукты, рисъ, пряности,
горы мъшковъ съ мукой, — все это въ опредъленномъ порядкъ
наполняло кладовую отъ пола до потолка. Въ одномъ углу былъ
спускъ въ подвалъ, гдъ въ полутьмъ виднълись бочки съ виномъ,
съ желъзными обручами и обозначеніемъ года, и въ неподвижномъ
спокойствіи лежали огромные металлическіе сосуды съ масломъ.

Тидемандъ прошелъ черезъ кладовую, поздоровавшись съ работавшими тамъ служащими, и заглянулъ черезъ окошечко въ дверяхъ въ маленькую контору. Оле былъ тамъ. Онъ просматривалъ написанный мъломъ на деревянной доскъ счетъ.

Оле моментально отложилъ доску въ сторону и пошелъ навстръчу своему другу.

Эти два человъка знали другъ друга почти съ дътства, они вмъстъ посъщали академію и дълили всъ радости счастливой юности. Даже ставъ коллегами по профессіи и конкурентами, они продолжали посъщать другъ друга, какъ только имъ позволяло время; имъ были чужды мелкая зависть и недоброжелательство, постоянныя торговыя дъла и сношенія придали извъстную широту

ихъ взглядамъ; имъ часто приходилось имѣть дѣло съ нагрузкой судовъ, и передъ глазами ихъ ежедневно проходили крупные обороты, колоссальныя удачи или грандіозные крахи.

Какъ-то разъ Тидемандъ восхищался маленькой увеселительной яхтой, принадлежавшей Оле Генриксену. Это было года два тому назадъ, когда стало извъстнымъ, что фирма Тидемандъ понесла крупные убытки на экспортъ рыбы. Яхта стояла передъ самыми окнами конторы Генриксена и своимъ изяществомъ обращала на себя всеобщее вниманіе. Верхушка мачты ея была позолочена.

Тидемандъ сказалъ:

— Я никогда не видалъ ничего болъе изящнаго, чъмъ эта якта, могу тебя увърить.

На это Оле Генриксенъ замѣтилъ скромно:

- Я, пожалуй, не получилъ бы за нее тысячу кронъ, если бы вздумалъ ее продать.
  - Я готовъ тебѣ дать тысячу, предложилъ Тидемандъ. Пауза. Оле улыбнулся.
  - -- Какъ? сейчасъ же?-спросилъ онъ.
  - Да, я случайно какъ разъ теперь располагаю такой суммой. И Тидемандъ вынулъ бумажникъ и отсчиталъ деньги.

Это происходило въ кладовой, въ присутствіи всѣхъ служащихъ. Они смѣялись, перешептывались и въ изумленіи пожимали плечами. Тидемандъ ушелъ.

'Нѣсколько дней спустя Оле пришелъ къ Тидеманду и сказалъ:

— Ты не возьмешь двѣ тысячи за яхту?

Тидемандъ отвътилъ:

- Деньги у тебя съ собой?
- Да, случайно онъ при мнъ.
- Подавай ихъ сюда, сказалъ Тидемандъ.

И яхта снова перешла къ Оле...

Теперь Тидемандъ зашелъ къ Оле Генриксену, чтобы про-

вести у него свободный часъ. Оба друга были уже не дѣти; они обращались другъ съ другомъ съ изысканной вѣжливостью и искренно любили другъ друга.

Оле взялъ изъ рукъ Тидеманда шляпу и палку и, кладя ихъ на конторку, указалъ своему гостю мѣсто на маленькомъ диванчикъ, на которомъ могли сидѣть только двое.

- -- Что я могу предложить тебъ? -- спросилъ онъ.
- Спасибо, ничего, отвѣтилъ Тидемандъ. Я прямо изъ Grand и только что обѣдалъ.

Оле подвинулъ плоскій, тонкій ящикъ съ гаванскими сигарами и спросилъ снова:

- Стаканчикъ вина? 1812 года?
- Да, съ удовольствіемъ. Но тебѣ надо спускаться за нимъ внизъ, это столько хлопотъ.
  - Есть о чемъ говорить!

И онъ принесъ изъ погреба бутылку; невозможно было разглядъть, что въ ней, она казалась точно обернутой толстой матеріей, такой густой слой пыли лежалъ на ней. Вино было холодное, пъна осаждалась каплями на стънкахъ стакановъ. Оле сказалъ:

- Вотъ, пожалуйста, Андреасъ,—за твое здоровье! Они выпили. Наступило молчаніе.
- Я, собственно, зашелъ, чтобы поздравить тебя, сказалъ Тидемандъ. И выкинулъ же ты штуку! Ничего подобнаго я никогда не слыхалъ.

Оле Генриксенъ, дъйствительно, выкинулъ штуку. Онъ, впрочемъ, самъ сейчасъ же сказалъ, что это, собственно, не его заслуга, это просто удача. А если ужъ говорить о заслугъ, то во всякомъ случаъ не онъ одинъ тутъ замъшанъ, это дъло всей фирмы. Лондонской операціей онъ обязанъ своему агенту.

Операція эта заключалась въ слѣдующемъ:

Англійское грузовое судно Concordia, полунагруженное кофеемъ, отошло изъ Ріо, обогнувъ Сенегамбію, зашло въ Батурстъ за партіей кожъ, составлявшихъ остальной грузъ, и, въ самый разгаръ декабрьскихъ бурь, отправилось дальше; у съверныхъ береговъ Нормандіи оно дало течь и, какъ потерпъвшее аварію, на буксиръ было приведено въ Плимутъ. Грузъ, половину котораго составлялъ кофе, совсъмъ промокъ.

Эта партія кофе была промыта и отправлена въ Лондонъ для продажи; но покупателей на него не находилось, такъ какъ кофе пропахъ морской водой и кожами. Владълецъ дълалъ съ нимъ все, что возможно, пустилъ въ дъло краски, берлинскую лазурь, индиго, куркуму, кронъ, мъдный купоросъ, каталъ его въ бочкахъ, перемъшавъ съ свинцовой дробью; но ничего не помогало, и кофе пришлось пустить въ аукціонъ. Агентъ фирмы Х. Генриксенъ явился на аукціонъ и купилъ всю партію за баснословно дешевую цъну.

Тогда Оле Генриксенъ отправился въ Лондонъ и предпринялъ цѣлый рядъ манипуляцій съ кофеемъ; онъ смылъ всю краску, основательно прополоскалъ его и вторично подвергъ сушкѣ. Затѣмъ вся партія кофе была сжарена, упакована въ огромныя цинковыя бочки и герметически закупорена. Эти бочки простояли нетронутыми цѣлый мѣсяцъ, послѣ чего ихъ привезли въ Норвегію и сложили въ кладовую. Бочка за бочкой вскрывалась и кофе распродавался; онъ былъ безупреченъ. Фирма Генриксенъ заработала на этомъ одномъ предпріятіи огромныя деньги.

Тидемандъ сказалъ:

- Я только на дняхъ въ первый разъ услыхалъ объ этомъ, и я долженъ сказать, что почувствовалъ гордость.
- -- Моя счастливая идея, собственно, только въ томъ и заключается, что я велълъ жарить кофе, нъсколькими удачными пріемами довелъ его, такъ сказать, до потънія. Что же касается остального, то...
- Но самъ-то ты, должно быть, съ не малымъ нетерпъніемъ ждалъ результатовъ?
  - Да, конечно, этого я не могу отрицать.

- А твой отецъ, что онъ сказалъ на это?
- Онъ обо всемъ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакого представпенія и узналъ о немъ только позже. Нѣтъ, его я не могъ посвятить въ это, онъ, я думаю, отказался бы отъ меня, лишилъ бы меня наслѣдства, хе-хе.

Тидемандъ взглянулъ на него.

- Гм... Да, все это прекрасно, Оле. Но если ты хочешь представить это дѣло въ такомъ свѣтѣ, что половина заслуги въ немъ принадлежитъ твоему отцу, фирмѣ, то ты не долженъ въ то же время разсказывать, что твой отецъ узналъ о немъ только, когда все было уже сдѣлано. Вотъ я тебя и поймалъ!
  - Ну, ладно, оставимъ это.

Въ комнату вошелъ слуга съ новой таблицей, на которой были написаны счета: онъ снялъ шапку, поклонился, положилъ таблицу на конторку, снова поклонился и ушелъ. Въ то же время протрещалъ звонокъ у телефона.

 Одну минуту, Андреасъ, я только... Это, должно быть, ордеръ. Алло!

Оле написалъ ордеръ, позвонилъ и отдалъ его слугъ.

- Я только отвлекаю тебя отъ работы, сказалъ Тидемандъ. Здѣсь двѣ таблицы, возьмемъ каждый по таблицѣ, я тебѣ помогу.
- Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ Оле,—этого еще недоставало, чтобы ты занялся эдѣсь таблицами.

Но Тидемандъ уже принялся за дѣло. Въ этихъ удивительныхъ черточкахъ и знакахъ въ полусотнѣ рубрикъ онъ разбирался, какъ ни въ чемъ другомъ, и на клочкѣ бумаги онъ дѣлалъ свои вычисленія. Они стояли по обѣ стороны конторки, отъ времени до времени перекидываясь лишь шуткой.

- Не слъдуетъ, однако, забывать про стаканы.
- Да, ты правъ.
- Давно уже у меня не было такого пріятнаго дня, сказалъ Оле.

- Въ самомъ дѣлѣ? Я какъ разъ хотѣлъ сказать то-же самое. Я сейчасъ изъ Grand, но... Ахъ, да, у меня для тебя приглашеніе, въ четвергъ мы собираемся. Это прощальная пирушка въ честь Эйена, будетъ еще нѣсколько человѣкъ.
  - Вотъ какъ? Гдѣ же это будетъ?
  - У Мильде, въ его ателье. Ты въдь придешь?
  - Да, конечно, приду.

Они вернулись къ конторкъ и снова принялись писать.

— Боже мой, ты помнишь еще то время, когда мы сидъли на одной скамьъ?—сказалъ Тидемандъ.—У насъ тогда еще не было бородъ. Мнъ кажется, что прошло съ тъхъ поръ не больше нъсколькихъ мъсяцевъ, такъ ясно мнъ представляется все это.

Оле отложилъ перо въ сторону, его счетъ былъ готовъ.

— Я бы хотѣлъ сказать тебѣ кое-что... я заранѣе прошу меня простить, Андреасъ, если я, можетъ быть, доставлю тебѣ непріятность... Нѣтъ, попробуй-ка это вино, попробуй его непремѣнно. Я пойду, впрочемъ, за другой бутылкой, это вино, право-же не для гостей.

И Оле исчезъ. Видъ у него былъ чрезвычайно смущенный.

— Что съ нимъ такое? — подумалъ Тидемандъ.

Оле вернулся съ новой бутылкой, обросшей мхомъ, словно бархатомъ, длинныя нити паутины тянулись за ней. Онъ откупорилъ ее.

— Я не знаю, каково оно,—сказалъ онъ, нюхая вино.—Попробуй-ка его, оно, кажется, въ самомъ дѣлѣ... Я думаю, оно понравится тебѣ, годъ я забылъ, но это старое вино.

Тидемандъ тоже понюхалъ, попробовалъ, поставилъ стаканъ и взглянулъ на Оле,

- Не правда ли, оно вовсе недурно?
- Да,—отвътилъ Тидемандъ,—оно совсъмъ не дурно. Ты не долженъ былъ открывать эту бутылку изъ-за меня.
  - Какіе пустяки! Стоитъ ли говорить о бутылкъ вина?
     Пауза.

- Кажется, ты хотълъ мнъ что-то сказать? замътилъ Тидемандъ.
- Да. То есть, я, собственно, вовсе не хотълъ этого, но...— Оле подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.—Но я подумалъ, что ты въдь не имъешь объ этомъ представленія, и хотълъ тебъ только сказать, что о тебъ сплетничаютъ, клевещутъ на тебя, прямо забрасываютъ тебя грязью, да. А ты объ этомъ ничего не знаешь.
  - Забрасываютъ меня грязью? Что же обо мнъ говорятъ?
- Ну, ты можешь стать выше того, что злые языки говорять. Дѣло не въ этомъ. Говорятъ, что ты пренебрегаешь своей женой, что ты ходишь по ресторанамъ, несмотря на то, что у тебя есть жена и домъ, что ты предоставляешь ей идти своимъ путемъ, а самъ дѣлаешь, что тебѣ взбредетъ въ голову. Я повторяю, что ты, конечно, можешь стать выше этого. Но говоря по правдѣ: почему ты, въ самомъ дѣлѣ, обѣдаешь внѣ дома и такъ много бываешь въ ресторанахъ? Я отнюдь не хочу тебѣ сдѣлать упрека, но... Да, это все. Нѣтъ, это вино, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ вниманія. Попробуй его еще, если оно тебѣ нравится...

Взглядъ Тидеманда сразу сталъ острымъ и яснымъ. Онъ поднялся, сдълалъ нъсколько шаговъ по комнатъ и, вернувшись къ диванчику, снова сълъ.

- Меня нисколько не удивляетъ, что люди сплетничаютъ обо мнѣ такимъ образомъ,—сказалъ онъ.—Я самъ сдѣлалъ все, что только можно было, чтобы дать пищу подобнымъ сплетнямъ, это я прекрасно знаю. Да, впрочемъ, это мнѣ совершенно все равно.— Тидемандъ пожалъ плечами и снова всталъ. Шагая взадъ и впередъ по комнатѣ и глядя прямо передъ собою, онъ нѣсколько разъ пробормоталъ, что ему это совершенно все равно.
- Но, милый другъ, я вѣдь и говорю, что это низость, на которую тебѣ совершенно незачѣмъ обращать вниманія,—возразилъ Оле.

— Это невърно, если думаютъ, что я пренебрегаю Ганкой.продолжалъ Тидемандъ; — я только хочу не стъснять ее ни въ чемъ, ты понимаешь? Да. Она должна знать, что можетъ дълать все, что ей угодно, такой между нами уговоръ, иначе она уйдетъ отъ меня. - Во все время дальнъйшей ръчи онъ то садился, то снова вставалъ черезъ небольшіе промежутки; онъ былъ очень взволнованъ. - Все это я разсказываю только тебъ, Оле: это первый разъ, что я вообще говорю объ этомъ, никогда больше я не стану никому повторять. Но ты долженъ знать, что я отнюдь не по своей волъ хожу по ресторанамъ. Что мнъ дълать дома? Ганки нътъ дома, ъды никакой нътъ, въ комнатахъ ни души. По дружескому соглашенію мы упразднили наше хозяйство. Ты понимаешь теперь, почему я хожу по ресторанамъ? Это не моя добрая воля; я сижу въ конторъ или въ Grand, встръчаю знакомыхъ. среди которыхъ часто находится и она, мы сидимъ за однимъ столомъ и очень хорошо проводимъ время. Что же мнѣ при такихъ условіяхъ дълать дома, скажи мнъ, пожалуйста? Ганка, она въ Grand, мы сидимъ за однимъ столомъ, часто другъ противъ друга, подаемъ другъ другу стаканъ, графинъ. "Андреасъ", говоритъ она иногда. "будь такъ добръ, вели подать стаканъ и для Мильде". И само собой разумъется, я велю подать стаканъ и для Мильде. Это мнъ пріятно, и я краснъю при этомъ. "Я тебя почти и не видала сегодня", говоритъ она, "ты такъ рано ушелъ. Да, хорошъ мужъ, нечего сказать! " обращается она къ другимъ. При этомъ она смъется. Я радъ, что она шутитъ, и тоже начинаю шутить: "да развъ есть возможность дождаться, пока ты кончишь свой туалетъ, когда въ конторъ меня ждетъ пять служащихъ?" говорю я. Но на самомъ дълъ я ея не видалъ уже, можетъ быть, нъсколько дней. Ты понимаешь теперь, почему я хожу по ресторанамъ? По прошествіи нъколькихъ дней я хочу ее увидать, наконецъ, а также встрътить знакомыхъ, которые, худо ли, хорошо ли, все-таки развлекаютъ меня. Но само собой разумъется, все это устроилось такимъ образомъ по самому дружескому соглашенію,

ты не долженъ думать ничего другого, и я долженъ сказать, что нахожу такой порядокъ превосходнымъ. Привычка.

Оле Генриксенъ раскрылъ ротъ отъ изумленія. Совершенно пораженный, онъ проговорилъ:

- Такъ вотъ какъ обстоятъ дъла! Я не думалъ, что между вами *такъ* много встало.
- Что жъ тутъ такого? Или ты находишь это страннымъ, что ей пріятно быть со всей компаніей? Вѣдь это все извѣстныя лица, все художники и поэты, люди, которые что-нибудь да значатъ. Сказать по правдѣ, вѣдь это совсѣмъ не то, что мы съ тобой, Оле; да вѣдь мы и сами охотно бываемъ въ ихъ обществѣ. Ты говоришь, такъ много встало между нами? Да пойми меня, въ сущности, ничего не встало между нами. Все идетъ прекрасно. Я не всегда могъ аккуратно приходить къ обѣду домой изъ конторы, поэтому я шелъ обѣдать въ ресторанъ. Ганка не могла же курамъ на смѣхъ вести хозяйство для себя одной, поэтому и она стала ходить обѣдать въ ресторанъ. Мы, правда, не всегда отправляемся въ одно и то же мѣсто, иногда мы и не встрѣчаемся. Но что же? это ровно ничего не значитъ.

Пауза. Тидемандъ опускаетъ голову и подпираетъ ее рукой. Оле спрашиваетъ:

- Но кто изъ васъ началъ это? Кто первый предложилъ такой порядокъ?
- Хе-хе, неужели ты думаешь, что это я предложилъ? Что я, можетъ быть, сказалъ своей женѣ: теперь, Ганка, ты можешь ходить по ресторанамъ, такъ чтобы я находилъ домъ пустымъ, когда буду приходить къ обѣду; да, недоставало, чтобы я ей это сказалъ! Но, какъ я уже замѣтилъ, все очень хорошо и такъ, какъ оно сейчасъ обстоитъ, дѣло не въ этомъ.,. Но что ты скажешь на то, что она даже не считаетъ себя замужемъ? Нѣтъ, на это ты, конечно, ровно ничего не можешь сказатъ. Я говорилъ съ ней, упомянулъ о томъ, что она замужняя женщина, имѣетъ домъ и очагъ, но на это она отвѣтила: "ты говоришь,

замужняя? но въдь это же преувеличено! "Какъ тебъ это покажется, что она это считаетъ преувеличеніемъ? Я съ тъхъ поръ больше никогда не говорю ей этого; она не замужемъ, пустътакъ. Она отъ времени до времени живетъ тамъ же, гдъ я, мы приглядываемъ за дътьми, приходимъ и уходимъ, сталкиваемся въ дверяхъ и снова разстаемся. Это все ничего, покуда она довольна этимъ.

- Но вѣдь это же смѣшно! воскликнулъ вдругъ Оле. Я не понимаю... Неужели она смотритъ на тебя, какъ на перчатку, которую можно во всякое время бросить? Почему ты ей этого не скажешь?
- Разумѣется, я ей это сказалъ. Но она хотѣла развестись со мной. Да. Два раза. Что же мнѣ было дѣлать? Я не такъ счастливъ, чтобы могъ порвать сразу, это придетъ позже, со временемъ. Она, впрочемъ, совершенно права, что хочетъ развестись, это я только противлюсь этому, и она можетъ мнѣ это поставитъ въ упрекъ. Почему я не поговорилъ съ ней серьезно и рѣшительно? Но, Боже милостивый, вѣдь она же хотѣла уйти отъ меня! Она прямо заявила мнѣ объ этомъ, и я очень хорошо понялъ ее, это повторилось два раза. Ты понимаешь теперь?

Нѣкоторое время оба друга сидѣли молча. Оле спросилъ тихо:

- Но, можетъ быть, у твоей жены... я хочу сказать, она, можетъ быть, любитъ другого?
- Само собою разумѣется, отвѣтилъ Тидемандъ. Такія вещи налетаютъ на человѣка сразу...
  - Ты не знаешь, кто это?
- Какъ мнѣ не знать, кто это! Но я этого не скажу, никогда. Я даже не знаю этого, откуда мнѣ знать? Да, впрочемъ, она едва ли любитъ другого, какъ можно знать подобныя вещи? Ты, можетъ быть, думаешь, что я ревную? Только этого не воображай, пожалуйста, Оле; я, слава Богу, еще разсудка своего не потерялъ и настолько еще владъю собой. Коротко говоря: она вовсе не влюблена въ другого, какъ думаютъ люди, все это

просто капризъ съ ея стороны. Черезъ нѣкоторое время она, можетъ быть, придетъ ко мнѣ и предложитъ мнѣ снова начать вести домъ и хозяйство и снова жить вмѣстѣ; въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, могу тебя увѣрить, ужъ я ее хорошо знаю. Въ послѣднее время она очень привязалась къ дѣтямъ, я никогда не видалъ, чтобы человѣкъ такъ былъ привязанъ къ дѣтямъ, какъ она въ послѣднее время. Ты бы заглянулъ къ намъ когданибудь... Ты помнишь время передъ нашей свадьбой?

— Да.

— Недурная невѣста была она, что? Невѣста, какую не каждый день встрѣтишь, какъ тебѣ кажется? Ха-ха-ха, что, Оле? Но ты долженъ былъ бы видѣть ее теперь, я хочу сказать, дома, съ тѣхъ поръ, какъ она такъ привязалась снова къ дѣтямъ. Этого нельзя разсказать словами. Она носитъ черное бархатное платье... Нѣтъ, ты долженъ, наконецъ, когда-нибудь заглянуть къ намъ. Иногда она надѣваетъ темно-красное бархатное платье... Мнѣ приходитъ въ голову, что Ганка, можетъ быть, теперь какъ разъ дома, я пойду домой, узнаю, нѣтъ ли чего новаго.

Оба друга осушили свои стаканы и съ минуту стояли молча другъ передъ другомъ.

- Я надъюсь, что все обойдется, —сказалъ Оле.
- О, да, навѣрное, еще все обойдется, отвѣтилъ Тидемандъ.—Спасибо за сегодняшній день, большое спасибо! Ты всегда былъ мнѣ истиннымъ другомъ. Я не помню, чтобы мнѣ когданибудь было такъ хорошо, какъ сегодня у тебя.
- Послушай! Въ дверяхъ Тидемандъ остановился и еще разъ обернулся. —Того, о чемъ мы сегодня говорили, мы никому не станемъ повторять, не правда ли? И въ четвергъ какъ ни въ чемъ не бывало! Мы въдь не изъ тъхъ, что въшаютъ носы.

Тидемандъ ушелъ.

Надъ городомъ спускается вечеръ.

Дъла прекращаются, магазины закрываются и газовые рожки потухаютъ. Но старые, съдоволосые хозяева фирмъ запираются въ своихъ конторахъ, зажигаютъ лампы, достаютъ бумаги, роются въ толстыхъ кассовыхъ книгахъ, отмъчаютъ числа, суммы и думаютъ. Тишина нарушается только непрекращающимся шумомъ съ пароходныхъ пристаней, гдъ суда выгружаются и нагружаются до поздней ночи.

Часы бьютъ десять, одиннадцать; всъ кафе и рестораны биткомъ набиты, и народу все прибываетъ. На улицахъ самая разнообразная публика бродитъ, разряженная, взадъ и впередъ; люди сталкиваются, останавливаются, образуютъ группы и расходятся; мужчины свистятъ вслъдъ дъвушкамъ и исчезаютъ въ воротахъ и дверяхъ трактировъ. Кучера стоятъ на своихъ мъстахъ, внимательно глядя по сторонамъ, чтобы не упустить съдока, разговаривая другъ съ другомъ о лошадяхъ и потягивая отъ бездълія свои коротенькія трубки.

Вотъ проходитъ женщина, дитя ночи, которую всѣ знаютъ; за нею слѣдуютъ матросъ и господинъ въ цилиндрѣ, оба торопятся, каждый старается опередить другого. Далѣе идутъ, громко разговаривая, два мальчика, съ сигарами во рту и съ руками въ карманахъ; затѣмъ еще женщина, а за нею опять таки двое мужчинъ, которые быстро шагаютъ, чтобы нагнать ее.

Но вотъ въ различныхъ частяхъ города башенные часы, одни за другими, медленно отбиваютъ двѣнадцать часовъ; кафе закрываются, изъ ресторановъ и музыкальныхъ залъ выходятъ толпы людей, отъ которыхъ отдаетъ пивомъ и духотой переполненныхъ, жаркихъ помѣщеній. Съ пристаней еще доносится скрипъ воротовъ; проѣзжающія дрожки гремятъ по мостовой. Въ глубинѣ полутемныхъ конторъ хозяева фирмъ одинъ за другимъ кончаютъ свою работу; сѣдоволосые старики складываютъ бумаги, захлопы

ваютъ книги, снимаютъ съ гвоздя шляпу, гасятъ лампу и уходятъ домой.

Grand тоже выпускаетъ своихъ послѣднихъ посѣтителей, компанію молодежи, весельчаковъ, остававшихся до самаго конца. Въ разстегнутыхъ пальто, съ тросточками подъ мышкой и шляпами немного на-бекрень, они идутъ, громко разговаривая и напѣвая модный мотивъ; отъ времени до времени изъ группы молодежи раздается призывное "пст...", когда вблизи показывается какая-нибудь одинокая, забытая всѣми женская фигура въ боа и бѣлой вуали.

Молодые люди идуть по направленію къ университету. Они обсуждають вопросы литературы и политики и, несмотря на то, что ни съ чьей стороны не раздается противорвчія, говорять съ большимъ азартомъ. Что, развѣ Норвегія не независимая страна? Такъ имѣетъ она, значитъ, право выступить самостоятельно? О, погодите, президентъ обѣщалъ приняться за это, да къ тому же, предстоятъ и выборы... Всѣ были согласны въ томъ, что выборы дадутъ весьма краснорѣчивые результаты.

Дойдя до университета, трое изъ молодыхъ людей прощаются и расходятся въ разныя стороны; двое оставшихся идутъ еще обратно и снова останавливаются у Grand , обмѣниваясь мнѣніями. Это Мильде и Эйенъ. Мильде все еще горячится.

— Я одно скажу: если стортингъ на этотъ разъ оскандалится, я уѣзжаю въ Австралію. Здѣсь тогда оставаться не будетъ никакой возможности.

Эйенъ нервный молодой человѣкъ, съ маленькимъ, круглымъ, блѣднымъ и усталымъ дѣвичьимъ лицомъ; онъ щуритъ глаза, словно близорукій, хотя видитъ очень хорошо; голосъ у него мягкій и слабый.

- Я совершенно не понимаю, какъ вы можете до такой степени интересоваться всѣмъ этимъ. Мнѣ это совершенно все равно.

И Эйенъ слегка пожимаетъ плечами, ему надоъла политика,

онъ не можетъ больше слышать о ней. Плечи у него сильно по-каты, какъ у женщины.

- Ну, я не стану тебя задерживать, —говоритъ Мильде. Кстати, ты что-нибудь написалъ въ послѣднее время?
- Да, нѣсколько стихотвореній въ прозѣ, отвѣчаетъ Эйенъ, сразу оживившись. Я не могу дождаться, когда уѣду, наконецъ, въ Торахусъ, тогда только опять можно будетъ серьезно приняться за дѣло. Ты правъ, здѣсь, въ городѣ, нѣтъ больше никакой возможности оставаться.
- Я, собственно, имълъ въ виду всю страну вообще, но... Такъ ты помнишь, въ четвергъ вечеромъ у меня въ ателье?.. Скажи-ка, дружище, нътъ ли у тебя лишней кроны при себъ?

Эйенъ разстегиваетъ пальто и достаетъ изъ кармана крону.

— Спасибо, дружище. Значить, въ четвергъ вечеромъ. Приходи пораньше, чтобы помочь мнѣ немного въ устройствѣ... Господи Іисусе, пальто на шелковой подкладкѣ! И у тебя я могъ попросить только одну крону! Я прошу извинить меня, если я тебя обидѣлъ.

Эйенъ улыбается и отвъчаетъ, не обращая вниманія на шутку:

- Я почти готовъ спросить: развѣ въ настоящее время увидишь гдѣ-нибудь верхнее платье не на шелковой подкладкѣ?
- Чертъ побери, что ты платишь за такое пальто?—И Мильде начинаетъ ощупывать подкладку пальто.
- О, этого я не помню; я совершенно не запоминаю цифръ, это не моя спеціальность. Счета отъ портного я откладываю въ сторону, я нахожу ихъ всякій разъ, когда перевзжаю.
- Xa-хa-хa, это значитъ поступать практически, въ высшей степени практически! Ты, значитъ, не уплачиваешь по счетамъ?
- Нътъ, это въ руцъ Божіей, какъ говорится. Да, если я когда-нибудь разбогатъю, то... Впрочемъ, теперь ты можешь идти. Я хочу остаться одинъ.
- Да, я понимаю. Спокойной ночи. Но, послушай, совершенно серьезно: если у тебя есть еще лишняя крона, то...

- И Эйенъ снова разстегиваетъ пальто.
- Спасибо, тысячу разъ спасибо. Ахъ вы, поэты! Куда ты, напримъръ, теперь пойдешь?
- Я, пожалуй, еще немного похожу здѣсь и буду смотрѣть на дома. Я не могу спать, я хожу по улицамъ и считаю окна въ домахъ. Это по временамъ бываетъ вовсе недурно. Иногда испытываешь прямо наслажденіе, когда взглядъ отдыхаетъ на четырехугольникахъ, на прямыхъ линіяхъ. Ну, да ты въ этомъ ничего не понимаешь.
- Напротивъ, я весьма даже понимаю это. Но въдь нужны пюди тоже, я полагаю, что? Люди, живая плоть и кровь, развъ не такъ? Въ нихъ въдь тоже есть свой интересъ?
- Да, но мнѣ надоѣли люди, какъ это ни стыдно сказать. Представь себѣ чудесную, пустую улицу, ты никогда не замѣчалъ, сколько въ ней красоты?
- Замѣчалъ ли я! Я вѣдь не слѣпой. Пустая улица имѣетъ свою красоту, свое очарованіе, пожалуй, величайшую прелесть своего рода. Но все въ свое время... Ну, ладно, я не стану тебя задерживать. Такъ до свиданія въ четвергъ.

Мильде дотронулся палкой до шляпы, повернулся и пошель внизъ по улицъ. Эйенъ продолжалъ свой путь одинъ. Нъсколько минутъ спустя онъ убъдился, что отнюдь не потерялъ всякаго интереса къ людямъ, онъ оклеветалъ самого себя передъ Мильде. Первой уличной дъвченкъ, которая заговорила съ нимъ, онъ отдалъ съ радостью послъднія нъсколько кронъ, которыя у него оставались, и съ пустыми карманами пошелъ дальше. Онъ не сказалъ при этомъ ни одного слова, его маленькая, нервная фигура исчезла раньше, чъмъ дъвушка успъла поблагодарить его...

Наконецъ, все смолкло, ворота на пристаняхъ прекратили свое движеніе, въ городъ полный покой. Только откуда-то издали глухо доносятся одинокіе человъческіе шаги; газовые рожки безпокойно вспыхиваютъ въ фонаряхъ; среди улицы стоятъ два конс-

табля и разговариваютъ, по временамъ постукивая ногой объногу, стараясь согръть зябнущіе въ сапогахъ пальцы...

И ночь тянется медленно и однообразно. Изръдка глухіе шаги запоздавшаго пъшехода, да кой-гдъ констабль, постукивающій ногой объ ногу, чтобы согръться,—вотъ все, что нарушаетъ тишину.

V.

Большая комната съ голубыми стѣнами и двумя раздвижными окнами, нѣчто въ родѣ сушильни съ небольшой изразцовой печью по серединѣ, съ отдушинами, открывающимися при помощи спускающихся съ потолка стальныхъ проволокъ. На стѣнахъ множество эскизовъ, разрисованныхъ полочекъ и дощечекъ; нѣсколько картинъ въ рамахъ прислонены къ стѣнамъ. Запахъ краски и сломанные стулья, табачный дымъ, кисти, брошенное гдѣ попало верхнее платье прибывшихъ гостей, старая резиновая галоша съ гвоздями и всякимъ желѣзнымъ хламомъ, отодвинутый въ уголъ мольбертъ съ большимъ, полуоконченнымъ портретомъ Паульсберга.

Таковъ общій видъ ателье Мильде.

Когда, около девяти часовъ вечера, Оле Генриксенъ вошелъ въ комнату, всѣ гости были уже въ сборѣ, включая и Тидеманда съ женой. Въ общемъ было человѣкъ десять-двѣнадцать. Три лампы съ плотными абажурами поверхъ колпаковъ лишь скупо освѣщали комнату, въ которой стояли уже волны табачнаго дыма. Этотъ полумракъ—это навѣрное была выдумка фру Ганки. Среди гостей было два безбородыхъ юнца, юные поэты, студенты, только въ прошломъ году сдавшіе экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и сейчасъ же сложившіе свои учебники на полку. У обоихъ волосы были острижены подъ машинку и черепа были совершенно голые. Одинъ изъ нихъ носилъ на часовой цѣпо чкѣ маленькій компасъ. Это были друзья Эйена, его поклонники и ученики; оба писали стихи.

Кромѣ нихъ, было еще одно лицо изъ "Вѣдомостей", журна пистъ Грегерсенъ, литераторъ среди сотрудниковъ этой газеты, человѣкъ, оказывавшій большія услуги своимъ друзьямъ, помѣщая о нихъ въ газетѣ замѣтки. Паульсбергъ старается оказывать ему величайшее вниманіе; онъ говоритъ съ нимъ о циклѣ его статей "Новая литература", которыя онъ находитъ въ высшей степени замѣчательными. Журналистъ отвѣчаетъ ему, довольный и гордый тѣмъ, что талантъ его признанъ Паульсбергомъ. У него привычка коверкать слова для того, чтобы они звучали комичнѣе, и никто искуснѣе его не умѣетъ этого дѣлать.

— Это не легкое дѣло написать такой рядъ статей,—говоритъ онъ,—вѣдь столько есть писателей, о которыхъ надо упомянуть, настоящій хаосъ именъ.

Это замѣчаніе вызываетъ улыбку на лицѣ Паульсберга, и оба продолжаютъ разговаривать, чрезвычайно довольные другъ другомъ.

Адвокатъ Гранде и жена его не явились.

- Такъ адвокатъ, значитъ, сегодня не будетъ? говоритъ фру Ганка Тидемандъ; о женъ его она не спросила. Фру Либерія, впрочемъ, никогда не приходитъ.
- Онъ дуется, отвѣчаетъ Мильде, чокаясь съ актеромъ Норемомъ. — Онъ не хочетъ быть вмѣстѣ съ Норемомъ.

Публика не стъсняется, говорять обо всемъ ръшительно самымъ свободнымъ образомъ, пьютъ и шумятъ. Ателье Мильде это чудесное мъсто; какъ только придешь туда, такъ сейчасъ проникаешься чувствомъ, что можно говорить и дълать все, что угодно.

Фру Ганка сидитъ на диванъ, рядомъ съ нею Эйенъ. Напротивъ нихъ, по другую сторону стола, сидитъ Иргенсъ, свътъ лампы падаетъ на его плоскую грудь. Фру Ганка обращаетъ на него мало вниманія.

Она въ красномъ бархатномъ платьѣ; у нея зеленоватые глаза верхняя губа немного вздернута, такъ учто слегка видны зубы,

сверкающіе бізлизной. Цвізть лица у нея свізжій и бізлый, красивый побъ не скрыть подъ волосами, которые она причесываеть очаровательно гладко, какъ монахиня. На сложенныхъ на груди рукахъ сверкаетъ нізсколько колецъ. Она глубоко переводитъ духъ и говоритъ черезъ столъ:

— Какъ здѣсь жарко, Иргенсъ!

Иргенсъ подымается и направляется къ окну, чтобы открыть его. Но противъ этого раздается протестующій голосъ, это фру Паульсбергъ. Ради Бога, только не открывать оконъ, этого она не переноситъ. Встаньте съ дивана, здѣсь, по серединѣ комнаты, гораздо прохладнѣе.

И фру Ганка подымается съ дивана. Движенія єя нѣсколько медлительны. Когда она стоитъ, выпрямившись, она похожа на молодую дѣвушку. Проходя мимо большого, потрескавшагося зеркала, она не заглядываетъ въ него; отъ нея также и не пахнетъ духами. Подойдя къ мужу, она беретъ его подъ руку и начинаетъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ то время, какъ за столомъ пьютъ и громко разговариваютъ.

Съ нѣсколько дѣланной оживленностью Тидемандъ разсказываетъ о полученной отъ нѣкоего Фюрста изъ Риги партіи ржи, о повышеніи пошлины. Вдругъ онъ слегка наклоняется къ женѣ и говоритъ:

- Я сегодня такъ радъ. Но прости меня, другъ мой, все это тебя не интересуетъ... Ты видъла Иду передъ уходомъ? Не правда-ли, она очаровательна въ своемъ бъломъ платьицъ? Да, какъ только настанетъ весна, мы начнемъ ее вывозить въ колясочкъ.
- Ахъ, да, на дачѣ, подумай только! Меня уже такъ тянетъ на дачу,—проговорила фру Ганка съ оживленіемъ.—Надо велѣть расчистить садъ, и пугъ, и деревья. Ахъ, какъ это будетъ чудесно!

Тидемандъ, ожидающій наступленія весны съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ она, уже отдалъ распоряженіе привести въ по-

рядокъ дачу, хотя на дворѣ еще апрѣль. Радость жены приводитъ его въ восхищеніе, онъ крѣпче прижимаетъ къ себѣ ея руку и глаза его блестятъ.

- Ахъ, да, я такъ радъ и доволенъ сегодня, долженъ тебъ сказать, Ганка. Еще все уладится.
  - Да... Что, впрочемъ, уладится?
- Нѣтъ, нѣтъ, ничего, отвѣтилъ онъ поспѣшно. Онъ перемѣнилъ разговоръ и, глядя въ землю, продолжалъ: Дѣла опять оживляются, и я далъ Фюрсту приказъ закупать.

Глупецъ! Вотъ уже второй разъ онъ забывается и надоѣдаетъ женѣ разговорами о своихъ дѣлахъ. Но фру Ганка проявляетъ такъ много терпѣнія и снисходительности, никто не могъ бы отвѣтить милѣе, чѣмъ она отвѣтила:

— Да, это очень хорошо.

Эти мягкія слова снова придали ему мужества, онъ полонъ благодарности и хотълъ бы какъ-нибудь выразить это; глаза его подергиваются влагой, онъ улыбается и говоритъ тихо:

— Мить бы коттолось по этому случаю подарить тебть что-нибудь, какую-нибудь память. Если у тебя есть какое-нибудь желаніе, то...

Фру Ганка устремляетъ на него глаза.

— Что это тебѣ пришло въ голову, мой другъ? Впрочемъ, подари мнѣ, если можешь, двѣсти кронъ. Спасибо, большое спасибо!

Вдругъ взглядъ ея падаетъ на старую резиновую калошу, наполненную гвоздями и всякимъ желѣзнымъ хламомъ, и она съ любопытствомъ наклоняется надъ нею.

— Это что такое?—восклицаетъ она.

Она выдергиваетъ свою руку изъ руки мужа, беретъ калошу и осторожно подноситъ ее къ столу.—Что это такое, Мильде?

Она роется своими бѣлыми пальчиками въ этомъ хламѣ, зоветъ Иргенса, вытаскиваетъ одинъ за другимъ какіе-то необыкно-

венные предметы и подымаетъ ихъ кверху, издавая удивленныя восклицанія.

— Но скажите же мнъ, наконецъ, что это такое!

Она вытащила ручку отъ зонтика, которую сейчасъ же отбросила въ сторону, затъмъ клочекъ бумаги съ завернутымъ въ нее локономъ.

 Нътъ, каково! Здъсь даже волосы! Подите-ка, посмотрите сами.

Мильде подходитъ.

— Оставьте этотъ локонъ! — говоритъ онъ, вынимая изо-рта сигару. — Какъ онъ могъ сюда попасть? Видано ли что-нибудь подобное! Локонъ моей послъдней любви, если можно такъ выразиться.

Этого было достаточно, чтобы вызвать всеобщій смѣхъ. Журналистъ воскликнулъ:

— Но видъли ли вы его коллекцію корсетовъ? Подавай-ка ее сюда. Мильде!

Мильде не сталъ отнъкиваться, онъ сейчасъ же пошелъ въ сосъднюю комнату и вернулся оттуда съ пакетомъ. Тутъ были всевозможные корсеты, бълые и темные, бълые даже съ съроватымъ налетомъ. Фру Паульсбергъ воскликнула удивленно:

- Но... но въдь это же ношенные?
- Да, конечно, ношенные, хе-хе, иначе Мильде не сталъ бы ихъ собирать. Какую же аффектаціонную цѣнность имѣли бы они, если бы были не ношенные?—И журналистъ громко разсмѣялся, радуясь, что и это слово могъ перековеркать.

Заворачивая снова корсеты, толстый Мильде сказалъ:

— Это моя спеціальность, мой особый талантъ... Впрочемъ, чего вы стоите, вытаращивъ на меня глаза? Это мои собственные корсеты, да, я самъ ихъ носилъ, понимаете? Я началъ ихъ носить съ тъхъ поръ, какъ сталъ полнъть, я затягивался и думалъ, что это поможетъ. Но увы, это не помогло.

Паульсбергъ покачалъ головой и чокнулся съ актеромъ Норемомъ.

- Твое здоровье, Норемъ! Что это за чепуха, что Гранде не хочетъ быть вмъстъ съ тобой?
- Да Богъ его знаетъ, отвѣчаетъ Норемъ, уже на половину пьяный. Слыхано ли подобное сумасбродство? Я, видитъ Богъ, его никогда и не думалъ обижать.
  - Онъ въ послъднее время сталъ зазнаваться.

Въ восторгѣ Норемъ кричитъ:

— Вотъ, вы слышите? Паульсбергъ тоже находитъ, что Гранде сталъ въ послъднее время зазнаваться. Вы сами слышите!

Всѣ были согласны съ Паульсбергомъ. Паульсбергъ чрезвычайно рѣдко говорилъ такъ много; онъ обыкновенно сидѣлъ съ умнымъ и непроницаемымъ выраженіемъ лица и слушалъ, не вмѣшиваясь въ разговоръ; онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Только одинъ Иргенсъ считалъ нужнымъ противорѣчить ему и вѣчно выскакивалъ со своими возраженіями.

— Я не понимаю, какъ Паульсбергъ можетъ судить объ этомъ,—сказалъ онъ.

Со всъхъ сторонъ на него обратились удивленные взгляды. Что это значитъ? Такъ Паульсбергъ не можетъ судить объ этомъ? Хе-хе, онъ не можетъ? Но кто же можетъ судить объ этомъ?

— Иргенсъ, — отвѣтилъ Паульсбергъ съ иронической серьезностью.

Иргенсъ взглянулъ на него, они оба пристально посмотръли другъ на друга. Тутъ вмѣшалась фру Ганка, она сѣла какъ разъ между ними и завязала разговоръ съ Эйеномъ.

— Послушайте, — сказала она громко минуту спустя. — Эйенъ хочетъ намъ прочесть свои послъднія вещи, два стихотворенія въ прозъ.

Всъ усълись и приготовились слушать.

Эйенъ имълъ съ собой свои стихотворенія въ прозъ и сейчасъ же вынулъ ихъ изъ кармана; руки его дрожали.

— Но я долженъ просить снисхожденія, — сказалъ онъ.

При этихъ словахъ оба юныхъ студента, поэты съ остриженными подъ машинку волосами, разсмъялись и тотъ, у котораго на часовой цъпочкъ висълъ компасъ, замътилъ восторженно:

- Боже мой, вы просите снисхожденія! Что же намъ сказать!
- Это стихотвореніе называется *Приговоренный къ смерти*, говорить Эйень и начинаеть.

"Я долго думалъ о томъ, что если станетъ извѣстнымъ мое тайное преступленіе...

"Тише!

"Да, тише!

"Но тогда я буду присужденъ къ смерти...

"И я буду сидъть въ тюрьмъ и знать въ глубинъ души, что роковой часъ я встръчу съ такимъ спокойствіемъ, съ такимъ самообладаніемъ.

"Я подымусь на ступени эшафота, я буду улыбаться и смиренно просить у всъхъ позволенія сказать слово.

"И я буду говорить. Я буду просить всѣхъ вынести изъ моей смерти полезный урокъ. Рѣчь моя будетъ идти отъ сердца, и яркимъ пламенемъ воспылаетъ оно, когда я скажу свое послѣднее прости...

"И вотъ мое тайное преступленіе извѣстно.

"Да!

"И я осужденъ на смерть. И я столько времени просидълъ въ тюрьмъ, что силы мои надломлены.

"Я подымаюсь на ступени эшафота; но солнце свѣтитъ сегодня, и на глазахъ у меня выступаютъ слезы. Ибо я столько времени просидѣлъ въ тюрьмѣ, что силы мои оставили меня. Къ тому же солнце свѣтитъ, а я не видалъ его уже цѣлыхъ девять мѣсяцевъ, и девять мѣсяцевъ я не слыхалъ пѣнія птицъ.

"Я улыбаюсь, чтобы скрыть слезы, и смиренно прошу у своихъ тюремщиковъ позволенія сказать слово.

"Но мнѣ не даютъ позволенія.

"Но я все-таки кочу говорить, не для того, чтобы выказать свое мужество, я, дъйствительно, хочу сказать передъ смертью нъсколько словъ изъ глубины сердца для того, чтобы не умереть молча, нъсколько невинныхъ словъ, которыя никому не принесутъ вреда, произнести нъсколько словъ съ величайшей поспъшностью раньше, чъмъ успъютъ подскочить ко мнъ и зажать мнъ ротъ: Друзья, взгляните, какъ солнце сіяетъ...

"И я начинаю; но я не могу говорить.

"Боюсь ли я? Измѣнило ли мнѣ мужество? Ахъ, нѣтъ, я не боюсь. Но я слабъ и не могу говорить, потому что въ послѣдній разъ вижу солнце и деревья...

"Что такое? Верховой съ бѣлымъ флагомъ?

"Тише, сердце, не дрожи такъ!

"Нѣтъ, это женщина съ бѣлой вуалью, красивая и высокая женщина моихъ лѣтъ. Шея ея открыта, какъ и у меня.

"Я не понимаю, какъ это, но эта бѣлая вуаль тоже вызываетъ на глаза мои слезы, и я плачу оттого, что я слабъ, и оттого, что мнѣ кажется, что эта бѣлая вуаль такъ красиво выдѣляется на зелени деревьевъ. И она такъ удивительно красиво развѣвается въ воздухѣ. Но скоро я больше не буду этого видѣть...

"Но даже, когда голова моя упадетъ, я, быть можетъ, еще нѣкоторое время буду въ состояніи видѣть глазами великолѣпный сводъ небесный. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, если я только буду держать глаза открытыми въ тотъ моментъ, когда топоръ опустится мнѣ на шею. Тогда послѣднее, что я увижу, будетъ все-таки небо.

"Но не завяжутъ ли мнѣ голову платкомъ? Или не надѣнутъ ли мнѣ на глаза повязку, потому что я такъ слабъ и плачу? Но тогда все станетъ темно вокругъ меня, и я буду лежать слѣпой и даже не смогу сосчитать нити въ ткани платка.

"Какъ я былъ наивенъ, когда надъялся, что смогу поднять голову кверху и видъть великолъпный сводъ небесный! Меня кладутъ навзничь, кладутъ на животъ, и шея моя лежитъ на деревянной подставкъ. И я ничего не могу видъть, потому что я слъпъ.

"Подо мною, должно быть, виситъ небольшой ящикъ. И ядаже не могу видъть этого маленькаго ящика, но я знаю, что въ него упадетъ моя голова.

"Ночь вокругъ меня и ничего больше, непроницаемый мракъ. Я мигаю глазами, и мнѣ кажется, что я еще живу, я чувствую также и въ пальцахъ жизнь, и я крѣпко цѣпляюсь за жизнь. Если бы съ меня сняли повязку, я могъ бы видѣть хоть что-нибудь, я могъ бы любоваться пылинками на днѣ ящика и радоваться, глядя на нихъ и думая о томъ, какія онѣ крохотныя.

"Тишина и мракъ. Дышащее молчаніе человъческой толпы...

"Боже милосердый! Окажи мнѣ милость, сними съ меня повязку! Боже милосердый, я червь твой, сними съ меня повязку!"

Въ ателье было совершенно тихо. Эйенъ поднесъ стаканъ ко рту. Живописецъ Мильде сидълъ, соскребывая со своего жилета какое-то жирное пятно, и ничего не понималъ; онъ протянулъ свой стаканъ къ журналисту, чокнулся съ нимъ и сказалъ шепотомъ:

-- Твое здоровье!

Фру Ганка первая заговорила, она улыбнулась Эйену и сказала,—она всегда умъла быть такой доброй и милой:

— Да, да, Эйенъ! Какъ это у васъ все дрожитъ и трепещетъ, все, что вы пишете! Дышащее молчаніе человъческой толпы,—я слышу его, чувствую его. Какъ это хорошо, по моему.

Всѣ нашли, что это хорошо, и Эйенъ былъ тронутъ этимъ. Къ его юному лицу такъ подходило выраженіе счастья.

 Въдь это не болъе, какъ настроеніе, — сказалъ онъ. Ему бы хотълось знать мнъніе Паульсберга, но Паульсбергъ молчалъ.

- Но откуда вы находите эти темы? Я хочу сказать, эти стихотворенія въ прозѣ? Да, да, да, какъ это хорошо!
- Это мой жанръ, отвътилъ Эйенъ. Романы меня не увлекаютъ, все зарождается во мнъ въ видъ стихотвореній. Съ риемами, или безъ риемъ, но всегда въ видъ стихотвореній. Въ послъднее время я совсъмъ больше не пишу риемованныхъ стиховъ.
- Въ чемъ, собственно, выражается ваша нервность?—спросила фру Ганка своимъ мягкимъ голосомъ.—Это очень грустно, вы непремънно должны избавиться отъ нея.
- Хе-хе, я постараюсь... Я, напримъръ, иногда вздрагиваю. словно толчокъ пробъгаетъ по всему моему тълу, разрываетъ меня на части. Я совершенно не въ состояніи ходить по полу, покрытому ковромъ, потому что, если бы я что-нибудь уронилъ. я не могъ бы этого найти. Никогда! Я не слышу, какъ оно падаетъ, и мнф въ голову не приходитъ искать этотъ предметъ. А между тъмъ онъ лежитъ тутъ. Вы можете себъ представить чтонибудь невыносимъе этого, что предметъ лежитъ на полу, а вы проходите мимо него? Поэтому я всегда страдаю, когда хожу по ковру, я ощупываю самого себя, придерживаю руками свои карманы, чтобы что-нибудь не выпало изъ нихъ, пристально смотрю на пуговицы своего жилета, не отрывается ли которая-нибудь изъ нихъ, и безчисленное множество разъ оборачиваюсь, чтобы посмотръть, не обронилъ ли я чего... Бываютъ еще и другія вещи, которыя преслѣдуютъ меня иной разъ, странныя выдумки, которыя мучаютъ и не даютъ покою. Я ставлю стаканъ на самый край стола и воображаю, что держу пари съ къмъ-нибудь, пари на громадныя суммы. Затъмъ я принимаюсь дуть на стаканъ; если онъ упадетъ, то я, значитъ, проигралъ, проигралъ сумму такой величины, что я раззоренъ на всю жизнь; если же онъ устоитъ. то я выигралъ столько, что могу себъ выстроить замокъ гдъ-нибудь на берегу Средиземнаго моря. То же самое я продълываю. когда подымаюсь по незнакомой лѣстницѣ: если на ней шестнад-

цать ступеней, то я выиграю что-нибудь, если же восемнадцать, то я проиграю. Но туть являются еще разныя коварныя обстоятельства: что, если, вопреки всемъ ожиданіямъ, лестница иметъ двадцать ступеней, что тогда, выигралъ я, или проигралъ? Я не сдаюсь, я твердо стою на своемъ, и дъло доходитъ до судебнаго процесса, который я, само собою разумъется, проигрываю... Да, вы не смъйтесь надъ этимъ, это, право, очень мучительно. Но я взялъ довольно грубые примъры, я назову вамъ нъсколько другихъ: представьте себъ, что рядомъ съ вами, за стъной, сидитъ человъкъ и поетъ одну и ту же строфу одной и той же пъсни, поетъ ее безостановочно, кончаетъ и начинаетъ сейчасъ же сначала, -- и скажите, не способно ли это свести васъ съ ума. Тамъ, гдъ я живу, есть именно такой человъкъ, это портной, онъ сидить, и шьеть, и поеть все одну и ту же пъсню, и пъснъ этой конца нътъ. Въ концъ концовъ, вы не въ состояніи этого вынести, вы вскакиваете, какъ сумасшедшій, и бъжите изъ комнаты. Но тутъ васъ ждетъ новая пытка: вы встръчаете на улицъ знакомаго, съ которымъ завязываете разговоръ. Среди разговора вамъ вдругъ приходитъ на умъ что-то радостное, вы вспоминаете о чемъ-то пріятномъ для васъ, что, можетъ быть, осуществится, и вы говорите себъ, что потомъ опять вернетесь къ этой мысли и будете ею наслаждаться, и заранъе радуетесь этому. Но покуда вы стоите и разговариваете со своимъ знакомымъ, вы забываете объ этомъ пріятномъ, изъ вашей памяти совершенно улетучивается эта пріятная мысль, и вы потомъ никакъ не можете вспомнить, что это было. Тогда является досада, страданіе, васъ мучаетъ, что вы лишились этой тонкой, тайной радости, которой вы могли бы вдоволь насладиться безо всякихъ стараній съ вашей стороны, безо всякихъ издержекъ.

— Да, это странно... Но вы скоро уѣдете, тамъ, на свѣжемъ воздухѣ, среди сосновыхъ лѣсовъ, это пройдетъ, — сказала фру Ганка мягко, какъ мать.

Мильде былъ того же мнвнія:

- Да, навѣрное, пройдетъ. И вспомни о насъ, когда будешь чувствовать себя хорошо.
- Тамъ ты встрътишь также и Эндре Бондесена,—замъчаетъ журналистъ. Онъ поселился тамъ, занимается адвокатурой и политикой. Это пройдоха, этотъ Бондесенъ, въ слъдующій разъ онъ навърное будетъ выбранъ.

Оле Генриксенъ все время сидълъ спокойно на своемъ мѣстѣ и лишь изрѣдка перекидывался въ полъ-голоса нѣсколькими словами со своимъ сосѣдомъ, или же совершенно молчалъ и курилъ сигару. Онъ тоже зналъ Торахусъ и совѣтовалъ Эйену посѣтить домъ соренскривера *), который лежитъ всего въ четверти мили отъ Торахуса. Надо только переѣхать черезъ рѣчку, со всѣхъ сторонъ густой, сосновый лѣсъ; домъ соренскривера сверкаетъ издали, словно маленькій, бѣлый мраморный дворецъ на опушкѣ лѣса.

- Откуда ты это знаешь?—спросилъ Иргенсъ, страшно удивленный тъмъ, что Оле Генриксенъ заговорилъ.
- Я разъ совершилъ прогулку пъшкомъ по этой мъстности,— отвътилъ Оле слегка смущенно. Насъ было, впрочемъ, двое, со мной былъ еще товарищъ по академіи. Мы зашли во дворъ соренскривера и намъ дали тамъ молока.
- Ваше здоровье, господинъ академикъ! крикнулъ журналистъ насмъшливо.
- Ты непремънно переправься туда на лодкъ, —продолжалъ Оле Генриксенъ. Люнумы чрезвычайно любезные люди. Тамъ кромъ того еще взрослая дочь въ домъ, если ты хочешь влюбиться, прибавилъ онъ, улыбаясь.
- —Xe-хe, въ чемъ угодно можно обвинить Эйена, но дамъ онъ оставляетъ въ покоъ, —проговорилъ актеръ Норемъ добродушнымъ, пьянымъ голосомъ.

— Ваше здоровье, господинъ академикъ! — крикнулъ снова журналистъ.

Оле Генриксенъ взглянулъ на него.

- Это ты ко мнъ обращаешься? спросилъ онъ.
- Да, само собою разумѣется, къ тебѣ, хе-хе. Развѣ ты не былъ въ академіи? Ну, такъ, значитъ, ты академикъ?

Журналистъ былъ тоже изрядно на-веселъ.

- Я былъ всего лишь въ академіи коммерческихъ наукъ, сказалъ Оле.
- Да, да, ты въдь купецъ, совершенно върно. Но этого нечего стыдиться. Не правда ли, Тидемандъ? Развъ приходится человъку стыдиться того, что онъ купецъ? Я это и говорю, что этого совершенно нечего стыдиться. Не такъ ли?

Тидемандъ не отвъчалъ. Журналистъ самымъ нелъпымъ образомъ настаивалъ на своемъ вопросъ, онъ морщилъ лобъ и думалъ все объ этомъ одномъ, чтобы не забыть, что онъ спросилъ. Онъ начиналъ сердиться и кричалъ, требуя отвъта на свой вопросъ.

Вдругъ раздался спокойный голосъ фру Ганки:

— Потише, теперь замолчите! Эйенъ прочтетъ свое второе стихотвореніе.

Паульсбергъ и Иргенсъ сдълали оба недовольныя гримасы, но никто изъ нихъ ничего не сказалъ; Паульсбергъ даже поощрительно кивнулъ головой. Когда въ комнатъ стало тише, Эйенъ поднялся, отошелъ немного назадъ и сказалъ:

— Это я знаю наизусть. Оно называется Власть любеи.

"Мы проъзжали по желъзной дорогъ по незнакомой мъстности, незнакомой мнъ, незнакомой и ей. Мы сами были тоже незнакомы другъ другу, мы никогда раньше не встръчались. Почему она такъ молчалива? подумалъ я. И я наклонился къ ней и съ бъющимся сердцемъ проговорилъ:

— "Вы грустите по комъ-нибудь, фрэкенъ? Вы, можетъ быть,

^{*)} Соренскриверъ—административно-полицейскій чинъ въ мелкихъ округахъ Норвегіи.

оставили друга тамъ, откуда вы ѣдете, друга, который вамъ до-

- "О, да,—отвътила она,—друга, который мнъ дорогъ.
- "И вотъ вы сидите и не можете забыть этого друга?—- сказалъ я.
  - "И она отвътила, грустно качая головой:
  - "Нътъ, нътъ, я не могу его забыть.
  - "Она замолчала. Она ни разу не взглянула на меня.
- "Могу я дотронуться до вашей косы?—сказалъ я.—Что за чудесная коса, какъ она дивно красива!
- "Мой другъ цъловалъ ее, отвътила она и оттолкнула мою руку.
- "Простите!—сказалъ я, и сердце мое билось все сильнѣе.— Но не могу ли я взглянуть на ваше кольцо, оно сверкаетъ у васъ на пальцѣ и тоже такъ дивно красиво, я бы хотѣлъ посмотрѣть на него поближе и порадоваться за васъ.

"Но она и на это отвътила: нътъ; она сказала:

- "Мой другъ далъ мнѣ его.
- "И она отодвинулась отъ меня подальше.
- "Простите еще разъ!—сказалъ я...

"Время идетъ, поъздъ мчится, путь такъ дологъ, такъ томительно-дологъ, нътъ ничего, чъмъ бы мы могли развлечься, и намъ остается только прислушиваться къ стуку колесъ. Мимо насъ проносится локомотивъ съ такимъ грохотомъ, точно жельзо гремитъ по жельзу, я вздрагиваю, она же продолжаетъ сидъть спокойно, такъ она поглощена мыслями о своемъ другъ. И поъздъ мчится.

"Но вотъ она въ первый разъ взглядываетъ на меня, глаза ея странно-сини.

- "Становится темно? говоритъ она.
- "Мы приближаемся къ туннелю, отвъчаю я.
- "И мы провхали черезъ туннель.

"Снова прошло нъкоторое время. Она опять нетерпъливо взглядываетъ на меня и говоритъ:

- "Мнѣ кажется, опять темньетъ?
- "Мы подъѣзжаемъ ко второму туннелю, здѣсь три туннеля всего,—отвѣтилъ я.—У меня есть карта, не хотите ли посмотрѣть?
  - "Мнѣ страшно—сказала она и подвинулась ближе ко мнѣ. "На это я ничего не сказалъ. Она спросила, улыбаясь:
- "Вы говорите, три туннеля? Значитъ, у насъ еще одинъ, кромъ этого?
  - "Да, еще одинъ.

"Мы вътажаемъ въ туннель, и я чувствую, что она совстив близко около меня, рука ея касается моей руки. Но вотъ опять свтитеть, и мы снова въ открытомъ полъ.

"Мы тедемъ четверть часа. Она сидитъ такъ близко ко мнт, что я чувствую теплоту ея тъла.

— "Вы можете дотронуться до моей косы,—говорить она, да, вы можете, если хотите, посмотръть и мое кольцо, вотъ оно.

"Я взялъ въ руку ея косу, но кольца ея я не взялъ, потому что ея другъ далъ ей его. Она улыбнулась и больше не предлагала мнъ его.

— "У васъ такой горячій взглядъ, и какъ бѣлы ваши зубы,— сказала она и смутилась.—Я боюсь послѣдняго туннеля, возьмите меня за руку, когда мы приблизимся къ нему. Нѣтъ, нѣтъ, не берите меня за руку, я не это хотѣла сказать, я пошутила; но говорите со мной.

"Я объщалъ сдълать то, о чемъ она меня просила.

"Нъсколько минутъ спустя она разсмъялась и сказала:

- "Я не боялась тахъ туннелей, только этого я боюсь.
- "Она посмотръла мнъ въ лицо, ожидая, что я на это отвъчу, и я сказалъ:
  - "Этотъ туннель самый длинный, онъ страшно длинный.
  - "Смущеніе ея достигло крайней степени.

- "Да нѣтъ, никакого туннеля не будетъ, воскликнула она.—Вы меня обманываете, никакого туннеля нѣтъ больше?
- "Нѣтъ, есть еще одинъ, послѣдній туннель, посмотрите

"И я показалъ ей карту. Но она ничего не хотъла видъть и ничего не хотъла слышать.

— "Нѣтъ, нѣтъ, больше нѣтъ туннеля, я говорю вамъ, больше никакого туннеля нѣтъ. Но вы должны со мной говорить, если будетъ еще туннель,—прибавила она затѣмъ.

"Она откинулась на спинку дивана и сидѣла, полу-закрывъ глаза и улыбаясь.

"Раздается свистокъ, я выглядываю, мы приближаемся къ зіящему отверстію. Я вспомнилъ, что объщалъ ей говорить съ ней; я наклоняюсь впередъ и чувствую въ темнотъ, какъ руки ея обвиваются вокругъ моей шеи.

— "Говорите со мной, говорите со мной, я такъ боюсь, — шепчетъ она съ быющимся сердцемъ. — Почему вы со мной не говорите?

"Я чувствовалъ, какъ сердце ея колотится у нея въ груди, и я приблизилъ губы къ ея уху и шепнулъ ей на ухо:

— "Но въдь вы забываете своего друга?

"Она выслушала, задрожала и въ то же самое мгновеніе отпустила мою шею, оттолкнула меня отъ себя объими руками и бросилась на диванъ. Я сълъ на свое мъсто. Я слышалъ, какъ она въ темнотъ начала рыдать".

— Это была власть любви, — заключилъ Эйенъ.

Въ ателье снова царила полная тишина. Мильде все еще сиделъ съ разинутымъ ртомъ.

— Ну, что же дальше?—сказалъ онъ, ожидая продолженія конца.—Ты кончилъ? Но, помилуй тебя Богъ, это, значитъ, все? Болъе дикой вещи я никогда не слыхалъ. Нътъ, знаешь ли, вся эта ваша поэзія, все, что вы, молодые, творите, все это яйца

выъденнаго не стоитъ. Хе-хе. "Но въдь вы забываете своего друга, -Вы не должны забывать своего друга!" Хе-хе!

- Мужчины разразились громкимъ хохотомъ. Все впечатлѣніе стихотворенія было уничтожено. Поэтъ съ компасомъ на часовой цѣпочкѣ смѣло поднялся и, указывая пальцемъ на Мильде, произнесъ:
  - Этотъ господинъ ничего не понимаетъ въ современной поэзіи!
- Въ современной поэзіи? Это чиханіе на луну и вся эта дребедень это современная поэзія?.. Но въдь каждая вещь должна же имъть по крайней мъръ, какой-нибудь конецъ?

Эйенъ былъ блъденъ отъ волненія.

— У тебя, значитъ, нътъ ни малъйшаго пониманія моихъ новыхъ цълей, —проговорилъ бъдняга возбужденно и дрожащимъ голосомъ. —Впрочемъ, чего и ожидать отъ такого толстокожаго дикаря, какъ ты, Мильде!

Только теперь толстый живописецъ, повидимому, сообразилъ, что онъ надълалъ; онъ совершенно не ожидалъ, что слова его произведутъ такое дъйствіе.

— Толстокожій дикарь?—отвѣтилъ онъ добродущно. Мы начинаемъ, однако, откровенно высказывать свое мнѣніе. Я, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ намѣренія тебя обидѣть, Эйенъ. Ты думаешь, что мнѣ это стихотвореніе не доставило удовольствія? Что? Конечно, оно доставило мнѣ удовольствіе, повѣрь мнѣ. Мнѣ только показалось, что оно слегка безплотно, что ли, слишкомъ эфирно. Пойми меня: конечно, оно очень мило, чрезвычайно красиво, коротко говоря: это одна изъ лучшихъ твоихъ вещей. Неужели ты пересталъ понимать шутки?

Но сколько Мильде ни старался исправить свою оплошность, ничего не помогало, тихаго, вдумчиваго настроенія какъ не бывало, хохотъ и ревъ стояль въ комнатѣ невообразимый, гости совершенно перестали стѣсняться. Среди общаго шума актеръ Норемъ открылъ одно изъ оконъ и, высунувшись на улицу, сталъ распѣвать во все горло.

Чтобы хотя чѣмъ-нибудь утѣшить Эйена, фру Ганка положила руку ему на плечо и обѣщала придти на вокзалъ, когда онъ буватъ уѣзжатъ. Да, непремѣнно, и она, и всѣ другіе, они всѣ придутъ. Когда онъ ѣдетъ?

— Не правда ли, — обратилась она къ Оле Генриксену, — мы всѣ придемъ на вокзалъ, когда Эйенъ будетъ уѣзжать?

На это Оле Генриксенъ далъ вдругъ неожиданный отвѣтъ, удивившій даже фру Ганку: Оле Генриксенъ не только придетъ на вокзалъ, онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ Эйеномъ въ Торахусъ. Да, ему это только что пришло въ голову, онъ хочетъ предпринять маленькое путешествіе, въ сущности, у него есть кой-какія дѣла тамъ, въ горахъ... И онъ такъ серьезно ухватился за эту мысль, что тутъ же, взявъ Эйена за пуговицу, сталъ уговариваться съ нимъ о днѣ отъѣзда.

Журналистъ чокался съ фру Паульсбергъ, которая старалась держать свой бокалъ такъ, какъ полагается держать бокалъ. Они пересъли изъ-за сквозняка въ уголъ дивана и стали разсказывать другъ другу веселые анекдоты и сплетни. Фру Паульсбергъ знала кое-что объ адвокатъ Гранде и кое-что о дочеряхъ пастора Б. Дойдя до ръшительнаго пункта, она вдругъ остановилась.

Журналистъ, чрезвычайно заинтересованный, спросилъ возбужденно:

- Hy?
- Погодите немного, отвътила фру Паульсбергъ, улыбаясь, дайте же инъ время сначала покраснъть.

И съ громкимъ смѣхомъ она перешла къ рискованному мѣсту. Въ эту минуту Норемъ съ шумомъ отошелъ отъ окна; ему пришло кое-что въ голову, и онъ крикнулъ на всю комнату, такъ что стѣны задрожали:

Потише, успокойтесь на минуту, тогда вы кое-что увидите. Откройте второе окно и выгляните, тамъ у фонаря стоитъ газетчикъ. Вы сейчасъ увидите кое-что... Оле Генриксенъ, нътъ ли у тебя кроны?

Получивъ крону, Норемъ дрожащими, невърными руками защемилъ ее между кончиками щипцовъ и сталъ накаливать надъ лампой. Въ комнатъ было такъ тихо, что ясно слышался голосъ газетчика, выкрикивавшаго на улицъ свою газету.

— Вотъ вы сейчасъ увидите, — повторилъ опять Норемъ; — станьте, говорю я, у оконъ и подождите одну минуту, я сейчасъ подойду.

Торопливо, насколько позволяли его неповинующіяся ноги, онъ подошелъ къ окну и крикнулъ газетчика:

- Эй, малый, вотъ тебѣ крона, становись поближе и лови, Крона со звономъ упала на мостовую. Мальчишка живо поднялъ ее, но сейчасъ же съ проклятіемъ выпустилъ изъ рукъ.
- Послушайте-ка, какъ онъ ругается,—захихикалъ Норемъ, посмотрите, какъ онъ дуетъ себѣ на пальцы... Ты, чертенокъ, неужели тебѣ не хочется кроны? Вотъ она лежитъ.

Скрежеща зубами, мальчикъ поднялъ голову къ окну.

- Вѣдь она же раскалена, крикнулъ онъ.
- Раскалена? Ха-ха-ха! Она раскалена? Я спрашиваю тебя серьезно: хочешь ты эту крону, или мнѣ спуститься внизъ и самому взять ее?

Мальчикъ поднялъ горячую монету, захвативъ ее въ свои газеты, и сталъ удаляться. Тщетно Норемъ требовалъ, чтобы онъ поблагодарилъ за подарокъ, снялъ бы шапку и поблагодарилъ, онъ только отвътилъ нъсколькими бранными словами по направленію къ окну и снова принялся дуть на свои обожженные пальцы. Но вдругъ онъ бросился бъжать во всю прыть: Норемъ нъсколько разъ крикнулъ констабля.

Это была послъдняя за этотъ вечеръ геніальная выдумка весело настроеннаго актера; нъсколько минутъ спустя онъ свалился въ углу ателье и заснулъ.

- Кто мнѣ можетъ сказать, который часъ? спросила фру Паульсбергъ.
  - Только не спрашивайте меня, отвътилъ журналистъ Гре-

герсенъ, ощупывая съ улыбкой карманъ своего жилета. — Давно уже я не видалъ своихъ часовъ.

Оказалось, что уже часъ ночи.

Около половины второго фру Ганка и Иргенсъ исчезли. Иргенсъ спросилъ у Мильде жженнаго кофе, и послѣ этого его никто больше не видалъ. Исчезновеніе ихъ не обратило на себя ничьего вниманія, и никто о нихъ не спрашивалъ; Тидемандъ сидѣлъ съ Оле Генриксеномъ и говорилъ съ нимъ о предстоящей поѣздкѣ его въ Торахусъ.

- Но позволяетъ ли тебъ время уъхать? спросилъ онъ.
- Да, я могу теперь освободиться, отвътилъ Оле. Впрочемъ, я долженъ тебъ потомъ кое-что разсказать.

За столомъ Паульсберга обсуждали политическое положеніе. Мильде опять упомянулъ о своемъ намѣреніи переселиться въ Австралію. Но, слава Богу, на этотъ разъ стортингъ не разойдется, не сдѣлавъ чего-нибудь, въ примѣръ другимъ.

— Мить совершенно все равно, сдълаетъ ли онъ что-нибудь, или нътъ, — сказалъ журналистъ изъ "Въдомостей". — Какъ дъла обстоятъ сейчасъ, Норвегія все равно погибшая страна. Мы безусловно стоимъ лицомъ къ лицу съ самой отчаянной бъдностью, во всъхъ отношеніяхъ, мы объднъли силами, какъ въ политической, такъ и въ частной жизни. Да, тяжело смотръть на это всеобщее разрушеніе! Взять хотя бы тъ жалкія крохи, что остались отъ нашей умственной жизни, стоявшей такъ высоко, расцвътшей такимъ пышнымъ цвътомъ въ семидесятыхъ годахъ. Стариковъ постигла участь всъхъ смертныхъ, а кто въ состояніи продолжать ихъ дъло? Я усталъ отъ декадентщины, я чувствую себя хорошо только въ атмосферъ высоко-развитой умственной жизни.

Всѣ взоры были обращены на журналиста; что такое сталось съ этимъ, обычно столь бодрымъ, человѣкомъ? Хмѣль его прошелъ, онъ говорилъ почти совершенно ясно и даже не коверкалъ словъ. Что онъ хочетъ сказать? Но когда онъ заявилъ, что усталъ отъ декадентщины и чувствуетъ себя хорошо только въ

атмосферѣ высоко-развитой умственной жизни, то всѣ гости поняли, что это была пишь чрезвычайно остроумная шутка, и разразились громкимъ хохотомъ. Эдакой шутникъ, чуть было не провелъ ихъ всѣхъ! Жалкія крохи, оставшіяся отъ умственной жизни семидесятыхъ годовъ? Развѣ нѣтъ у насъ Паульсберга, и Иргенса, и Эйена, и Мильде, и обоихъ остриженныхъ подъ машинку поэтовъ, и множества молодыхъ, подающихъ надежды, перворазрядныхъ талантовъ!

Журналистъ самъ хохоталъ вмѣстѣ со всѣми, вытиралъ со лба потъ и громко смѣялся. Всѣ были того мнѣнія, что этотъ человѣкъ обладаетъ недюжиннымъ талантомъ, котораго онъ еще не проявилъ въ газетѣ. Можно было ожидать, что не сегоднязавтра онъ выпуститъ въ свѣтъ сочиненіе, какую-нибудь замѣчательную вещь.

Паульсбергъ смѣялся принужденно. Въ сущности, онъ былъ чрезвычайно задѣтъ тѣмъ, что за весь вечеръ никто не упомянулъ ни разу объ его романахъ или объ его сочиненіи объ искупленіи грѣховъ. Поэтому, когда журналистъ обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ думаетъ объ умственной жизни Норвегіи вообще, онъ отвѣтилъ коротко:

 — Я въдь уже высказался по этому вопросу въ одномъ изъ моихъ сочиненій.

Да, да, конечно, онъ вспоминаетъ. Совершенно вѣрно, гдѣ-то у него встрѣчается соотвѣтствующая реплика. Фру Паульсбергъ даже могла процитировать это мѣсто, мало того, даже назвать страницу.

Паульсбергъ поднялся, чтобы уйти.

— Я, значить, завтра приду къ тебъ для сеанса, Мильде, —сказалъ онъ, бросивъ взглядъ на мольбертъ. Онъ осушилъ свой стаканъ и отыскалъ свое пальто. Его жена тоже встала и начала прощаться, кръпко пожимая каждому изъ присутствующихъ руку Въ дверяхъ они столкнулись съ фру Ганкой и Иргенсомъ и коротко простились съ ними. Послѣ ихъ ухода веселость оставшихся дошла до крайней степени, гости пили безмѣрно, даже оба молодыхъ поэта лили въ себя, сколько было возможно, и съ покраснѣвшими глазами разсуждали о Бодлерѣ. Никто больше не считалъ нужнымъ стѣсняться. Мильде во что бы то ни стало хотѣлъ выяснить, для чего Иргенсъ просилъ у него жженнаго кофе. На что онъ ему понадобился? Вѣдь не цѣловалъ же онъ фру Ганку? А впрочемъ, съ него станется, чортъ его дери! такъ ему и вѣрь... Тидемандъ слышитъ это и тоже смѣется, смѣется громче другихъ и говоритъ:—Да, въ этомъ ты правъ, съ него станется, чортъ его побери!

Тидемандъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо трезвъ.

По поводу жженнаго кофе журналистъ сталъ распространяться о дурномъ запахѣ вообще. Онъ говорилъ громко, оглядываясь поперемѣнно на всѣхъ присутствующихъ. Отъ чего происходитъ дурной запахъ изо рта? Отъ скверныхъ зубовъ, отъ испорченныхъ зубовъ, хе-хе. Испорченные зубы способны заразить весь ротъ. И онъ сталъ детально объяснять, какимъ образомъ испорченные зубы могутъ заразить весь ротъ. Желудокъ тоже играетъ при этомъ немаловажную роль.

Словомъ, гости не стѣснялись, разговоръ принялъ чрезвычайно свободный тонъ, клятвы и брань слышались ежеминутно. Жеманство—вотъ въ чемъ несчастье Норвегіи; молодымъ дѣвушкамъ скорѣе дадутъ погибнуть отъ невѣдѣнія, нежели посвятятъ ихъ своевременно въ извѣстныя вещи. Жеманство изо всѣхъ пороковъ въ настоящее время наиболѣе процвѣтаетъ у насъ на родинѣ. Слѣдовало бы, чортъ возьми, оффиціально назначить особыхъ людей, которые распѣвали бы на улицахъ неприличныя пѣсни, только для того, чтобы знакомить молодыхъ дѣвушекъ своевременно съ разными сторонами жизни. Что, ты протестуешь. Тидемандъ?

Нътъ, Тидемандъ не протестовалъ, и Оле Генриксенъ тоже

не протестовалъ. Назначить особыхъ людей для распъванія пъсенъ-это оригинальная идея, хе-хе.

Мильде отвелъ Тидеманда въ сторону.

— Вотъ что: нѣтъ ли у тебя нѣсколькихъ кронъ?—сказалъ онъ.

Да, у Тидеманда карманы еще не опустѣли. Сколько? десять? — Спасибо, спасибо, дружище! Я ихъ верну тебѣ,—сказалъ Мильде самымъ серьезнымъ тономъ.—Ты безъ сомнѣнія получишь ихъ въ ближайшемъ времени. Ты славный малый. Не далѣе, какъ третьяго дня, я сказалъ, что вы, купцы, чортъ васъ побери, рѣдкіе люди, да, я это сказалъ. Я употребилъ именно эти слова. Вотъ тебѣ моя рука въ томъ!

Наконецъ, фру Ганка поднялась, чтобы уйти. Начинало уже свътать.

Мужъ ея послъднія минуты старался оставаться вблизи нея.

— Да, Ганка, въ самомъ дѣлѣ, пора идти,—сказалъ онъ. И онъ уже собирался предложить ей руку.

Она бросила на него взглядъ и сказала:

— Благодарю тебя, другъ мой, у меня есть провожатый.

Прошло нѣсколько мгновеній раньше, чѣмъ онъ овладѣлъ собою.

— Ахъ, такъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Да, это все равно, я только хотълъ...

Онъ отошелъ къ окну и остановился у него.

Фру Ганка обходила комнату, прощаясь со всѣми. Поровнявшись съ Иргенсомъ, она горячо и прерывисто прошептала:— Значитъ, завтра, въ три.

Она долго держала въ своей рукѣ руку Эйена и спрашивала его, когда онъ ѣдетъ. Подумалъ пи онъ о томъ, что надо написать въ Торахусъ, чтобы для него оставили комнату? Нѣтъ? Ну, конечно, эти поэты, охъ ужъ эти поэты, они всегда забываютъ о самыхъ важныхъ вещахъ. Пусть онъ завтра же отправитъ те-

леграмму. Счастливаго пути! поправляйтесь... Она до послѣдней минуты была заботлива, какъ мать.

Журналистъ вышелъ вмъстъ съ нею.

VI.

- Ты объщалъ мнъ разсказать кое-что, Оле?—сказалъ Тидемандъ.
- Да, я помню... Тебя удивляетъ, что я тоже отправляюсь въ Торахусъ? Коротко говоря, -- я сказалъ, что у меня тамъ есть дъло, но это неправда; это вырвалось у меня нечаянно. Я никого тамъ не знаю, кромъ Люнумовъ. Я, дъйствительно, разъ попалъ въ домъ соренскривера. Ты не можешь себъ представить ничего смъшнъе этой картины, когда мы, два изнемогавшихъ отъ жажды путника, явились въ домъ, и намъ дали молока; я послъ того еще встръчалъ эту семью здъсь, въ городъ, прошлой осенью и этой зимой. Это большая семья, ихъ встхъ семеро, считая и домашняго учителя; старшая дочь называется Оготъ. Когда-нибудь, при случав, я тебв разскажу о нихъ подробнве. Оготъ седьмого декабря минуло восемнадцать пътъ, хе-хе, это такъ, между прочимъ, ей, значитъ, теперь девятнадцатый годъ, я случайно вспомнилъ, что она мнѣ это говорила. Коротко говоря, мы отнюдь не помолвлены, я этого вовсе и не хочу сказать, мы только въ послѣднее время нѣсколько разъ писали другъ другу. Но я не знаю, что изъ этого еще можетъ выйти... Что ты скажешь на это?

Тидемандъ былъ въ высшей степени изумленъ, онъ даже остановился.

- Но я объ этомъ не имълъ ни малъйшаго представленія, ты никогда ни однимъ словомъ не заикался объ этомъ?
- Нѣтъ, я не могъ объ этомъ говорить. На что я могъ разсчитывать при ея молодости? Положимъ, что окажется, когда я пріѣду, что она передумала, что намѣренія ея измѣнились. Но тогда для нея отъ этого ничего непріятнаго не произойдетъ, никто

объ этомъ не будетъ знать, и ея репутація нисколько не пострадаетъ... Ты можешь, впрочемъ, посмотрѣть, какъ она выглядитъ, Андреасъ, у меня есть ея фотографія. Она, собственно, не давала мнѣ ея, я, можно сказать, вынудилъ ее у нея, но...

Они остановились на минуту и стали разглядывать фотографію.

- Очень мила! сказалъ Тидемандъ.
- Не правда ли? Я, впрочемъ, очень радъ, что ты это находишь. Я увъренъ, что она тебъ понравится.

Они пошли дальше.

- Желаю тебъ счастья! сказалъ Тидемандъ и снова остановился.
  - Спасибо! Минуту спустя Оле прибавилъ:
- Да, я говорю тебѣ спасибо, потому что, въ сущности говоря, это почти рѣшенное дѣло, ты понимаешь. Я за тѣмъ и ѣду, чтобы привезти ее сюда.

Они дошли почти до желѣзнодорожной площади, когда Тидемандъ вдругъ прошепталъ, напряженно глядя впередъ:

- Это не жена ли моя идетъ тамъ впереди?
- Да, это она,—прошепталъ Оле въ отвътъ.—Я давно уже вижу эту даму, она все время идетъ впереди насъ, но я только теперь узналъ ее.

Ганка одна пошла домой, журналистъ не провожалъ ея.

- , Слава Богу!—произнесъ Тидемандъ невольно.—Она сказала мнѣ, что у нея есть провожатый, а между тѣмъ вотъ она идетъ одна одинешенька. Не очаровательна ли она? Она идетъ прямо домой... Но послушай, зачѣмъ же она сказала, что у нея есть провожатый?
- Ну, особеннаго значенія этому не слѣдуєтъ придавать, отвѣтилъ Оле.—Она, можетъ быть, хотѣла быть одна и не хотѣла идти ни съ тобой, ни со мной, ни съ кѣмъ-либо другимъ: нельзя развѣ допустить, что она какъ разъ въ такомъ настроеніи? У молодыхъ женщинъ тоже бываютъ свои настроенія, какъ и у насъ.

— Да, конечно, это совершенно върно.

Тидемандъ снова успокоился: онъ былъ счастливъ, что жена его одна и что она идетъ прямо домой. Возбужденно-радостно онъ заговорилъ опять:

- Знаешь, судя по нѣсколькимъ словамъ, которыми я сегодня обмѣнялся съ ней у Мильде, дѣло все больше и больше налаживается. Она даже интересовалась дѣлами, русской пошлиной, право, ей не надоѣдало слушать, что я ей разсказывалъ о Фюрстѣ. Надо было видѣть, какъ она радовалась, услыхавъ, что дѣла снова поправляются. Мы потомъ говорили и объ нашей дачѣ. Да, понемножку все наладится, съ каждымъ днемъ становится лучше.
- Ну, вотъ видишь! Да оно и было бы слишкомъ глупо, если бы дъло у васъ не наладилось.

Пауза.

— Одно меня, впрочемъ, удивляетъ, продолжалъ Тидемандъ снова въ слегка подавленномъ тонъ. Какъ-то недавно она сидъла и говорила о томъ, за что, собственно, такой человъкъ, какъ она, могъ бы приняться въ жизни. Ей надо имъть какую-нибудь спеціальность, какое-нибудь дъло, которымъ она могла бы заняться. Да. Я долженъ сознаться, что меня это немного. удивляетъ: женщина, у которой двое дътей и большой домъ... Она также начала въ послъднее время подписываться снова Ланге Ганка Ланге Тидемандъ, совсъмъ, какъ если бы она еще называлась Ланге.

Фру Ганка остановилась у дверей своего дома; она, очевидно, поджидала мужа. Она, улыбаясь, крикнула ему, чтобы онъ, наконецъ, поторопился немного, она продрогла до мозга костей. Шутливо грозя пальцемъ, она спросила:

— И о чемъ это вы, два коммерсанта, идете и разсуждаете? Какъ стоитъ нынче пшеница и какъ высоко вы еще подымете у насъ цъны? Помилуй васъ Богъ!

Тидемандъ подхватилъ въ томъ-же тонъ: Куда это она дъвала

журналиста? Ахъ, вотъ что, она не хотъла, чтобы ее провожали даже собственный мужъ, на нее нашло настроеніе, что? Но можетъ ли она отвъчать передъ собственной совъстью, что оставила бъднягу Грегерсена одного, въ пьяномъ видъ предоставила ему бродить одному по улицамъ? Это безсердечно съ ея стороны...

Недѣлю спустя Оле Генриксенъ вернулся изъ Торахуса. Эйенъ остался одинъ въ горахъ; Оле же привезъ съ собою молодую дъвушку, свою невъсту, Оготъ Люнумъ. Вмъстъ съ ними пріъхалъ еще одинъ человъкъ, чрезвычайно странная личность.

ПЕРВЫЕ РОСТКИ.

I.

Пятаго апръля Оле вернулся изъ Торахуса. Онъ сейчасъ же ввелъ свою невъсту въ свой кружокъ, представилъ ее всъмъ своимъ друзьямъ и былъ неразлученъ съ нею. Съ Иргенсомъ и адвокатомъ Гранде онъ, впрочемъ, еще не успълъ ее познакомить, такъ какъ не встръчалъ ихъ за это время.

Она была молода, со свѣтлыми волосами и высокой грудью; держалась она чрезвычайно прямо. Свѣтлые волосы и способность ея легко и часто смѣяться придавали ей что-то дѣтское; на лѣвой щекѣ у нея была ямочка, и эта единственная ямочка дѣлала ея лицо какимъ-то особенно своеобразнымъ, даже необыкновеннымъ. Такъ странно было, что одна сторона лица такъ непохожа на другую! Она была средняго роста.

Отъ всего, что ей приходилось видъть и слышать въ городъ, она была совершенно внъ себя и цълыми днями ходила въ какомъ-то очарованіи. Въ кружкъ она сразу понравилась, и ей оказывали всевозможныя любезности; фру Ганка въ первый же разъ прямо обняла ее за талію и поцъповала.

Она провожала Оле въ складъ, заглядывала во всѣ ящики въ кладовыхъ, пробовала старое, крѣпкое вино внизу, въ погребѣ и шутки ради рылась въ толстыхъ конторскихъ книгахъ. Но больше всего она любила сидѣть въ маленькой, тѣсной конторѣ Оле Генриксена, гдѣ отдавало сыростью и холодомъ и странными, незнакомыми запахами чужеземныхъ товаровъ. Изъ окна конторы она могла видѣть пристань, море, суда, привозившія и отвозившія товары и испускавшія пронзительные свистки, отъ которыхъ дрожаль воздухъ. Передъ самыми окнами стояла яхта съ золоченной верхушкой мачты; Оле даже отправился въ Veritas для того, чтобы переименовать яхту, онъ назвалъ ее Оготъ. Всѣ бумаги были у нея въ рукахъ.

Въ контору вносятся таблица за таблицей; написанные мѣломъ счета съ каждымъ днемъ растутъ, заполняютъ рубрики, возростаютъ до колоссальныхъ цифръ; насталъ весенній сезонъ, самое горячее время передъ наступленіемъ лѣта; торговая жизнь въ полномъ разгарѣ и наполняетъ весь міръ своей кипучей дѣятельностью.

Пока Оле считаетъ и записываетъ, Оготъ въ свою очередь занимается чѣмъ-нибудь у противоположной стороны конторки. Она часто не можетъ понять, какъ Оле справляется со всѣми этими счетами, не путая суммъ, она сама попробовала было разобраться въ нихъ, но изъ этого ничего не вышло. Единственное, что она въ состояніи дѣлать, это вносить въ книги безчисленные заказы, и это она дѣлаетъ медленно и осторожно...

Оле смотритъ на нее со своего мъста и вдругъ говоритъ:

— Отецъ Небесный, что у тебя за крохотныя ручки, Оготъ. Вѣдь это все равно, что ничего. Я не понимаю, какъ ты справляешься съ такими руками.

Этого достаточно. Оготъ бросаетъ перо и бѣжитъ на другую сторону конторки. И оба они веселятся и ведутъ себя неразумно, пока не внесутъ въ комнату новую таблицу.

— Маленькая женка, — говорить онъ, улыбаясь и глядя ей въ пицо, — маленькая женка.

Время идетъ. Наконецъ, работа окончена, счета всѣ провърены и внесены въ книги, и Оле говоритъ, захлопывая книгу:

- Теперь мн⁺в надо отправиться на телеграфную станцію. Не хочешь ли пойти со мной?
- Да, милый, если можно, отвѣчаетъ она. И довольная и радостная, она идетъ съ нимъ.

По дорогѣ Оле вспоминаетъ, что онъ еще не познакомилъ своей невѣсты съ Иргенсомъ. Она непремѣнно должна познакомиться съ Иргенсомъ, говоритъ онъ, это крупная личность, одинъ изъ нашихъ величайшихъ талантовъ, таково всеобщее мнѣніе. Они могутъ заглянуть въ Grand, можетъ быть, онъ какъ разъ тамъ теперь.

Они вошли въ Grand, миновали нѣсколько отдѣленій, гдѣ множество посѣтителей сидѣли со своими стаканами и сигарами и пили и курили, и нашли Иргенса за однимъ изъ послѣднихъ столовъ. Съ нимъ были Мильде и Норемъ.

- Вотъвыгдѣ!—воскликнулъОлесънѣкоторойфамильярностью. Иргенсъ, не подымаясь, протянулъ ему лѣвую руку. Онъ прищурилъ глаза и взглянулъ искоса на Оготъ.
- Оготъ, вотъ это поэтъ Иргенсъ, представилъ сейчасъ же Оле Генриксенъ, съ нѣкоторой гордостью подчеркивая свое знакомство съ поэтомъ. Моя невѣста, фрэкенъ Люнумъ.

Иргенсъ подымается и отвъшиваетъ глубокій поклонъ. Онъ еще разъ взглядываетъ на Оготъ и долго смотритъ на нее; она стоитъ и тоже смотритъ на него; она, повидимому, удивлена, увидавъ поэта Иргенса именно такимъ. Около двухъ лътъ прошло съ тъхъ поръ, какъ она читала его книгу, лирическую драму, которая пріобръла такую извъстность. Она представляла себъ автора пожилымъ человъкомъ.

— Поздравляю! — говоритъ, наконецъ, Иргенсъ и пожимаетъ
 Оле руку.

Вст устлись; кельнеръ поставилъ передъ каждымъ по кружкъ пива, и за столомъ сразу завязался оживленный разговоръ. Настроеніе за маленькимъ столомъ царило хорошее, даже Иргенсъ былъ общительнте обыкновеннаго и принималъ участіе въ разговорть. Обращаясь черезъ столъ къ Оготъ, онъ разспрашивалъ ее, бывала ли она раньше въ городть, была ли въ театрть, въ Тиволи, читала ли ту или другую книгу, была ли на выставкть картинъ. Но, фрэкенъ, выставку картинъ вы должны видтты! Если у васъ нт никого лучшаго, кто могъ бы показать вамъ ее, то для меня это будетъ удовольствіемъ... Они разговаривали другъ съ другомъ черезъ столъ добрыхъ десять минутъ; Оготъ все время очень живо отвтчала, часто смтялась, отъ времени до времени забывалась и, склонивъ голову на бокъ, спрашивала о чемъ-нибудь, чего она не знала. Глаза ея были широко раскрыты и ни-какого смущенія въ нихъ не было видно.

Наконецъ, Оле позватъ кельнера; ему пора было идти, ему надо было еще отправить телеграммы. Оготъ тоже поднялась.

Мильде сказалъ:

- Но въдь вамъ незачъмъ еще уходить, фрэкенъ? Ты можешь въдь вернуться сюда опять, когда отправишь телеграммы, Оле Генриксенъ?
  - Но я тоже хочу идти, сказала Оготъ.
- Если ты хочешь остаться, я охотно зайду за тобою потомъ, — сказалъ Оле, беря шляпу.

Она взглянула на него и проговорила почти шепотомъ:

- Но развѣ мнѣ нельзя идти съ тобой?
- Да, конечно, можно, если хочешь.

Оле сталъ расплачиваться.

— Будь такъ добръ, — сказалъ Мильде, — уплати и за насъ тоже. Мы здъсь сегодня всъ безъ денегъ. — Онъ улыбнулся и посмотрълъ на Оготъ.

Оле заплатилъ вторично, простился со всѣми и вышелъ, ведя Оготъ подъ руку.

Трое оставиихся молодыхъ людей посмотръли имъ вслъдъ.

- Ахъ, чортъ побери!—пробормоталъ Иргенсъ въ искреннемъ восхищени.—Вы обратили на нее внимание?
- Обратили ли мы на нее вниманіе! Вы можете понять, какимъ чудомъ этому Оле досталось такое сокровище?

Мильде согласился съ актеромъ, что это было совершенно непонятно. Господи помилуй, о чемъ она только думаетъ!

Потише, не такъ громко, они остановились въ дверяхъ, --сказалъ Иргенсъ.

Въ дверяхъ они столкнулись съ адвокатомъ. Опять то же представленіе; завязался короткій разговоръ, котораго нельзя было избъжать. Они сидъли въ перчаткахъ, готовые каждую минуту встать. Наконецъ, они ушли.

Въ эту минуту изъ-за одного изъ заднихъ столовъ поднялся человъкъ и приблизился къ двери. У него были темные глаза и въ бородъ у него пробивалась съдина; на видъ ему можно было дать лътъ сорокъ; костюмъ его былъ нъсколько потертъ, кромъ того, на головъ начинала пробиваться маленькая лысина.

Онъ прямо направился къ адвокату, поклонился и сказалъ:

— Вы ничего не имътете противъ того, чтобы я присълъ къ вамъ? Я замътилъ, что негоціантъ Генриксенъ раскланялся съ вами, вы, значитъ, знаете его. Я, съ своей стороны, знаю фрэкенъ Люнумъ, которую вамъ представили. Я домашній учитель въ домъте ея родителей, мое имя Кольдевинъ.

Въ этомъ незнакомомъ человъкъ было что-то, что сразу возбудило любопытство адвоката Гранде; онъ сейчасъ же подвинулся, чтобы дать ему мъсто, и даже предложилъ ему сигару. Кельнеръ принесъ вслъдъ за незнакомцемъ его стаканъ.

— Я бываю здѣсь, въ городѣ, лишь изрѣдка, черезъ большіе промежутки времени, —сказалъ Кольдевинъ. — Я живу постоянно въ деревнѣ и въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ совершенно не выѣзжалъ, если не считать маленькой поѣздки въ Копенгагенъ на выставку. И вотъ теперь я снова здѣсь, я цѣлыми днями хожу

по городу и осматриваю все. Есть перемѣны, и большія, и маленькія; видно, что городъ растетъ, становится все больше и больше. Прямо наслажденіе ходить по набережной и любоваться всѣмъ этимъ движеніемъ.

Онъ говорилъ тихимъ голосомъ, пріятно и спокойно, котя глаза его по временамъ загорались.

Адвокатъ слушалъ его, изрѣдка вставляя какое-нибудь замѣчаніе. Да, надо сказать, городъ, дѣйствительно, расширяется и развивается; скоро начнутъ проводить электрическій трамвай, на многихъ улицахъ будутъ асфальтовыя мостовыя; послѣдняя перепись показала громадный приростъ населенія... Странно, должно быть, впрочемъ, постоянно жить въ деревнѣ? Нѣтъ? Но зимой, когда такъ темно и всюду снѣгъ?

О, нѣтъ, это чудесно. Всюду снѣгъ, молчаливые, глухіе лѣса, бѣлыя куропатки, зайцы и лисицы. Все бѣло; куда ни взгляни— бѣлый снѣгъ кругомъ. Но лѣтомъ, конечно, еще лучше. Когда онъ вернется домой, лѣто будетъ въ полномъ разгарѣ. Онъ взялъ себѣ отпускъ на два-три мѣсяца, можетъ быть, немного дольше. Вѣдь этого достаточно, чтобы услышать и посмотрѣть все, что есть достопримѣчательнаго въ городѣ? Что, собственно, слыхать въ послѣднее время? Каково политическое положеніе?

- Да, отвътилъ адвокатъ, положение серьезное. Но въдь стортингъ засъдаетъ. Многие изъ главарей сказали свое послъднее слово; судя по всъмъ признакамъ, на этотъ разъ дъло приметъ ръшительный оборотъ.
  - Да, если эти признаки не обманутъ...
- Вы, кажется, сомнъваетесь въ этомъ?—спросилъ адвокатъ съ улыбкой...
- Мнѣ кажется, что ужъ слишкомъ много полагаются на главарей и ихъ послѣднее слово. Я сейчасъ изъ деревни, тамъ у насъ большія сомнѣнія, и ихъ не такъ легко разсѣять. Вѣдь дѣло и теперь можетъ кончиться ничѣмъ, пойти назадъ, какъ и раньше. Это весьма возможно.

Кольдевинъ глотнулъ изъ своего стакана.

- Я, собственно, не помню, когда оно пошло назадъ, замътилъ адвокатъ. Вы имъете въ виду какіе-нибудь опредъленные факты, когда наши главари оказались не на высотъ?
- О, да, слова. объщанія, которыя не были исполнены, которыя отодвигались въ долгій ящикъ, отъ которыхъ потомъ открыто и самымъ спокойнымъ образомъ отрекались... Эти вещи у насъ не забываются... На главарей не слъдуетъ слишкомъмного полагаться, напротивъ, свои надежды мы должны возлагать на молодежь. Нътъ, главари часто не оправдываютъ ожиданій. Въдь это старый законъ—когда главари достигаютъ извъстнаго возраста, они останавливаются, даже поворачиваютъ назадъ и голосуютъ противъ. Поэтому молодежь должна выступить, она должна двигать ихъ впередъ, или же устранить ихъ съ дороги.

Дверь открылась и вошелъ Ларсъ Паульсбергъ. Онъ поклонился адвокату; Гранде отвътилъ и указалъ на столикъ рядомъ съ собой; но Паульсбергъ покачалъ головой, говоря:

- Нътъ, я ищу Мильде. Онъ сегодня еще не работалъ надъ моимъ портретомъ.
- Мильде сидитъ тамъ въ углу, сказалъ адвокатъ. Онъ снова повернулся къ Кольдевину и прошепталъ:
- Это одинъ изъ самыхъ выдающихся среди нашихъ молодыхъ, такъ сказать, глава, авторитетъ для всѣхъ, Ларсъ Паульсбергъ. Вы его знаете? Были бы всѣ, какъ онъ, тогда...

Да, Кольдевинъ зналъ его по имени. Такъ это Паульсбергъ! Да, видно по всему, что это извъстная личность, публика смотрить ему вслъдъ и перешептывается. Да, да, писателей у насъ достаточно, было бы гръшно оспаривать это... Какъ разъ передъ моимъ отъъздомъ изъ Торахуса туда явился одинъ, если не ошибаюсь, его звали Стефанъ Эйенъ; я читалъ два его произведенія. Онъ разсказывалъ, что онъ очень нервенъ, и говорилъ о томъ, что онъ полонъ новыхъ плановъ, такъ сказать, новыхъ намъреній и цълей въ области литературы. Онъ носилъ платье на шел-

ковой подкладкъ; впрочемъ, онъ отнюдь не важничалъ. Да, публика, конечно, проявляла любопытство и хотъла его видъть, но онъ относился къ этому съ большой скромностью. Я провелъ съ нимъ вечеръ; весь передъ его сорочки былъ исписанъ, это были стихи, длинныя и короткія строки, стихотвореніе въ прозъ. Онъ разсказалъ, что утромъ проснулся и почувствовалъ вдохновеніе, но такъ какъ у него не было подъ рукой бумаги, то онъ, не долго думая, исписалъ весь передъ своей сорочки. Онъ просилъ извиненія, у него, сказалъ онъ, есть еще двъ сорочки, но объ грязны и ему пришлось надъть эту. Онъ и прочиталъ намъ коечто вслухъ, полныя настроенія вещицы. Въ общемъ онъ произвелъ впечатлъніе способнаго малаго.

Адвокатъ не зналъ, принять ли ему это въ шутку или въ серьезъ, потому что въ первый разъ Кольдевинъ улыбнулся. Но нѣтъ, онъ навѣрное говорилъ серьезно.

- Да, Эйенъ одинъ изъ нашихъ выдающихся поэтовъ, сказалъ онъ. — Въ Германіи онъ начинаетъ создавать школу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его поэзія представляетъ нѣчто новое.
- Совершенно върно! Такое впечатлъніе получилось и у меня. Можетъ быть, немного по дътски, немного еще разбросанно, но, тъмъ не менъе... Хе-хе, въ тотъ вечеръ, который мы провели вмъстъ въ Торахусъ, онъ вдругъ сказалъ: "Знаете-ли вы, милостивыя государыни и милостивые государи, почему я ставлю въ словъ Богъ большое Р?" Большое Р въ словъ Богъ? повторили мы, глядя другъ на друга; нътъ, этого мы не знали. Эйенъ расхохотался и ушелъ... Это была хорошая выдумка, что? Право, недурно придумано, хе-хе.

Теперь Кольдевинъ прямо смъялся.

Адвокатъ тоже разсмѣялся. О, Эйенъ способенъ еще и не на такія выдумки, у него это живо. Но произведенія его удивительно зрѣлы, они проникнуты изумительной нѣжностью и чистотой... Вы знаете Иргенса?

Да, Кольдевинъ зналъ и Иргенса по имени. Онъ не особенно много написалъ?

— Онъ пишетъ не для толпы, нѣтъ — отвѣтилъ адвокатъ; — онъ пишетъ для немногихъ, для избранныхъ. Но люди, знающіе его близко, знаютъ, что у него лежитъ въ портфелѣ много готовыхъ чудесныхъ произведеній. Чертъ возьми, что за художникъ! Вы не найдете въ его произведеніяхъ ни одного мѣста, про которое можно было бы сказать, что оно не хорошо... Вотъ онъ сидитъ тамъ въ углу, не хотите ли познакомиться съ нимъ? Я могу это вамъ устроить, мы прямо можемъ подойти къ нему, я эго хорошо знаю.

Но Кольдевинъ извинился. Лучше отложить это до другого раза; можетъ быть, ему удастся встрѣтить тогда и Паульсберга, и другихъ...—Такъ вотъ оно что, это Паульсбергъ!—сказалъ онъ снова.—Да, я сейчасъ же замѣтилъ, что это кто-нибудь изъ знаменитыхъ людей, въ публикѣ перешептывались, когда онъ проходилъ по комнатѣ. Когда коммерсантъ Генриксенъ прошелъ, никто не шептался... Кстати. коммерсантъ Генриксенъ скоро женится?

- Да, повидимому... Скажите, пожалуйста, васъ интересуетъ призваніе домашняго учителя? Не находите ли вы иной разъ, что это довольно таки тяжелый трудъ?
- О, нѣтъ, отвѣтилъ Кольдевинъ, улыбаясь. Конечно, это зависитъ отъ того, каковы люди, къ которымъ попадешь, какъ родители, такъ и дѣти. Если счастье мнѣ улыбается, и я попадаю къ хорошимъ людямъ, то я чувствую себя очень хорошо. Конечно, это очень скромное, маленькое положеніе, но... Я бы не перемѣнилъ его ни на что другое, даже если бы могъ.
  - Вы студентъ?
- Студентъ теологіи. Къ сожалѣнію, теперь уже старый студентъ.—Кольдевинъ снова улыбнулся.

Они еще нѣкоторое время продолжали разговоръ, разсказали другъ другу нѣсколько анекдотовъ объ университетскихъ про-

фессорахъ и снова вернулись къ политическому положенію страны. Въ конців концовъ, разговоръ коснулся цінъ на хлібо; діло обстояло плохо, начинали поговаривать о голодів въ Россіи...

Кольдевинъ выказалъ себя въ разговоръ почти универсальнымъ человъкомъ, онъ, повидимому, зналъ много и обо всемъ говорилъ вдумчиво и спокойно. Подымаясь, чтобы уйти, онъ спросилъ, какъ бы случайно:

- Между прочимъ, не знаете ли вы, куда Генриксенъ пошелъ отсюда?
- На телеграфную станцію. Онъ прямо сказалъ, что ему нужно отправить телеграммы.
- Спасибо, большое спасибо... Я надъюсь, вы простите, что я такъ безцеремонно явился и, можно сказать, навязался вамъ. Съ вашей стороны было очень любезно дать мнъ возможность познакомиться съ вами.
- Если вы останетесь здѣсь дольше, то мы, надѣюсь, еще встрѣтимся съ вами,—отвѣтилъ адвокатъ предупредительно.

Кольдевинъ ушелъ.

Онъ направился прямо къ телеграфной станціи и сталъ ходить взадъ и впередъ мимо подъвзда; затвмъ онъ вошелъ, поднялся по лъстницъ и заглянулъ черезъ стеклянную дверь внутрь, послъ чего повернулся, снова вышелъ на улицу и пошелъ по дорогъ къ набережной. Передъ торговымъ помъщеніемъ Генриксена онъ снова принялся ходить взадъ и впередъ, отъ времени до времени бросая взглядъ въ маленькое окно конторы, словно выжидая, не покажется ли въ немъ кто-нибудь. Въ концъ концовъ онъ почти больше не отводилъ глазъ отъ этого окна; казалось, будто ему необходимо видъть Оле Генриксена, и онъ только былъ въ неувъренности, въ конторъ ли тотъ или нътъ.

II.

Иргенсъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ на Транесвей, № 5. Онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи. Этотъ элегантный франтъ, ко-

тораго, навърное, никому не приходило въ голову заподозрить въ томъ, что онъ дома работаетъ, сидълъ одинъ въ своей комнатъ, склонившись надъ корректурнымъ листомъ, и трудился, какъ простой рабочій. Кто бы этому могъ повърить? Изо всей клики онъ безусловно меньше всъхъ говорилъ о своей работъ, онъ дълалъ ее втихомолку, незамътно, и никто не зналъ, чъмъ онъ, собственно, живетъ. Прошло уже больше двухъ лътъ со времени появленія его драмы, и съ тъхъ поръ онъ ничего больше не выпустилъ въ свътъ. Онъ, можетъ быть, въ тиши и писалъ что-нибудь, но никто объ этомъ не зналъ, ничего опредъленнаго не было извъстно. У него было много долговъ, очень много долговъ.

Иргенсъ заперъ дверь на ключъ для того, чтобы никто не засталъ его врасплохъ, — до такой степени онъ окружалъ себя таинственностью. Покончивъ съ корректурой, онъ поднялся и выглянулъ въ окно. Погода была прекрасная, чудесный, ясный день. Въ три часа онъ долженъ былъ сопровождать фрэкенъ Оготъ Люнумъ на выставку. Онъ заранѣе радовался этому, слышать ея возгласы было истиннымъ наслажденіемъ, столько въ нихъ было свѣжести и наивности. Она появилась въ ихъ кружкъ, словно какое-то откровеніе, она напоминала ему первое пѣніе весеннихъ птицъ.

Яркій солнечный свѣтъ и чистое, ясное небо; на вѣтвяхъ деревьевъ, то здѣсь, то тамъ, уже сидятъ крохотные дрозды и поютъ. Первое пѣніе весеннихъ птицъ...

Въ дверь постучали. Онъ хотълъ было сначала спрятать корректуру, но раздумалъ. Онъ отворилъ дверь; онъ зналъ этотъ стукъ, это пальцы фру Ганки такъ опредъленно постучали два раза. Онъ повернулся спиной къ двери и остановился.

Она вошла, затворила дверь и скользнула къ нему. Улыбаясь, она наклонилась и заглянула ему въ глаза.

— Это не я пришла, — сказала она, тихо смѣясь. — Такъ ты

и знай.—Она покраснъла и вообще проявляла ясные признаки смущенія.

На ней было сърое шерстяное платье; отложной кружевной воротникъ и открытая шея придавали ей очень моложавый видъ. Оба рукава были у кисти открыты, какъ если бы она забыла застегнуть ихъ.

Онъ сказалъ:

— Ахъ, вотъ какъ, это не ты? Но кто бы это ни былъ, все равно, ты одинаково восхитительна... Что за чудесная погода! и какъ разъ ты пришла...

Они усълись около стола. Не говоря ни слова, онъ положилъ передъ нею листъ корректуры; она всплеснула руками отъ радости и воскликнула:

— Ну, вотъ видишь, вотъ видишь! Я это знала. О, что ты за удивительный человъкъ.

Она не переставала восхищаться имъ: и какъ это онъ такъ скоро кончилъ эту работу, она уже готова у него! О, она про-изведетъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, вѣдь ни одна живая душа не подозрѣваетъ о ней. Есѣ они вполнѣ увѣрены, что онъ никогда больше ничего не создастъ. Боже праведный, есть ли во всемъ мірѣ еще человѣкъ, который былъ бы такъ счастливъ, какъ она въ эту минуту... Просунувъ въ корректуру какой-то конвертъ, она отвела Иргенса отъ стола; она говорила, не умолкая.

Они усѣлись на диванѣ. Онъ заразился ея счастьемъ, ея яркая радость зажгла и его, и чувство благодарности къ ней пробудило въ немъ нѣжность. Какъ она любитъ его, сколько въ ней готовности жертвовать собою для него и желанія сдѣлать ему пріятное! Онъ порывисто обнялъ ее, сталъ цѣловать и прижимать къ своему сердцу. Это продолжалось нѣсколько минутъ.

— Я такъ рада, если бы ты зналъ! Я чувствовала, что должно произойти что-то хорошее; когда я вошла въ подъъздъ и стала подыматься по лъстницъ, у меня было такое ощущеніе,

словно меня окружають чьи-то объятія, такъ радостно у меня было на душь... Ньть, ньть, будь осторожень! Милый мой мальчикь, ньть... вьдь дверь...

Солнце подымалось все выше и выше, дрозды за окномъ кричали все громче и проявляли самую необузданную веселость. Первое пъніе весеннихъ птицъ, подумалъ онъ снова. Что за начивные звуки испускаютъ эти крохотныя существа!

- Какъ у тебя здѣсь свѣтло,—сказала она.—Мнѣ кажется что здѣсь гораздо свѣтлѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.
- Ты думаешь?—отвътилъ онъ, улыбаясь. Онъ подошелъ къ окну и началъ снимать приставшія къ его костюму тоненькія стрыя шерстинки отъ ея платья. Раскраснтвшаяся, она сидта на дивант, откинувшись назадъ, съ глазами, устремленными внизъ, и поправляла волосы. На каждой рукт у нея сверкало кольцо.

Однако, не могъ же онъ долго оставаться у окна, въ такой равнодушной позѣ; она подняла взглядъ, она замѣтила это. Къ тому же она была необыкновенно красива въ эту минуту, чрезвычайно красива, съ поднятыми руками, приводящими въ порядокъ волосы. Онъ отошелъ отъ окна и, подойдя къ ней, поцѣловалъ ее настолько горячо, насколько могъ.

— Не цѣлуй меня, милый,—сказала она,—будь остороженъ. Посмотри-ка сюда, видишь? Это дѣйствіе весны.

Она показала ему маленькую, свѣжую трещинку на нижней губѣ, тоненькую, какъ порѣзъ отъножа. Онъ спросилъ, больно-ли это; она отвѣтила, что нѣтъ, не больно, но она боится его заразить. Вдругъ она говоритъ:

— Послушай, не можешь ли ты сегодня вечеромъ придти въ Тиволи? Сегодня даютъ оперу. Не могли ли бы мы встрътиться тамъ? Иначе будетъ такъ скучно.

Онъ вспомнилъ, что долженъ идти на выставку, что будетъ потомъ-онъ не знаетъ, поэтому лучше всего ничего не объщать...

Нътъ, сказалъ онъ, этого онъ не можетъ, едва ли онъ сможетъ придти; онъ условился съ Оле Генриксеномъ.

Нътъ? неужели онъ въ самомъ дълъ не можетъ? Она бы такъ гордилась имъ и была бы ему такъ благодарна.

Нътъ; но почему ей такъ хочется непремънно въ Тиволи?

- Но въдь тамъ опера сегодня! воскликнула она.
- Ну, такъ что съ того? Это мнѣ, право, очень мало говоритъ. Но, впрочемъ, какъ тебѣ угодно, разумѣется.
- Нѣтъ, Иргенсъ, не какъ мнѣ угодно,—сказала она огорченно.—Ты говоришь это такъ равнодушно. Боже мой, мнѣ такъ котѣлось въ оперу, я сознаюсь въ этомъ, но... Куда же ты идешь сегодня вечеромъ? Но нѣтъ, сейчасъ я, точно компасъ, я дѣлаю маленькія колебанія, я могу описать и полный кругъ, но я стремлюсь только къ одмой точкѣ, указываю вѣчно по одному направленію. О тебѣ я только думаю.

Ея маленькое сердечко трепетало. Онъ взглянулъ на нее. Да, это онъ зналъ хорошо, ее ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, для этого она его слишкомъ любила. Но все равно, такъ оно и будетъ: если онъ сможетъ улучить время, онъ пріъдетъ въ Тиволи попозже.

Фру Ганка ушла. Иргенсъ тоже готовился выйти, онъ сунулъ въ карманъ корректуру и снялъ съ гвоздя свою шляпу. Такъ онъ ничего не забылъ? Корректура при немъ, а это въ настоящій моментъ самое главное—начало книги, которая свалится на всѣхъ, какъ бомба. Теперь будетъ видно, найдетъ ли себѣ признаніе его прилежный незамѣтный постороннему взгляду трудъ. Онъ тоже будетъ добиваться стипендіи, но онъ выступитъ со своей кандидатурой напослѣдокъ, для того, чтобы имя его не стояло въ газетахъ рядомъ со всѣми прочими, съ именами всѣхъ тѣхъ, у которыхъ слюнки текутъ при одной мысли объ этихъ шиллингахъ. Его прошеніе будетъ кратко и сжато, никакой рекомендаціи ни съ чьей стороны, онъ приложитъ лишь свое послѣднее произведеніе. Никто не будетъ объ этомъ знать, даже фру Ганка не

должна знать объ этомъ. Пусть никто не имѣетъ повода сказать, что онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ силы небесныя и земныя, чтобы дъбиться этого ничтожнаго поощренія. Но теперь онъ посмотритъ, смогутъ ли они обойти его. Онъ зналъ всѣхъ своихъ конкуррентовъ, начиная съ Эйена и кончая живописцемъ Мильде, но онъ никого изъ нихъ не боялся. Были бы у него средства, онъ бы не сталъ добиваться стипендіи и предоставилъ бы имъ эту подачку; но у него не было средствъ, онъ самъ долженъ былъ разсчитывать на нее...

Всю дорогу онъ тщательно чистилъ свое платье, на которомъ все еще оставались шерстинки отъ платья Ганки; что за отвратительное платье, которое такъ волосится!

Онъ вошелъ въ типографію со своими корректурными листами; факторъ обратилъ его вниманіе на то, что въ нихъ лежитъ письмо, конвертъ, въ который что-то вложено. Иргенсъ, бывшій уже въ дверяхъ, обернулся. Что, письмо? Ахъ, да, онъ забылъ вынуть его оттуда. Онъ узналъ конвертъ и сейчасъ же открылъ его; заглянувъ внутрь, онъ съ довольнымъ видомъ поднялъ брови, снова надълъ шляпу и вышелъ. Не обнаруживая ни малъйшаго смущенія или какого бы то ни было волненія, онъ прямо сунулъ конвертъ въ карманъ.

Оле и Оготъ по обыкновенію сидѣли внизу, въ складѣ. Оготъ шила изъ краснаго плюша подушечки для каюты на яхтѣ Оготъ, настоящія кукольныя подушечки, такъ онѣ были малы и очаровательны. Иргенсъ приложилъ одну изъ нихъ къ щекѣ, закрылъ глаза и проговорилъ: спокойной ночи, спокойной ночи.

- Но въдь вы, кажется, собирались на выставку?—сказалъ Оле, смъясь.—Моя невъста весь день сегодня только объ этомъ и говоритъ.
  - Не можешь ли ты пойти съ нами? спросила она.

Но Оле некогда было идти на выставку, какъ разъ теперь у него такъ много дѣла. Ступайте, не мѣшайте мнѣ! Желаю вамъ много удовольствія.

Былъ часъ гулянья; Иргенсъ предложилъ пройти рощей, они за одно тогда послушаютъ и музыку. Вы любите музыку?

Оготъ была въ темномъ платьѣ, одинъ бокъ котораго былъ черный, а другой синій; поверхъ платья она носила накидку на красной шелковой подкладкѣ. Тѣсно облегавшее ея фигуру платье сидѣло безъ единой складочки; шею окружалъ пышный воротникъ. Накидка по временамъ распахивалась и красная подкладка развъвалась въ воздухѣ... Нѣтъ, къ сожалѣнію, она не особенно музыкальна. Она, правда, любитъ слушать музыку, но она такъ мало смыслитъ въ ней.

- Точь въ точь, какъ я,—сказалъ Иргенсъ оживленно.—Это удивительно, значитъ и вы такъ же? Я, по правдѣ говоря, непозволительно мало смыслю въ музыкѣ, но несмотря на это, я каждый день все-таки прохожу рощей. Нельзя иначе, надо постоянно показываться въ публикѣ, быть на виду, отъ этого зависитъ очень много. Иначе канешь, какъ ключъ въ воду, будешь забытъ и вычеркнутъ изъ жизни.
- Неужели? забытъ и вычеркнутъ?—спросила она, глядя на него съ удивленіемъ.—Но вѣдь съ вами этого не можетъ случиться?
- О, по всей в $\pm$ роятности, и со мной,—отв $\pm$ тил $\pm$ он $\pm$.—Почему бы и мн $\pm$ не быть забытым $\pm$?

Она просто, совершенно просто замътила на это:

- Я думала, что вы слишкомъ извъстны для этого.
- Извъстенъ? О, это не такъ страшно, помилуй насъ Богъ, Да, я конечно, не совсъмъ неизвъстенъ, но все-таки... Не подумайте, что такъ просто и легко пробиться здъсь, среди множества другихъ; одинъ тебъ завидуетъ, другой тебя ненавидитъ, третій просто дълаетъ тебъ гадости при всякомъ удобномъ случаъ. Нътъ, что касается этого, то...
- Повидимому, васъ знаютъ и хорошо знаютъ, сказала она. Мы не можемъ сдълать двухъ шаговъ, чтобы вслъдъ намъ не раздался шопотъ, я слышу его все время. Она останови-

лась. — Нѣтъ, я чувствую себя не по себѣ отъ этого, вотъ сейчасъ я снова слышала, — сказала она, улыбаясь. — Для меня это такъ непривычно, я предпочла бы прямо пойти на выставку.

Онъ чистосердечно разсмъялся, радуясь ея словамъ. Какъ пріятно дъйствовали на него эта ея свъжесть и наивность! Снъ сказалъ:—Такъ, такъ, ну, пойдемте! Къ этому шепоту, который раздается тебъ вслъдъ, легко привыкаешь; Боже мой, если это доставляетъ людямъ удовольствіе, такъ и Богъ съ ними. Онъ самъ этого больше не замъчаетъ, увъряю васъ, на него это не дъйствуетъ. Впрочемъ, онъ долженъ ей сказать, что сегодня не только къ нему относится это перешептыванье, но и къ ней, Пусть она повъритъ ему, теперь на нее таращатъ глаза. Нельзя явиться свъжему человъку въ такой городъ, какъ этотъ, выглядъть притомъ такъ, какъ она, и не возбудить вниманія,—о нътъ.

Онъ вовсе не имълъ намъренія льстить ей, онъ совершенно искренно думалъ то, что сказалъ, но она, повидимому, все-таки не върила ему.

Они направились прямо къ оркестру, гремъвшему увертюру Керубини изъ "Водовоза".

— Мн $\pm$ это представляется въ высшей степени ненужнымъ шумомъ,—зам $\pm$ тилъ онъ шутливо.

Она разсмѣялась; онъ часто заставлялъ ее смѣяться своими замѣчаніями. Этотъ смѣхъ, ея свѣжій ротикъ, ямочка на одной сторонѣ лица, что-то дѣтское во всемъ ея существѣ,—все это дѣйствовало на его настроеніе, все болѣе и болѣе повышая его; даже ея носъ, не совсѣмъ правильный въ профиль и, къ тому же, слишкомъ большой, приводилъ его въ восхищеніе. Греческіе и римскіе носы не всегда самые красивые, отнюдь нѣтъ; все зависитъ отъ общаго вида лица, впрочемъ. Нѣтъ такихъ носовъ, которые пользовались бы исключительнымъ правомъ считаться красивыми.

Онъ говорилъ то о томъ, то о другомъ, подвигаясь впередъ,

не спъща; не даромъ онъ былъ поэтъ, долженъ же онъ былъ показать, что онъ умъетъ заинтересовать того, на кого обратитъ свое вниманіе, онъ-тонкая, исключительная натура, талантъ съ изысканной рѣчью. Оготъ внимательно слушала его: чтобы заставить ее больше смъяться, онъ снова заговорилъ о музыкъ, объ оперъ, которой совершенно не выносилъ. Ему, напримъръ, ни разу не случалось быть въ оперъ, чтобы не сидъть позади дамы, у которой на спинъ выдавались края корсета. И эту спину онъ былъ осужденъ видъть передъ собою въ теченіе трехъ-четырехъ полныхъ актовъ. Наконецъ, самая опера, эти духовые инструменты, гремящіе надъ самымъ ухомъ, и півцы, изо всіххъ своихъ силъ старающіеся заглушить ихъ. Сначала является одинъ и начинаетъ ломаться, и дълаетъ странныя тълодвиженія, и распъваетъ при этомъ во все горло; затъмъ выходитъ другой, который отнюдь не желаеть отставать отъ перваго и повторяеть тоже самое; наконецъ, третій, четвертый, мужчины и женщины, цълая армія, и всь они поють свои вопросы и затьмъ поють свои отвъты на нихъ, и размахиваютъ руками, и вращаютъ глазамии все это, распъвая. Что, развъ это не такъ? Тамъ плачутъ подъ музыку, рыдаютъ подъ музыку, скрежещутъ зубами, чихаютъ и падаютъ въ обморокъ подъ музыку, а дирижеръ управляетъ всемъ этимъ при помощи палочки изъ слоновой кости въ рукъ. Хе-хе, она смѣется, но вѣдь это, дѣйствительно, такъ. Наконецъ дирижеръ приходитъ въ ужасъ отъ адскаго шума, который онъ самъже подняль, и взмахиваеть палочкой въ знакъ того, что теперь начнется другое. Тогда является хоръ. Ладно, хоръ это еще ничего, онъ, по крайней мъръ, не дълаетъ такихъ сердцераздирающихъ жестовъ. Но вдругъ среди пѣнія хора выступаетъ новое лицо, которое опять портитъ все дъло; это принцъ, у него соло, а когда у принца соло, то хору, само собою приличествуетъ молчать, не такъ ли? Но представьте себъ эту болъе или менъе толстую фигуру, которая вдругъ принимается кричать и ревъть! Можно съ ума сойти отъ этого, такъ и хочется крикнуть ему,

чтобы онъ пересталъ, чтобы онъ не мѣшалъ тѣмъ, которые хотъли дать намъ немного пѣнія,—хору...

Иргенсъ не былъ недоволенъ собой, онъ достигъ, чего хотълъ. Оготъ смъялась безостановочно и чрезвычайно забавлялась этимъ разговоромъ. Какъ онъ умълъ все представить въ такомъ забавномъ свътъ и всему придать краски и жизнь!

Они пришли, наконецъ на выставку и осмотрѣли все, что стоило осмотрѣть; подвигаясь впередъ, они все время говорили о картинахъ. Оготъ спрашивала и получала отвѣты; Иргенсъ зналъ все и попутно разсказалъ ей еще нѣсколько анекдотовъ про авторовъ выставленныхъ картинъ. И здѣсь они наталкивались на любопытныхъ, которые, сдвинувъ головы, перешептывались при ихъ появленіи и глядѣли имъ вслѣдъ; но Иргенсъ почти не смотрѣлъ ни направо, ни налѣво, такъ равнодушно онъ относился къ вниманію, которое онъ возбуждалъ въ публикѣ. Раза два-три онъ только раскланялся со знакомыми.

Когда они черезъ нъкоторое время направились къ выходу, изъ за угла позади ихъ высунулась чья-то голова съ небольшой плъшью и съдой бородой; глубоко сидящіе, горящіе глаза провожали ихъ взглядомъ, пока они не исчезли за дверями...

Выйдя на улицу Иргенсъ сказалъ:

- Я не знаю... Въдь вамъ еще рано домой, не правда ли?
- О, нътъ, отвътила она, мнъ пора.

Онъ еще нъсколько разъ попросилъ ее не уходить еще, но Оготъ, улыбаясь и благодаря, стояла твердо на томъ, что ей пора домой. Нечего было дълать, ее невозможно было уговорить, и онъ долженъ былъ это оставить. Но не правда ли, они еще когда-нибудь повторятъ эту экскурсію? Есть еще музеи и галлереи, которыхъ она не видала, онъ будетъ счастливъ, если она позволитъ ему сопровождать ее. На это она опять улыбнулась и поблагодарила.

-- Я все время любуюсь вашей походкой,—сказалъ онъ.— Ничего болъе совершеннаго я никогда не видалъ. Она покраснъла и быстро взглянула на него.

- Этого вы не можете думать серьезно,—проговорила она недовърчиво.—Я, которая всю свою жизнь провела въ пъсу...
- Да, вы можете върить мнъ или не върить, какъ вамъ угодно... Во всемъ вашемъ существъ есть что-то особенное, фрэкенъ Люнумъ, что-то восхитительно-особенное, я не нахожу подходящаго слова, чтобы выразить это. Знаете ли, что вы мнъ напоминаете? Я весь день ношусь съ этимъ представленіемъ. Вы напоминаете мнъ первое пъніе птицъ, первые теплые весенніе тона, знаете тотъ особенный трепетъ, который пробъгаетъ по сердцу, когда снъгъ уже стаялъ, и вы снова видите солнце и первыхъ прилетъвшихъ пташекъ. Но это не все, мнъ, помилуй меня Богъ, не хватаетъ словъ, чтобы выразить это, мнъ, поэту волею судьбы!
- Нѣтъ, ничего подобнаго я никогда еще не слыхала, прервала она его, смѣясь. И все это я вамъ напоминаю? Что жъ, я ничего не имѣю противъ этого, это такъ красиво. Если только это, дѣйствительно, подходитъ ко мнѣ.
- Вы спустились къ намъ, точно съ синихъ горныхъ вершинъ, вы вся—улыбка,—сказалъ онъ.—Поэтому точное обозначеніе должно было бы немного напоминать и густую чащу лъса, въ немъ долженъ былъ бы чувствоваться ароматъ лъсной чащи. Нътъ, я, впрочемъ, не могу этого выразить!

Они дошли до дому. Они оба остановились и протянули другъ другу руки.

- Тысячу разъ спасибо, сказала она. Но вы не зайдете ли? Оле навърное дома.
- О, нѣтъ... Но, послушайте, фрэкенъ, мнѣ бы хотѣлось снова встрѣтиться съ вами какъ можно скорѣе и повести васъ въ какой-нибудь музей, можно?
- Да, отвътила она, это очень любезно съ вашей стороны, Но мнъ надо знать... Да, большое спасибо за сегодняшній день. Она вошла въ домъ.

Иргенсъ пошелъ внизъ по улицъ. Куда бы ему, собственно, теперь отправиться? Конечно, онъ можетъ пойти въ Тиволи, времени еще достаточно, даже слишкомъ рано, ему остается еще убить добрый часъ до начала представленія. Нащупавъ въ боковомъ карманъ конвертъ съ деньгами, онъ отправился въ Grand.

Но едва только онъ открылъ дверь, какъ его окликнулъ журналистъ Грегерсенъ, литераторъ изъ "Въдомостей". Этого человъка Иргенсъ недолюбливалъ, онъ не желалъ поддерживатъ съ
нимъ дружбу только ради того, чтобы черезъ болъе или менъе
короткіе промежутки времени удостоиваться замътки въ газетъ.
О Паульсбергъ два дня подрядъ появились замътки по поводу
его поъздки въ Генефосъ; въ первый день онъ уъхалъ въ Генефосъ, а на слъдующій день вернулся оттуда, и Грегерсенъ, со
своей обычной доброжелательностью, написалъ двъ замъчательныя
маленькія замътки объ этой поъздкъ. Какъ могь такой человъкъ
опускаться до подобнаго рода дъятельности! Говорили про него,
что въ немъ кроется еще непочатый уголъ нетронутыхъ силъ,
что въ одинъ прекрасный день онъ навърное проявятся,—прекрасно, поживемъ—увидимъ; какое дъло ему, Иргенсу, до этого?
Иргенсъ неохотно появлялся рядомъ съ нимъ.

Онъ нехотя направился къ столику журналиста. Мильде сидълъ тамъ же; Мильде, адвокатъ Гранде и Кольдевинъ, полусъдой учитель изъ деревни. Они ждали Паульсберга. Разговоръ снова шелъ о политическомъ положеніи страны; оно внушало теперь нъкоторыя опасенія, съ тъхъ поръ, какъ нъсколько выдающихся членовъ стортинга стали проявлять признаки колебанія. Да, вотъ видите, — сказалъ Мильде, — есть развъ какая-нибудь возможность оставаться здѣсь еще?

Фру Гранде отсутствовала. Фру Либерія всегда оставалась дома. Журналистъ разсказалъ, что теперь серьезно поговариваютъ о голодъ въ Россіи; корреспонденція Times'а хотя и была рѣзко опровергнута въ русской печати, но слухъ все таки держится.

— Я получилъ письмо отъ Эйена,—сказалъ Мильде.—Онъ навърное скоро вернется домой, ему не по себъ тамъ, въ лъсахъ.

Все это нисколько не интересовало Иргенса. Онъ ръшилъ уйти при первой возможности. Одинъ Кольдевинъ ничего не говорилъ и только переводилъ взглядъ своихъ темныхъ глазъ съ одного на другого. Когда его представили Иргенсу, онъ пробормоталъ нъсколько ничего не говорящихъ словъ и, съвъ на свое мъсто, продолжалъ молчатъ. Иргенсъ бросалъ на него изръдка тупой взглядъ и тоже молчалъ. Осушивъ свою кружку, онъ быстро поднялся.

- Ты уже уходишь?
- Да, мнѣ надо домой, переодѣться. Я иду въ Тиволи. Прощайте покуда.

Иргенсъ ушелъ.

- Это нашъ извъстный Иргенсъ,—сказалъ адвокатъ, обращаясь къ Кольдевину.
- Ахъ, да, отвътилъ тотъ съ улыбкой, я вижу здъсь столько достопримъчательнаго, что совершенно подавленъ этимъ. Сегодня я былъ на выставкъ картинъ... Я замътилъ, впрочемъ, что наши писатели стали такими франтами, я видълъ нъсколькихъ изъ нихъ, они такіе смирные и прилизанные, ихъ, въ сущности, трудно себъ представить пылающими гнъвомъ, съ пъной у рта.
  - Да и для чего? Это теперь не въ модъ.
  - Да, пожалуй, что и такъ.

Кольдевинъ снова замолчалъ.

— Прошли времена, когда выступали съ огнемъ и мечемъ, мой милъйшій,—замътилъ журналистъ черезъ столъ и равнодушно зъвнулъ...—Но гдъ-же, чортъ возьми, Паульсбергъ?

Когда Паульсбергъ, наконецъ, пришелъ, для него поспъшно освободили мъсто; журналистъ сълъ какъ можно ближе къ нему

и сталъ спрашивать его мнѣнія о политическомъ положеніи даннаго момента. Что думать о немъ и что остается дѣлать?

Паульсбергъ, сдержанный и скупой на слова, какъ всегда, далъ половинный отвътъ, обрывокъ мнънія: Что остается дълать? Чтожъ, надо попытаться жить дальше, не смотря на все, даже если стортингъ и потеряетъ двухъ-трехъ геніевъ. Впрочемъ, онъ скоро напечатаетъ статью, посмотримъ, не подъйствуетъ-ли она хоть сколько-нибудь. Онъ намъревается, главнымъ образомъ, дать стортингу маленькій щелчокъ.

Чортъ возьми, *онъ* напечатаетъ статью! Это произведетъ великолѣпное дѣйствіе. Только безъ лишней мягкости, Паульсбергъ, во всякомъ случаѣ безъ лишней мягкости!

- Я полагаю, Паульсбергу самому лучше знать, насколько ему быть или не быть мягкимъ,—остановилъ Мильде развязнаго журналиста.—Предоставь ужъэто ему.
- Конечно,—отвътилъ журналистъ,—само собою разумъется. Я вовсе не имълъ намъренія вмъшиваться въ это.

Журналистъ былъ немного обиженъ, но Паульсбергъ сейчасъже умиротворилъ его, сказавъ:

— Тысячу разъ спасибо за замѣтки, Грегерсенъ. Да, $m \omega$ еще, слава Богу, не забываешь о насъ, а то публика, пожалуй, и не знала бы, что мы, пишущая братія, существуемъ на свѣтѣ.

Адвокатъ велелъ подать пива.

— Я жду здѣсь свою жену, — сказалъ Паульсбергъ. — Она зашла къ Оле Генриксену одолжитъ у него на время сто кронъ. Говорятъ о голодѣ въ Россіи, а между тѣмъ... Впрочемъ, настоящаго голода я еще не испыталъ пока, этого я не могу сказать.

Мильде обратился къ сидъвшему рядомъ съ нимъ Кольдевину и сказалъ:

— Было-бы хорошо, если бы тамъ, въ деревняхъ, знали, какъ Норвегія цѣнитъ своихъ великихъ людей!

Кольдевинъ снова обвелъ взглядомъ всехъ присутствующихъ.

— Да, — сказалъ онъ, — это грустно. — Немного спустя онъ до-

бавилъ: — Но и въ деревняхъ, къ сожалънію, тоже не особенно сладко живется. Трудно приходится жить.

- Да, но вѣдь есть-же, я думаю, разница между мужиками и геніями? Вы какъ полагаете?
- Въ деревняхъ больше исходятъ изъ того общаго закона, что кто не можетъ пробиться, долженъ погибнуть. Тамъ, напримъръ, не женятся, покуда не имъютъ для этого средствъ. Если кто-нибудь это дълаетъ, не имъя средствъ, и потомъ ложится бременемъ на другихъ, то это считается позоромъ, дъйствительнымъ позоромъ.

Всѣ взоры обратились на этого человѣка съ лысиной; даже Паульсбергъ взялся за пенснэ, висѣвшее у него на груди на шнуркѣ, посмотрѣлъ на Кольдевина и произнесъ громкимъ шопотомъ:

— Это еще что за феноменъ?

Это замѣчаніе разсмѣшило всю компанію: Паульсбергъ спросиль, что это за феноменъ, феноменъ, ха·ха! Это была большая рѣдкость, чтобы Паульсбергъ сказалъ такъ много за разъ. Кольдевинъ сидѣлъ съ такимъ видомъ, точно онъ ничего не сказалъ, онъ и не смѣялся. Наступила пауза.

Паульсбергъ взглянулъ въ окно, передернулъ плечами и пробормоталъ:

— Фу, ты чертъ, я теперь совершенно не въ состояніи работать! Это солнечное сіяніе явилось для меня какъ нельзя болѣе некстати и разстроило всю мою работу. Мнѣ какъ разъ теперь нужно сдѣлать подробное описаніе дождливаго дня, суровой, холодной обстановки,—и вотъ оно у меня ни съ мѣста.

Онъ самымъ серьезнымъ образомъ ворчалъ на погоду.

Адвокатъ имълъ неосторожность замътить:

— Тогда опишите солнечный день.

Не такъ давно Паульсбергъ, сидя у Мильде въ ателье, высказалъ замѣчаніе, что адвокатъ Гранде сталъ въ послѣднее время зазнаваться. Онъ былъ правъ, адвокатъ, дѣйствительно, часто бывалъ нахаленъ. Проучить его немного значило только оказать ему услугу.

— Ты болтаешь, что тебѣ взбредетъ на умъ,—сказалъ журналистъ сердито.

Это замѣчаніе Гранде проглотилъ и ничего на него не отвѣтилъ. Но немного спустя онъ поднялся и сталъ застегивать свое пальто.

— Никому изъ васъ не по дорогѣ со мной? — спросилъ онъ, чтобы замаскировать свое смущеніе. Не получивъ отвѣта, онъ заплатилъ, простился и вышелъ.

Кельнеру было велѣно принести еще пива. Наконецъ, пришла и фру Паульсбергъ, а вмѣстѣ съ ней и Оле Генриксенъ съ невѣстой. Кольдевинъ вдругъ отодвинулся какъ можно дальше, онъ очутился у другого стола.

— Мы должны были проводить твою жену,—было первое, что Оле проговорилъ, добродушно улыбаясь;—было бы нелюбезно отпустить ее одну.—И онъ хлопнулъ Паульсберга по плечу.

Фрэкенъ Оготъ вдругъ испустила восклицаніе радости и прямо направилась къ Кольдевину, протягивая ему руку. Боже мой, гдъ же это онъ пропадаетъ? Въдь она глаза себъ проглядъла, выглядывая его на улицахъ, не проходитъ дня, чтобы она не говорила о немъ съ Оле. Она понять не можетъ, почему онъ такъ ръдко показывается. Она опять получила письмо изъ дому, и въ немъ тысяча поклоновъ ему отъ всъхъ. Но почему онъ вдругъ исчезъ?

Кольдевинъ сталъ что-то бормотать въ отвѣтъ: ему столько надо осмотрѣть въ городѣ, конца этому нѣтъ, выставки и музеи, Тиволи и стортингъ, нужно читать газеты, послушать ту или другую лекцію, навѣстить кой-кого изъ старыхъ знакомыхъ. Да къ тому же вѣдь новообрученнымъ и не слѣдуетъ мѣшать.

Кольдевинъ смѣялся добродушно, но губы его слегка дрожали и, говоря, онъ стоялъ съ опущенной головой.

Оле тоже подошелъ поздороваться съ нимъ; онъ и отъ него

услыхалъ тъ же упреки и повторилъ въ отвътъ тъ же оправданія. Впрочемъ, онъ завтра зайдетъ, непремънно зайдетъ, онъ уже раньше ръшилъ это сдълать. Если только это не будетъ некстати?

Некстати? Онъ? Что ему приходитъ въ голову?

Принесли еще пива, и всѣ заговорили одновременно. Фру Паульсбергъ сидѣла, заложивъ ногу на ногу и держа свой стаканъ, по обыкновенію, обхвативъ его всей рукой. Журналистъ сейчасъ же занялся ею. Оле сидѣлъ поодаль и разговаривалъ съ Кольдевиномъ.

- Вамъ нравится здъсь въ кафе, не правда-ли? Интересная публика. Вонъ тамъ сидитъ Ларсъ Паульсбергъ, въдь вы его знаете?
- О, да, конечно. Это третій изъ нашихъ писателей, котораго я вижу. Причина, должно быть, во мнѣ, но я долженъ сказать, что они не производятъ на меня особенно поражающаго впечатлѣнія, ни одинъ изъ нихъ.
- Нътъ? Ну, вы просто еще не достаточно знаете ихъ, въ этомъ все дъло.
- Да, но я въдь знаю ихъ произведенія. По моему, они не подымаются до одинокихъ высотъ. Такъ мнъ кажется. Ну, да причина, какъ я сказалъ, лежитъ, пожалуй, во мнъ. Паульсбергъ употребляетъ духи.
- Въ самомъ дѣлѣ? Своего рода слабость. Подобнымъ людямъ надо прощать ихъ маленькія странности.
- Но они всѣ здѣсь относятся къ самимъ себѣ съ величайшимъ уваженіемъ, какъ я замѣтилъ, — продолжалъ Кольдевинъ, оставивъ безъ вниманія отвѣтъ Оле. —Они говорятъ обо всемъ, говорятъ обо всемъ необыкновенно хорошо.
- Да, не правда-ли? О, они удивительны, надо отдать имъ справедливость.
  - Что у васъ слыхать? Какъ дѣла и все прочее?
  - Понемножку. Мы какъ разъ теперь затъяли маленькое дъло

съ Бразиліей, которое, я думаю, пойдетъ хорошо... Да, въдь вы интересуетесь дълами, я помню. Если вы придете къ намъ завтра, вы увидите, я васъ немного познакомлю съ нашими дълами. Мы обойдемъ складъ втроемъ, вы, Оготъ и я. Мы трое въдь старые знакомые.

— Мнъ показалось, что вы упомянули мое имя? — сказала Оготъ, подходя къ нимъ. — Я ясно слышала свое имя, тебъ меня не обмануть, Оле... Впрочемъ, я тоже хочу немного поговорить съ Кольдевиномъ, ты уже столько времени тутъ сидишь.

Съ этими словами она подвинула себъ стулъ Оле и съла.

— Изъ дому все спрашиваютъ о васъ, могу васъ увѣрить; мама проситъ меня посмотрѣть, какъ вы устроились въ гостиннииъ.

Снова у Кольдевина задрожали губы и онъ отвътилъ, глядя въ землю:

- Какъ вы можете теперь интересоваться подобными пустяками! Вамъ, право, нечего безпокоиться, мнъ великолъпно въ гостинницъ... Вамъ въдь тоже хорошо здъсь, не правда ли? Ну, да объ этомъ нечего и спрашивать. Само собою разумъется.
- Но можете себѣ представить, у меня бываютъ минуты, когда меня все-таки тянетъ домой. Вы это можете понять?
- Эго только въ первое время... Да, странно будетъ никогда больше васъ не видътъ дома, фрэкенъ Оготъ! Я хочу сказать, странно только немного... то есть...
- Послушайте, вы сегодня такъ странно говорите, проговорила она вдругъ. Еще немного, и вы доведете меня до слезъ...
  - Но, голубушка...
  - Выйти замужъ въдь не значитъ умереть.

Кольдевинъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и заговорилъ весело:

— Умереть? Хорошо бы это было. Впрочемъ, вы правы, я, дъйствительно, сижу здъсь и своей болтовней навожу на васъ уныніе. Я думалъ о вашей матери главнымъ образомъ, о вашей

матери. Больше ничего... Ну, что, кончили вы эти маленькія подушечки для яхты?

- Да, отвътила Оготъ съ отсутствующимъ видомъ.
- Но въ стортингъ вы, должно быть, не были? Ну, конечно, вамъ некогда было? Я хожу туда каждый день все это время, но въдь у меня другого дъла нътъ, потому...
- Послушайте, сказала она вдругъ, я не увърена, удастсяли мнъ проститься съ вами потомъ, когда я буду уходить, поэтому я вамъ лучше сейчасъ пожелаю спокойной ночи. Она протянула ему руку. И не забудьте, что вы завтра должны къ намъ придти. Я... Вы меня такъ обрадуете.

Она выпустила его руку и поднялась.

Онъ сиделъ съ минуту уничтоженный, окаменъвшій, не въ силахъ пошевельнуться, но это продолжалось не больше минуты. Онъ слышалъ, какъ за другимъ столомъ спросили: что за секреты у фрэкенъ съ Кольдевиномъ? Онъ виделъ также, что Оготъ готовится ответить, и быстро предупредилъ ее:

- Фрэкенъ взяла съ меня слово, что я приду завтра.
- Да, вы непремѣнно должны придти, послышался голосъ Оле.—Оготъ, намъ, пожалуй, пора домой?

Оле сунулъ руку въ карманъ за деньгами. Журналистъ тоже потянулся было за своимъ кошелькомъ, но Мильде толкнулъ его въ локоть и сказалъ:

- Это ты можешь предоставить Оле Генриксену. Не правда-ли, Оле, ты въдь заплатишь и за насъ тоже?
  - Съ удовольствіемъ.

Когда онъ былъ уже у дверей, Ларсъ Паульсбергъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Дай пожать тебѣ руку раньше, чѣмъ ты уйдешь. Я только что узналъ, что ты не отказался одолжить мнѣ эти нѣсколько кронъ.

Оле и Оготъ ушли.

Немного спустя поднялся и Кольдевинъ, поклонился каждому

въ отдъльности и вышелъ. За собой онъ услыхалъ смъхъ и слово "феноменъ", которое было повторено нъсколько разъ. У первыхъ же воротъ онъ остановился, вошелъ въ калитку и вынулъ изъ бумажника маленькій бантикъ изъ лентъ національныхъ норвежскихъ цвътовъ, тщательно завернутый въ бумагу. Онъ поцъловалъ этотъ бантикъ, посмотрълъ на него и снова поцъловалъ, весь дрожа отъ глубокаго внутренняго волненія.

IV.

Каждое утро, послъ кофе, Оле Генриксенъ обходилъ все торговое пом'вщеніе. Онъ рано начиналь свой день и еще до завтрака успѣвалъ много сдѣлать, осмотрѣть магазинъ и погреба, прочитать письма и отвътить на нихъ, отправить телеграммы, отдать распоряженія служащимъ, —все должно было быть сдівлано. Когда Оготъ пріѣхала, онъ совершалъ все это въ ея обществѣ; она всегда заставляла себя будить въ одно время съ нимъ и не разъ оказывала ему кой-какую помощь своими маленькими руками. Оле Генриксенъ теперь работалъ съ большимъ удовольствіемъ, чъмъ когда бы то ни было. Вся работа отца ограничивалась тѣмъ, что онъ выписывалъ небольшіе счета и пересчитывалъ кассу, все остальное время онъ проводилъ наверху, въ квартиръ, въ обществъ какого нибудь стараго коллеги, какогонибудь стараго моряка. Но какъ только наступалъ вечеръ, старикъ Генриксенъ зажигалъ лампу, спускался внизъ, въ контору, и делалъ последній осмотръ книгамъ. Онъ делаль это, не спеша, и, вернувшись наверхъ около полуночи, сейчасъ-же ложился спать.

Оле работалъ за двоихъ, и ему не стоило никакого труда держать въ рукахъ всѣ эти нити, знакомыя ему еще съ дѣтства. Оготъ не мѣшала ему, только внизу, въ складѣ, она иногда, когда бывала въ особенно веселомъ настроеніи, задерживала его дольше. Ея смѣхъ, ея молодость наполняли тогда маленькую кон-

тору, заражали все, проникали всюду и вносили свътъ въ темное помъщение.

Она была полна радости и приводила Оле въ восхищение всъмъ, что бы она ни сказала. Онъ иногда забывалъ обо всемъ въ ея присутствіи, дурачился съ нею, дрожалъ отъ нѣжности къ этой веселой дъвушкъ, которая даже еще не вполнъ выросла. При другихъ онъ старался казаться разсудительнъе, чъмъ онъ былъ на самомъ дълъ: ну, да, это его маленькая невъста, она еще такъ молода, въдь онъ на столько старше ея, ему и подобаетъ быть разсудительнъе. Но когда они оставались вдвоемъ. съ глазу на глазъ, вся его разсудительность куда-то исчезала, и онъ становился ребенкомъ, какъ и она. Онъ украдкою подымалъ глаза отъ книгъ и бумагъ и незамътно любовался ею, весь очарованный этимъ свътлымъ созданіемъ, влюбленный до потери самообладанія въ ея улыбку, когда она обращалась къ нему съ какимъ-нибудь замъчаніемъ. Какъ его бросало въ жаръ, когда она иной разъ сидитъ, молча, и смотритъ на него, потомъ вдругъ встанетъ, подойдетъ совсъмъ близко къ нему и шепнетъ ему:-такъ ты мой мальчикъ, да? — У нея бывали иногда такія причуды. Иногда она долго могла сидъть неподвижно и смотръть въ землю. смотръть въ землю и думать о чемъ-то, пока глаза ея не подергивались влагой. Старыя воспоминанія, можетъ быть, какое-нибудь старое воспоминаніе...

Оле спросилъ ее, наконецъ, на когда она хочетъ назначить свадьбу. Но увидя, что она покраснъла до самой шеи— даже по шеъ разлилась краска—онъ пожалълъ, что такъ прямо обратился къ ней съ этимъ вопросомъ. Это не къ спъху, пусть она сама назначитъ, ръшитъ, какъ хочетъ, ей незачъмъ сейчасъ отвъчать, вовсе незачъмъ...

Но она все таки отвътила:

— Я хочу, когда ты хочешь.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь и вошелъ Иргенсъ.

Онъ пришелъ, чтобы предложить ей пойти въ скульптурную галлерею. Оле сейчасъ-же замътилъ шутливо:

- -- Ты, какъ я вижу, выбралъ именно этотъ часъ для того, чтобы я не могъ сопровождать васъ.
- Но, Боже мой, вѣдь мы же можемъ идти въ музеи только въ тѣ часы, когда они открыты, я полагаю,—отвѣтилъ Иргенсъ.
   Оле разразился громкимъ хохотомъ.
- Ты видишь, онъ приходитъ въ ярость,—сказалъ онъ,—въ настоящую ярость, ха-ха-ха. Я славно тебя подвелъ, Иргенсъ.

Оготъ одълась и вышла съ Иргенсомъ. Когда она была уже въ дверяхъ, Оле крикнулъ ей:

— Ты вѣдь скоро вернешься, Оготъ? Не забудь, что мы идемъ сегодня съ Тидемандами въ Тиволи?

Выйдя на улицу, Иргенсъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Еще немного рано, оказывается. Если вы ничего не имъете противъ этого, то мы могли бы пока подняться къ дворцу?

И они стали подыматься къ дворцу. Музыка играла, толпы гуляющихъ волнами двигались взадъ и впередъ по рощѣ. Иргенсъ снова говорилъ интересно и забавно о множествѣ вещей, и Оготъ тоже говорила, смѣялась и внимательно вслушивалась въ его слова; по временамъ у нея вырывался возгласъ восхищенія, когда ему удавалось найти особенно мѣткій или смѣшной оборотъ. Она не могла удержаться, чтобы не смотрѣть ему въ лицо, красивое лицо, съ густыми, вьющимися усами и немного широкимъ ртомъ съ полными губами. Онъ былъ въ этотъ день въ совершенно новомъ костюмѣ, и она не могла не замѣтить, что костюмъ его такого-же синяго цвѣта, какъ и ея платье. На немъ была шелковая рубашка и сѣрыя перчатки. Шелковая рубашка...

Проходя мимо церкви Спасителя, онъ спросилъ ее, ходитъ-ли она въ церковь, и она отвътила, что да, ходитъ. А онъ?

О, ивтъ, не особенно часто.

Это очень дурно съ его стороны.

Онъ съ улыбкой наклонилъ голову: разъ что она это нахо-

дитъ, то... Но однажды онъ почувствовалъ себя въ церкви грубо шокированнымъ; это звучитъ невъроятно, и на самомъ дълъ это не болъе, какъ мелочь, но мелочь, которая получила серьезное значеніе. Онъ слушалъ объдню въ этой самой церкви. Пасторъ былъ безусловно на высотъ своей задачи и дълалъ свое дъло великолъпно. Онъ былъ красноръчивъ, говорилъ съ глубокимъ чувствомъ, съ паеосомъ. Но вдругъ, среди самой прочувствованной тирады, въ которую онъ вложилъ всъ силы своего ума и души, онъ, вмъсто "эллина и іудея", произнесъ "эддина и іулея". Эддина и іулея!.. Вы только представъте себъ этого «эддина и іулея», произнесеннаго громовымъ, предостерегающимъ голосомъ! И вотъ этотъ пасторъ на глазахъ у всъхъ совершаетъ такую оплошность и даже не можетъ спрятаться! Увъряю васъ, у меня точно оборвалось что-то внутри.

Это прозвучало въ его устахъ совершенно искренно, не выдуманно. Да и не можетъ развѣ быть, чтобы дѣйствительно утонченная натура почувствовала себя болѣзненно шокированной такой грубой и комической оплошностью? Оготъ это было очень понятно, и въ то-же время она не могла не расхохотаться громко надъ этимъ злополучнымъ "эддиномъ и іулеемъ" и нѣсколько разъ принималась хохотать.

Когда они подошли къ стортингу, Иргенсъ указалъ кивкомъ головы на каменную громаду и сказалъ:

- Вотъ нашъ стортингъ, вы были здѣсь?
- Нѣтъ еще.

Да и ничего особенно занимательнаго тамъ нътъ, одни колебанія и предательство по всей линіи. Эти господа тамъ бродятъ взадъ и впередъ изъ зала въ залъ, и жуютъ табакъ, и жиръютъ со дня на день; о, на словахъ они очень смълы и ежеминутно готовы бросить вызовъ Швеціи. Но какъ только доходитъ до дъла, то... О, она не можетъ себъ представить, сколько озлобленія въ душъ у него и у другихъ вызываетъ эта недостойная трусость! А гдъ эти легіоны, которые мы имъемъ противъ себя? Швецію!

Великую Швецію, это непоб'єдимое міровое государство, населенное дряблыми стариками! При мысли о Швеціи ему напрашивается на умъ сравненіе съ восьмидесятил'єтнимъ старикомъ, который сидитъ, безсильный, полупьяный, и кричитъ воинственно: Я не сдамся, я ни за что не сдамся! И стортингъ, слыша это, не рішается ничего предпринять. Н'єтъ, будь онъ—Иргенсъ—въ стортингъ...!

Какъ мужественно и гордо это звучало! Она взглянула на него и сказала:

- Какъ вы разгорячились сейчасъ!
- Виноватъ, но я всегда горячусь, когда рѣчь заходитъ о нашей независимости, отвѣтилъ онъ. Я надѣюсь, что не задѣлъ этимъ какъ-нибудь вашихъ личныхъ взглядовъ? Нѣтъ? ну, это хорошо.

Они поднялись ко дворцу, обогнули его и защли въ паркъ; они забыли о времени, а время шло. Онъ началъ разсказывать исторію, которую прочиталъ въ газетъ, сцену изъ суда; человъкъ обвинялся въ убійствъ и сознался въ преступленіи. Остался вопросъ, есть-ли смягчающія вину обстоятельства, и судъ пришель къръшенію, что смягчающія вину обстоятельства есть. Прекрасно, пожизненная каторга. Дальше! Но вдругъ изъ публики раздается голосъ; это возлюбленная убійцы, она кричитъ: "да, онъ сознался, но онъ оклеветалъ самого себя, онъ не совершилъ этого убійства. Какъ могъ Генрихъ совершить убійство, скажите мнъ это, вы, которые его знали? Да къ тому-же въдь есть смягчающія вину обстоятельства, значитъ, его нельзя осудить, не правдали? Потому что въдь это не было предумышленно. Нътъ, нътъ, Генрихъ этого не сдѣлалъ! Пусть-же хоть одинъ изъ васъ, изъ тъхъ, кто его зналъ, скажетъ, что онъ этого не сдълалъ; я не понимаю, какъ вы можете молчать... "Въ концѣ концовъ даму вывели. Вотъ что значитъ любовь.

Наивное сердечко Оготъ было тронуто. Какъ это было пре-

красно, прекрасно и грустно! И ее, значитъ, вывели, этимъ кончилось? Ахъ, какъ грустно!

— Но возможно, что это нѣсколько преувеличено, — сказалъ онъ. —Такого рода любовь не встрѣчается на каждомъ шагу.

Но въдь существуетъ-же вообще такая любовь?

Да, можетъ быть, и существуетъ гдѣ-нибудь на островахъ блаженныхъ... Но тутъ, при звукѣ этихъ словъ "на островахъ блаженныхъ", въ немъ проснулся поэтъ, и онъ далъ волю своей фантазіи: и мѣсто это называлось Вечерней Рощей, ибо тихо и зелено было все кругомъ, когда они вдвоемъ пришли туда—мужчина и женщина одного возраста. Она—бѣлокурая, свѣтлая, вся сверкающая, какъ бѣлое крыло, рядомъ съ нимъ, такимъ темнымъ и смуглымъ. Они гипнотизировали другъ друга, — двѣ души, съ улыбкой смотрѣвшія другъ на друга взоромъ, полнымъ нѣмой мольбы, и съ улыбкой падавшія другъ другу въ объятія. И голубыя вершины горъ глядѣли на нихъ съ высоты...

Онъ внезапно остановился.

— Я становлюсь смѣшнымъ,—сказалъ онъ.—Сядемъ на эту скамью.

Они! съпи. Солнце спускалось къ горизонту, все ниже и ниже; гдъ-то пробили башенные часы. Иргенсъ продолжалъ говорить съ настроеніемъ, мечтательно и тепло. Онъ, можетъ быть, уъдетъ на лъто изъ города, сказалъ онъ, поселится гдъ-нибудь въ хижинъ на берегу моря и по ночамъ будетъ кататься на лодкъ. Представьте себъ, въ теплую, тихую ночь на лодкъ!... Но вдругъ ему показалось, что Оготъ начала тревожиться, вспомнивъ о времени, и, чтобы удержать ее, онъ сказалъ:

— Вы не должны думать, что я всегда болтаю о голубыхъ горахъ, фрэкенъ Люнумъ. Но сейчасъ это, право, ваша вина, что я такъ разболтался, да, ваша вина. Это вы дъйствуете на меня такъ, вы внутренно все время влечете меня куда-то, когда находитесь вблизи меня. Я знаю, что говорю. Въ вашемъ лицъ есть что-то особенно свътлое и ясное, и когда вы наклоняете голову не-

много на бокъ, то... Вы видите, я смотрю на васъ съ эстетической точки эрънія.

Оготъ бросила на него быстрый взглядъ, почему онъ и прибавилъ, что смотритъ на нее съ эстетической точки зрѣнія. Она, можетъ быть, не поняла этого, ей было не вполнѣ ясно, для чего онъ сдѣлалъ это замѣчаніе, и она только-что собиралась что-то замѣтить, когда онъ снова заговорилъ, смѣясь:

- Я надъюсь, что не слишкомъ надоълъвамъ сегодня своей болтовней? Если я ошибаюсь, то я сегодня-же пойду къ морю и утоплюсь. Да, вы смъетесь, но... Впрочемъ, я долженъ вамъ сказать, что къ вамъ очень шло выраженіе недовольства мною, да, оно къ вамъ очень шло. Я очень хорошо замѣтилъ вашъ быстрый взглядъ. И если мнѣ будетъ возможно еще разъ выразиться эстетически, то я скажу, что одинъ мигъ вы выглядъли, точно дикая, чуткая серна, обнюхивающая, насторожившись, съ поднятой головой, воздухъ.
- Но теперь я вамъ скажу кое-что, отвътила она, поднявшись со скамьи. Который часъ? Вы, кажется, совсъмъ сошли съ ума! Пойдемте же, наконецъ! Если это моя вина, что вы слишкомъ много говорили, то это, конечно, ваша вина, что я слушала васъ и совершенно забыла о времени. Нътъ, это безуміе!

И съ величайшей поспѣшностью они покинули паркъ и стали спускаться съ дворцоваго холма.

Когда они должны были повернуть къ скульптурной галлереѣ, онъ замѣтилъ, что сегодня, пожалуй, уже поздно идти въ галлерею, не отложить ли лучше посѣщеніе ея до другого дня? Какъ она думаетъ?

Она остановилась и съ минуту подумала, затъмъ разразилась смъхомъ и сказала:

— Но въдь надо же намъ быть тамъ? Нътъ, это прямо гръшно.

И они пошли дальше.

То, что она осталась съ нимъ, чтобы хоть немного навер-

стать потерянное время, и то, что между ними была эта тайна— наполнило его тайной радостью. Онъ попытался было снова заговорить, чтобы занять ее, но она потеряла всякій интересъ къ разговору. Она больше не слушала и все время торопила его, боясь, чтобы не закрыли галлереи, раньше чѣмъ они успѣютъ придти. Она поспѣшно взбѣжала по лѣстницѣ, пробѣжала мимо встрѣчныхъ людей, второпяхъ бросая взгляды на право и на лѣво, чтобы уловить самое главное изъ произведеній искусства, воскликнула:—гдѣ группа Лаокона? скорѣй! я хочу ее видѣть! — и сейчасъ-же побѣжала искать группу Лаокона. Оказалось, впрочемъ, что въ ихъ распоряженіи еще добрыхъ десять минуть, и они продолжали осматривать музей болѣе спокойно.

Одинъ мигъ ей показалось, что изъ-за угла на ней остановился мрачный взглядъ Кольдевина; но когда она сдълала шагъ впередъ, чтобы убъдиться въ этомъ, глаза вдругъ исчезли, и она больше не думала объ этомъ.

— Какъ жалко, что у насъ такъ мало времени, —повторила она нъсколько разъ.

Едва они успъли объжать первый этажъ, какъ пора было уходить. На обратномъ пути она опять разговаривала съ Иргенсомъ и казалась такой-же довольной, какъ и раньше; у дверей своего дома она протянула ему руку и поблагодарила, поблагодарила два раза. Онъ просилъ ее извинить его за то, что ей изъ-за него не удалось осмотръть какъ слъдуетъ скульптурную галлерею; она мягко улыбнулась въ отвътъ и сказала, что провела время очень интересно.

- До свиданія въ Тиволи!—проговорилъ Иргенсъ, кланяясь.
- Вы тоже будете тамъ? спросила она удивленно.
- Меня просили придти, тамъ будетъ кое-кто изъ товарищей. Оготъ не знала, что фру Ганка прислала ему по этому поводу записку съ настоятельной просьбой, поэтому она отвътила только:
  - Ахъ такъ! кивнула головой и скрылась въ дверяхъ.

Оле ждалъ ее; она бросилась ему на шею и въ радостномъ возбужденіи воскликнула:

— Ахъ, какъ тамъ чудесно! Группа Лаокона! и все! Мы не успѣли всего осмотрѣть, хорошенько осмотрѣть; но вѣдь ты пойдешь туда со мной еще разъ, не правда ли? Обѣщай мнѣ это. Я хочу пойти съ $mo\delta o \ddot{u}$.

Вечеромъ, идя съ Оле къ Тидемандамъ, чтобы отправиться вмъстъ съ ними въ Тиволи, Оготъ вдругъ сказала:

— Какъ жалко, что и ты не поэтъ, Оле.

Онъ удивленно взглянулъ на нее.

— Ты жалешь объ этомъ? —проговориль онъ.

Ей вдругъ стало ясно, какую оплошность она совершила. Она, въ сущности, совершенно не думала того, что сказала, это была мимолетная мысль, пустая, мимолетная мысль, и она страшно раскаивалась теперь, что высказала ее, она бы все отдала, чтобы вернуть сказанное. Она остановилась, среди улицы обвила руками своего жениха и, чтобы загладить свою оплошность, воскликнула:

- И ты этому въришь? Вотъ какъ мнѣ удалось провести тебя, Оле, ха-ха-ха! Послушай, въдь ты же не думаешь, что... Видитъ Богъ, что я этого не думала, Оле. Такъ глупо, что я это сказала, но въдь ты же не думаешь, что у меня это хоть одну минуту было въ мысляхъ? Ты долженъ мнѣ отвътить, въришь ли ты этому, я хочу знать.
- Но я этому совсѣмъ не вѣрю, —сказалъ онъ и погладилъ ее по щекѣ, —нисколько, милая. И какъ ты можешь такъ волноваться изъ-за такого пустяка! Дитя, дитя! Ха-ха!

Они пошли дальше. Она была ему такъ искренно благодарна за то, что онъ такъ спокойно отнесся къ этому. Какой онъ добрый и чуткій, и какъ она его любитъ, да, видитъ Богъ, какъ она его любитъ...

Но эта маленькая сцена повліяла на ея поведеніе въ теченіе всего вечера.

Когда представленіе кончилось, общество собралось въ ресторанѣ. Почти всѣ были на лицо, вся компанія, даже Паульсбергъ съ женой; позднѣе явился и адвокатъ Гранде съ Кольдевиномъ, который шелъ противъ воли и все время отчаянно упирался. Адвокатъ нашелъ его на улицѣ, у входа въ Тиволи, и доставилъ себѣ удовольствіе притащить его сюда.

Говорили по обыкновенію обо всемъ рѣшительно, что только существуетъ между небомъ и землею, о книгахъ и объ искусствѣ, о людяхъ и о Богѣ, затронули женскій вопросъ, коснулись Мальтуса, политики. Къ сожалѣнію, оказалось, что статья Паульсберга въ "Вѣдомостяхъ" не оказала рѣшительнаго вліянія на стортингъ, и большинствомъ шестидесяти пяти голосовъ противъ сорока четырехъ было рѣшено оставить вопросъ открытымъ; пять человѣкъ изъ депутатовъ внезапно такъ серьезно заболѣли, что не могли принять участія въ голосованіи. Мильде заявилъ, что онъ переселится въ Австралію.

- Но въдь ты же пишешь портретъ Паульсберга?—замътилъ актеръ Норемъ.
- Ну, такъ что изъ того? Портретъ я могу кончить въ нъсколько дней.

Между тымъ у Паульсберга съ Мильде было тайное соглашеніе, что портретъ будетъ оконченъ не раньше закрытія выставки. Паульсбергъ потребоваль этого самымъ опредъленнымъ образомъ. Онъ не хотълъ фигурировать на выставкъ вмъстъ со всякимъ прочимъ сбродомъ. Онъ любилъ быть одинокимъ и держать остальныхъ на почтительномъ разстояніи отъ себя. Ему нужна была большая витрина въ художественномъ магазинъ для него одного. Въ этомъ сказывался Паульсбергъ.

Поэтому, когда Мильде сказалъ, что можетъ кончить портретъ въ нъсколько дней, Паульсбергъ замътилъ коротко:

 Въ ближайшіе дни я не могу позировать тебъ, я теперь работаю.

На этомъ разговоръ кончился...

Фру Ганка усадила Оготъ около себя. Она прямо крикнула ей:

— Подите ко мнѣ, вы, съ ямочкой, сюда, ко мнѣ! — И обернувшись къ Иргенсу, она шепнула ему:—Ну, не мила ли она, не правда ли?

Фру Ганка снова была въ своемъ съромъ шерстяномъ платьи съ отложнымъ кружевнымъ воротникомъ; шея ея была открыта... Весна начинала оказывать на нее свое дъйствіе, у нея былъ нъсколько болъзненный видъ. На губахъ у нея все еще были трещинки, и она безпрестанно смачивала ихъ языкомъ; смъясь, она невольно дълала гримасу.

Она разсказывала Оготъ о томъ, что скоро поѣдетъ на дачу, и выражала надежду видѣть ее у себя. Онѣ будутъ ѣсть рѣпу, и сгребать сѣно, и валяться въ травѣ. Вдругъ она обращается черезъ столъ къ мужу и говоритъ:

- Ахъ, да, чуть не забыла, не можешь ли ты дать мнѣ сто кронъ?
- Хе-хе, лучше бы ты забыла! отвѣтилъ Тидемандъ, добродушно смѣясь. Онъ шутливо мигнулъ глазомъ и весело проговорилъ: —Да, не женитесь, друзья мои, не женитесь, это дорогое удовольствіе. Вотъ ужъ снова сто кронъ!

Онъ протянулъ женъ красную ассигнацію, и она поблагодарила.

- Но для чего они тебъ? спросилъ онъ шутливо.
- Этого я тебѣ не скажу,—отвѣтила она. И чтобы прервать дальнѣйшіе разговоры на эту тему, она повернулась къ Оготъ и снова заговорила съ нею.

Въ эту минуту въ дверяхъ показались адвокатъ и Кольдевинъ.

— Да, конечно, вы должны войти, непремънно!—настаивалъ адвокатъ. — Я никогда ничего подобнаго не видалъ, я хочу вы-

пить съ вами стаканъ вина. Послушайте, подите-ка сюда и помогите мнѣ, я не могу съ нимъ справиться.

Но разглядѣвъ присутствующихъ, Кольдевинъ сдѣлалъ усиліе, высвободился изъ рукъ адвоката и исчезъ за дверью. Онъ, впрочемъ, былъ у Оле Генриксена въ тотъ день, когда обѣщалъ придти къ нему, но послѣ этого онъ опять исчезъ, и никто съ тѣхъ поръ не видалъ его.

Адвокатъ сталъ разсказывать:

— Я встрітиль его здісь, у подъїзда, мні стало жаль его, онь быль такъ одинокъ, но...

Оготъ быстро поднялась со своего мъста и торопливо вышла; она догнала Кольдевина на лъстницъ. Съ минуту слышались ихъ голоса, затъмъ оба показались въ дверяхъ.

- Прошу меня извинить,—заговориль онъ.—Господинь адвокать быль такъ любезенъ и привель меня сюда, но я не зналь, что здъсьтакъмного... что здъсь цълое общество, —оправдывался онъ Адвокатъ смъялся
- Садитесь, пейте и веселитесь, дружище! Чего вы хотите? Кольдевинъ успокоился. Этотъ деревенскій учитель, лысый и съдой, большею частью всегда такой замкнутый и молчаливый, теперь принималъ участіе въ разговоръ вмъстъ со всъми. Онъ, повидимому, очень измънился съ тъхъ поръ, какъ пріъхалъ въ городъ; онъ даже отвъчалъ, когда къ нему обращались съ ръчью, и иногда довольно ръзко, хотя никто отъ него не могъ ожидать, что онъ умъетъ огрызаться. Журналистъ Грегерсенъ снова навелъ разговоръ на политику, онъ хотълъ услышать мнъніе Паульсберга, Паульсбергъ еще не высказался. Что изъ этого выйдетъ? Какой тактики теперь держаться?
- Какой тактики держаться лередъ лицомъ факта? Къ нему надо отнестись, какъ подобаетъ мужчинамъ относиться къ подобнымъ вещамъ,—отвътилъ Паульсбергъ.

Въ эту минуту адвокатъ спросилъ Кольдевина:

— Вы сегодня, должно быть, тоже были въ стортингъ?

- Да.
- Вы, значитъ, знаете результатъ. Что вы объ этомъ думаете?
  - Я не могу отвътить на это сразу, сказалъ онъ.
- Онъ, можетъ быть, недостаточно слѣдилъ за этимъ вопросомъ, вѣдь онъ недавно только пріѣхалъ сюда,—замѣтила благосклонно фру Паульсбергъ.
- Недостаточно слѣдилъ? О, будьте спокойны, онъ очень хорошо слѣдилъ. Я ужъ разъ говорилъ съ нимъ.

Разговоръ продолжался. Мильде и журналистъ, перекрикивая другъ друга, говорили объ отставкъ правительства; другіе высказывали свое мнѣніе о шведской оперъ, которую они только что слышали, при чемъ оказалось, что не было никого среди присутствующихъ, кто бы не зналъ толка и въ музыкъ. Наконецъ, разговоръ снова остановился на политикъ.

- Такъ вы не были особенно возмущены тѣмъ, что сегодня произошло, господинъ Кольдевинъ?—спросилъ Паульсбергъ, тоже желавшій проявить благосклонность.—Что касается меня, то я со стыдомъ долженъ сознаться, что весь день сидѣлъ и ругался вслухъ.
  - Да?—сказалъ Кольдевинъ вмъсто всякаго отвъта.
- Вы не слышите, Паульсбергъ спрашиваетъ, были ли вы возмущены?—проговорилъ журналистъ черезъ столъ коротко и рѣзко.

Кольдевинъ пробормоталъ:

- Возмущенъ? Каждый по своему реагируетъ на подобныя вещи. Но сегодняшній результатъ какъ разъ не былъ для меня неожиданностью. Въ моихъ глазахъ это была лишь послъдняя формальность.
  - О, такъ вы пессимисть?
- Нътъ, нътъ, нисколько, вы ошибаетесь, я отнюдь не пессимистъ.

Пауза.

Подали пиво и бутерброды, а затъмъ и кофе. Кольдевинъ воспользовался наступившимъ молчаніемъ, чтобы оглядъть присутствующихъ; глаза его встрътились съ мягко устремленнымъ на него взглядомъ Оготъ, и это его такъ смутило, что онъ вдругъ, неожиданно для себя, сталъ высказывать вслухъ все, что думалъ.

— Развъ сегодняшнее ръшеніе стортинга для васъ всъхъ такъ неожиданно?

Получивъ полу-утвердительный отвътъ на это, онъ долженъ былъ продолжать, чтобы пояснить свою мысль:

— Миф представляется, что это рфшеніе находится въ прямомъ соотвътствіи съ общимъ положеніемъ дѣлъ у насъ. Люди разсуждаютъ такъ: вотъ мы получили свободу, государство дало ее намъ, такъ будемъ-же наслаждаться ею! И на этомъ успокаиваются и сидятъ, сложа руки. Да, сыны Норвегіи превратились въ добрыхъ господъ и норвежскихъ мужей.

Въ этомъ всѣ были съ нимъ согласны. Паульсбергъ кивнулъ головой. Этотъ феноменъ изъ деревни былъ, какъ видно, вовсе не такъ глупъ. Но теперь онъ замолчалъ, словно воды въ ротъ набралъ. Однако, въ концѣ концовъ, адвокатъ снова заставилъ его заговорить; онъ спросилъ:

- Въ первый разъ, когда я встрътилъ васъ въ Grand вы утверждали, что не слъдуетъ забывать, что никогда не надо ни забывать, ни прощать. Это у васъ принципъ? Или..?
- Да, вотъ вы, молодежь, не должны забывать сегодняшняго разочарованія, должны навсегда сохранить его въсвоей памяти. У васъ было довъріе къ человъку, и этотъ человъкъ обманулъ ваше довъріе, этого вы никогда не должны ему простить. Нътъ, не слъдуетъ прощать, ни въ какомъ случать, надо метить. Мнъ однажды пришлось видъть, какъ мучили двухъ запряженныхъ въ омнибусъ лошадей; это было въ католической странть, во Франціи. Кучеръ сидитъ на самомъ верху и хлещетъ, и хлещетъ, что есть силъ, огромнъйшимъ кнутомъ; но это нисколько не помогаетъ, пошади скользятъ на вымощенномъ асфальтомъ подъемъ и не

могутъ удержаться, несмотря на всъ усилія; омнибусъ не двигается съ мъста. Кучеръ слъзаетъ со своего сидънія, поворачиваетъ кнутъ и пускаетъ въ дъло кнутовище: онъ начинаетъ колотить лошадей по ихъ костлявымъ спинамъ, онъ напрягаются, падаютъ на колъни, съ трудомъ подымаются на ноги и опять напрягаются изъ послъднихъ силъ. Кучеръ въ бъщенствъ, потому что кругомъ собирается все большая толпа, которая видитъ его безсиліе; онъ заходить вперець и бьеть лошадей по глазамъ, затъмъ возвращается назадъ и колотитъ ихъ между задними ногами, наверху между задними ногами, гдф больнфе всего. Лошади тянутъ, выбиваются изъ силъ, спотыкаются и опять падаютъ на колъни, словно умоляя о пощадъ... Я три раза пытался добраться до кучера, чтобы остановить его, но толпа, не желавшая уступить мъсто и лишиться эрълища, всякій разъ оттискивала меня. У меня не было съ собой револьвера, я ничего не могъ сдълать, я стояль съ перочиннымъ ножикомъ въ рукахъ и призывалъ всѣ кары небесныя на кучера. Рядомъ со мной стоитъ женщина, монашенка, съ крестомъ Христовымъ на груди; она обращается ко мнъ и говоритъ кроткимъ голосомъ: "Ахъ, какъ вы гръшите, господинъ! Господь Богъ милостивъ. Онъ все прощаетъ! Тогда я поворачиваюсь лицомъ къ этой невъроятно-грубой женщинъ, смотрю ей въ глаза и, не говоря ни слова, только глядя ей въ глаза, плюю ей прямо въ лицо...

Это вызвало восторгъ всего общества.

- Прямо въ лицо? Такъ таки прямо въ лицо? Ну, и что было дальше? Чертъ побери! Вамъ удалось улизнуть?
- Нѣтъ, меня арестовали!.. Но вотъ что я хотѣлъ сказатъ: ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ прощать, въ этомъ есть чтото до такой степени грубое, это переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ понятія о справедливости. За доброе дѣло надо воздать еще болѣе добрымъ дѣломъ, но за зло надо мстить. Если васъ ударятъ по щекѣ, и вы простите и подставите другую щеку, то доброта ваша вообще теряетъ всякую цѣнность... Видите ли, вѣдь

нельзя сказать, чтобы результать сегодняшняго голосованія въ стортингѣ быль внѣ всякой связи съ общимъ положеніемъ, до котораго мы дошли. Мы прощаемъ и забываемъ вѣроломство нашихъ главарей, мы находимъ извиненія для ихъ колебаній и безхарактерности въ рѣшающіе моменты. Но тогда молодежь должна выступить впередъ, молодая Норвегія, вся наша сила и весь нашъ гнѣвъ. Но молодежь не выступаетъ впередъ, нѣтъ, мы начинили ее псалмами и лицемѣрной болтовней о вѣчномъ мирѣ, мы научили ее преклоняться передъ кротостью и всепрощеніемъ, восхвалять больше всего того, кто достигъ высшей степени доброй безобидности. И молодежь стоитъ передъ нами, вытянувшись во весь свой шестифутовый ростъ, и продолжаетъ сосать свою соску, мягко и кротко, и жирѣетъ. Ударишь ее по одной щекѣ, она кротко подставитъ другую, пряча руки въ карманы, вся—всепрощеніе и миролюбіе:

Ръчь Кольдевина возбудила не мало вниманія, всъ взоры обратились на него. Онъ сидълъ, по обыкновенію, съ спокойнымъ видомъ и произносилъ свои слова безъ всякаго азарта. Глаза его сверкали и дрожь пробъгала по рукамъ, которыя онъ неуклюже сложилъ, загибая пальцы такъ, что кости хрустъли. Но онъ ни разу не возвысилъ голоса. Внъшній видъ его былъ не хорошъ; на немъ былъ пристежной воротникъ, и этотъ воротникъ вмъстъ съ галстукомъ сдвинулся на бокъ; изъ подъ галстука виднълась голубая рубашка изъ бумажной матеріи. Все на немъ сидъло криво, и онъ даже не замъчалъ этого. Его съдая борода свъшивалась ему на грудь.

Журналистъ одобрительно кивнулъ головой и замътилъ своему сосъду:

— Это недурно, онъ почти что изъ нашихъ.

Ларсъ Паульсбергъ сказалъ шутливо и попрежнему благосклонно:

— Да, какъ я уже сказалъ, я полъ-дня только то и дъпалъ.

что ругался. Я, значитъ, внесъ свою долю въ общее негодованіе молодежи.

Адвокатъ Гранде, слушавшій все время съ большимъ интересомъ, чрезвычайно гордился тѣмъ, что ему пришло въ голову притащить сюда Кольдевина. Онъ снова сталъ разсказывать Мильде, какъ все это произошло:—Я думалъ, что едва ли здѣсь сегодня будетъ особенно весело, и вдругъ, у самаго входа въ Тиволи, я наталкиваюсь на этого человѣка: онъ стоялъ совершенно одинъ, и это меня прямо тронуло...

Наконецъ, и Мильде заговорилъ:

- Вы говорите о положеніи, въ которомъ мы вообще очутипись; если вы этимъ хотите сказать, что у насъ во всемъ одно только безсиліе и слабость, то вы грубо заблуждаетесь...
  - Этого я не хочу сказать.
- Такъ что же вы собственно думаете? Въдь нельзя-же говорить о молодежи, которая такъ богата талантами, какъ наша молодежь, о такой молодежи нельзя же говорить, что она безсильна. Чортъ возьми, можетъ быть, никогда не было столько талантовъ среди нашей молодежи, какъ въ настоящее время.
- Да, я не знаю другого, столь богатаго талантами, времени, замѣтилъ даже актеръ Норемъ, все время сидѣвшій молча въ своемъ углу и осушавшій кружку за кружкой.
- Таланты? Но это, въ сущности, уже другой вопросъ,— отвътилъ Кольдевинъ. Вы, впрочемъ, находите, что наши таланты такъ значительны?
- Хе-хе, онъ спрашиваетъ... Ахъ, вотъ какъ, значитъ, наши таланты не особенно значительны въ настоящее время, господинъ Кольдевинъ?—Мильде иронически разсмъялся и обратился къ Иргенсу, который за все время не произнесъ ни одного слова.—Наши дъла плохи, Иргенсъ,—сказалъ онъ,—феноменъ выдалъ намъ аттестатъ ничтожества.

Тутъ въ разговоръ вмѣшалась фру Ганка, ей хотѣлось уладить споръ. — Это, можетъ быть, только недоразумѣніе, госпо-

динъ Кольдевинъ лучше пояснитъ свою мысль. Развѣ нельзя, впрочемъ, выслушать мнѣніе человѣка, не выходя изъ себя? Стыдитесь, Мильде...

— Такъ у васъ, значитъ, не особенно много въры во всъхъ насъ, людей съ нъкоторымъ талантомъ? — спросилъ Паульсбергъ все еще снисходительно.

На это Кольдевинъ отвътилъ:

- Въры?... Не стану отрицать, что, по моему, мы понемногу идемъ назадъ. Я долженъ сознаться, что таково, дъйствительно, мое мнѣніе. И главнымъ образомъ я имѣю въ виду молодежь. Мы потихоньку опускаемся, попросту говоря, мы понижаемъ общій уровень, и все сводится къ большему или меньшему ничтожеству. Молодежь не предъявляетъ особенно большихъ требованій ни къ себѣ, ни къ другимъ, она довольствуется малымъ и называетъ это малое великимъ; теперь совсѣмъ, совсѣмъ немного нужно, чтобы обратить на себя вниманіе и выдвинуться. Вотъ что я имѣлъ въ виду, говоря о теперешнемъ положеніи вообще.
- Но чортъ возьми, что вы такое говорите о нашихъ молодыхъ писателяхъ? распътушился вдругъ журналистъ Грегерсенъ. Наши писатели, да читали ли вы кого-нибудь изъ нихъ? Встръчались ли вамъ, напримъръ, когда-нибудь имена Паульсберга, Иргенса? Журналистъ былъ страшно разсерженъ.

Оготъ не могла не обратить вниманія на своего бывшаго учителя; ее удивляло, что у этого человъка, который обыкновенно уклонялся отъ споровъ, сдавался при первомъ же противоръчіи, теперь былъ готовъ отвътъ для каждаго, причемъ онъ отнюдь не обнаруживалъ особенной робости.

— Пожалуйста, не обижайтесь на мои слова, — попросиль онъ. —Я сознаюсь, что мнъ не слъдовало бы говорить объ этомъ, это надо предоставить другимъ, которые больше меня понимаютъ въ такихъ вопросахъ; но если быть искреннимъ, то я долженъ сказать, что и наши молодые писатели немного въ состояни сдълать для насъ. Нътъ, конечно, такой общей мърки, кото-

рой всв могли бы пользоваться, каждый судить по своему собственному разумѣнію, а мое разумѣніе не совпадаетъ съ вашимъ. Вотъ и все. Противъ этого ничего нельзя возразить. Итакъ, дъло вотъ въ чемъ: наши молодые писатели не особенно способствуютъ поднятію общаго уровня, по моему, они этого не ділають. Мніз представляется, что у нихъ не хватаетъ для этого силъ. Да, да, но, скажете вы, это не ихъ вина? Прекрасно, но тогда зачъмъ же ставить ихъ выше, чемъ они этого заслуживають? Это такъ ужасно, что мы упускаемъ изъ виду великое и малое дълаемъ великимъ. Киньте взглядъ на нашу молодежь, посмотрите на нашихъ писателей, они способны, да, но... въ способностяхъ имъ, пожалуй, нельзя отказать, и они стараются и работають; но ничего не выходить изъ ихъ стараній, искры Божіей въ нихъ нътъ. И, Боже мой, какъ они, въ сущности, нещедры въ проявленіи своего таланта! Они бережливы, и сухи, и благоразумны. Они напишутъ стихотвореніе и напечатають это стихотвореніе вмість съ нъсколькими другими. Отъ времени до времени они вымучиваютъ изъ себя какую-нибудь книгу, всякій разъ при этомъ добросовъстно выскребая себя до самаго дна и достигая очень хорошихъ результатовъ. О, они ничего не выбрасываютъ зря, они не швыряютъ своихъ богатствъ на улицу. А между тъмъ, когда-то въдь писатели могли быть щедры, у нихъ были для этого средства; они были неистощимо богаты и швыряли изъ окна свои дукаты съ великолъпной, безразсудной беззаботностью. А затъмъ? Затъмъ карманы ихъ снова были полны дукатами. О, нътъ, наши молодые писатели благоразумны и дъльны, они не проявляють, какъ прежніе, никакой неумфренности, не разражаются грозой, не поражають насъ сценами, дышащими полнымъ грубой силы торжествомъ.

Оготъ не сводила съ него глазъ; взглянувъ на нее, онъ встрътилъ ея взглядъ. Быстрой, мягкой улыбкой, пробъжавшей по ея лицу, она дала ему понять, что слышала его слова. Она хотъла показать Оле, какъ мало она жалъетъ о томъ, что онъ не поэтъ.

Она даже кивнула головой Кольдевину, одобряя все, что онъ говорилъ по адресу поэтовъ. Кольдевинъ былъ ей благодаренъ за ея улыбку, она единственная улыбалась ему дружески; его, впрочемъ, мало трогали ръзкія восклицанія, окрики, грубыя замъчанія, съ которыми на него накинулись: да что онъ самъ за феноменъ такой, что позволяетъ себъ говорить такимъ тономъ превосходства? Какія такія міровыя заслуги числятся за нимъ самимъ? Довольно сохранять инкогнито, пусть онъ скажетъ свое настоящее имя! Ему будутъ кричать тогда ура и воздадутъ должное!

Иргенсъ оставался спокойнѣе всѣхъ; онъ гордо покручивалъ свои усы и нѣсколько разъ посматривалъ на часы, чтобы показать, какъ все это его мало интересуетъ. Бросивъ взглядъ на Кольдевина, онъ шепнулъ фру Ганкѣ съ выраженіемъ брезгливости на лицѣ:

— Этотъ человъкъ такъ неопрятенъ, по моему. Посмотрите котя бы на передъ его сорочки, на воротникъ, или какъ это тамъ называется. Я замътилъ также раньше, что онъ сунулъ въ карманъ своего жилета сигарный мундштукъ безъ футляра. Богъ знаетъ, нътъ ли у него въ томъ же карманъ какой-нибудь старой гребенки.

Кольдевинъ же между тъмъ сидълъ и выслушивалъ обращенныя къ нему замъчанія все такъ же хладнокровно, съ тъмъ же спокойнымъ видомъ и съ глазами, устремленными въ одну точку стола. Журналистъ прямо спросилъ его, не стыдно ли ему.

- Оставьте его въ покоѣ, прервалъ Паульсбергъ. Я не понимаю, для чего вы его огорчаете.
- Значитъ, однѣ мрачныя перспективы у насъ въ Норвегіи?— воскликнулъ журналистъ со смѣхомъ. Ни талантовъ, ни молодежи, ничего, кромѣ "положенія вообще". Хе-хе, одному Богу извѣстно, чѣмъ все это еще кончится! А мы-то тутъ воображали, что публика должна чтить и уважать своихъ молодыхъ писателей!

Кольдевинъ возразилъ:

— Но въдь публика это и дълаетъ, съ этой-то стороны на

нее нельзя жаловаться, я полагаю? Въдь какъ чтутъ человъка, написавшаго одну или двъ книги! Его восхваляютъ, напримъръ, гораздо больше, чемъ самаго дельнаго коммерсанта или самаго талантливаго практика. У насъ писатель, дъйствительно, пользуется громаднымъ значеніемъ среди публики; онъ является воплощеніемъ всего, что только можно себъ представить великаго и возвышеннаго. Немного, можетъ быть, найдется на сеътъ странъ, гдъ бы умственная жизнь вся до такой степени была бы отдана въ руки писателей, какъ у насъ. У насъ-какъ вы, быть можетъ, согласитесь со мной, -- нътъ государственныхъ людей, -совсъмъ нътъ; но за то писатели занимаются политикой и дълаютъ это хорошо. Вы, можетъ быть, обратили вниманіе, что наука у насъ находится въ довольно жалкомъ положеніи, -- да, но при все растущемъ преклоненіи передъ чистой интуиціей наши писатели не такъ ужъ далеко ушли отъ людей науки. Отъ вашего тонкаго наблюденія, конечно, не ускользнуло, что на протяженіи всей нашей исторіи мы не можемъ назвать ни одного мыслителя, — ну, дъло не такъ еще плохо, писатели берутся и за мышленіе, и публика, дъйствительно, находить, что они дълають это хорошо. Нътъ, жалобы на недостатокъ въ публикъ уваженія къ писателямъ и преклоненія передъ ними кажутся мнѣ совершенно неосновательными.

Паульсбергъ, въ своихъ произведеніяхъ не разъ выставлявшій на видъ, что онъ мыслитель и философъ по преимуществу, теперь только сидълъ, играя своимъ пенснэ, и молча и саркастически улыбался. Но послъ того, какъ Кольдевинъ прибавилъ еще нъсколько словъ и закончилъ тъмъ, что онъ твердо въритъ въ молодыхъ практиковъ, напримъръ, въ молодые коммерческіе таланты Норвегіи, вдругъ раздался гомерическій хохотъ; журналисть и Паульсбергъ въ одинъ голосъ стали кричать, что это замъчательно, это, помилуй меня Богъ, замъчательно, прямо-таки неоцънимо! Коммерческій талантъ, это еще что такое? Талантъ къ торговлъ, что-ли? Ха-ха, нечего сказать! Покорно благодарю!

— По моему мнѣнію, среди нашей молодежи торговаго сословія, дѣйствительно, находятся крупные таланты. И я посовѣтоваль бы вамь обратить на это вниманіе, это было бы не безполезно. Строятся суда, открываются новые рынки, затѣваются сложныя дѣла и завязываются самыя разнообразныя сношенія въникогда небывалыхъ размѣрахъ...

Кольдевинъ не могъ продолжать; его слушатели все еще смѣялись, котя, изъ вниманія къ присутствующимъ друзьямъ-купцамъ, и старались заговорить о другомъ. Оле Генриксенъ и Тидемандъ все время сидѣли молча, прислушиваясь къ разговору; въ концѣ концовъ, они пришли въ нѣкоторое смущеніе, не зная, какъ себя держать, но старались по возможности скрыть это, тихо бесѣдуя между собою. Вдругъ Тидемандъ шепнулъ:

— Оле, могу я завтра придти къ тебѣ поговорить кой о чемъ? Собственно говоря, только по дѣлу, но... Могу я придти пораньше, напримѣръ, къ десяти часамъ? Я не помѣшаю тебѣ? Прекрасно, спасибо.

На другомъ концѣ стола, гдѣ сидѣлъ Мильде, разговоръ зашелъ о старыхъ, дорогихъ винахъ. Мильде прекрасно зналъ толкъ и въ винахъ и самымъ горячимъ образомъ спорилъ съ адвокатомъ, хотя адвокатъ Гранде изъ знаменитаго рода Гранде и увѣрялъ, что съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ никакихъ другихъ винъ, кромѣ старыхъ, не пилъ.

— Конца нѣтъ твоему важничанью съ нѣкотораго времени,— замѣтилъ Мильде.

Адвокатъ бросилъ на него взглядъ и пробормоталъ:

— Эдакой маляръ, какъ Мильде, тоже воображаетъ, что онъ что-нибудь смыслитъ въ старыхъ винахъ.

Послѣ этого разговоръ перешелъ на художественныя преміи. Иргенсъ сидѣлъ и слушалъ; онъ и глазомъ не моргнулъ, когда Мильде громко заявилъ, что считаетъ Эйена самымъ достойнымъ кандидатомъ. Что за удивительная черта была въ Мильде, что онъ отъ души радовался за Эйена, которому, повидимому, пред-

стояло получить премію, хотя самъ онъ тоже выставилъ свою кандидатуру и къ тому же чрезвычайно нуждался въ деньгахъ. Иргенсъ никакъ не могъ этого понять.

Интересъ къ чудаку-учителю сразу совершенно исчезъ; никто больше не обращалъ на него вниманія. Онъ досталъ свою шляпу и принялся вертѣть ее въ рукахъ. Фру Ганка изъ вѣжливости обратилась къ нему съ однимъ или двумя вопросами, на которые онъ отвѣтилъ, послѣ чего онъ больше не открывалъ рта. Странно, что человѣкъ этотъ совершенно не замѣчалъ, что воротникъ его съѣхалъ на бокъ; вѣдь ему стоило только сдѣлать незначительное движеніе рукой, чтобы поправить его; но онъ его не дѣлалъ.

Паульсбергъ сталъ прощаться. Уходя, онъ отвелъ журналиста въ уголъ и сказалъ ему:

— Ты могъ бы мнѣ оказать услугу и помѣстить въ газетѣ маленькую замѣтку о томъ, что я дошелъ до половины своей новой книги. Публикѣ, можетъ быть, интересно будетъ узнать это.

Мильде и адвокатъ тоже поднялись и стали будить Норема, который, опоражнивая молчаливо стаканъ за стаканомъ, въ концъ концовъ заснулъ. Имъ съ трудомъ удалось поставить его на ноги. Онъ сейчасъ же принялся говорить; онъ не слыхалъ послъдняго, сказалъ онъ, самой послъдней части разговора, какъ обстоитъ дъло съ поэтами? Ахъ, фру Ганка тоже здъсь? онъ очень радъ ее видъть. Но почему она не пришла раньше?

Его потащили къ дверямъ и увели.

— Что же, значить, всѣ расходятся?—спросиль Иргенсъ недовольно. Онъ нѣсколько разъ въ теченіе вечера дѣлалъ попытки приблизиться къ Оготъ Люнумъ, но это ему не удавалось, она избѣгала его, избѣгала сидѣть рядомъ съ нимъ. Потомъ онъ замѣтилъ, что ее чрезвычайно занималъ весь этотъ вздоръ, который Кольдевинъ нагородилъ по поводу молодежи и поэтовъ; что это значило? Въ общемъ вечеръ оказался совсѣмъ неудач-

нымъ; фру Ганка сидъла съ такими трещинами на губахъ, что даже не могла смъяться естественно, а фру Паульсбергъ... но не пускаться же было съ нею въ разговоры! Вечеръ былъ, можно сказать, потерянъ. Теперь всъ расходятся. Да лишнихъ полъ-часа и не поправятъ уже настроенія.

Иргенсъ далъ себъ слово отплатить всей этой кликъ за то высокомъріе, съ какимъ считали возможнымъ относиться къ нему. Его время придетъ, можетъ быть, уже на слъдующей недълъ...

У дверей Тиволи общество разсталось. Фру Ганка и Оготъ пошли вмъстъ впередъ.

VI.

На следующее утро, въ десять часовъ, Тидемандъ входилъ въ контору X. Генриксена. Оле стоялъ у конторки.

Дѣло, вызвавшее столь ранній визитъ Тидеманда, было, какъ онъ и сказалъ наканунѣ, чисто коммерческаго характера; онъ говорилъ въ полъ-голоса и положилъ передъ Оле телеграмму чрезвычайно загадочнаго содержанія: гдѣ было сказано "повышеніе на одинъ", тамъ надо было понимать на десять, а "пониженіе С. Ш." въ дѣйствительности означало застой на Черномъ морѣ и Дунаѣ и повышеніе въ Америкѣ. Телеграмма была отъ агента Тидеманда въ Архангельскѣ.

Оле Генриксенъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло; въ виду голода и ожиданія новаго неурожая Россія въ скоромъ времени пріостановить вывозъ запасного зерна. Настанутъ тяжелыя времена, и Норвегіи придется тоже почувствовать это; цѣны на хлѣбъ поднимутся до небывалыхъ размѣровъ, а главное, необходимо запастись хлѣбомъ, по какой-бы то ни было цѣнѣ, покуда еще можно его достать. Америка уже пронюхала, въ чемъ дѣло несмотря на то, что свѣдѣнія, появившіяся въ англійскихъ газетахъ, были опровергнуты русскимъ правительствомъ, и американская пшеница повышается съ каждымъ днемъ. Въ то время, какъ

раньше она шла по восьмидесяти семи и восьмидесяти восьми, она теперь колеблется между ста десятью, ста двънадцатью, ста пятнадцатью. Трудно предсказать, чъмъ это кончится.

Дъло Тидеманда къ Оле заключается въ томъ, что онъ хочетъ предложить своему другу и коллегъ сообща заключить съ Америкой хлъбную сдълку—закупить у нея рожь, пока еще не поздно. Они вдвоемъ поведутъ это дъло, это будетъ колоссальнъйшій оборотъ, и они ввезутъ въ Норвегію такую массу зерна, которая поможетъ ей продержаться весь годъ. Но съ этимъ дъломъ надо торопиться, потому что рожь тоже съ каждымъ днемъ поднимается въ цънъ и въ Россіи ее уже почти нельзя достать.

Оле отошелъ отъ конторки и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатъ; мозгъ его усиленно работалъ; онъ подумалъ было, что надо предложить Тидеманду стаканъ вина и сигару, но сейчасъ же забылъ объ этомъ. Это дъло соблазняло его, но въ настоящую минуту онъ былъ слишкомъ связанъ съ разныхъ другихъ сторонъ. Послъднее его дъло въ Бразиліи, въ сущности, слегка парализовало его, связывало ему руки, а между тъмъ результаты [этого дъла не могли опредълиться раньше конца лъта.

— На этомъ можно заработать, — сказалъ Тидемандъ.

Въ этомъ не было никакого сомнѣнія, и не это заставляло Оле колебаться. Но, къ сожалѣнію, онъ не могъ принять въ этомъ предпріятіи участіе. Онъ изложилъ Тидеманду положеніе своихъдѣлъ и прибавилъ, что онъ покуда не можетъ пускаться въ новые обороты. Но спекуляція эта интересовала его, вызывала блескъ въ его глазахъ; онъ съ увлеченіемъ разспрашивалъ о подробностяхъ, взялъ бумагу и сдѣлалъ примѣрную выкладку, затѣмъ снова углубился въ телеграмму, изучая ее съ сосредоточеннымъ видомъ. Въ концѣ концовъ онъ, опустивъ голову, заявилъ рѣшительно, что никоимъ образомъ не можетъ принять участія въ этомъ дѣлѣ.

— Я, конечно, могу и одинъ совершить. эту операцію,—сказалъ Тидемандъ,—только въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Но мнѣ такъ хотълось, чтобы ты принялъ въ этомъ участіе, я чувствоваль бы себя увъреннъе. Но, само собою разумъется, ты не долженъ запутываться больше, чъмъ можешь отвъчать передъ собой. Нътъ ли у тебя телеграфнаго бланка? Я бы хотълъ отправить телеграмму.

Тидемандъ написалъ телеграмму и протянулъ ее Оле:

— Посмотри-ка, это достаточно ясно?

Оле отступилъ въ изумленіи назадъ.

- Такъ много! проговорилъ онъ. Это крупный ордеръ. Андреасъ!
- Да, это правда. Но я надъюсь на счастливый исходъ, отвътилъ Тидемандъ тихо, и, не въ состояніи подавить овладъвшее имъ волненіе, отвелъ глаза въ сторону и прошепталъ про себя:
  - Мнъ, впрочемъ, теперь все стало безразлично.

Оле взглянулъ на него и спросилъ:

- Есть какія-нибудь перемізны?
- Нътъ... Да, да, ну посмотримъ, какъ пойдетъ дъло.

Тидемандъ сунулъ телеграмму въ карманъ.

- Я былъ бы очень радъ, если бы мы могли вмъстъ повести это дъло, Оле. Я долженъ сказать, что и я тоже глубоко завязъ въ другихъ операціяхъ, но тъмъ не менъе... Во всякомъ случаъ, теперь мнъ надо заняться нагрузкой льда. Когда настанетъ тепло, ты увидишь, что я заработаю на этомъ большія деньги; ты не думаешь?
  - О, безъ сомнънія, отвътилъ Оле. Это ходкій товаръ.
- О, да, я еще далекъ отъ банкротства. И помилуй меня Богъ отъ этого, ради меня и моей семьи!
- Но не слѣдовало ли бы для большей вѣрности... Погоди, впрочемъ. Извини, что я тебѣ даже не предложилъ сигары. Я знаю, что ты любишь, разговаривая, курить, я просто забылъ объ этомъ. Посиди минутку, я сейчасъ вернусь.

Тидемандъ понялъ, что Оле собирается спуститься въ погребъ

за бутылкой вина, и позвалъ его обратно; но Оле уже ничего не слышалъ и скоро вернулся со старой, заплъсневълой бутылкой въ рукахъ. Они усълись, какъ всегда, на диванчикъ и чокнулись.

— Я вотъ что хотълъ сказать, — началъ опять Оле. — Ты обдумалъ ли какъ слъдуетъ и во всъхъ деталяхъ эту операцію съ Америкой? Я, «конечно, отнюдь не имъю намъренія тебя учить, ты понимаешь, но...

- Я думаю, что все разсчиталь, отвътиль Тидемандъ. Потому я и поставилъ такое условіе: трехдневный срокъ и съ доставкой. Если покупать, то покупать сейчасъ же. Я даже не забылъ принять въ соображеніе въроятную перемъну министерства послъ выборовъ.
- Но не благоразумнъе ли было бы, для большей върности, нъсколько ограничить ордеръ? Если она будетъ стоять выше двънадцати, то, можетъ быть, не слъдовало бы покупать?
- Да, пожалуй. Но ты въдь понимаещь, что если Россія закроетъ свои порты, то и пятнадцать и двадцать не слишкомъ много. Если же Россія не закроетъ, тогда уже сто, даже девяносто слишкомъ много. Тогда я все равно разоренъ.

Оба сидъли, погруженные въ мысли.

- Я върю, что эта операція принесеть мнъ счастье, сказаль Тидемандъ. Право, я это чувствую. Ты въдь знаешь, что это значитъ, когда мы, коммерсанты, испытываемъ такое чувство.
  - Какъ вообще обстоятъ дъла? спросилъ Оле.
- Ничего, поспъшилъ Тидемандъ отвътить, въ общемъ недурно, очень недурно. Приблизительно все обстоитъ по старому дома.
  - -- Такъ что въ сущности никакой перемѣны?
  - Н-нътъ... Но мнъ пора идти.

Тидемандъ всталъ. Оле проводилъ его до двери.

— Послушай, — сказалъ онъ, — ты вѣдь больше не станешь говорить, что тебѣ все безразлично... Спасибо за сегодняшнее посѣщеніе!

Но Тидемандъ еще не уходилъ; онъ продолжалъ стоять, держась за ручку двери, и взглядъ его безпокойно перебъгалъ съ одной точки на другую.

- Ничего удивительнаго нѣтъ, если и меня, въ концѣ концовъ, покинетъ хорошее настроеніе,—сказалъ онъ.—Въ сущности, дѣла мои обстоятъ не особенно хорошо. Я дѣлаю все возможное, чтобы наладить ихъ, но мнѣ это плохо удается, да, плохо удается. Ну, посмотримъ, что будетъ. Мнѣ кажется, что немного лучше, пожалуй, стало, слава Богу.
- Твоя жена теперь проводить больше времени дома? Мнѣ показалось, что...
- Ганка въ послъднее время стала такой хорошей матерью дътямъ, я такъ былъ радъ этому, потому что это насъ значительно сблизило. Она теперь обшиваетъ дътей, готовитъ имъ платья для дачи; удивительныя вещи выходять изъ-подъ ея рукъ, ты повъришь, я никогда не видалъ ничего подобнаго: голубыя, и бълыя, и красныя платьица. Всъ они лежатъ дома, и я любуюсь ими всякій разъ, когда прихожу домой. Много говорить объ этомъ, можетъ быть, и не приходится; она попрежнему чувствуетъ себя какъ бы не замужемъ и продолжаетъ подписываться Ланге. Это, конечно, не болъе, какъ фантазія съ ея стороны, она подписывается одновременно и Тидемандъ, этого она не забываетъ. Ты слышалъ самъ вчера вечеромъ въ Тиволи, какъ она попросила у меня сто кронъ. Меня это обрадовало; я не придаю этому значенія и не упомянулъ бы объ этомъ, если бы ты самъ этого не слышалъ! Это, впрочемъ, третья сотня кронъ въ теченіе двухъ дней. Вѣдь ты, надѣюсь, не поймешь меня ложно? Но почему она просить у меня денегь въ присутствіи постороннихъ? Она какъ будто хочетъ подчеркнуть, что это единственный способъ добиться у меня чего-нибудь, что иначе она бы ничего не достала. У нея уходить много денегь; я не думаю, чтобы она тратила ихъ на себя, нътъ, я увъренъ, что это не такъ. Ганка не мотовка Но она отдаетъ деньги, ну, это ея дѣло; она помогаетъ другимъ.

Иногда она въ теченіе недъли забираетъ у меня кучу денегъ; часто она беретъ у меня деньги, уходя изъ дому, и возвращается безъ гроша, хотя ровно ничего для себя не купила. Ну, да это все равно. Покуда у меня есть хоть что-нибудь, мои деньги принадлежать ей такъ же, какъ и мнъ, это само собою разумъется. Я однажды спросилъ ее въ шутку, не намъревается ли она разорить меня, довести меня до сумы. Это была не болье, какъ шутка, надъ которой я самъ же хохоталъ отъ души. Но она приняла это въ серьезъ и сказала, что готова покинуть мой домъ, когда я только захочу; коротко говоря: разводъ. Это она предлагала мнъ уже много, много разъ, но на этотъ разъ изъ-за простой шутки, Тогда я сказалъ ей, что жалъю о своей шуткъ, и просилъ у нея прощенія: я сказаль, что у меня никогда и въ мысляхъ не было, что она можетъ разорить меня. "Милый Андреасъ, развъ мы не можемъ разойтись? спросила она. Не знаю, что я ей отвътилъ. Эти слова ея, впрочемъ, не имъли, я думаю, особенно серьезнаго значенія, потому что всльдь затьмь она попросила, чтобы я ей дапъ мой ключъ отъ входной двери. такъ какъ она свой потеряла. И я даль ей ключь. Посль этого она улыбнулась. "Улыбнись! " попросилъ я ее, и она это сдълала мнъ въ угоду и сказала, улыбаясь, что я большое дитя... Вчера утромъ я ея не видалъ, пока не вернулся домой изъ конторы. Она опять сидъла за дътскими вещами и показала мнъ всъплатьица, одно за другимъ. Затъмъ она начала доставать свой носовой платокъи, вынимая его изъ-за пояса, вмъстъсъ нимъ вытащила мужской галстукъ, красный мужской галстукъ,---Я сдълалъ видъ, что ничего не видалъ, но я успълъ замътить, что это не мой галстукъ. Я даже хорошо узналъ его... Впрочемъ, ты, можетъ быть, не такъ меня понялъ, Оле, я не настолько узналь его, чтобы могь сказать, чей это галстукъ. Возможно даже, что это быль одинь изъмоихъ собственныхъ галстуковъ, одинъ изъ моихъ старыхъ галстуковъ, который я пересталъ носить. Это удивительно, что я никогда не узнаю своихъ собственныхъ галстуковъ, я такъ мало обращаю на нихъ вниманія... Да, все это

обойдется, какъ я уже сказалъ. И если мое крупное предпріятіе удастся, то оно, можетъ быть, принесетъ мнѣ еще счастье. Хорошо было бы, если бы я могъ ей показать, что и я не дуракъ, ха-ха!

Оба друга поговорили еще немного, послѣ чего Тидемандъ отправился на телеграфъ. Онъ былъ полонъ надеждъ. Его идея заключалась въ томъ, чтобы предотвратить кризисъ и имѣть въ распоряженіи огромную массу ржи, когда ни у кого уже ничего не будетъ. Это должно удасться! Онъ шелъ легко, какъ юноша, и избѣгалъ встрѣчи со знакомыми для того, чтобы его не задержали.

Пять дней спустя, дъйствительно, появилась телеграмма отъ министерства иностранныхъ дълъ, извъщающая, что русское правительство, вслъдствіе голода въ странъ и плохихъ видовъ на предстоящій урожай, вынуждено воспретить всякій вывозъ ржи, пшеницы, кукурузы и клевера изъ всъхъ портовъ Россіи и Финляндіи.

Разсчетъ Тидеманда оказался върнымъ.

колосъ наливается.

I.

Книга Иргенса вышла изъ печати. Этотъ человѣкъсъ аристократической душой, такъ мало посвящавшій другихъ въ свои намѣренія, вдругъ, ко всеобщему изумленію, выпустилъ въ свѣтъ очаровательный томикъ стихотвореній, какъ разъ, когда весна стояла въ полномъ цвѣту. Какой неожиданный сюрпризъ! Прошло, правда, болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ его драма увидѣла свѣтъ, но теперь оказалось, что онъ не сидѣлъ все это время, сложа руки; стихотвореніе за стихотвореніемъ зарождались въ его фантазіи, онъ записывалъ ихъ и пряталъ въ ящикъ стола-И вотъ, когда ихъ накопилось достаточно, онъ отдалъ ихъ въ печатъ. Вотъ какъ поступаетъ человѣкъ съ гордой душой! Не было никого, кто бы могъ превзойти Иргенса въ богатствѣ и тонкости душевной организаціи.

Книга его красовалась въ витринахъ книжныхъ магазиновъ, въ публикъ говорили о ней, было несомнънно, что она обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Читавшія ее дамы были очарованы этими стихами, полными нъжности и любовнаго пыла. Въ ней не мало было также и смълыхъ строкъ, дышавшихъ мужествомъ и силой, стихотвореній къ праву, къ свободъ, къ королямъ; видитъ Богъ, онъ не пощадилъ и королей. Онъ не побоялся говорить о народномъ банкъ, основанномъ на расплавленныя королевскія кроны, о вавилонскихъ короляхъ и вавилонскихъ блудницахъ; онъ осмълился упомянуть о высочайшемъ "нътъ", идущемъ наперекоръ волъ милліоновъ голосовъ, кричавшихъ "да"; это было не въ бровь, а прямо въ глазъ! Но и теперь, какъ и раньше, Иргенсъ не обращалъ никакого вниманія на восхищеніе толпы, провожавшее его, когда онъ показывался на улицъ въ часъ прогулки. Боже мой, если находятся люди, которымъ достав-

ляетъ удовольствіе глазѣть на него, такъ и пусть ихъ! Онъ попрежнему оставался холоднымъ къ вниманію толпы.

— Надо тебѣ отдать справедливость, ты таки ловкій парень, — сказаль ему даже актеръ Норемъ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ. — Ходишь себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и никому ни словомъ не заикаешься, и вдругъ швыряешь намъ чуть ли не подъ самыя ноги этакую бомбу и опять таки дѣлаешь видъ, словно ничего особеннаго не произошло. Немногіе были бы способны угнаться за тобой.

Адвокатъ Гранде и на этотъ разъ не могъ упустить случая пустить пыль въ глаза; онъ засмѣялся и сказалъ:

— Но у тебя есть враги, Иргенсъ. Я сегодня говорилъ съ однимъ человѣкомъ, который не видитъ рѣшительно никакой заслуги въ томъ, что писатель, черезъ промежутокъ въ два съ половиною года, выпуститъ въ свѣтъ маленькій томикъ.

На это Иргенсъ далъ гордый отвътъ:

— Я считаю для себя честью писать мало. Не въ количествъ дъло.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ все-таки спросилъ, кто этотъ врагъ. Онъ не грѣшитъ большимъ любопытствомъ, вѣдь всѣ знаютъ, что онъ очень мало интересуется мнѣніемъ о немъ толпы. Но все-таки—это Паульсбергъ?

Нѣтъ, это не Паульсбергъ.

Иргенсъ еще нѣсколько разъ пытался угадать, кто этотъ человѣкъ, такъ отозвавшійся о немъ; но Гранде напустилъ на себя важность и не хотѣлъ называть имени. Онъ окружилъ его таинственностью и мучилъ этимъ Иргенса, насколько могъ.

— Ты, однако, повидимому, не такъ ужъ нечувствителенъ къ чужому мнѣнію,—сказалъ онъ, хохоча во все горло.

Иргенсъ пробормоталъ презрительно: — Вздоръ! — Но мысли его были сильно заняты этимъ человъкомъ, этимъ врагомъ его, который хотълъ умалить его заслугу. Если это не Паульсбергъ,

то кто же это можетъ быть? Кто этотъ человъкъ, самъ проявившій за эти два съ половиною года такую интенсивную дѣятельность? Иргенсъ никого не могъ вспомнить, среди молодыхъ онъ безусловно былъ единственный. Вдругъ его осѣнила догадка, и онъ проговорилъ пренебрежительно:

— Ну, какъ я уже сказалъ, мнѣ совершенно не интересно это жалкое имя; но если это этотъ Кольдевинъ изъ деревни, то—Боже мой, Гранде, неужели ты обращаешь вниманіе на то, что тебѣ говоритъ такой человѣкъ! Ну, да это, впрочемъ, твое дѣло, но... Человѣкъ, который въ одномъ и томъ же карманѣ жилета носитъ грязную гребенку и сигарный мундштукъ... Однако, мнѣ пора. Прощайте!

Иргенсъ продолжалъ свой путь. Если у него нѣтъ другихъ враговъ, кромѣ этого лѣсного дикаря, то еще не такъ страшно... Настроеніе его снова прояснилось; онъ раскланивался со встрѣчными знакомыми и имѣлъ очень довольный видъ. Въ первую минуту его было разсердило, что за его спиной кто-то его оговариваетъ, но теперь это прошло; и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не обижаться же было на эту старую обезьяну!

Иргенсъ рѣшилъ прогуляться къ набережной, чтобы немного успокоиться; эта глупая болтовня о его книгѣ была, право, невыносима. Вотъ уже начинаютъ даже молоть вздоръ о двухъ съ половиною годахъ рабочаго времени и количествѣ поэзіи! Да, въ такомъ случаѣ его книга провалится, это не особенно объемистый томъ, онъ не перевѣситъ ни одного изъ романовъ Паульсберга—слава Богу!

Спустившись къ пристани, онъ замѣтилъ высовывающуюся изъ-за угла голову Кольдевина. Этотъ деревенскій дикарь стоялъ, наполовину скрытый цѣлымъ рядомъ ящиковъ, изъ-за которыхъ виднѣлась только голова его. Иргенсъ прослѣдилъ направленіе его взгляда, но это ничего ему не сказало; старый чудакъ, очевидно, стоялъ и думалъ о чемъ-то, перебиралъ, можетъ быть, въ головѣ еще какую-нибудь безумную идею. Преуморительно было

смотрѣть на него, какъ онъ стоялъ, погруженный въ свои мысли, поднявъ носъ кверху. Взглядъ его былъ неподвижно устремленъ прямо впередъ, онъ упирался въ маленькое угловое окно конторы Генриксена. Кольдевинъ смотрѣлъ впередъ, не мигая и не обращая никакого вниманія на то, что происходило вокругъ. Иргенсъ подумалъ было сначала подойти къ нему и узнать отъ него, можетъ ли онъ сейчасъ застать Оле Генриксена, а затѣмъ навести разговоръ на свою книгу и спросить, что онъ, собственно, думаетъ о ней. Это, можетъ быть, будетъ препотѣшно, онъ будетъ вынужденъ сознаться, что оцѣниваетъ поэзію на вѣсъ. Но, въ сущности говоря, что въ этомъ интереснаго? Не все ли ему равно, что этотъ человѣкъ думаетъ о поэзіи?

Иргенсъ прошелся по набережной; когда онъ снова посмотръль въ сторону Кольдевина, тотъ все еще стояль на прежнемъ мѣстъ. Иргенсъ прошелъ мимо него и, повернувъ въ ближайшую улицу, собирался вернуться въ городъ. Но въ эту минуту дверь торговаго помѣщенія Генриксена открылась, и изъ нея вышли Оле Генриксенъ и фрэкенъ Оготъ. Они увидали Иргенса.

— Здравствуй, здравствуй, Иргенсъ! — крикнулъ Оле, протягивая ему руку. — Какъ хорошо, что мы тебя встрътили. Тысячу разъ спасибо за книгу, которую ты прислалъ намъ! Нътъ, ты таки неподражаемъ, ты приводишь въ изумленіе даже своихъ ближайшихъ друзей; ты настоящій поэтъ, мастеръ своего дъла!

Оле говорилъ оживленно, онъ былъ доволенъ и весь сіялъ, радуясь успъху Иргенса; онъ восхищался то тъмъ, то другимъ изъ его стихотвореній и много разъ благодарилъ его.

— Оготъ и я, мы оба читали ихъ съ бьющимися сердцами, — сказалъ онъ. — Мнѣ даже кажется, что Оготъ при этомъ немного всплакнула... да, да, это было, нечего отнѣкиваться, Оготъ. Да этого и нечего стыдиться... Что я хотѣлъ сказать, не пойдешь ли съ нами на телеграфъ, Иргенсъ? У меня тамъ дѣла. А потомъ мы пойдемъ въ ресторанъ, если хочешь. У меня, между прочимъ есть для васъ маленькій сюрпризъ.

Оготъ молчала.

— Или, можетъ быть, вы погуляете здѣсь, пока я буду отправлять телеграммы? —продолжалъ Оле. —Только не теряйте терпѣнія, если я немного задержусь. Мнѣ непремѣнно надо снестись съ однимъ судовладѣльцемъ въ Арендалѣ...

Оле поднялся на ступени, ведущія отъ набережной, и исчезъ. Иргенсъ смотрѣлъ ему вслѣдъ.

- Позвольте и мнѣ поблагодарить васъ за книгу, сказала сейчасъ же Оготъ и протянула ему руку; она говорила пониженнымъ голосомъ.—Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе она доставила мнѣ.
- Въ самомъ дѣлѣ? Это правда? Какъ мнѣ пріятно это слышать! отвѣтилъ онъ голосомъ, полнымъ благодарности. Она подождала ухода Оле, чтобы поблагодарить его, какъ это было тонко, какъ очаровательно съ ея стороны! Отъ этого слова ея казались еще глубже, искреннѣе, интимнѣе, въ его глазахъ они получили особенное значеніе. Она назвала ему, что въ его книгѣ больше всего взволновало ее это удивительное стихотвореніе къ жизни; она никогда не читала ничего красивѣе этого, никогда, насколько она помнитъ... Но, словно боясь, чтобы благодарность ея не показалась слишкомъ горячей и чтобы онъ не истолковалъ ея ложно, она прибавила болѣе равнодушнымъ тономъ, что Оле былъ въ такомъ же восхищеніи, какъ и она, онъ даже большую часть стихотвореній прочиталъ ей вслухъ.

Иргенсъ сдълалъ гримасу. Неужели она любитъ, чтобы ей читали вслухъ? Да, въ самомъ дълъ?

Оготъ намъренно упомянула имя Оле. Сегодня онъ снова затронулъ вопросъ о свадьбъ, и она опять предоставила ръшеніе ему. Да, въ этомъ у нихъ разногласія не было. Теперь это только вопросъ времени, когда они станутъ мужемъ и женой, и чѣмъ раньше это будетъ, тѣмъ лучше, можетъ быть; нѣтъ никакого основанія ждать. Осенью, когда Оле вернется изъ своего путешествія въ Англію, они повѣнчаются. Оле былъ олицетворенная

доброта; онъ не уставалъ проявлять къ ней безконечное терпъніе и снисходительность и такъ комично восхищался каждымъ ея шагомъ и движеніемъ. "Намъ надо также подумать и о томъ, чтобы приготовить понемногу нашъ домъ къ тому времени", сказалъ онъ тихо. Она невольно покраснъла; право, стыдно, что она до сихъ поръ еще не позаботилась ни о чемъ, что было нужно, и все время проводила съ нимъ въ конторъ. Она могла бы начать понемногу подумывать объ устройствъ комнатъ, сказалъ Оле, намътить себъ тъ новыя вещи, которыя ей хотълось бы пріобръсти. Никакими хозяйственными дълами ей, конечно, незачъмъ пока заниматься, само собою... Ахъ, да, онъ былъ правъ; въдь она сама ни разу еще и не подумала о домѣ, о домашнемъ очагѣ, и все только бѣгала за нимъ. Она расплакалась и сквозь слезы начала говорить о томъ, какъ она неразумна и ръшительно ни къ чему не способна, она просто глупа, да, да, глупа. Но Оле обнялъ ее, усадилъ на диванъ и, съвъ рядомъ, началъ успокаивать ее: въдь она еще молода, молода и очаровательна; она скоро станетъ немного старше, въдь времени еще достаточно, вся жизнь у нихъ впереди; а онъ, Оле, такъ горячо и глубоко любитъ ее, видитъ Богъ. При этомъ у него самого были слезы на глазахъ, и онъ смотрълъ на нее, какъ дитя. Да, они любятъ другъ друга, и они будутъ счастливы. Во всякомъ случать все это не къ спъху, имъ нечего особенно торопиться; пусть она сама назначитъ срокъ и устроится, какъ ей пріятнѣе. О, разногласій у нихъ никакихъ не будетъ...

— Я не думалъ, что мы, поэты, еще имѣемъ какое-нибудь значеніе въ вашихъ глазахъ,—сказалъ Иргенсъ.—Мнѣ казалось, что мы потеряли для васъ всякій интересъ.

Она очнулась отъ своихъ мыслей и взглянула на него.

- Съ чего вамъ это пришло въ голову?
- Мнъ такъ показалось. Вы помните на-дняхъ, въ Тиволи, когда вашъ бывшій учитель былъ такъ немилостивъ къ намъ,

червямъ ничтожнымъ. У васъ былъ такой видъ, точно вы отъ всего сердца радовались, что намъ такъ досталось.

— Нътъ, вы ошибаетесь.

Пауза.

— Я чрезвычайно радъ, что встрътилъ васъ на своемъ жизненномъ пути,—заговорилъ Иргенсъ какъ можно равнодушнъе.— Мнъ достаточно увидать васъ, чтобы придти въ радостное настроеніе. Какъ это, должно быть, чудесно—обладать способностью вызывать въ другихъ извъстное ощущеніе счастья однимъ только своимъ появленіемъ!

Слова эти показались ей неправдопобными, но онъ такъ искренно проговорилъ ихъ, что она не ръшилась высказать ему свое недовольство; она отвътила, улыбаясь:

— Мнѣ жаль васъ, если у васъ нѣтъ никого, кромѣ меня, кто бы приводилъ васъ въ радостное настроеніе.

Видитъ Богъ, она не хотъла ему сдълать больно, она сказала это самымъ невиннымъ образомъ, безъ всякой задней мысли. Но когда Иргенсъ опустилъ голову и пробормоталъ:—О, да, я понимаю!—ей вдругъ пришло въ голову, что словамъ ея можно было придать и другой смыслъ, и она поспъшила прибавить:—Потому что меня въдь вы не всегда будете видъть. Я, впрочемъ, на лъто уъду на дачу и вернусь опять въ городъ, должно быть, не раньше осени.

Онъ остановился.

- Вы уѣзжаете на дачу?
- Да. Я проведу лъто съ фру Тидемандъ. Ръшено, что ябуду жить у нихъ на дачъ.

Иргенсъ молчалъ, молчалъ и думалъ о чемъ-то.

— Вы навѣрное знаете, что Тидеманды ѣдутъ на дачу?— спросилъ онъ.—Мнѣ казалось, что это еще не окончательно рѣшено у нихъ?

Оготъ кивнула головой и сказала, что вопросъ этотъ теперь рѣшенъ окончательно.

Они пошли дальше.

- Да, это нѣчто, что мнѣ совершенно недоступно,—сказалъ онъ съ меланхолической улыбкой.—На дачу мнѣ не попасть.
  - Нѣтъ? Почему?

Она сейчасъ-же пожалъла, что спросила, конечно, у него не было средствъ для этого. И всегда-то она сдълаетъ какую-нибудь неделикатность, безтактность—это прямо ужасно! Чтобы избавить его отъ необходимости отвъчать, она второпяхъ произнесла нъсколько ничего не говорящихъ словъ.

- Нътъ, когда меня тянетъ на дачу, я нанимаю подку и уъзжаю на пару часовъ на островъ,—сказалъ онъ, все еще продолжая меланхолически улыбаться.—Тамъ пахнетъ дичью.
- На островъ? Она подняла голову. Ахъ, да, островъ, я еще на немъ не была. Тамъ красиво?
- Да, нъкоторыя мъста чрезвычайно красивы, отвътилъ онъ.—Я знаю тамъ каждый уголокъ. Если бы вы разръшили мнъ повезти васъ туда когда-нибудь, вы бы...

Это была не простая вѣжливость, въ этихъ словахъ заключалась просьба, она это хорошо слышала. Но она тѣмъ не менѣе, отвѣтила, что не знаетъ, да, это, пожалуй, было бы интересно, но... Пауза.

— Многія изъ своихъ стихотвореній я написалъ тамъ, — продолжалъ онъ, — я могъ бы вамъ показать, гдѣ именно.

Оготъ молчала.

Сдълайте это! — сказалъ онъ вдругъ и хотълъ взять ея руку.

Въ эту самую минуту на лѣстницѣ показался Оле Генриксенъ и сталъ спускаться къ нимъ. Иргенсъ еще стоялъ въ той же позѣ, съ протянутой рукой, съ мольбой во взорѣ.

— Сдѣлайте это!—прошепталъ онъ.—Скажите "да"! Она бросила на него быстрый взглядъ.

— Да, проговорила она тоже шепотомъ.

Оле подошелъ къ нимъ; ему не удалось снестись съ Аренда-

лемъ, онъ получитъ отвътъ не раньше завтрашняго утра. Ну, теперь въ ресторанъ! У него въ самомъ дълъ есть для нихъ маленькій сюрпризъ, у него въ карманъ послъднее произведеніе Эйена. Вотъ вы услышите его сейчасъ!

II.

Въ ресторанѣ уже собрались многіе изъ завсегдатаевъ кружка; они сидѣли за своими стаканами и оживленно разговаривали. Тидемандъ тоже былъ тамъ, сіяющій и довольный всѣмъ, что онъ видѣлъ вокругъ себя. Съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбное предпріятіе его приняло такой неожиданно счастливый оборотъ, на лицѣ его постоянно играла улыбка, и никто ни разу не видалъ его недовольнымъ. Рожь прибыла, и въ складъ Тидеманда день и ночь свозились тысячи и тысячи мѣшковъ зерна; они выростали въ цѣлыя горы, такъ что больше негдѣ было повернуться, и даже Оле Генриксенъ долженъ былъ очистить въ своемъ складѣмѣсто для зерна. Тидемандъ ходилъ по складу, и смотрѣлъ на все это богатство, и чувствовалъ гордость отъ сознанія, что и онъ хоть разъ съумѣлъ сдѣлать нѣчто крупное. Онъ ни одной минуты не жалѣлъ о томъ, что выставилъ ордеръ на такую необычайно крупную сумму.

Когда Оле вошелъ, журналистъ Грегерсенъ протянулъ ему палецъ и кивнулъ головой.

- Ты, хитрецъ, что-то скрываешь? сказалъ онъ.
- О, ничего особеннаго, отвътилъ Оле. Я получилъ письмо отъ Эйена, онъ посылаетъ мнъ свое послъднее произведеніе. Хотите его послушать?
- Посылаетъ *тебт* свое... онъ послалъ *тебт* рукопись?—спросилъ Мильде, въ высшей степени изумленный.—Никогда не слыхалъ болъе дикой вещи!
- Ну, ну, только безъ личностей!—замѣтилъ адвокатъ предостерегающе.

Оле не отвътилъ ни слова.

Да, но извини, пожалуйста, почему онъ послалъ ее тебъ,
 Оле? — спросилъ снова Мильде; онъ не могъ успокоиться.

Иргенсъ бросилъ взглядъ на Оготъ; у нея былъ такой видъ, словно она только однимъ ухомъ слушала, что тутъ происходило; она, впрочемъ, разговаривала съ фру Ганкой. Иргенсъ повернулся къ Мильде и сказалъ ему коротко и ясно, что есть извъстный предълъ нахальства, который даже друзьямъ не полагается переступать, онъ понялъ?

Мильде разразился смѣхомъ. Онъ никогда, помилуй его Богъ, не слыхалъ ничего болѣе уморительнаго; неужели тутъ вздумали обижаться? Онъ ничего дурнаго не думалъ... хе-хе, ничего обиднаго не имѣлъ въ виду своимъ вопросомъ. Ему только показалось ужасно смѣшно, что... Но если другіе находятъ, что это не смѣшно, то онъ готовъ,...

Оле вынулъ рукопись.

- Это нѣсколько своеобразная вещь,— сказалъонъ;— называется она: Старыя воспоминанія.
- Нѣтъ, нѣтъ, дай мнѣ читать,—быстро проговорилъ актеръ Норемъ и протянулъ руку. Въ чтеніи, я полагаю, я кое-что смыслю.

Оле передалъ ему рукопись.

"Ісгова очень занятъ..." началъ Норемъ.—Здѣсь, на поляхъ, у Эйена замѣчено, что это Ісгова, а отнюдь не Іавэ. Примите къ свѣдѣнію.

"Ісгова очень занятъ, у Ісговы много дъла. Онъ посътилъ меня однажды ночью, когда я бродилъ по лъсу; онъ спустился ко мнъ въ то время, какъ я лежалъ, распростертый на землъ, и молился.

"Я лежалъ на землѣ и молился въ тиши ночи, и лѣсъ кругомъ молчалъ. И ночь была подобна огромной застывшей безформенности; и ночь была подобна молчанію, въ которомъ что-то нѣмое дышало и беззвучно шевелилось.

"И Ісгова спустился ко мнъ.

"И когда Ieroва спускался, воздухъ трепеталъ вокругъ него и птицы разлетались во всѣ стороны, а самъ я крѣпко держался за землю, и деревья, и камни.

- "— Ты взываешь ко мнъ? —произнесъ Ісгова.
- " Я взываю къ тебъ въ нуждъ своей, отвътилъя.

"И Ісгова сказалъ:—Ты хочешь знать, что тебѣ выбрать въ жизни, красоту, любовь или истину?—И Ісгова снова сказалъ:— Ты это хочешь знать?

"И на слова его: "ты это хочешь знать"? я ничего не отвътилъ, но молчалъ, ибо онъ зналъ мои мысли.

"И Іегова коснулся очей моихъ, и я увидалъ:

"Я увидалъ высокую женщину на фонѣ неба. На ней не было одежды, и когда она шевелилась, тѣло ея колыхалось, словно бѣлый шелкъ, и на ней не было одежды; ибо тѣло ея трепетало мнѣ на встрѣчу въ упоеніи восторга.

"И она стояла, озаренная на фонѣ неба восходящимъ солнцемъ, да, въ сіяніи утренней зари; и солнце свѣтило на нее, и пурпурно-красный свѣтъ разливался по небу, да, красный свѣтъ, словно море крови, струился вокругъ нея.

"И она была высока и бѣла, и глаза ея были подобны двумъ синимъ цвѣткамъ, ласкавшимъ душу мою, когда она обращала на меня взглядъ; и она заговорила со мной, она манила меня, манила къ себѣ, и голосъ ея былъ подобенъ мягкому морскому прибою, и словно дыханіе моря струилось отъ него на меня.

"И я поднялся отъ земли и протянулъ къ ней руки, и когда я протянулъ къ ней объ руки мои, она снова стала манить меня къ себъ, и отъ тъла ея въяло радостью. И я чувствовалъ съ восхищенемъ, какъ подымаюсь все выше и выше, и я поднялся до нея и протянулъ къ ней свои уста въ сіяніи утренней зари, и въки мои сомкнулись...

"Когда я раскрылъ глаза, женщина была стара. Женщина была стара, и тъло ея поблекло отъ старости, и не было въ ней почти

больше жизни. Но когда я раскрылъ глаза, небо было черно, да черно, какъ ночь, и женщина была безъ волосъ; я поднялъ на нее глаза и не узналъ ея, и не узналъ больше неба. И когда я снова поднялъ глаза на женщину, она исчезла.

«— Это была красота,—сказалъ Іегова.—Красота проходитъ. Я Іегова.

"И Іегова снова коснулся очей моихъ, и я увидалъ:

"Я увидалъ высоко вверху террасу передъ замкомъ. На ней было двое человѣкъ, и эти двое человѣкъ на террасѣ были молоды и полны радости и счастья. И солнце свѣтило на замокъ и на террасу, и солнце свѣтило на обоихъ молодыхъ людей, и лучи го падали на землю, глубоко, глубоко внизъ, на жесткіе камни дороги. И людей было двое на террасѣ, мужчина и женщина въ расцвѣтѣ молодости, и оба шептали другъ другу нѣжныя слова, и оба прижимались другъ къ другу, полные страсти.

"— Взгляни на этотъцвътокъ на груди моей, — сказалъ онъ, — ты слышишь, что онъ говоритъ? — И онъ прислонился къ балюстрадъ террасы и сказалъ: — этотъ цвътокъ, который ты мнъ дала, шепчетъ, онъ склоняется къ тебъ своими лепестками и шепчетъ тебъ: воэлюбленная, царица, Альвильда, Альвильда! Ты слышишь это?

«И она улыбнулась и опустила глаза; и она взяла его руку и прижала ее къ своему сердцу и сказала:—Но слышишь ли ты, что мое сердце говорить тебѣ? Мое сердце стремится къ тебѣ, и кровь горячей волной приливаетъ къ нему, и оно трепещетъ отъ волненія и лепечетъ тебѣ въ радостномъ смущеніи: возлюбленный, твой взглядъ останавливаетъ біеніе мое, и я замираю, когда ты смотришь на меня, возлюбленный!

"Онъ стоялъ, прислонясь къ балюстрадъ террасы, и грудь его вздымалась отъ любви. А глубоко, глубоко внизу зіяла пропасть и чуть виднълись на днъ ея жесткіе камни дороги. И онъ указалъ пальцемъ вглубь и сказалъ:—Скажи слово, и я брошусь туда?—И онъ снова сказалъ:—Брось внизъ твое опахало, и я

послѣдую за нимъ!—И грудь его высоко вздымалась при этихъ словахъ, и онъ оперся рукой на балюстраду террасы и приготовился прыгнуть.

"Я испустилъ крикъ и закрылъ глаза...

"Когда я открылъ глаза, я снова увидалъ этихъ двоихъ людей; они были оба старше, и оба въ полномъ цвѣтѣ силъ. И эти двое людей больше не говорили другъ съ другомъ; они молчали и таили свои мысли. И я взглянулъ на небо, и небо было сѣро; и двое людей подымались по бѣлымъ ступенямъ террасы въ замокъ, и сердце ея было полно равнодушія; болѣе того, взглядъ ея холодныхъ глазъ былъ полонъ ненависти. И когда я въ третій разъ взглянулъ на нихъ, то и его взглядъ былъ полонъ гнѣва и волосы его посѣдѣли и были сѣры, какъ сѣрое небо.

"И когда они подымались по ступенямъ лъстницы, она уронила свое опахало, и оно упало на одну ступеньку ниже. И дрожащими губами она промолвила, указывая пальцемъ назадъ:—Я уронила свое опахало, оно лежитъ только одной ступенькой ниже; подыми его, милый!

"Но онъ ничего не отвътилъ и пошелъ дальше и позвалъ слугу, чтобы тотъ поднялъ его.

"— Это была любовь,—сказалъ Іегова.—Любовь проходитъ. Я Іегова.

"И Іегова коснулся очей моихъ въ послѣдній разъ, и я увидалъ:

"Я увидалъ городъ и площадь и увидалъ эшафотъ. И, вслушавшись, я услыхалъ гулъ множества голосовъ; и, всмотръвшись, я увидалъ множество людей; они громко говорили и скалили зубы отъ радости. И я увидалъ человъка со связанными руками, преступника, связаннаго кожанными ремнями; и связанный преступникъ былъ человъкъ съ гордымъ лицомъ, и глаза его сверкали, какъ звъзды. Но на немъ былъ разорванный плащъ, и ноги его были босы; да, отъ одежды его почти ничего не остава лось, и плащъ его былъ поношенъ и изорванъ. "И я продолжалъ слушать и услыхалъ голосъ, и, всмотрѣвшись, я увидалъ, что это говоритъ преступникъ. И рѣчь его была краснорѣчива. И ему приказали молчать, но онъ продолжалъ говорить, онъ изобличалъ, онъ громко взывалъ; и хотя ему приказали молчать, онъ не испугался и не замолчалъ изъ страха. И такъ какъ преступникъ этотъ все говорилъ, то толпа подскочила къ нему и зажала ему ротъ; и онъ, онѣмѣвъ, сталъ показывать на небо и на солнце, и сталъ показывать на свое сердце, которое еще горячо билось въ его груди, и толпа опять набросилась на него и стала его бить. И когда толпа начала его бить, преступникъ упалъ на колѣни; и онъ стоялъ, колѣнопреклоненный, скрестивъ руки, и молча, безъ словъ, продолжалъ изобличать, несмотря на то, что его били.

"И я взглянулъ на этого преступника и взглянулъ въ его глаза, сіявшіе, какъ звѣзды; и я увидалъ, что толпа повалила его и прижала его къ эшафоту. И когда я снова взглянулъ, въ воздухѣ промелькнулъ топоръ, и я услыхалъ ударъ топора объ дерево эшафота и радостный гулъ толпы. И я продолжалъ слушать и услыхалъ, какъ вся толпа, точно одинъ человѣкъ, въ изступленіи радости возносила къ небу торжествующіе крики.

"Голова же преступника покатилась по землѣ, и толпа подскочила, и схватила ее за волосы, и подняла ее кверху. И гопова преступника снова заговорила, и продолжала изобличать во всеуслышаніе, и громкимъ голосомъ произносила слова, которыя она хотѣла сказать. И голова преступника не молчала и въ смерти.

"Тогда толпа опять ринулась къ головъ преступника и схватила ее за языкъ. И языкъ его, побъжденный, замолкъ, и языкъ его больше ничего не могъ произнести. Но глаза его были подобны звъздамъ, подобны сверкающимъ звъздамъ, которыя всъ могли видъть...

"И Іегова сказалъ:

"— Это была истина. И истина не молчитъ даже тогда,

когда ей отрубаютъ голову. И когда ей связываютъ языкъ, глаза ея сверкаютъ, какъ звъзды. Я Ісгова.

"И когда Іегова произнесъ эти слова, я повалился лицомъ на земь и ничего не сказалъ, я молчалъ и, молча, думалъ. И я думалъ о томъ, что красота была прекрасна, пока не исчезла, и любовь была сладостна, пока не прошла; и я думалъ объ истинъ, которая въчна, какъ въчныя звъзды. И я съ трепетомъ думалъ объ истинъ.

"И Іегова сказалъ:

"— Ты хочешь знать, что тебѣ избрать въ жизни?— И Іегова снова сказалъ:—Избралъ ли ты?

"Я лежалъ ницъ и отвътилъ, обуреваемый мыслями:

"— Красота была прекрасна и любовь была упоительна, но если я изберу истину, она будетъ подобна вѣчнымъ звѣздамъ.

"И Іегова снова возвысилъ голосъ и повторилъ:

"- Избралъ ли ты?

"И мысли кружились въ головъ моей и вели жестокую борьбу въ моемъ мозгу. И я отвъчалъ:

"— Красота была подобна утренней заръ. — И сказавъ это, я прибавилъ шопотомъ: — И любовь тоже была упоительна, какъ звъздочка, засіявшая въ душъ моей.

"Но тутъ я почувствовалъ на себъ око Іеговы, и око Іеговы читало мои мысли. И снова, въ третій разъ заговорилъ Іегова и спросилъ:

"- Избралъ ли ты?

"И когда онъ въ третій разъ сказалъ:—"Избралъ ли ты?"— глаза мои раскрылись отъ ужаса, и я не чувствовалъ больше въ себъ силъ. И когда онъ въ послъдній разъ сказалъ:—"Избралъ ли ты?"—я подумалъ о красотъ и о любви, я подумалъ о томъ и о другомъ, и я отвътилъ Іеговъ:

	"		7	1	изо	ир	аю	и	CT	ин	у.												
		٠	٠						٠		٠	٠	٠		•			٠	13				
,	,, F	lo	Я	1	все	eı	це	ду	/Ma	аю	0			٠		٠		٠	,		5 5		*

— Это все, — закончилъ Норемъ.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Наконецъ, журналистъ сказалъ, улыбаясь:

- Я молчу. Потому что знаю, что Мильде хочетъ что-то сказать.

Мильде не сталъ отнѣкиваться. Да и чего ему отнѣкиваться! Напротивъ, онъ имѣетъ сдѣлать замѣчаніе: не можетъ ли ему кто-нибудь сказать, что все это должно означать? Онъ восхищается Эйеномъ не менѣе искренно, чѣмъ другіе, но все-таки. И есть-ли хоть какой-нибудь смыслъ во всѣхъ этихъ "Іегова сказалъ" и "Іегова снова сказалъ?" Онъ желалъ бы, чтобы ему отвѣтили на это.

- Послушайте, Мильде, отчего вы всегда такъ дурно относитесь къ Эйену?—сказала фру Ганка.—Старыя воспоминанія—неужели вы не понимаете? По моему, это такъ тонко, столько въ этомъ настроенія, я все это чувствовала. Пожалуйста, не портьте мнѣ впечатлѣнія.—И повернувшись къ Оготъ, она спросила:—Вы не находите тоже, что это красиво?
- Милая фру Ганка!—воскликнулъ Мильде, развѣ ужъ я всегда такъ дурно отношусь къ Эйену? Я ли не желаю ему отъ души получить стипендію, хотя самому тогда придется остаться съ носомъ? Но эти пресловутыя новыя цѣли, новыя направленія и т. д... Старыя восполинанія. Прекрасно! Но въ чемъ же, собственно говоря, тутъ соль? Іегова никогда не былъ у него, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, все это выдумано. Да и кромѣ того, что ему мѣшало избрать все, и красоту, и любовь, и истину? Я бы именно такъ и поступилъ. Въ чемъ же сущность этой вещи?
- Въ томъ-то и дѣло, что никакой опредѣленной сущности тутъ и не должно быть вовсе, отвѣчаетъ Оле Генриксенъ. Эйенъ самъ говоритъ это въ письмѣ ко мнѣ. Эта вещь должна дѣйствовать гармоніей звуковъ, говоритъ онъ.

- Ахъ, вотъ оно что.... Нѣтъ, этотъ человѣкъ неисправимъ, куда бы онъ ни уѣзжалъ; въ этомъ все дѣло. Даже горы на него не дѣйствуютъ. Ни козье молоко, ни лѣсной воздухъ, ни деревенскія дѣвушки не оказываютъ на него ни малѣйшаго дѣйствія, если можно такъ выразиться... Впрочемъ, я все еще не могу понять, почему онъ послалъ рукопись $me\delta n$, Оле. Но если это оскорбленіе спрашивать объ этомъ, то...
- Я тоже не знаю, почему онъ послалъ ее именно мнѣ,— сказалъ и Оле.—Онъ хочетъ, говоритъ онъ, что бы я видѣлъ, что онъ работаетъ, что онъ не сидитъ сложа руки. Впрочемъ, онъ собирается вернуться въ городъ, въ Торахусѣ онъ не въ состояніи больше оставаться.

Мильде свиснулъ.

- A, ну, теперь я понимаю! Онъ проситъ у тебя денегъ на дорогу?—спросилъ онъ.
- У него навърное немного денегъ теперь, конечно; и этого и слъдовало ожидать, отвътилъ Оле, пряча рукопись въ карманъ. Мнъ кажется, право, что это замъчательное произведене, что бы ни говорили...
- Да, да, голубчикъ, но ужъ лучше не говори о поэзіи, Оле, сдѣлай одолженіе,—прервалъ его Мильде. Но, почувствовавъ, что это было слишкомъ ужъ невѣжливо по отношенію къ бѣдному купцу, да еще въ присутствіи Оготъ, онъ поторопился добавить:
- Я хочу сказать... Не правда ли, это такъ скучно только и слышать все время, что о поэзіи, да о поэзіи? Для разнообразія не лучше ли поговорить о сельдяномъ уловѣ, что ли, или о желѣзнодорожной политикъ... Ты, кажется, закупилъ неимовърное количество ржи, Тидемандъ?

Замътивъ, что не только Мильде, но и другіе смотрятъ на него выжидающе, Тидемандъ не могъ пропустить мимо ушей вопросъ живописца и долженъ былъ отвътить.

Да, онъ, дъйствительно, пошелъ на нъкоторый рискъ, этого

онъ не можетъ отрицать. Теперь все зависить отъ того, какъ пойдутъ дъла въ Россіи, будетъ ли тамъ сносный урожай; въ такомъ случат его собственное положеніе окажется не очень блестящимъ, если онъ останется со всей этой массой ржи. Если въ Россіи еще пойдутъ дожди, то...

— Дожди начались, — сказаль журналисть. — На огромныхъ пространствахъ уже выпали дожди, судя по сообщеніямъ англійскихъ газетъ... Ты, впрочемъ, будешь продавать свою рожь?

Да, конечно, Тидемандъ начнетъ продавать, какъ только получитъ подходящую цъну. Онъ для того и купилъ, чтобы потомъ продать.

Мильде наклонился къ Паульсбергу и сталъ съ нимъ говорить шепотомъ. Стихотвореніе въ прозѣ Эйена, какъ-никакъ, встревожило его нѣсколько; онъ не былъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что въ этомъ человѣкѣ что-то кроется, въ этомъ соискателѣ стипендіи; каково мнѣніе Паульсберга?

- Ты знаешь, я неохотно высказываюсь въ подобныхъ вопросахъ передъ однимъ противъ другого, — отвътилъ Паульсбергъ.—Я заходилъ нъсколько разъ въ департаментъ, я высказалъ свое мнъніе; надъюсь, что ему будетъ удълено нъкоторое вниманіе.
- Конечно, конечно, я не за тѣмъ... Да, завтра закрывается выставка, надо намъ приняться за дѣло серьезно и кончить твой портретъ. Можешь ты завтра придти на сеансъ?

Паульсбергъ кивнулъ головой. Затѣмъ онъ чокнулся черезъ столъ съ журналистомъ и прервалъ разговоръ.

Иргенса мало-по-малу снова покинуло его хорошее настроеніе; онъ былъ не въ духъ оттого, что о его книгъ даже не упомянули. А между тъмъ, было ли въ настоящій моментъ что-нибудь крупнъе ея? Эти мыльные пузыри Эйена давно всъмъ извъстны; Иргенсъ пожалъ плечами. Паульсбергъ ни однимъ словомъ не намекнулъ, что ему нравится его книга. Ужъ не воображаетъ ли онъ, что его станутъ спрашивать объ этомъ? Но для этого Ир-

генсъ слишкомъ гордъ. Онъ, впрочемъ, можетъ обойтись и безъ мнѣнія Паульсберга.

Иргенсъ поднялся.

— Вы уходите, Иргенсъ? — спросила фру Ганка.

И Иргенсъ подошелъ къ ней, простился съ ней и Оготъ, кивнулъ, проходя мимо, остальнымъ и покинулъ ресторанъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по улицѣ, онъ услыхалъ, что кто-то его зоветъ. Это фру Ганка догоняла его. Она оставила свою накидку въ кафе и выбѣжала только, чтобы еще разъ сказать ему спокойной ночи. Развѣ это не мило съ ея стороны? Она смѣялась и была очень счастлива.

— Я почти не видала тебя съ тѣхъ поръ, какъ твоя книга вышла. О, какъ я наслаждалась каждымъ словомъ!— сказала она, всплескивая руками и шагая рядомъ съ нимъ. И, чтобы быть какъ можно ближе къ нему, она сунула руку въ карманъ его пальто. Онъ замѣтилъ, что она оставила при этомъ у него въ карманъ конвертъ; это было похоже на нее, она всегда была полна любви къ нему и всегда у нея было наготовъ для него доброе слово.

— Ахъ, эти стихи, эти стихи!—сказала она снова.

Онъ больше не могъ сдерживаться, это горячее восхищеніе такъ благодѣтельно дѣйствовало на него. Онъ хотѣлъ отблагодарить ее чѣмъ-нибудь, показать ей, какъ она ему дорога, и въ порывѣ откровенности онъ разсказалъ ей, что тоже просилъ о стипендіи; что она на это скажетъ? Да, онъ въ самомъ дѣлѣ просилъ о стипендіи, и онъ тоже, и сдѣлалъ это тихо и скромно, не приложивъ ни единой рекомендаціи. Онъ послалъ свою книгу; вѣдь этого достаточно?

Пораженная, Ганка съ минуту молчала.

- Тебѣ плохо приходилось въ послѣднее время? сказала она, ты нуждался... я хочу сказать, и тебѣ пришлось просить стипендію...
  - Но, Боже мой, сказалъ онъ, смъясь, на что же суще-

ствуютъ стипендіи? Я не нуждался, я не потому просилъ ее. Но почему же не сдѣлать попытки, если это не сопряжено съ униженіемъ? А унижаться я не сталъ, на это можешь положиться: я, нижеподписавшійся, желаю получить стипендію, прилагаю при семъ свою послѣднюю книгу. Вотъ и все. Никакихъ расшаркиваній, никакихъ заискиваній. И если посмотрѣть на моихъ конкуррентовъ, то надо сказать, что я не послѣднее мѣсто занимаю въ ихъ ряду; какъ ты думаешь?

Она улыбнулась и сказала:

- Нътъ, въ ихъ ряду ты занимаешь не послъднее мъсто! Онъ прижалъ ее къ себъ и прошепталъ:
- Теперь тебѣ пора вернуться, Ганка, я провожу тебя обратно... Да, все хорошо, покуда ты здѣсь, въ городѣ; но когда ты уѣдешь, станетъ совсѣмъ тоскливо. Нѣтъ, я этого не вынесу!
  - Я въдь поъду только на дачу, сказала она.
- Да, да, но этого достаточно. Мы все-таки будемъ разлучены, потому что я не могу уъхать изъ города. Когда ты переъзжаешь?
  - Черезъ недѣлю, я думаю.
- О, Ганка, если бы ты осталась въ городѣ! сказалъ онъ и остановился.

Пауза. Ганка стояла и соображала.

— Ты былъ бы радъ, если бы я осталась? — спросила она. — Тогда я останусь. Да, я останусь. Это хуже для дътей, но... Я сама, въ сущности, тоже буду рада, если изъ этого ничего не выйдетъ.

Они приблизились къ ресторану.

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ, внѣ себя отъ радости. — Благодарю тебя, Ганка. Когда я тебя увижу? Я такъ соскучился по тебѣ.

Три дня спустя Иргенсъ получилъ записку отъ фру Ганки.

Съ утра онъ вышелъ изъ дому, встрътилъ на улицѣ нѣсколькихъ знакомыхъ и присоединился къ нимъ; по обыкновенію, онъ говорилъ очень мало, но былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи. Онъ видѣлъ большой портретъ Ларса Паульсберга, выставленный въ художественномъ магазинѣ, въ самой большой витринѣ, мимо которой всѣ проходили; передъ витриной постоянно толпился народъ. Портретъ былъ написанъ легко и эффектно, раздушенная фигура Паульсберга благородно выдѣлялась въ простомъ плетеномъ креслѣ, и въ публикѣ перешептывались и спрашивали другъ друга, въ этомъ ли креслѣ онъ писалъ свои сочиненія. Во всѣхъ газетахъ появились хвалебные отзывы о портретѣ.

Иргенсъ сидълъ со стаканомъ вина въ рукахъ и разсъянно прислушивался къ разговорамъ товарищей. Тидемандъ продолжалъ быть въ хорошемъ настроеніи, надежды его росли со дня на день, дожди въ Россіи не пугали его. Нътъ, рожь еще не подымается въ цънъ, но она подымется. Вдругъ Иргенсъ насторожился, Тидемандъ заговорилъ о дачъ.

— Намъ въ этомъ году не придется поѣхать на дачу, —сказалъ онъ; —Ганка думаетъ... Я прямо заявилъ своей женѣ, что если она хочетъ ѣхать на дачу, пусть ѣдетъ безъ меня; мнѣ такъ усиленно приходится теперь слѣдить за дѣлами, что я совершенно не могу отлучиться. Ганка тоже находитъ это, мы съ ней одного мнѣнія. Она поэтому тоже остается въ городѣ.

Въ эту минуту дверь открылась и вошелъ Мильде. Толстякъ весь сіялъ и сейчасъ же заговорилъ, торопясь подълиться радостнымъ извъстіемъ, которое онъ принесъ:

— Поздравьте меня, господа, я выигралъ въ лотерею! Можете вы себъ представить, департаментъ въ неизръченной мудрости своей присудилъ мнъ стипендію!

— Тебъ?

- Да, миж,—сказалъ Мильде и, задыхаясь, опустился на стулъ.—Вы всъ разинули рты? Я сдълалъ то же самое. Я, такъ сказать, въ этомъ совершенно неповиненъ, я самъ былъ пораженъ.
  - $Te\delta n$ досталась стипендія?—спросилъ Иргенсъ медленно. Мильде кивнулъ головой:
- Да, можешь себъ представить? Я, можно сказать, изъ-подъ носа у васъ всъхъ взялъ ее. Ты, Иргенсъ, какъ я слышалъ, тоже добивался ея?

За столомъ наступила тишина. Такого исхода никто не ожидалъ, и всѣ ломали себѣ головы, стараясь доискаться причины. Слыхано ли что-нибудь подобное, стипендія досталась Мильде!

- Да, да, поздравляю тебя!—сказалъ Тидемандъ, протягивая ему руку.
- Ерунда! Безъ торжественности, пожалуйста! Но теперь, Тидемандъ, ты долженъ одолжить мнѣ немного денегъ, для того, чтобы я могъ васъ всѣхъ угостить. Идетъ? Ты получишь ихъ обратно изъ стипендіи.

Иргенсъ посмотрѣлъ на часы, точно вдругъ вспомнивъ что-то, и поднялся.

— Да, да, и я поздравляю тебя тоже,—сказалъ онъ.—Какъ досадно, что я не могу остаться, мнѣ надо идти... Нѣтъ, что я выставилъ свою кандидатуру, этому есть причина, я это сдѣлалъ собственно не изъ-за денегъ,—пояснилъ онъ, чтобы какъ-нибудь спасти ситуацію.—Я разскажу тебѣ это въ другой разъ.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ журналистомъ Грегерсеномъ, который сейчасъ же, коверкая слова, тоже заговорилъ о стипендіи. Не могло быть больше никакого сомнѣнія, стипендія, дѣйствительно, досталась Мильде.

Иргенсъ отправился домой. Ага, такъ Мильде былъ этимъ счастливцемъ! Теперь до очевидности ясно, какъ Норвегія награждаетъ свои таланты! Онъ, можно сказать, выложилъ передъ самымъ носомъ этихъ жалкихъ душенокъ всю свою богатую

лирику, а они даже не понимають, что у нихъ передъ глазами; они не въ состояніи видѣть, что это поэзія, чистѣйшая поэзія, единственныя въ своемъ родѣ вещи. О, Боже милостивый, кому оказали предпочтеніе передъ нимъ? Мильде! Попросту маляру Мильде, первому коллекціонеру женскихъ корсетовъ въ городѣ! Это, видитъ Богъ, высшая степень мерзости!

Впрочемъ, онъ чувствуетъ, въ чемъ тутъ дѣло: за всѣмъ этимъ стоитъ Паульсбергъ. Ларсъ Паульсбергъ приложилъ свою руку. Но этотъ человѣкъ никогда ничего не дѣлаетъ даромъ, онъ никогда не поможетъ никому, если не видитъ въ этомъ выгоды для себя самого. Если N. N. будетъ дѣйствовать въ его пользу, то и онъ въ свою очередь будетъ дѣйствовать въ пользу N. N.; въ противномъ случаѣ нѣтъ. Такъ напримѣръ, онъ не пишаетъ журналиста Грегерсена своего общества; но этотъ самый журналистъ Грегерсенъ въ благодарность помѣщаетъ въ газетѣ замѣтки о малѣйшемъ шагѣ Паульсберга, вплоть до его поѣздки въ Гэнефосъ. Вотъ какъ обстояло дѣло. Паульсбергъ поддержалъ кандидатуру Мильде въ департаментѣ, а Мильде въ отплату написалъ портретъ Паульсберга. Всегда и всюду реклама, связи и тайные уговоры! Вездѣ и во всемъ одна купля и продажа!

Поровнявшись съ витриной художественнаго магазина и увидавъ опять портретъ Паульсберга, Иргенсъ презрительно сплюнулъ на сторону. Ну, его не такъ легко провести, онъ насквозь видитъ эту низость. Но настанетъ и на его улицъ праздникъ, придетъ время, когда и онъ съумъетъ выдвинуться.

Но Мильде! Пусть бы это быль хоть Эйенъ, еще куда ни шло. Потому что Эйенъ все-таки трудился, Эйенъ весь ушель въ свою работу; это быль тонкій и не совсѣмъ обыкновенный талантъ, онъ писалъ прелестныя вещицы, и Иргенсъ отъ души желалъ ему всяческаго успѣха; въ озлобленіи отъ собственной неудачи ему даже пришло въ голову, не выступить ли ему съ пуб личнымъ протестомъ въ пользу необыкновенно одареннаго Эйена. Но тогда скажугъ, что онъ это сдѣлалъ изъ зависти къ Мильде,

въдь въ толпъ съ такой пегкостью рождаются самыя низкія подозрънія. Нътъ, впредь онъ поведетъ другую линію; ему нечего считаться съ къмъ бы то ни было, и онъ дастъ имъ это почувствовать. Подумать только, Мильде!

И какимъ образомъ Ларсъ Паульсбергъ имѣетъ вліяніе на присужденіе стипендій? Положимъ, онъ никогда не гнушался вести дружбу съ газетами, это правда. У него были здъсь и тамъ свои мавры, которые должны были напоминать публикъ о его существованіи, онъ съ присущей ему скромностью заботился о томъ, чтобы имя его не забывалось. Ну, а кромѣ этого? Два-три романа въ духѣ семидесятыхъ годовъ, популярная диллетантская критика по какому-нибудь элементарному вопросу изъ катехизиса, въ родѣ отпущенія грѣховъ! Хе-хе, въ сущности говоря, что все этэ, вмѣстѣ взятое, составляетъ собою, если разсмотрѣть хорошенько? Но оказывается, повидимому, что то обстоятельство, что человъкъ имъетъ за себя прессу, дълаетъ изъ него уважаемую всеми личность; оказывается даже, что слово его имеетъ весъ. Да, это хитрый парень, настоящій пройдоха; онъ знаетъ, что дълаетъ, когда позволяетъ даже своей женъ принимать отдающія трактиромъ любезности журналиста Грегерсена. Фи, что за мер-30CTL

Нѣтъ, къ такого рода пріемамъ онъ, Иргенсъ, не станетъ прибѣгать; не удастся ему пробиться безъ нихъ, ну, что жъ... Но онъ надѣется, что сумѣетъ пробить себѣ дорогу безъ подобнаго шарлатанства, на это онъ твердо надѣется. У него есть въ рукахъ оружіе—его перо; люди, подобные ему, довольствуются такимъ оружіемъ...

Иргенсъ отправился домой и заперся у себя въ комнатъ. До прихода фру Ганки оставалось еще достаточно времени, надо было постараться вернуть себъ къ ея приходу утерянное внутреннее равновъсіе. Неожиданное извъстіе о томъ, что стипендія ускользнула у него изъ-подъ рукъ, привело его въ такое возбужденное состояніе, что онъ долгое время не могъ писать, несмотря

на неоднократныя попытки. Внѣ себя отъ ярости, онъ поднялся и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, весь блѣдный отъ озлобленія, раздраженный до крайности сознаніемъ своего пораженія. Видитъ Богъ, онъ отомститъ за такую несправедливость; отнынѣ слова, которыя будутъ выходить изъ-подъ пера его, не будутъ отличаться излишней мягкостью.

Наконецъ, по прошествіи двухъ часовъ, онъ успокоился настолько, что былъ въ состояніи снова сѣсть за столъ и найти подходящія слова для выраженія своего настроенія. Строфа за строфой выходили изъ-подъ пера его; онъ сидѣлъ, поджавъ губы, и писалъ безостановочно.

За этимъ занятіемъ застала его фру Ганка.

Она вошла, по обыкновенію, немного торопливо, держась за сердце, которое всегда билось у нея отъ слишкомъ быстраго восхожденія по лѣстницѣ, и смущенно улыбаясь. Сколько разъ она ни входила въ эту комнату, она всегда въ первую минуту бывала немного смущена и, чтобы скрыть свое смущеніе, обыкновенно говорила, входя:

— Здѣсь живетъ господинъ Иргенсъ?

Но на этотъ разъ Иргенсъ не былъ расположенъ къ шуткамъ, она сразу замътила это и спросила, что случилось. Услыхавъ о постигшей его неудачъ, она тоже вся воспылала гнъвомъ; она была искренно возмущена: какая несправедливость, какой скандалъ! Такъ Мильде досталась стипендія?

- Какъ плата за портретъ Паульсберга, сказалъ Иргенсъ. Ну, противъ этого ничего не подълаешь, не принимай этого слишкомъ близко къ сердцу. Я самъ прощаю имъ это.
- Это такъ благородно съ твоей стороны, я не понимаю, какъ ты это можешь.
- Единственное дъйствіе, какое эта исторія можетъ оказать на меня, это вызвать въ душъ нъкоторую горечь. Но сломить меня она не можетъ.
  - Я этого не могу понять, —сказала она, —нътъ, я этого

не могу понять. Ты приложилъ къ прошенію свою послѣднюю книгу?

— Да, конечно... Скажите пожалуйста, моя книга! Можно подумать, что я никогда никакой книги и не выпускаль; ей, право, не придають особенной цѣны, по сегодняшній день еще ни одной замѣтки не появилось о ней.

И снова раздраженный воспоминаніемъ о томъ, что о его книгѣ ни одна газета не обмолвилась ни словомъ, онъ, стиснувъ зубы, зашагалъ по комнатѣ. Нѣтъ, теперь онъ запоетъ другую пѣсню, они еще почувствуютъ всю силу его пера.

Онъ взялъ со стола исписанный листъ бумаги и сказалъ:

- Тутъ у меня маленькое стихотвореніе, которое я только что написалъ, чернила еще не просохли...
  - О, прочитай его! попросила она.

Они съли на диванъ, и онъ началъ читать эти стихи, эти вирши такъ, какъ если бы это было какое-нибудь королевское посланіе:

У берега сидя, сигары Крутилъ онъ, коварство тая, Мечталъ для неслыханной кары Свои онъ товары Отправить въ чужіе края.

Съ утра до ночного тумана Онъ отдыха больше не зналъ,— Исполненъ безумнаго плана, Безсмънно и рьяно Въ сигары онъ порохъ всыпалъ.

Работалъ и, съ злобой слѣпою На родъ человъческій весь. Въ сигары, въ одну за другою, Съ усмѣшкою злою Всыпалъ смертоносную смѣсь.

Изумленная, она посмотрѣла на него съ огорченіемъ.

- Не надо поддаваться горечи,—сказала она. У тебя есть для этого достаточно основаній, но все-таки, милый! Ты вѣдь можешь обойтись безъ этой стипендіи. Человѣкъ съ твоимъ талантомъ! Ты вѣдь все-таки единственный.
- Да, но какой толкъ отъ того, что я единственный? Ты видишь сама, о моей книгъ газеты даже не упомянули!

Въ первый разъ, въ самый первый разъ фру Ганка смутно почувствовала, что ея поэтъ и герой не стоитъ на своей обычной высотъ. Какъ молнія, въ мозгу ея мелькнула мысль, что онъ не несетъ своего пораженія съ достаточной гордостью. Она посмотръла на него внимательнъе: отъ неудачи, которую онъ испыталъ, каріе глаза его казались блъднъе, губы его были поджаты и ноздри раздувались отъ волненія. Все это промелькнуло у нея въ душъ, какъ молнія.

Въ довершение всего онъ сказалъ:

— Ты, впрочемъ, могла бы мнѣ оказать большую услугу и заинтересовать немного Грегерсена въ пользу моей книги, для того чтобы о ней хоть въ "Вѣдомостяхъ" появилась, наконецъ, замѣтка. — Но замѣтивъ удивленіе на ея лицѣ и пристальный взглядъ, которымъ она посмотрѣла на него, онъ прибавилъ: — конечно, тебѣ незачѣмъ обращаться къ нему съ непосредственной просьбой, а только слегка намекнуть, дать понять самымъ незамѣтнымъ образомъ.

Иргенсъ ли это? Но она сейчасъ же вспомнила то тяжелое положеніе, въ которомъ онъ дѣйствительно находился въ настоящее время. Онъ былъ, въ сущности говоря, совершенно одинокъ и еще долженъ былъ бороться съ интригой; это его вполнѣ извиняло. Она, впрочемъ, сама должна была сдѣлать этотъ шагъ

и не ставить своего поэта въ унизительную необходимость просить ее объ этомъ. Да, она непремънно поговоритъ съ Грегерсеномъ, ей стыдно, что она раньше не подумала объ этомъ.

Иргенсъ искренно поблагодарилъ ее; его озлобленіе прошло. Они сидъли, молча, въ углу дивана, какъ вдругъ она сказала:

- Послушай, въдь я чуть не попалась съ краснымъ галстукомъ! Ты помнишь красный галстукъ, что я у тебя взяла разъ? Ну, сошло еще благополучно; но онъ его видълъ.
- Въ самомъ дѣлѣ? онъ его видѣлъ? Какъ ты неосторожна! Что онъ сказалъ?
- Ничего. Онъ никогда ничего не говоритъ. Я носила его здъсь, на груди, и онъ у меня выпалъ. Ну, не будемъ объ этомъ больше говорить, это пустяки... Когда я тебя снова увижу?

Всегда, всегда ея нѣжность была одинаково велика. Иргенсъ взялъ ея руку и сталъ ее гладить. Какъ онъ счастливъ, что имѣетъ ее! Она единственный человѣкъ, который относится къ нему хорошо, во всемъ свѣтѣ у него никого нѣтъ, кромѣ нея... Какъ же обстоитъ дѣло съ дачей, она не ѣдетъ?

Нътъ, она не ъдетъ на дачу. И она откровенно разсказала, что убъдила своего мужа перемънить ръшеніе; ей это далось безъ всякаго труда, онъ тотчасъ же согласился. Но, какъ она уже замътила, это своего рода гръхъ по отношенію къ дътямъ.

- Да, подтвердилъ и Иргенсъ. Вдругъ онъ спросилъ тихо:
- Ты заперла дверь на ключъ, когда вошла?

Она взглянула на него, опустила глаза и прошептала:

— Да.

IV.

Было утро 17-го мая. Надъ городомъ раздавалось пѣніе птицъ. Угольщикъ, съ лопатой на плечѣ, подымается съ набережной; онъ возвращается съ ночной работы; весь черный, усталый и мучимый жаждой, онъ спѣшитъ домой. Городъ начинаетъ просы-

паться; то здѣсь, то тамъ подымаются кверху шторы, въ окнахъ появляются флаги. Сегодня праздникъ, семнадцатое мая.

Всѣ магазины закрыты, въ школахъ нѣтъ занятій, съ верфей и фабрикъ не доносится шума. Одни только ворота не молчатъ, и шумъ, производимый ихъ попастями, звучитъ въ ясномъ утреннемъ воздухѣ, какъ радостное ура. Готовящіяся отплыть суда выпускаютъ бѣлые клубы пара изъ боковыхъ отверстій и нагружаются товарами; двери амбаровъ открыты, въ гавани кипитъ жизнь.

Почтальоны и телеграфные разсыльные начали уже свою бѣготню по городу; они бѣгутъ отъ двери къ двери, каждый со своими новостями, оставляя въ дверныхъ щеляхъ самыя разнообразныя извѣстія и сѣя на пути своемъ бури и волненія въ сердцахъ человѣческихъ.

Потерявшая своего козяина собака мчится съ опущенной головой по улицамъ, обнюхивая камни мостовой и не обращая вниманія ни на что другое, кромѣ того слѣда, который она ищетъ. Вдругъ она останавливается, дѣлаетъ радостный скачекъ и начинаетъ визжать: она нашла маленькую дѣвочку, которая разноситъ газеты, наполненныя радостными статьями, посвященными семнадцатому мая и свободѣ. И маленькая дѣвочка кидаетъ свое маленькое тѣло во всѣ стороны, дергаетъ плечами, смотритъ застывшимъ внезапно взглядомъ и снова бѣжитъ торопливо отъ двери къ двери; маленькая дѣвочка худа и слаба, она страдаетъ пляской св. Витта.

И угольщикъ продолжаетъ шагать по мостовой большими, тяжелыми шагами. Онъ корошо заработалъ въ эту ночь; эти тяжелыя, нагруженныя углемъ барки изъ Англіи и самыя разнообразныя торговыя суда со всѣхъ концовъ свѣта — это сущая благодать! Лопата его заблестѣла отъ продолжительной работы; онъ перекладываетъ ее на другое плечо, и она сверкаетъ надъ его спиной при каждомъ его движеніи, описываетъ въ воздухѣ крупные, странные зигзаги, точно острое оружіе, разрѣзаетъ воздухъ и блеститъ, какъ серебро. И шагая по улицъ своимъ твердымъ, тяжелымъ шагомъ, угольщикъ производитъ впечатлъніе единственнаго дъятельнаго мускула среди множества вывъшенныхъ флаговъ. Онъ сталкивается съ господиномъ, выходящимъ изъ воротъ дома; отъ господина этого отдаетъ запахомъ тодди, и онъ не совсъмъ твердо держится на ногахъ; пальто его подбито шелкомъ. Закуривъ сигару, онъ направляется внизъ по улицъ и скоро скрывается изъ глазъ угольщика...

У господина этого маленькое, круглое дѣвичье личико, очень блѣдное, очень тонкое. Это молодой и подающій надежды человѣкъ; это Эйенъ, поэтъ, глава и предводитель молодыхъ. Онъ уѣзжалъ въ горы, чтобы укрѣпить свое здоровье; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова вернулся въ городъ, онъ провелъ не одну веселую ночь, друзья безконечно праздновали его возвращеніе.

Недалеко отъ крѣпостного вала онъ встрѣчаетъ человѣка, который кажется ему знакомымъ; онъ останавливается и человѣкъ этотъ тоже останавливается.

— Виноватъ, не встрѣчались ли мы съ вами раньше?—спрашиваетъ Эйенъ вѣжливо.

Тотъ улыбается и отвъчаетъ:

- Да, въ Торахусъ. Мы разъ провели вмъстъ вечеръ.
- Совершенно върно, вы Кольдевинъ! Да, я помню... Какъ поживаете?
  - Да ничего... Но вы такъ рано уже встали?
  - Гмъ! Я долженъ вамъ сказать, что еще и не ложился.
  - Ахъ, вотъ какъ!
- Да. Дъло въ томъ, что я, помилуй меня Богъ, почти ни одной ночи еще не спалъ съ тъхъ поръ, какъ вернулся, мои друзья прямо разрываютъ меня на части. Ну, въ сущности говоря, это только означаетъ, что я снова въ своей стихіи. Это удивительно, господинъ Кольдевинъ, но я просто влюбленъ въ городъ, онъ восхитителенъ, очарователенъ; вы взгляните только на эти дома, на эти прямыя линіи. Я только здъсь себя и чув-

ствую дома. А тамъ, въ горахъ... нътъ, помилуй меня Богъ, хотя я уъзжалъ туда съ самыми радужными надеждами.

- Какъ же ваше здоровье? вы избавились тамъ отъ своей нервности?
- Избавился ли я отъ своей нервности?! Но, говоря по просту, моя нервность неотдълима отъ меня, это сказалъ и докторъ, она составляетъ часть меня самого, противъ этого ничего нельзя подълать.
- Значитъ, вы были въ горахъ и тамъ констатировали, что ваша нервность хроническаго свойства? Бѣдный юный талантъ, на всю жизнь обреченный на такую слабость!

Эйенъ взглянулъ на него. Кольдевинъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо; въ слѣдующее мгновеніе онъ улыбнулся и продолжалъ говорить, какъ ни въ чемъ не бывало. Значитъ, онъ себя нехорошо чувствовалъ въ деревнѣ? Но не кажется ли ему, что пребываніе въ горахъ хорошо подѣйствовало на его талантъ, освѣжило его? Нѣтъ?

- Нѣтъ, нисколько. Я полагаю. что и не нуждался ни въ какихъ средствахъ для освѣженія своего таланта.
  - Да, разумъется.
- Я написалъ тамъ, въ горахъ, длинное стихотвореніе въ прозѣ, такъ что во всякомъ случаѣ я работалъ тамъ это время. Я полагаю, что это что-нибудь да значитъ, въ особенности же, если принять во вниманіе обстановку, въ которой я находился. Нѣтъ, до чего эти люди смѣшны! Они, напримѣръ, не могли понять, что я ношу пальто, подбитое шелкомъ; на мои лакированные ботинки они смотрѣли такъ, точно хотѣли ихъ проглотить, о подобной роскоши имъ никогда и не снилось. Правда, они относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, но... Да, простите, что я такъ безцеремонно возобновилъ знакомство, а теперь я долженъ пойти домой и немножко соснуть, во что бы то ни стало. Очень пріятно было встрѣтиться съ вами снова.

И Эйенъ ушелъ.

Кольдевинъ крикнулъ ему вслъдъ:

— Но въдь сегодня семнадцатое мая?

Эйенъ обернулся и удивленно взглянулъ на него.

— Да. А что?—спросилъ онъ.

На это Кольдевинъ покачалъ головой и коротко разсмъялся:

- Ничего, ничего! Я только хотълъ знать, помните ли вы объ этомъ. Оказывается, что вы прекрасно помните.
- Ну, конечно,—сказалъ Эйенъ,—школьная премудрость не такъ-то легко забывается.

И онъ ушелъ.

Кольдевинъ съ минуту постоялъ, глядя ему вслѣдъ, затѣмъ и онъ двинулся. Онъ ходилъ по улицамъ въ ожиданіи часа, когда городъ проснется и двинутся процессіи. Пальто его начинало лосниться по швамъ, оно было тщательно вычищено, но имѣло поношенный видъ; на лѣвомъ отворотѣ его красовался маленькій изящный шелковый бантикъ изъ лентъ норвежскихъ національныхъ цвѣтовъ; бантикъ этотъ онъ прикрѣпилъ двумя булавками, чтобы не потерять его.

Онъ зябъ. Былъ ранній и прохладный часъ утра. Онъ ускорилъ шагъ и направился къ гавани, откуда доносился бодрящій звонъ желѣзныхъ цѣпей. Онъ шелъ изъ улицы въ улицу, поглядывая на вывѣшенные флаги, кивая имъ, разговаривая съ ними и слѣдя взорами за ихъ полетомъ, когда дуновеніемъ вѣтра ихъ взвѣвало къ небу.

Кой-гдѣ блѣдно, скромно выдѣлялись наклеенныя на столбахъ театральныя объявленія; онъ переходилъ отъ одного къ другому и прочитывалъ ихъ: крупныя, знаменитыя имена, трагедіи, комедіи, образцовыя произведенія прошлыхъ эпохъ. Ему пришла на умъ лирическая драма Иргенса; онъ сталъ ее искать, но ея нигдѣ не было. Онъ сталъ спускаться къ морю; звонъ цѣпей все время звучалъ у него въ ушахъ.

Суда были разукрашены флагами; вся гавань казалась отъ

этихъ развѣвающихся въ воздухѣ красныхъ лоскутьевъ словно въ непрерывномъ движеніи. Кольдевинъ остановился и перевелъ духъ. Запахъ угля и дегтя, вина и фруктовъ, рыбы и ворвани, гулъ машинъ и человѣческіе голоса, громкія восклицанія то съ одной, то съ другой стороны, стукъ деревянныхъ башмаковъ по палубѣ, пѣніе молоденькаго матроса, стоявшаго въ одной рубахѣ и чистившаго сапоги,—все это вмѣстѣ вызвало въ душѣ его чувство яркой радости, отъ которой слезы чуть не выступали у него на глазахъ. Какая колоссальная сила была тутъ въ движеніи, сколько судовъ! И гавань вся сверкала подъ лучами восходящаго солнца; а вдали виднѣлась яхта фрэкенъ Оготъ со своей тянущейся къ небу золоченой верхушкой мачты.

Онъ забылся, любуясь зрѣлищемъ судовъ и флаговъ, людей и товаровъ. А время шло. Наконецъ, онъ спустился въ первый погребъ, открывшій ставни, и попросилъ себѣ нѣсколько бутербродовъ. Когда онъ, нѣкоторое время спустя, вышелъ изъ погреба, улицы были уже полны народу. Скоро должна была появиться процессія маленькихъ мальчиковъ; надо было быть на мѣстѣ, было непозволительно опоздать къ процессіи.

Но вдругъ Кольдевину показалось, что у него осталось слишкомъ мало времени, и онъ зашагалъ изо всѣхъ силъ, чтобы не пропустить первой процессіи.

Около трехъ часовъ нѣсколько человѣкъ изъ клики расположились на «Углу», чтобы посмотрѣть большую процессію со знаменами, которая должна была подняться ко дворцу. Никто изъ нихъ не принималъ участія въ процессіяхъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ прошепталъ:

— Посмотрите-ка, тамъ идетъ Кольдевинъ!

И дъйствительно, онъ шелъ въ процессіи то подъ однимъ, то подъ другимъ знаменемъ; онъ какъ будто хотълъ стоять подъ всъми сразу и съ особеннымъ усердіемъ старался не выбиваться

изъ такта. Адвокатъ Гранде отдълился отъ стоявшей на "Углу" группы и тоже присоединился къ процессіи. Онъ нагналъ Кольдевина и поздоровался съ нимъ. Между ними завязался разговоръ.

— А гдѣ же наша молодая Норвегія? —спросилъ Кольдевинъ, —поэты, художники, они не принимаютъ участія въ процессіи? Напрасно, имъ слѣдовало бы принять въ ней участіе, отъ этого ихъ таланты нисколько не пострадали бы. Можетъ быть, они бы и не окрѣпли отъ этого, не знаю, но во всякомъ случаѣ это нисколько не повредило бы имъ. Но дѣло въ томъ, что наша молодежь этимъ совершенно не интересуется, она къ этому равнодушна. Не несомнѣнно, что это очень дурно—относиться къ этимъ вещамъ до такой степени равнодушно.

Негодованіе Кольдевина еще усилилось, хотя онъ говорилъ, какъ всегда, тихо и вдумчиво. Онъ весьма опредъленно высказывалъ свое мнѣніе, употреблялъ громкія слова, перешелъ на женскій вопросъ и высказаль что-то въ родь того, что женщина прежде всего должна была бы стараться быть полезной въ домъ. Это очень грустно, сказалъ онъ, что женщины все меньше и меньше чувствують желаніе обзаводиться домомь и мужемь и дътьми; онъ предпочитаютъ маленькую каморку гдъ-нибудь на чердакъ, въ одиночествъ, лишь бы сохранить то, что онъ называють своей самостоятельностью. Имъ непремънно тоже надо доучиться до очковъ, и если все другое имъ недоступно, то онъ поступаютъ хотя бы на коммерческіе курсы. На такихъ коммерческихъ курсахъ онъ дълаютъ свое дъло превосходно, и ихъ допускаютъ къ экзамену: и если имъ благополучно удастся сдать экзаменъ, то, въ концъ концовъ, онъ добьются какого-нибудь мъста. которое дастъ имъ двадцать кронъ въ мъсяцъ. Чтожъ, прекрасно! но столъ и квартира стоятъ двадцать семь кронъ. Вотъ какова ихъ самостоятельность!

— Но въдь это не вина женщинъ, что трудъ ихъ оплачивается

настолько хуже мужского, — замътилъ адвокатъ, взгляды котораго отличались либерализмомъ.

Ахъ, да, эти возраженія ему знакомы, о. да; это старая пъсня. На нихъ былъ данъ отвътъ, но... Да, тысячи и тысячи разъ на нихъ отвъчали, но тъмъ не менъе... Впрочемъ, хуже всего то, что семейный очагъ, благодаря этому, прямо таки исчезаетъ. -- Кольдевинъ проговорилъ это съ особеннымъ удареніемъ. --У него получилось такое впечатление здесь въ городе, что у многихъ людей жизнь проходитъ главнымъ образомъ въ ресторанахъ. Онъ почти никогда никого не заставалъ дома; онъ хотълъ посътить нъсколькихъ знакомыхъ, но ихъ никогда не бывало дома, изръдка онъ встръчался съ ними въ ресторанахъ. О писателяхъ и художникахъ онъ уже и не говоритъ: у нихъ ньть, да они и не хотять имьть другого дома, кромь ресторана, и онъ совершенно не понимаетъ, когда они работаютъ... Нътъ. все это находится въ связи одно съ другимъ. Въ настоящее время у женщинъ нътъ больше ни настоящаго крупнаго самолюбія, ни душевной чуткости: теперь вошло въ моду "шататься", и онъ шатаются по ресторанамъ. Что женщины дълали раньше? У нихъ были гостиныя—я не говорю о тъхъ, у которыхъ были салоны. Теперь онъ "шатаются", и такъ мало у нихъ самолюбія и чуткости, что онъ чувствуютъ себя вполнъ хорошо въ томъ смѣшанномъ обществѣ, которое онѣ тамъ встрѣчаютъ. Теперь онъ, въ сущности, не пристали ни туда, ни сюда, и ничто ръшительно не оказываетъ на нихъ особеннаго впечатлънія. Боже мой, какъ ръдки теперь люди, въ которыхъ чувствовалась бы настоящая порода.

Вдругъ въ процессіи произошло движеніе, и съ разныхъ концовъ послышались крики "ура". Кольдевинъ тоже кричалъ ура изо всѣхъ силъ, хотя совершенно не зналъ, въ чемъ дѣло и изъ-за чего кричатъ. Онъ бросалъ гнѣвные взгляды на ряды пюдей и размахивалъ шляпой, чтобы заразить другихъ и заставить ихъ кричать громче.

— Эти люди даже не даютъ себѣ труда кричать ура,—сказалъ онъ.—Они шепчутъ свое ура, такъ что ихъ почти не слыхать. Помогите мнѣ, господинъ адвокатъ, внести немного жизни въ эту толпу!

Адвокату это показалось занимательнымъ, онъ тоже сталъ кричать, и они добились того, что начавшее было замирать ура раскатилось новой волной.

— Еще разъ!-проговорилъ Кольдевинъ.

И снова прогремѣло ура по рядамъ.

Адвокатъ замътилъ, улыбаясь:

— И охота вамъ продълывать это!

Кольдевинъ взглянулъ на него и отвътилъ серьезно:

— Это вы напрасно говорите. Мы вст должны были бы дтлать это, это отнюдь не было бы неумъстно. Конечно, не Богъ въсть какое значение имъетъ то, что мы идемъ здъсь въ процессін; но, быть можетъ, будетъ провозглашено ура въ честь Норвегіи, ура въ честь національнаго знамени, и въ этомъ мы всъ должны принять участіе. Можетъ быть, сегодня и по адресу стортинга будетъ сказано серьезное слово. Можетъ быть, стортингу напомнятъ кой о чемъ, о чемъ онъ началъ забывать, -- о силъ, о върности; это было бы не вредно. Да, не слъдуетъ выказывать такого равнодушія, именно молодежь должна была бы выступить впередъ. Кто знаетъ, если бы молодежь выступала чаще и энергичнъе и кричала бы ура, когда представляется случай, можетъ быть, кой-какія изъ последнихъ решеній стортинга направились бы въ другую сторону. И право, если только дать себъ трудъ спуститься къ набережной и посмотръть, какъ жизнь тамъ кипитъ кругомъ, то нельзя не почувствовать, что наша родина еще стоитъ того, чтобы въ честь ея кричали ура...

Въ нѣсколькихъ шагахъ, на тротуарѣ, адвокатъ замѣтилъ Эйена; онъ поспѣшно простился съ Кольдевиномъ и вышелъ изъ процессіи. Немного спустя онъ обернулся: Кольдевинъ снова перемѣнилъ мѣсто и теперь шелъ подъ знаменемъ торговаго

сословія, все такъ же прямо, со своей сѣдой бородой и въ потертомъ платьѣ, но на отворотѣ сюртука у него красовался маленькій шелковый бантикъ изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ.

Эйенъ шелъ съ актеромъ Норемомъ и двумя остриженными подъ машинку поэтами, которые теперь снова появились на горизонтъ. Оба были въ сърыхъ весеннихъ костюмахъ, хотя и прошлогоднихъ. У обоихъ были въ рукахъ чрезвычайно толстыя палки, на которыя они, дъйствительно, опирались на ходу.

- Ты разговаривалъ съ Кольдевиномъ?—спросилъ Эйенъ, когда адвокатъ приблизился къ нимъ. О чемъ онъ теперь говорилъ?
- О, о самыхъ различныхъ вещахъ. Это человѣкъ съ весьма разнообразными интересами; онъ, можетъ быть, вовсе не глупъ, но у него немного странные взгляды. У него въ головѣ все перевернуто вверхъ дномъ, и онъ видитъ вещи навыворотъ. Впрочемъ, онъ бываетъ иногда чрезвычайно интересенъ. Надо было тебѣ спышать его однажды вечеромъ въ Тиволи, я притащилъ его туда, мнѣ котѣлось развлечь его. А между тѣмъ онъ занималъ насъ всѣхъ, абсолютно всѣхъ. Но въ концѣ концовъ онъ, конечно, хватилъ черезъ край... Теперь онъ рѣшилъ, что семья у насъ всюду разваливается: люди вѣчно сидятъ въ кафе, люди никогда не бываютъ дома, вся жизнь ихъ протекаетъ въ ресторанахъ; если хочешь видѣть кого-нибудь, надо его искать тамъ.
- Да, я встрѣтилъ этого чудака сегодня утромъ, возвращаясь домой. Мы обмѣнялись поклономъ и нѣсколькими словами: "какъ поживаете"? "радъ васъ видѣть", и такъ далѣе. Во время разговора этотъ человѣкъ вдругъ говоритъ мнѣ: вы, значитъ, были въ горахъ, и у васъ констатировали хроническую слабость? Ха-ха! Я посмотрѣлъ на него и замѣтилъ ему, что никакой хронической слабости у меня нѣтъ, разъ что я могъ написать тамъ, въ лѣсахъ, длинное стихотвореніе въ прозѣ. Да, въ такомъ слу-

чав онъ долженъ сознаться... Ты, впрочемъ, слыхалъ это стихотвореніе, Гранде? Я послалъ его Оле Генриксену, къ которому я обратился съ просьбой прислать мнв денегъ на обратный путь.

- Да, я слышалъ его. Великолъпная вещь, прямо великолъпная!
   Это всъ признали.
- Да, не правда ли, въ немъ слышится особая гармонія звуковъ? Я не находилъ себъ мъста, пока не написалъ его, оно стоило мнъ чрезвычайнаго напряженія.
- И вѣчно-то васъ тянетъ творить, да творить! проговорилъ актеръ Норемъ тупо. Вотъ у меня уже цѣлыхъ пять мѣсяцевъ не было ни одной роли, и слава Богу.
- Да, тебъ хорошо! У тебя совсъмъ другое дъло, ты можешь ничего не дълать,—отвътилъ Эйенъ.—А вотъ нашему брату приходится поработать, чтобы кой-какъ просуществовать.

И Эйенъ, передернувъ своими покатыми плечами, плотнѣе запахнулъ свое пальто.

Въ это время въ дверяхъ дома, мимо котораго они проходили, показался ребенокъ, маленькая дъвочка; она катила передъ собой пустую дътскую колясочку, и какъ разъ въ ту минуту, какъ она вышла на улицу, коляска опрокинулась. Ребенокъ въ восхищеніи всплеснулъ рученками и испустилъ радостный возгласъ; Эйену же пришлось чуть ли не перешагнуть черезъ опрокинутую колясочку, чтобы пройти.

— Да, я не могу не сказать, что меня слегка удивляеть, что я не получиль стипендіи,—сказаль онъ.—Воть, трудишься, трудишься, прилагаешь всь старанія,—и все это въ конць концовь ни къ чему не ведеть. Немного найдется людей, готовыхъ признать твои заслуги.

Одинъ изъ остриженныхъ подъ машинку поэтовъ, тотъ, у котораго на часовой цъпочкъ болтался компасъ, собрался съ мужествомъ и замътилъ на это:

— Развѣ не всегда у насъ такъ бываетъ? Кого же и притѣснять, какъ не людей съ талантами? Потому что животныя вѣдь пользуются теперь особой защитой.

И остриженный подъ машинку поэтъ рискнулъ разсмъяться собственному остроумному замъчанію.

- Идете въ Grand? спросилъ Норемъ коротко. Мнѣ хочется пива.
- Что касается меня, то я хочу немного остаться наединѣ,— отвѣтилъ Эйенъ, еще удрученный мыслью о стипендіи. Я, можетъ быть, приду попозже, если вы тамъ будете еще. Пока до свиданія!

И Эйенъ снова запахнулъ свое пальто до верху, повернулся и, погруженный въ свои мысли, пошелъ внизъ по улицъ. Встрѣчные, знавшіе его, не останавливали его. Дойдя до маленькой дѣтской колясочки, которая все еще лежала среди дороги, опрокинутая и пустая, онъ описалъ дугу, чтобы обойти ее.

V

Оготъ только что кончила одъваться для поъздки на островъ. Она стояла совершенно готовая и натягивала перчатки.

Ей не стоило никакихъ затрудненій устроить эту маленькую прогулку; Оле ничего не имѣлъ противъ этого и единственное, о чемъ онъ просилъ ее,—чтобы она была осторожна и не простудилась. Вѣдь на дворѣ еще только май.

Иргенсъ тоже сталъ натягивать перчатки.

 Повторяю вамъ, будьте осторожны, — напомнилъ Оле еще разъ.

Они ушли.

Былъ прекрасный день, теплый и ясный, на небѣ ни облачка. Иргенсъ все приготовилъ, лодка была нанята, оставалось только сѣсть въ нее. Онъ съ намѣреніемъ говорилъ самымъ равнодушнымъ образомъ о различныхъ вещахъ и даже напѣвалъ потихоньку; онъ такимъ образомъ совершенно заставилъ ее забыть, что, когда она въ первый разъ дала согласіе поѣхать съ нимъ на островъ, согласіе это выразилось въ робкомъ "да", какомъ-то невольномъ, торопливомъ подчиненіи почти передъ самымъ но-

сомъ подходившаго въ эту минуту Оле. Она чувствовала себя теперь успокоенной: Иргенсъ, повидимому, придавалъ этому, произнесенному шепотомъ "да", не больше значенія, чѣмъ она сама вложила въ него; теперь онъ шелъ рядомъ съ ней такъ спокойно и такъ равнодушно говорилъ о погодѣ, о вѣтрѣ, что ей прямо таки приходилось его торопить. Въ ту самую минуту, какъ они собирались отчалить, на пристани, полускрытая за грудой ящиковъ, мелькнула фигура Кольдевина. Оготъ поднялась, выскочила изъ лодки и крикнула два раза:

— Кольдевинъ, здравствуйте!

Не было никакой возможности улизнуть; онъ сдълалъ нъсколько шаговъ впередъ и снялъ шляпу.

Она протянула ему руку. Гдѣ онъ снова пропадалъ все это время? Отчего его совершенно не видать? Это, право, становится подоэрительнымъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ.

Онъ пробормоталъ какое-то извиненіе, упомянулъ о работъ въ библіотекъ, о переводъ одной книги, весьма нужной книги...

Но она прервала его, спросивъ, гдѣ онъ теперь живетъ. Она спрашивала о немъ въ гостиницѣ, но ей сказали, что онъ оттуда уѣхалъ, и никто не зналъ, куда. Затѣмъ она мелькомъ видѣла его семнадцатаго мая, онъ шелъ въ процессіи; она сидѣла у Grand, иначе она бы позвала его.

Онъ опять повторилъ свои извиненія и кончилъ старой шуткой, что новообрученнымъ не слѣдуетъ мѣшать. Говоря это, онъ добродушно улыбался.

Она посмотръла на него внимательнъе. Платье его имъло поношенный видъ, лицо также немного похудъло, и ей вдругъ пришло въ голову, не терпитъ ли онъ здѣсь въ городъ лишеній. Почему онъ переъхалъ изъ гостиницы и гдѣ онъ теперь живетъ? Она еще разъ спросила его объ этомъ, и онъ принялся разсказывать о какомъ-то другъ, товарищъ дътства; въ самомъ дълъ, это правда, онъ учителемъ въ одной изъ здѣшнихъ школъ, прекраснъйшій человъкъ. Оготъ спросила его, когда онъ думаетъ вернуться въ Торакусъ; но этого онъ еще не зналъ, не могъ сказать опредъленно. Покуда у него эта работа въ библіотекъ...

Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ зайти къ ней передъ отъѣздомъ; онъ обѣщаетъ? И вдругъ она спросила:

— Послушайте, я видъла васъ семнадцатаго мая, у васъ былъ бантикъ въ петличкъ?

И она указала это мѣсто, прямо положила палецъ на отворотъ его сюртука.

Да, у него быль бантикъ въ петличкъ, въ такой день въдь подобаетъ носить національные цвъта! Она развъ не помнитъ, какъ въ прошломъ году сама подарила ему этотъ бантикъ? Она хотъла, чтобы онъ принарядился для своей ръчи, которую онъ держалъ передъ крестьянами семнадцатаго мая, и для этого дала ему бантикъ. Развъ она не помнитъ?

Оготъ помнила это; она спросила:

- Это въ самомъ дълъ тотъ же бантикъ?
- Да, конечно, и вы еще спрашиваете! отвѣтилъ онъ. Я нашелъ его у себя, случайно онъ оказался среди моихъ вещей, совершенно случайно попалъ между платьевъ.
- Представьте себѣ, я такъ и подумала, что это, должно быть, мой бантикъ. Я обрадовалась этому, не знаю сама, отчего,—прибавила она тихо и опустила голову.

Въ это время изъ лодки раздался голосъ Иргенса, спрашивавшаго, скоро ли она придетъ.

- Нътъ! отвътила она торопливо, совершенно не подумавъ; она даже не повернула головы. Какой ребенокъ! И только потомъ, когда до ея сознанія дошло, что она отвътила, она смутилась и крикнула Иргенсу: Извините, одну минуту! И она снова повернулась къ Кольдевину:
- Мнѣ бы такъ хотълось поболтать съ вами, но сейчасъ я не могу, я ъду на островъ.

Она опять протянула Кольдевину руку и сказала: - Да, да,

въ концѣ концовъ все устроится хорошо, вы не думаете? Какъ досадно, что мнѣ теперь некогда! До свиданія пока! Значитъ, вы зайдете къ намъ?

Она побъжала къ берегу и вошла въ лодку. Она еще разъ извинилась передъ Иргенсомъ, что заставила его ждать.

Иргенсъ взялся за весла. На немъ была въ этотъ день новая шелковая сорочка, совершенно другая шелковая сорочка, и Оготъ это показалось удивительнымъ. Они говорили о морской жизни, о большихъ путешествіяхъ, о чужихъ странахъ; онъ былъ за-границей только въ воображеніи, и этимъ дѣло, должно быть, и ограничится. У него былъ грустный видъ. Она перевела разговоръ на его послѣднюю книгу, и онъ удивленно спросилъ неужели она еще помнитъ о ней? Но въ такомъ случаѣ она составляетъ исключеніе!

— Отчего столько горечи! — замътила она.

Простите, пожалуйста! Но лучше бы она не напоминала ему объ этой книгъ и обо всей той мелкой зависти и недоброжелательствъ, которыми его преслъдуютъ съ тъхъ поръ, какъ онъ выпустилъ ее. Она можетъ сама убъдиться, книга вышла въ свътъ, но упомянули о ней только два-три мелкихъ листка, остальная печать сохраняетъ упорное молчаніе. Ну, онъ еще не складываетъ оружія, онъ еще не сказалъ своего послъдняго слова, и къ нему, можетъ быть, еще и прислушаются!

Въ возбужденіи онъ сталъ грести сильнѣе; перчатки на рукахъ у него побѣлѣли по швамъ и кой-гдѣ лопнули. Она сидѣла и наблюдала его. Черезъ нѣкоторое время онъ снова заговорилъ спокойно:

- Ахъ, да, вы, кажется, не ъдете на лъто въ деревню, какъ я слышалъ?
  - Нътъ. Тидеманды передумали.
- Да, я это слышалъ. Это жалко, съ одной стороны я огорченъ за васъ.—И наклонившись къ весламъ, онъ прибавилъ:— Но за себя я радъ, говорю вамъ это прямо.

Пауза.

— Приналятте-ка на весла сильнѣе, иначе мы никогда не доѣдемъ, — сказала она. — Вы думаете, что и впредь будете нуждаться во мнѣ для улучшенія вашего настроенія?— И она расхохоталась.—На вашемъ мѣстѣ я бы, впрочемъ, сняла перчатки; посмотрите-ка, они лопаются по всѣмъ швамъ.

Онъ послушался ея и, снимая перчатки, сказалъ:

- -- A на вашемъ мѣстѣ я бы вообще не носилъ перчатокъ, я бы слишкомъ гордился своими руками для этого.
- Такъ, такъ, только безъ комплиментовъ... Нѣтъ, но это правда, что ужасно неудобно въ перчаткахъ, когда носишь кольцо.—И она тоже сняла перчатки; на ея бѣлыхъ рукахъ остались полосы отъ швовъ; на одномъ изъ пальцевъ она носила обручальное кольцо, совершенно новое и маленькое.—Но особенно, должно быть, неудобно, когда носишь кольца съ камнями; но такихъ у меня и нѣтъ вовсе.
- Помилуй меня Богъ, какія у васъ маленькія ручки!—воскликнулъ онъ.

Когда они причалили, Оготъ однимъ прыжкомъ очутилась на каменистомъ берегу. Деревья привели ее въ восхищеніе; она цѣлую вѣчность уже не видала лѣса. Какія высокія, крупныя деревья, совсѣмъ какъ у нихъ дома! Она съ наслажденіемъ вдыхала пряный сосновый запахъ и смотрѣла на камни и на деревья такъ, словно узнавала въ нихъ старыхъ знакомыхъ. Воспоминанія о домѣ нахлынули на нее, и одну минуту она была готова заплакать.

— Но въдь здъсь люди? — сказала она.

Иргенсъ разсмъялся:

- Да, это въдь не дъвственный лъсъ.
- Ну, покажите мнѣ островъ. Какія здѣсь чудесныя деревья! Они довольно долго бродили по острову и осмотрѣли все, что можно было. Оготъ сіяла. Движеніе и воздухъ вызвали легкую краску на ея лицѣ; губы, уши и даже носъ ея покраснѣли, глаза сверкали дѣтскимъ весельемъ. Она вдругъ вспомнила, что сдѣ-

лала недовольную гримасу, когда увидала, что здѣсь, на островѣ, были еще и другіе люди; что Иргенсъ могъ подумать о ней?

— Меня въ первую минуту удивило, что здѣсь столько людей, это правда, сказала она. Но я думала о васъ. Вы мнѣ сказали какъ-то разъ, что написали здѣсь многія изъ своихъ стихотвореній, а мнѣ казалось, что это именно невозможно, когда кругомъ такъ шумно.

Какъ она помнитъ, какъ она помнитъ все, что онъ говорилъ ей! Онъ посмотрѣлъ на нее восхищеннымъ взглядомъ и отвѣтилъ, что у него здѣсь есть свое укромное мѣстечко, куда почти никогда никто не заходитъ. Это на другомъ концѣ острова, не пойти-ли имъ туда?

Они пошли.

Это былъ, дъйствительно, укромный уголокъ; густой кустарникъ, нъсколько большихъ камней, можжевельникъ и верескъ съ двухъ сторонъ почти совершенно скрывали его отъ глазъ. Оготъ и Иргенсъ усълись. Впереди разстилалась небольшая лужайка.

- И здѣсь вы сидѣли и писали!—сказала она.—Мнѣ такъ странно подумать это. Вы сидѣли именно здѣсь?
- Да, приблизительно. Если бы вы знали, какое это наслажденіе встрѣчать такой непосредственный интересъ къ себѣ, какъ у васъ! Это производитъ удивительное дѣйствіе, освѣжаетъ, какъ роса.
- А какъ это, собственно говоря, пишутъ? Это является само собой?
- Да, находитъ само. Вы влюбляетесь, или васъ что-нибудь очень непріятно задѣнетъ, и вотъ на васъ находитъ вдохновеніе. Однако, вся суть въ томъ, чтобы слова ваши выражали любовь или ненависть съ такой же яркостью, съ какой ваше сердце любитъ или ненавидитъ. Но иногда садишься на мель и не находишь самыхъ простыхъ словъ, чтобы выразить, напримѣръ, поворотъ вашей руки, не хватаетъ выраженій для обозначенія той тонкой радости, какую вызываетъ въ душѣ вашъ смѣхъ...

Солнце медленно садилось, по деревьямъ по временамъ пробъгалъ легкій трепетъ; все было спокойно.

— Прислушайтесь, — сказалъ онъ, — какъ жизнь кипитъ тамъ, въ городѣ!

Онъ обратилъ вниманіе на ея колѣно, обрисовывавшееся подъ юбкой, прослѣдилъ глазами линію тѣла вверхъ отъ колѣна, замѣтилъ, какъ грудь ея вздымалась и опускалась, остановился взглядомъ на ея лицѣ съ очаровательной ямочкой на одной щекѣ; ея носъ, немного большой и неправильный, дѣйствовалъ на него какъ-то особенно; кровь въ немъ зажглась. И придвинувшись къ ней ближе, онъ заговорилъ прерывисто, словно ища словъ:

— Это Островъ Блаженныхъ, и этотъ уголокъ называется Вечерней Рощей. Солнце садится, мы съ вами сидимъ здѣсь, оторванные отъ всего міра, я словно во снѣ. Скажите, вамъ не непріятна моя болтовня? Вы такъ задумались... Фрэкенъ Люнумъ, я больше ничего не могу съ собой подѣлать, я сдаюсь на вашу волю. Я склоняюсь къ вашимъ ногамъ и говорю вамъ это, хотя и продолжаю здѣсь сидѣть...

Эта в незапная перемѣна тона, дрожащія слова, его близость повергли ее въ минутное, тупое изумленіе. Она смотрѣла на него нѣсколько мгновеній, не въ состояніи произнести ни слова. Но затѣмъ кровь начала приливать къ ея щекамъ, она стала подыматься, говоря:

- Но не пора-ли намъ идти?
- Нътъ!-отвътилъ онъ.-Нътъ, еще нътъ!

Онъ ухватился за ея платье и обвилъ рукой ея талію, удерживая ее. Она сопротивлялась, вся красная, смущенно улыбаясь и стараясь отнять его руку.

- Вы, кажется, сошли съ ума, повторяла она безостановочно, вы, кажется, сошли съ ума!
  - Позвольте мнѣ сказать вамъ кое-что.
- Что такое? спросила она. И она, дъйствительно, стала его слушать, отвернула голову въ сторону, но все-таки слушала.

И онъ началъ говорить, возбужденно, безсвязно; въ голосъ его дрожало біеніе его сердца, онъ весь былъ полонъ нѣжности. Въдь она же видитъ: онъ ничего больше не хочетъ, какъ только сказать ей, какъ безконечно онъ ее любитъ, какъ она покорила его; онъ совершенно покоренъ, какъ никогда раньше не бывалъ. Пусть она ему повъритъ, это таилось и росло въ его сердцъ уже давно, съ перваго раза, что онъ ее увидалъ. Онъ боролся, чтобы не дать этому чувству разростись, но такая борьба въдь ни къ чему не ведетъ; и въ самомъ дълъ, въдь такъ пріятно отдаваться чувству, ну, и отдаешься ему. Оружіе все больше и больше выскользаетъ изъ твоихъ рукъ. Теперь борьба кончена, ему больше нечъмъ бороться, онъ обезоруженъ...—Мнъ, кажется, что грудь моя разрывается на части...

Сидя по прежнему, откинувшись назадъ, она повернула къ нему голову и смотръла на него. Руки ея перестали двигаться, онъ неподвижно лежали на его рукъ, державшей ея талію; глядя сверху на его шею, она видъла, какъ кровь бьется въ его жилахъ. Она выпрямилась; онъ все еще держалъ ее, но она этого, повидимому, не чувствовала. Поднявъ съ земли свои перчатки, она сказала дрожащими губами:

- -- Да, Иргенсъ, но этого вы все таки не должны были мяъ говорить. Вы этого развъ не понимаете? Потому что въдь я ровно ничего не могу тутъ подълать, не правда-ли?
- Да, можетъ быть, я не долженъ былъ, не долженъ былъ говорить вамъ этого, но...—Онъ смотрѣлъ на нее, у него тоже немного дрожали губы.—Фрэкенъ Оготъ, какъ бы вы, впрочемъ, поступили, если бы ваша любовь превратила васъ въ ребенка, совершенно покорила вашъ разсудокъ и ослѣпила бы васъ такъ, что вы бы ничего больше не видѣли? Я хочу сказать...
- Да, но перестаньте же, не говорите больше!—прервала она его.—Я васъ понимаю, но все таки... Впрочемъ, я даже не должна васъ слушать.

Въ эту минуту она замътила, что онъ все еще держалъ

руку вокругъ ея таліи; быстрымъ движеніемъ она отодвинулась и встала.

Смущеніе ея было такъ велико, что она не знала, что ей дѣлать, и стояла на мѣстѣ, глядя въ землю. Она даже не подумала о томъ, чтобы очистить платье отъ вереска. Онъ тоже поднялся вслѣдъ за ней, но она еще не уходила и продолжала стоять на мѣстѣ.

— Милый Иргенсъ, я была бы вамъ такъ благодарна, если-бы вы никому объ этомъ не разсказывали. Я такъ боюсь,—сказала она.—И знаете, вы не должны больше думать обо мнѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, что вы такъ думаете обо мнѣ. Да, мнѣ казалось, что вы немного любите меня, мнѣ начинало это казаться; но я не думала, что это такъ серьезно. Развѣ можетъ онъ меня такъ любить! думала я... Но если вы хотите, я уѣду домой, въ Торахусъ...

Онъ былъ тронутъ, что-то сжало ему горло, и на глазахъ у него навернулись слезы. Ея своеобразная, милая рѣчь, эти чистосердечныя слова, все ея поведеніе, въ которомъ не было ни страха, ни тѣни жеманства, дѣйствовали на него сильнѣе всего остального; его чувство вспыхнуло въ немъ яркимъ пламенемъ: нѣтъ, нѣтъ, пусть она не уѣзжаетъ ни въ Торахусъ, ни куда бы то ни было, пусть остается здѣсь! Ужъ онъ собой овладѣетъ, онъ сумѣетъ справиться съ собой, пусть она только не уѣзжаетъ. Ахъ, да если бы ему суждено было отъ этого сойти съ ума, совсѣмъ погибнуть, онъ все таки предпочитаетъ, чтобы она оставалась здѣсь.

Смахивая съ ея юбки приставшія къ ней вѣтки вереска, онъ продолжалъ говорить. Пусть она не сердится на него, онъ не созданъ такъ, какъ другіе, онъ поэтъ; когда на него находитъ минута, онъ отдается ей. Но у нея не будетъ больше поводовъ жаловаться на него, если только она рѣшитъ не уѣзжатъ... Неужели, впрочемъ, въ ней самой рѣшительно ничего не гово-

ритъ противъ отъъзда, ничто не шевелится въ ней? О, нътъ, онъ ничего не воображаетъ...

Пауза. Онъ ожидалъ, что она отвътитъ хоть что-нибудь, будетъ ему возражать; ей, можетъ быть, было бы все таки грустно уъзжать въ Торахусъ. Но она молчала. Неужели же онъ ей совершенно безразличенъ? Это невозможно! Но мысль эта начала его мучить, онъ чувствовалъ себя задътымъ, оскорбленнымъ, словно Оготъ оказала ему какую-то несправедливость. Онъ повторилъ свой вопросъ: неужели въ душъ ея, въ самомъ дълъ, нътъ ни малъйшаго отклика на всю его любовь?

Она отвътила мягко, съ печалью въ голосъ:

— Нѣтъ, не спрашивайте меня. Какъ вы думаете, что сказалъ бы Оле, если бы слышалъ это?

Оле? Онъ ни одной минуты не думалъ о немъ. Неужели ему, дъйствительно, видъть соперника въ Оле Генриксенъ? Это было бы слишкомъ смъшно. Онъ не могъ повърить, чтобы она серьезно это думала. Боже мой, Оле по своему недурной малый, онъ продаетъ и покупаетъ, идетъ въ жизни своей торгашеской тропой, уплачиваетъ по счетамъ и прибавляетъ новые шиллинги къ своему состоянію; это все. Или въ самомъ дълъ, эта масса денегъ имъетъ для нея такое значеніе? Кто знаетъ, можетъ быть, въ этой маленькой дъвичьей головкъ есть такой скрытый уголокъ, гдъ мысль постоянно перебираетъ кроны и эре, какъ это ни кажется невъроятнымъ.

Иргенсъ съ минуту молчалъ. Въ немъ заговорила ревность; какъ знать, Оле, пожалуй, въ состояніи удержать ее, она, быть можетъ, даже предпочтетъ его. Онъ высокій и голубоглазый, у него красивые глаза.

— Оле?—проговорилъ онъ.—Мнѣ совершенно все равно, что сказалъ бы Оле. Оле для меня не существуетъ, я васъ люблю.

Въ первый разъ она почувствовала словно какой-то толчокъ; между бровями у нея появилась складка; она двинулась съ мъста.

- Нътъ, это ужъ слишкомъ!—воскликнула она. Этого вы не должны были сказать. Вы меня любите? Но не повторяйте же этого больше.
- Фрэкенъ Оготъ, одно слово только: я вамъ, дъйствительно, совершенно безразличенъ?

Онъ коснулся ея руки, и она должна была взглянуть на него. Онъ былъ такъ возбужденъ, онъ совершенно не сдерживалъ себя, какъ объщалъ раньше; теперь казался онъ прямо некрасивымъ.

Она отвѣтила:

— Я люблю Оле, въдь вы же знаете.

Солнце спускалось все ниже и ниже, островъ все болѣе пустѣлъ, изрѣдка лишь какая-нибудь запоздавшая парочка торопливо шла по направленію къ городу. Иргенсъ больше не спрашивалъ, онъ молчалъ или говорилъ только самыя необходимыя вещи; глаза его отъ волненія блестѣли. Оготъ тщетно пыталась поддержать разговоръ, ей самой не легко было сохранить спокойствіе; но онъ этого не замѣчалъ, онъ былъ всецѣло поглощенъ своей собственной болью.

Когда они съли въ лодку, онъ сказалъ:

- Вы, можетъ быть, хотите вернуться въ городъ одна? Здѣсь, можетъ быть, еще найдется извозчикъ...
  - Нътъ, не будьте же такъ злы! отвътила она.

Она съ трудомъ удерживала слезы, чтобы овладъть собою, заставляла себя думать о безразличныхъ вещахъ, оглядывалась назадъ на островъ, отъ котораго они отдалялись, слъдила взглядомъ за птицей, пролетавшей надъ фіордомъ. Съ влажными еще глазами она спросила:

- Что это такое, тамъ, это черное? это вода?
- Нътъ, отвътилъ онъ, это лугъ, зеленый лугъ. Онъ лежитъ въ тъни и отъ росы кажется чернымъ.
  - А я думала, что это вода!

Но больше совершенно нечего было сказать объ этомъ зеле-

номъ лугъ, лежавшемъ въ тъни и казавшемся чернымъ, и оба замолчали.

Онъ гребъ изо всѣхъ силъ, они приближались къ пристани. Онъ причалилъ, вышелъ и помогъ ей выйти. Они оба были теперь безъ перчатокъ, ея теплая рука лежала въ его рукѣ; она воспользовалась моментомъ, чтобы поблагодарить его за прогулку.

— A я прошу васъ забыть, что заставилъ васъ выслушивать мои сердечныя изліянія,—сказалъ онъ.

И не дожидаясь ея отвъта, онъ снялъ шляпу, снова вскочилъ въ лодку и отчалилъ.

Она стояла на берегу; видя, что онъ снова садится въ лодку, она хотъла крикнуть ему, спросить, куда онъ ъдетъ, но оставила это намъреніе, повернулась и пошла домой. Онъ видълъ какъ ея свътлая головка исчезла за угломъ.

Въ сущности, у него не было никакого опредъленнаго намъренія, когда онъ снова садился въ подку; онъ сдѣлалъ это отъ смущенія, подъ вліяніемъ волненія, совершенно не думая о томъ, что онъ предприметъ дальше. Онъ схватилъ весла и сталъ грести опять по направленію къ острову. Вечеръ былъ тихій и спокойный. Теперь, когда онъ остался одинъ, его охватило отчаяніе: снова разочарованіе, опять пораженіе, и самое худшее! И ни одного проблеска свѣта за всю долгую ночь! Онъ вдругъ вспомнилъ о Ганкъ, которая, можетъ быть, была у него сегодня и не застала; она, можетъ быть, еще и теперь ищетъ его всюду. Нѣтъ, Ганка не бѣлокурая, у Ганки темные волосы, она не сіяетъ, она захватываетъ. Но не переваливается-ли она немного на ходу? Да, у Ганки нѣтъ походки Оготъ, она переваливается на ходу. И отчего это радость больше не дрожитъ въ груди его, когда она смѣется?

Онъ сложилъ весла и предоставилъ лодку теченію. Становилось темнѣе. Голова его была полна мыслей; передъ нимъ носился образъ одинокой человѣческой фигуры среди бушующаго моря, образъ низверженнаго короля Лира; цѣлый вихрь мыслей проносился въ мозгу его. Онъ сѣлъ поудобнѣе и началъ писать; онъ записывалъ строфу за строфой на оборотной сторонѣ нѣсколькихъ конвертовъ, которые нашелъ у себя въ карманѣ. Слава Богу, его таланта у него никто не можетъ отнять! И при этой мысли снова въ душѣ его задрожало ощущеніе счастья.

Онъ закурилъ сигару и сталъ пускать кверху кольца дыма. Въ сущности, вѣдь онъ необыкновенный человѣкъ, поэтъ, исключительный поэтъ! Вотъ онъ лежитъ въ лодкѣ и плыветъ, и душа его страдаетъ, и кровь безпокойно бъется въ жилахъ отъ боли; но, несмотря на это, онъ все таки еще пишетъ, отъ этого онъ не можетъ отказаться. Это, пожалуй, можно назвать силой!

И онъ снова принялся писать...

Былъ поздній часъ, когда онъ вышелъ на берегь. Впереди себя на улицѣ онъ увидѣлъ Мильде, и ему едва удалось остаться незамѣченнымъ. Мильде былъ въ веселомъ настроеніи; онъ велъ подъ руку дѣвушку, шляпа его едва держалась у него на головѣ, и голосъ его раздавался на всю улицу. Еще новый корсетъ! подумалъ Иргенсъ. Да, да, онъ можетъ теперь снова культивировать этотъ свой пышный талантъ, на то онъ и получилъ стипендію, чтобы швырять деньгами!

И Иргенсъ повернулъ въ боковую улицу. Но, дойдя до "Угла", онъ въ довершение всъхъ бъдъ, наткнулся на Эйена. Какъ ему не везетъ сегодня, весь день! Эйенъ сейчасъ же разстегнулъ свое пальто и вытащилъ изъ кармана рукопись. Это коротенькое стикотворение въ прозъ, да, да, онъ долженъ его прочитать сейчасъ же, это египетский мотивъ, дъйствие происходитъ въ гробницъ; въ тонъ стихотворения чувствуется что-то застывшее и наивное, это замъчательная вещь. Но Иргенсъ, который совершенно такъ же былъ поглощенъ своимъ стихотворениемъ, какъ тотъ своимъ, тоже сунулъ руку въ карманъ. Онъ всю дорогу радовался, что сейчасъ придетъ домой и въ тишинъ и спокойстви начнетъ перечитывать

свое стихотвореніе. Имъ овладѣло нетерпѣніе, онъ забылъ всю свою обычную тонкость манеръ и замѣтилъ грубо:

— Ты думаешь, что и я тоже не могу вынуть рукопись изъ кармана, если захочу?

Эйенъ сейчасъ же сократился; онъ былъ такъ пораженъ необычной рѣзкостью Иргенса, что пробормоталъ извиненіе и ушелъ.

VI.

Тидемандъ по прежнему былъ доволенъ ходомъ дѣлъ; между прочимъ, его предпріятіе по отправкѣ льда въ Англію шло очень успѣшно. Слухамъ о томъ, что обильные дожди, выпавшіе въ Россіи, измѣнили къ лучшему виды на урожай, онъ не придавалъ особеннаго значенія. Дожди выпали, это правда; но фактъ остается фактомъ, что всѣ порты Россіи и по сегодняшній день закрыты для вывоза, абсолютно закрыты, и изъ Россіи теперь невозможно вывезти ни одного мѣшка зерна ни за какія деньги. И Тидемандъ продолжалъ держаться разъ назначенныхъ цѣнъ; отъ времени до времени онъ продавалъ нѣкоторое количество ржи внутрь страны, но его громадный запасъ почти не уменьшался отъ этого; когда окажется недостатокъ въ зернѣ, когда наступитъ паника, тогда только возможенъ будетъ болѣе или менѣе значительный сбытъ. Но время еще не наступило. Пусть только придетъ зима!

И Тидемандъ спокойно ждалъ. Его по обыкновенію осаждали шкипера, судовладѣльцы и всякаго рода агенты; къ нему являлись съ подписными листами, со всевозможными предложеніями, всюду требовалось его имя, всюду онъ долженъ былъ участвовать, какъ акціонеръ. Ни одно новое дѣло не обходилось безъ участія торговаго сословія, причемъ по преимуществу обращались къ молодымъ коммерсантамъ, энергичнымъ и предпріимчивымъ, у которыхъ не было недостатка ни въ деньгахъ, ни въ иниціативѣ и которые кромѣ того учились кой-чему и знали свое дѣло.

Былъ ли то электрическій трамвай, новый театръ, новая лѣсопильня въ Вардалѣ, или салотопенный заводъ въ Геннингсверѣ всюду требовались имена, участіе наиболѣе видныхъ представителей коммерческаго міра. Оба, какъ Тидемандъ, такъ и Оле Генриксенъ, считались, такъ сказать, непремѣнными и постоянными акціонерами во всякомъ новомъ предпріятіи.

— Это долженъ былъ бы видѣть мой отецъ!—часто говорилъ Тидемандъ въ шутку, подписывая листъ. Его отецъ былъ извѣстенъ, какъ чрезвычайно скупой человѣкъ; онъ принадлежалъ къ тѣмъ старымъ, честнымъ торговцамъ прежнихъ временъ, которые расхаживали въ кожаномъ фартукѣ и нарукавникахъ и самымъ тщательнымъ образомъ отвѣшивали крупу и мыло съ точностью до одного золотника. Онъ считалъ лишнимъ одѣваться прилично; его сапоги еще теперь были притчей во языцѣхъ, пальцы постоянно выглядывали изъ нихъ наружу, и когда онъ шелъ, то казалось, будто эти пальцы высматриваютъ мѣдные шиллинги на каменныхъ плитахъ тротуара. Сынъ не особенно походилъ на отца; его кругозоръ былъ значительно расширенъ и въ немъ образовались бреши, сквозь которыя открывались далекія перспективы; его свѣтлый коммерческій умъ былъ признанъ всѣми.

Какъ разъ теперь къ нему въ контору пришелъ Оле Генриксенъ и снова завелъ рѣчь о новомъ кожевенномъ заводѣ, для котораго представляются исключительно благопріятныя условія въ Торахусѣ. Это предпріятіє, которое со временемъ пойдетъ прекрасно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; огромные лѣса изъ году въ годъ вырубаются, дрова продаются въ самой странѣ и заграницу, а обрѣзки и верхушки деревьевъ остаются и валяются безъ всякой пользы. Вѣдь это страшно неразумно! Сосновая кора содержитъ въ себѣ до двадцати процентовъ дубильнаго вещества; что, если его собрать и пустить въ дѣло?

Надо выяснить, что можно предпринять къ веснъ...

У Оле Генриксена былъ утомленный видъ, онъ слишкомъ

много работалъ въ последнее время. У него было недостаточно помощниковъ въ дълъ. Теперь, когда ему предстояла поъздка въ Англію, онъ долженъ былъ передать довъренность своему главному приказчику и посвятить его ближе въ конторскія дѣла. Съ техъ поръ, какъ Оготъ прівхала, работа казалась Оле легче, она всегда была съ нимъ и оказывала ему маленькую посильную помощь; но въ послѣднее время она была не совсѣмъ здорова и нъсколько дней уже не выходила изъ комнаты. Оле не хватало ея присутствія, и онъ только теперы замітиль, какъ все казалось легче, когда она была тутъ же. Конечно, она была неосторожна во время поъздки на островъ и простудилась. Ему такъ хотълось устроить катанье на парусахъ на ихъ маленькой яхтъ, теперь приходится отложить эту прогулку до следующаго воскресенья. Онъ пригласилъ Тидеманда принять участіе въ этой поъздкъ; ихъ будетъ человъкъ семь-восемь, они сварятъ кофе на борту и, можетъ быть, высадятся гдъ-нибудь въ шхерахъ.

— Ты увъренъ, что фрэкенъ Оготъ вполнъ поправится къ тому времени? — спросилъ Тидемандъ. — Такія поъздки на острова въ это раннее время года бываютъ опасны... Что я котълъ сказать: не будешь ли ты такъ любезенъ и самъ передашь Ганкъ приглашеніе? Я не увъренъ, что мнъ удастся ее уговорить... А что касается кожевеннаго завода, то подождемъ еще годъ. Это зависитъ тоже отъ того, каковы будутъ цъны на лъсъ.

Заглянувъ къ фру Ганкъ и пригласивъ ее на прогулку, Оле отправился домой. Онъ думалъ о словахъ Тидеманда, что "такія поъздки на острова въ это раннее время года бываютъ иногда опасны". Тидемандъ произнесъ ихъ съ какой-то особенной интонаціей, которая заставила Оле взглянуть на него.

Подымаясь по лъстницъ къ себъ домой, Оле у самыхъ дверей своей квартиры столкнулся съ Кольдевиномъ. Оба остановились и съ минуту смотръли другъ на друга. Наконецъ, Кодьдевинъ снялъ шляпу и проговорилъ немного смущенно:

— Я, повидимому, совстмъ не туда попалъ, здтсь нттъ ни-

какого Эллингсена. Я разыскиваю стараго знакомаго, Эллингсена. Здѣсь въ городѣ немыслимо застать нужнаго человѣка дома, всѣ сидятъ вѣчно въ ресторанахъ; я тщетно ищу его всюду. Виноватъ, впрочемъ; значитъ, вы здѣсь живете, господинъ Генриксенъ? Какъ странно, что вы какъ разъ здѣсь живете... Какъ поживаетъ фрэкенъ Люнумъ?

- Вы развѣ не заходили въ квартиру?—спросилъ Оле. Онъ замѣтилъ, что Кольдевинъ находился въ сильномъ возбужденіи, глаза его были красны и влажны, словно отъ слезъ.
- Въ квартиру? Нѣтъ. Слава Богу, я еще не настолько неостороженъ, чтобы сейчасъ же звонить, вѣдь въ домѣ могутъ быть и больные? Нѣтъ, я какъ разъ стоялъ здѣсь и читалъ дощечку на дверяхъ, когда вы поднялись... А какъ вы поживаете, господинъ Генриксенъ? И фрэкенъ?
- Благодарю васъ. Оготъ была немного простужена, но это пустяки. Вы не войдете-ли? Зайдите къ ней, она у себя.
- Благодарю васъ, я сейчасъ не могу. Мнѣ надо непремѣнно разыскать своего знакомаго, по спѣшному дѣлу.

Кольдевинъ снялъ шляпу и ушелъ.

Оле засталъ свою невѣсту въ ея комнатѣ; она читала. При появленіи Оле, она бросила книгу на столъ и побѣжала ему на встрѣчу. Она здорова, да, совершенно здорова; пощупай пульсъ, лихорадки больше нѣтъ! Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ она ждетъ воскресенья! Оле опять сталъ ей внушать, что она должна быть болѣе осторожна, для этой поѣздки она должна одѣться особенно тепло, непремѣнно! Тидемандъ тоже говоритъ, что такія катанья очень опасны въ такое раннее время года.

И она будетъ хозяйкой на яхтъ! сказалъ онъ. Подумай, какъ очаровательно! Маленькая женка, маленькая женка!... Что это за книгу она сейчасъ читала?

- -- О, это только стихотворенія Иргенса, -- отвѣтила она.
- О стихотвореніяхъ Иргенса не говорять "это *только* стихотворенія Иргенса",—замѣтилъ онъ, шутливо грозя пальцемъ.—

Да, между прочимъ, я встрътилъ Кольдевина здъсь на лъстницъ, онъ искалъ какого-то знакомаго и ни за что не хотълъ войти.

— Ты пригласиль его на воскресенье?—спросила Оготь сейчась же. Она была очень разочарована, узнавъ, что Оле этого не сдълалъ. Онъ долженъ былъ объщать ей сдълать все возможное, чтобы отыскать Кольдевина въ теченіе недъли и пригласить его.

Въ субботу, поздно вечеромъ, Тидемандъ позвонилъ у дверей квартиры Генриксеновъ, ему надо было видѣть Оле. Нѣтъ, спасибо, онъ не войдетъ, уже поздно, ему только надо поговорить съ Оле кой о чемъ.

Выйдя въ переднюю, Оле сейчасъ же замѣтилъ, что дѣло идетъ о чемъ-то серьезномъ; онъ спросилъ Тидеманда, предпочитаетъ ли онъ выйти на улицу или спуститься въ контору. Тидемандъ отвѣтилъ, что ему все равно. Они спустились въ контору.

Тидемандъ вынулъ изъ кармана телеграмму и, кладя ее на конторку, проговорилъ глухо:

— Моя операція съ рожью въ концѣ концовъ таки рухнула. Въ настоящую миниту рожь стоитъ нормально. Россія сняла свое запрещеніе вывоза.

Россія, дѣйствительно, взяла обратно свое распоряженіе о запрещеніи вывоза. Неожиданно-хорошія надежды на урожай, появившіяся съ нѣкотораго времени, оправдались, и это обстоятельство, въ связи съ большими запасами зернового хлѣба, оставшимися съ прошлыхъ лѣтъ, дѣлало ненужными строгія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ. Призракъ голода исчезъ, воспрещеніе вывоза было снято, русскіе и финляндскіе порты снова открыты. Таково было содержаніе телеграммы.

Оле нѣсколько минутъ сидѣлъ молча. Это былъ жестокій ударъ. Въ головѣ его въ одну минуту пробѣжалъ вихрь мыслей:

а что, если телеграмма эта ложная, если это не болъе, какъ биржевая утка, подкупленное предательство? Онъ снова посмотрълъ на подпись агента, это было солидное имя, оно стояло внъ подозръній. Но слыхано ли что-нибудь подобное? Правительство большого государства сваляло дурака, съ открытыми глазами предпринявъ пагубныя для себя же самого мъры! Это еще куже, чъмъ въ 1859 году, когда запрещеніе тоже было снято въ самомъ разгаръ урожая, что повлекло за собою огромное потрясеніе для рынковъ. Да, но тогда была война...

Маленькіе часы на стѣнѣ быстро тикали, маятникъ ходилъ взадъ и впередъ, взадъ и впередъ среди царившей въ комнатѣ тишины.

- Ты вполнъ можешь положиться на телеграмму?—спросилъ, наконецъ. Оле.
- Телеграмма совершенно достовърна, къ сожалънію, отвътилъ Тидемандъ. Мой агентъ телеграфировалъ вчера два раза: продавайте! продавайте! Я и продалъ, сколько могъ, продалъ въ убытокъ, ниже рыночной цъны; но какой отъ этого толкъ? я вчера потерпълъ страшный убытокъ, можешь мнъ повърить!
- Да, но теперь главное—не терять головы и не дѣлать какихъ либо опрометчивыхъ шаговъ, надо какъ слѣдуетъ обсудить дѣло. Почему ты, впрочемъ, не пришелъ ко мнѣ сейчасъ же, еще вчера? Этого я могъ бы ожидать отъ тебя.
- Я и сегодня не долженъ былъ бы являться къ тебъ съ такимъ извъстіемъ, но...
- Разъ на всегда, прервалъ его Оле, я помогу тебъ, чъмъ только смогу. Чъмъ только смогу, понимаещь? А въдь могу я не такъ ужъ мало.

Пауза.

— Да, благодарю тебя... за все! Я зналъ, что не уйду отъ тебя безъ помощи, но все таки... Я былъ бы радъ, если бы ты взялъ кой-какія изъ моихъ предпріятій... изъ такихъ, гдѣ нѣтъ никакого риска, акціи и подобныя вещи...

— Нътъ, отъ этого тебя всякій можетъ избавить. Я беру у тебя рожь. Мы помътимъ бумаги третьягодняшнимъ числомъ, ради моего отца.

Тидемандъ покачалъ головой:

 — Какой толкъ отъ того, если я еще и тебя увлеку за собой въ пропасть?—проговорилъ онъ.

Оле посмотрълъ на него, жилы вздулись у него на вискахъ.

— Ты говоришь вздоръ!—сказалъ онъ въ сильномъ возбужденіи.—Неужели ты думаешь, что меня такъ легко увлечь въ пропасть?—И весь красный, онъ началъ ругаться:—Я тебъ покажу, чертъ меня побери, такъ ли легко меня свалить!

Но Тидемандъ былъ непоколебимъ, даже гиѣвъ и возбужденіе Оле не могли заставить его согласиться на его предложеніе. Онъ прекрасно понималъ Оле; быть можетъ, его средства и были довольно значительны, но онъ, навѣрное, преувеличивалъ, когда дѣлалъ видъ, что они такъ страшно велики. Оле просто готовъ былъ пустить пыль въ глаза только для того, чтобы помочь ему, въ этомъ все дѣло. Кромѣ того, съ завтрашняго дня рожь будетъ падать съ бѣшенной быстротой; даже между врагами немыслимо было бы при такихъ условіяхъ продать рожь по третьягодняшней цѣнѣ.

- Но чего же ты хочешь? Ты думаешь прекратить платежи?— спросилъ Оле гнѣвно.
- Нѣтъ, отвѣтилъ Тидемандъ, я не думаю, чтобы дѣло дошло до этого. Отправка льда въ Англію и Австралію, дѣйствительно, является для меня теперь помощью, это немного, конечно, но въ настоящее время для меня и кроны составляютъ деньги. Я пока ограничу свои обороты, продамъ, что удастся продать, чтобы собрать сколько возможно наличныхъ денегъ. Я хотѣлъ тебя спросить, не можешь ли ты купить... тебѣ бы она пригодилась теперь, когда ты собираешься жениться... потому что намъ она теперь все равно не нужна... такъ что...
  - О чемъ ты говоришь?

- Ты, можетъ быть, купилъ бы мою дачу, теперь... разъ что ты женишься... я думалъ...
  - Дачу? Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь продать ее?
  - На что она намъ?

Пауза. Оле замѣтилъ, что Тидеманда начинаетъ покидать его самообляданіе.

- Хорошо,—сказалъ онъ.—Я оставлю за собой твою дачу. А въ тотъ день, когда ты снова будешь въ состояни ее купить, она къ твоимъ услугамъ. Я чувствую, что не долго придется этого ждать.
- Одному Богу извъстно. Во всякомъ случаъ, я сдълаю теперь то, что долженъ и могу сдълать. Я такъ радъ, что дача будетъ принадлежать тебъ. Она очень красива, и мы не по моему желанію не переъхали туда въ это лъто... Ну, это мнъ немного облегчаетъ дъло, посмотримъ, что будетъ дальше. Я надъюсь что мнъ не придется ликвидировать дъла, это было бы слишкомъ тяжело. И особенно ради дътей, особенно ради дътей.

Оле снова предложилъ всю свою помощь.

— Спасибо!—сказалъ Тидемандъ,—я и приму отъ тебя всякую помощь, которую ты сможешь мнѣ оказать безъ особенныхъ жертвъ. Но потери остаются потерями, ты вѣдь понимаешь, и если мнѣ даже удастся вывернуться безъ банкротства, то я всетаки разоренъ. Не знаю, могу ли я теперь считать себя обладателемъ хоть одного гроша... Но какъ хорошо, что ты не принялъ участія въ этой операціи съ рожью, Оле, это, въ самомъ дѣлѣ, большое счастье, я такъ радъ этому... Да, да, ну, посмотримъ, что будетъ дальше.

Пауза.

Оле спросилъ:

- Твоя жена знаетъ объ этомъ?
- Нътъ. Я разскажу ей послъ нашей поъздки на яхтъ...
- Поъздка на яхтъ? Она, конечно, не состоится теперь.
- Нътъ, сказалъ Тидемандъ, я хочу тебя просить не дълать

этого. Ганка такъ много говорила объ этой прогулкъ, она такъ радовалась ей. Нътъ, напротивъ, я бы попросилъ тебя завтра не подавать и виду, быть какъ можно веселье. Я тебъ отплачу за это, чъмъ только смогу. Конечно, о моемъ несчастьи мы не упомянемъ ни однимъ словомъ.

Тидемандъ сунулъ телеграмму въ карманъ и взялъ шляпу.

— Извини, что я пришелъ къ тебъ и разстроилъ тебя. Я ухожу во всякомъ случаъ съ болъе легкимъ сердцемъ, чъмъ пришелъ, разъ что ты берешь мою дачу!

жатва сторицей.

I

Небольшое общество, состоящее изъ нѣсколькихъ дамъ и мужчинъ, собралось на пристани; это были все приглашенные на прогулку на яхтѣ Оготъ. Ждали только Паульсберговъ, которые почему-то запоздали. Иргенсъ потерялъ терпѣніе и отпускалъ колкія замѣчанія: ужъ не отправить ли лучше яхту за Паульсбергами, чтобы почтительнѣйше привезти ихъ сюда? Когда Паульсбергъ съ женой, наконецъ, явились, всѣ сейчасъ же усѣлись, и яхта отчалила.

Тидемандъ держалъ руль. Двое изъ служащихъ Оле Генриксена составляли экипажъ. Оле, дъйствительно, постарался обставить эту прогулку наилучшимъ образомъ и взялъ съ собою самое изысканное угощеніе. Онъ помнилъ обо всемъ и даже не забылъ жженнаго кофе для Иргенса. Только Кольдевина ему не удалось разыскать, да журналиста Грегерсена онъ намъренно не пригласилъ: легко могло случиться, что Грегерсенъ читалъ какія-нибудь телеграммы изъ Россіи и вздумалъ бы подълиться новостями со своими друзьями на яхтъ.

Тидемандъ не принималъ участія въ разговорѣ; у него былъ такой видъ, словно онъ не спалъ ночь или двѣ подъ рядъ. Когда Оле спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣтилъ, что хорошо, улыбаясь отвѣтилъ: ничего, хорошо. Впрочемъ, нельзя ли ему сохранить свое мѣсто у руля?

Яхта направилась къ шхерамъ.

Фру Ганка сидъла совсъмъ впереди; у нея былъ чрезвычайно свъжі видъ; свою мъховую накидку она слегка набросила на

плечи, и Мильде замътилъ, что это выглядитъ очень живописно.

— Если бы, впрочемъ, поскоръе появились на сцену бокалы!— сказалъ онъ, громко смъясь.

Оле сейчасъ же досталъ бутылки и стаканы. Онъ все время двигался по палубъ, укутывая дамъ шалями и пледами. Да, нечего надъ этимъ смъяться, солнце свътитъ, это правда, но на моръ вътрено! Оле старался держаться какъ можно незамътнъе; онъ нъсколько разъ предлагалъ Тидеманду смънить его у руля, но Тидемандъ всякій разъ отказывался уступить ему мъсто. Нътъ, для него сущая благодать оставаться у руля, ему тогда не надо разговаривать, къ чему онъ сегодня совершенно неспособенъ.

- Не падай только духомъ! Нътъ ли еще какихъ-нибудь свъ-дъній?
- Только подтвержденіе вчерашнихъ. Завтра это, должно быть, станетъ оффиціально извъстно. Не тревожься теперь объ этомъ, сегодня ночью я выработалъ планъ дъйствій и выяснилъ себъ все. Я надъюсь, что выкарабкаюсь благополучно.

На передней части палубы настроеніе становилось все оживленнъе. Эйенъ страдалъ морской бользнью и, чтобы доставить себъ облегченіе, пилъ, не переставая; онъ не могъ держаться на ногахъ и имълъ ужасный видъ.

- Какъ хорошо, что вы вернулись опять домой, Эйенъ, сказала фру Ганка, чтобы утъшить его. — У васъ все еще ваше маленькое дъвичье личико, но оно, слава Богу, не такъ блъдно, какъ было прежде.
- Извините! прервала ее немилосердно фру Паульсбергъ, я никогда не видала его блъднъе, чъмъ въ настоящую минуту.

Этотъ намекъ на его морскую болѣзнь вызвалъ всеобщій смѣхъ. Фру Ганка продолжала говорить: да, она знаетъ его послѣднюю вещь, которую онъ написалъ въ Торахусѣ, Старыя воспоминанія. Можно сказать, во всякомъ случаѣ, что онъ не потерялъ даромъ времени въ горахъ.

— Вы не слыхали моего самаго послѣдняго стихотворенія, — проговорилъ Эйенъ слабымъ голосомъ, — оно въ египетскомъ стилѣ, дѣйствіе происходитъ въ гробницѣ...

И, несмотря на слабость и морскую болѣзнь, онъ принялся искать свое стихотвореніе во всѣхъ карманахъ. Куда онъ его дѣвалъ? Онъ утромъ приготовилъ его, чтобы взять съ собой, онъ подумалъ, что, можетъ быть, кому-нибудь придетъ охота послушать его; онъ долженъ сказать, что оно довольно замѣчательно въ своемъ родѣ. Но, повидимому, онъ все-таки забылъ его. Онъ не можетъ допустить, чтобы онъ его потерялъ, обронилъ! Это испортило бы ему всю радость прогулки. Подобной вещи ему еще ни разу не удавалось написать; правда, это всего полторы страницы, но...

Нѣтъ, конечно, сказала фру Ганка, оно не потеряно, онъ навърное забылъ его дома. И она стала употреблять всѣ усилія, чтобы разогнать дурныя предчувствія бѣднаго поэта и отвлечь его мысли: не правда-ли, онъ въ городѣ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ тамъ, въ горахъ?

О, да. Едва онъ очутился на улицахъ и снова увидалъ передъ собой прямыя линіи домовъ, какъ въ мозгу его защевелились мысли, и онъ задумалъ это египетское стихотвореніе въ прозъ. Но нѣтъ, вѣдь не можетъ же быть, чтобы онъ его потерялъ...

Теперь и Мильде быть совершенно на сторонѣ Эйена и безусловно признаваль его талантъ. Да, теперь онъ, наконецъ, научился понимать всѣ тонкія особенности, всю своеобразность его поззіи. Иргенсъ, сидѣвшій тутъ же и слышавшій это удивительное признаніе, наклонился къ фру Ганкѣ и сказалъ въ полголоса:

— Вы понимаете? Въдь стипендію онъ получилъ, ему, значитъ, нечего теперь бояться опасной конкурренціи Эйена.

И Иргенсъ поджалъ губы и разсмъялся иронически.

Фру Ганка посмотръпа на него. Сколько въ немъ теперь всегда

было горечи и озлобленія, и какъ это къ нему не шло! Онъ этого самъ не зналъ, иначе онъ не поджималъ бы губъ и не кидалъ бы такихъ, полныхъ ненависти, взглядовъ. Онъ, впрочемъ, все время сохранялъ свою обычную молчаливость; къ Оготъ онъ не обратился ни однимъ словомъ и дъпалъ видъ, точно она и не существуетъ. Что она ему сдълала? Могла ли она поступить иначе, чъмъ поступила? Почему онъ не подумаетъ объ этомъ?

Но онъ даже ни разу не взглянулъ на нее.

Кофе былъ приготовленъ на яхтѣ, но изъ вниманія къ Эйену, у котораго все еще не проходилъ приступъ морской болѣзни, было рѣшено высадиться на первомъ попавшемся островѣ и пить его тамъ. И яхта причалила. Общество шумно расположилось на прибрежныхъ камняхъ, растянувшись на твердыхъ плитахъ. Всѣ были веселы и оживлены. Вотъ это интересно, въ этомъ есть что-то свѣжее! Эйенъ смотрѣлъ большими, изумленными глазами на все вокругъ себя, на море, на волны, наполнявшія воздухъ своимъ тяжелымъ рокотомъ, на этотъ пустынный островъ, гдѣ не росло ни одного дерева и гдѣ трава была выжжена и выѣдена солнцемъ и морской водой. Какъ это все необыкновенно!

Оготъ ходила среди гостей съ чашками и стаканами; ея крохотныя ручки боялись уронить что-нибудь, она шла такъ осторожно, точно ей приходилось балансировать, и при этомъ отъ усердія высовывала кончикъ языка.

Мильде предложилъ тостъ за нее.—Нътъ ли у тебя шампанскаго?—обратился онъ къ Оле.

Явилось шампанское; бокалы были наполнены и тостъ провозглашенъ подъ громкіе крики ура. Мильде былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи; онъ предложилъ снова закупорить пустую бутылку и бросить ее въ море съ запиской, на которой всъ непремънно должны подписаться, дамы и мужчины, не угодно ли!

И всѣ подписались, за исключеніемъ Паульсберга, который самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался. Человѣкъ, который

столько пишетъ, какъ онъ, сказалъ онъ, не станетъ же потъхи ради писать свое имя на какихъ-то клочкахъ бумаги. И онъ поднялся и одинъ ушелъ вглубь острова.

— Тогда я за него подпишусь,—сказалъ Мильде, хватая карандашъ.

Но тутъ фру Паульсбергъ воскликнула раздраженно:

— Что вы дѣлаете, Господь съ вами? Я надѣюсь, что вы это оставите? Вѣдь Паульсбергъ сказалъ, что онъ не хочетъ, чтобы его имя было на этой запискѣ, этого должно быть для насъ достаточно.

У нея былъ прямо обиженный видъ. Она сидъла, заложивъ ногу на ногу и обхвативъ, по обыкновенію, свою чашку съ кофе всей рукой, словно это была пивная кружка.

Мильде сейчасъ же извинился: вѣдь это была только шутка, сказалъ онъ, самая невинная шутка. Но, въ сущности, онъ долженъ сознаться, что фру Паульсбергъ права, все это съ его стороны не болѣе, какъ глупая выдумка. Паульсбергъ, конечно, не можетъ принять въ этомъ участія; коротко говоря... Впрочемъ, онъ во всемъ этомъ больше не видитъ ровно ничего забавнаго, онъ предлагаетъ оставить эту затѣю съ бутылкой. Если имени Паульсберга не будетъ тутъ же, то... Какого мнѣнія ўдругіе объ этомъ?

Иргенсъ больше не могъ сдерживаться, онъ фыркнулъ Мильде прямо въ лицо:

- Xe-хe-хe, господинъ стипендіатъ, ты неподражаемъ!—Господинъ стипендіатъ! Онъ все не могъ забыть стипендіи.
- А ты,—отвътилъ Мильде, разсердившись и глядя на него пьяными глазами,—ты... съ тобой прямо становится невозможнымъ имъть дъло.

Иргенсъ сдълалъ удивленное лицо:

— Въ чемъ дѣло? Что такое? Я замѣчаю по твоему тону, что слова мои тебѣ не понравились?

Но тутъ вмѣшалась фру Ганка. Ради всего святого, неужели они будутъ ссориться даже здѣсь, на прогулкѣ! Это, право, несносно, могу васъ увѣрить. Кто будетъ ссориться, того спустятъ въ воду, такъ и знайте!

Иргенсъ моментально замолчалъ, онъ даже не сталъ бормотать сквозь зубы, какъ дѣлалъ это всегда, когда бывалъ не въ духъ. Фру Ганка задумалась: какъ ея поэтъ и герой измѣнился въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ недѣль! Отчего это? Какъ его темные глаза выцвѣли! усы его вяло свисаютъ внизъ, лицо потеряло свой свѣжій видъ и свое прежнее очарованіе. Но затѣмъ ей пришли на умъ всѣ его разочарованія, его огорченія по поводу книги, этого прекраснаго сборника стихотвореній, который печать съ злымъ умысломъ обошла молчаніемъ. Она наклонилась къ Оготъ и сказала:

 Иргенсъ, къ сожалѣнію, нѣсколько озлобленъ теперь, вы замѣтили это? Но это, надо думать, пройдетъ снова.

Фру Ганкѣ хотѣлось сдѣлать все возможное, чтобы оправдать, извинить его, и въ добротѣ сердечной она стала повторять то, что Иргенсъ самъ столько разъ говорилъ ей съ глазу на глазъ, что, въ сущности, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у него проскальзываетъ иногда горечь, что къ его горечи надо относиться съ уваженіемъ. Вотъ онъ годами борется и страдаетъ, при всемъ своемъ большомъ талантѣ, а страна, государство ничего не дѣлаетъ, чтобы поддержать его.

— Да, подумайте!—сказала тоже Оготъ. Фрэкенъ Оготъ вдругъ увидала, что она отнеслась къ этому человъку не такъ, какъ должна была, она была неделикатна, даже груба, отолкнула его съ ненужной ръзкостью. Въ глубинъ души она бы очень желала, чтобы не было всего того, что произошло, но теперь ничего нельзя было подълать.

Паульсбергъ вернулся изъ своего уединеннаго странствованія и сталъ говорить о томъ, что пора отправляться домой. Нельзя знать, не пойдеть ли еще дождь, сказаль онъ, погода становится подозрительной. Впрочемъ, солнце почти зашло и подымается вътеръ.

Оготъ снова обошла всѣхъ, предлагая еще кофе. Поровнявшись съ Иргенсомъ, она наклонилась къ нему больше, чѣмъ это было необходимо, и сказала:

— А вы, господинъ Иргенсъ?

Ея почти молящій тонъ заставилъ его поднять на нее глаза. Онъ не хочетъ больше кофе, спасибо; но онъ удивленно улыбнулся, глядя на нее. Она почувствовала въ душъ ликованіе, подносъ чуть не выскочилъ у нея изъ рукъ, и она прошептала:

— Немного?

Онъ снова посмотрълъ на нее и сказалъ: нътъ, благодарю васъ.

На обратномъ пути Иргенсъ точно преобразился; онъ разговаривалъ, занималъ дамъ, даже помогалъ, чѣмъ могъ, бѣднягѣ Эйену, который снова лежалъ и не былъ въ состояніи двинуться. Мильде снова раздобылъ себѣ бутылку подъ предлогомъ, что насталъ опять часъ выпивки, и Иргенсъ пилъ съ нимъ только для того, чтобы выказать себя любезнымъ и по отношенію къ нему, Фру Ганка вся просіяла и веселилась, какъ дитя; неожиданнымъ и быстрымъ скачкомъ мысль ея вдругъ перешла на деньги, и она сказала себѣ, что непремѣнно должна попросить у мужа еще въ этотъ же вечеръ немного денегъ, сотню или двѣ кронъ.

Тидемандъ и на обратномъ пути взялъ руль, и его нельзя было уговорить выпустить его изъ рукъ; онъ слѣдилъ за парусами и за волнами и не говорилъ ни слова. Онъ выглядѣлъ эффектно. стоя у руля; его слегка сѣдѣющіе волосы шли къ нему, и фигура его красиво вырисовывалась въ воздухѣ, колыхая въ тактъ движеніямъ яхты. Жена его разъ окликнула его и спросила, не холодно ли ему; это вниманіе было для него такъ непривычно, что онъ почти не вѣрилъ ушамъ своимъ и сдѣлалъ поэтому видъ, что не слыхалъ ея словъ.

- Онъ не слышитъ, проговорила она, улыбаясь. Тебѣ не колодно, Андреасъ?
  - Холодно? Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

Скоро все общество высадилось на пристани.

Очутившись на берегу, Эйенъ сейчасъ же крикнулъ извозчика. Онъ долженъ, не медля ни минуты, отправиться домой, чтобы посмотрѣть, тамъ ли его рукопись, и узнать свою участь. Онъ не успокоится, сказалъ онъ, покуда не убъдится, что она дома, Но, можетъ быть, онъ встрътится еще потомъ съ остальнымъ обществомъ? Они будутъ въ ресторанъ?

Остальные вопросительно посмотръли другъ на друга, никто не зналъ, что теперь предпринять. Тогда Оле Генриксенъ заявилъ, что онъ съ своей стороны идетъ домой. Онъ думалъ при этомъ объ Тидемандъ; если кому нуженъ былъ покой, такъ это, конечно, ему.

Фру Ганка думала о деньгахъ, которыя она хотъла попросить у мужа, и пошла съ нимъ. У дверей дома Тидеманда общество разошлось.

Фру Ганка сразу перешла къ дѣлу и раньше еще, чѣмъ мужъ ея успѣлъ открыть дверь, сказала:

- Не будешь ли добръ дать мнв сто кронъ или около того?
- Сто кронъ? Гмъ! хорошо. Но не зайдешь ли ты со мною въ контору? у меня нътъ при себъ денегъ.

И они отправились въ контору.

Онъ протянулъ ей красную бумажку. Его рука сильно дрожала.

- Вотъ, пожалуйста, сказалъ онъ.
- Благодарю... Ты такъ дрожишь? спросила она.
- Гмъ. Это, должно быть, отъ руля, который я держалъ цѣлый день... Гмъ. У меня есть для тебя пріятная новость, Ганкаї ты столько разъ просила меня о разводѣ, теперь можешь его получить... Я согласенъ на разводъ.

Она едва върила своимъ ушамъ. Онъ соглашается на разводъ? Она взглянула на него, лицо его было чрезвычайно блъдно,

онъ смотрълъ въ землю. Они стояли по объ стороны тяжелой конторки.

Онъ снова заговорилъ:

— Обстоятельства измѣнились... Моя крупная операція съ рожью не удалась, и я сейчасъ если не совершенный банкротъ, то, во всякомъ случаѣ, бѣдный человѣкъ. Мнѣ, можетъ быть, удастся избѣжать полной ликвидаціи, вотъ и все. Но я теперь не въ состояніи продолжать прежній образъ жизни. Я и не хочу больше быть тебѣ обузой теперь, когда я не могу дать тебѣ лучшую жизнь.

Она стояла и слушала; его слова доносились до нея, словно издалека. Въ первую минуту у нея было неясное ощущеніе радости; она свободна, она можетъ сбросить съ себя все то, что такъ тяготило ее въ теченіе долгаго времени, она можетъ вернуть свое дъвичество, снова стать Ганкой Ланге, просто Ганкой Ланге! Извъстіе о томъ, что мужъ ея близокъ къ банкротству, не особенно потрясло ее; въдь ему даже не придется ликвидировать. У него нътъ больше состоянія, но въдь онъ не остался безъ крова. Могло быть хуже.

— Такъ, — сказала она только, — такъ!

Пауза. Къ Тидеманду вернулось его спокойствіе, онъ снова стоялъ твердо и увъренно, какъ у руля на яхтъ; взглядъ его былъ устремленъ на нее. Да, она не говоритъ "нътъ", ея желаніе осталось неизмъннымъ. Чтожъ, ничего другого нельзя было и ожидать!

Онъ произнесъ:

— Это все, что мнъ надо было тебъ сказать.

Голосъ его звучалъ необыкновенно спокойно, почти властно, и ей пришло въ голову, что такимъ тономъ онъ ни разу не говорилъ съ ней въ теченіе трехъ лѣтъ. Какая у него замѣчательная сила воли!

— Такъ ты согласенъ теперь на разводъ? — сказала она.—

Значитъ, мы расходимся? Да, да... Но... въдь ты обдумалъ это и дълаешь это не только мнъ въ угоду?

- Конечно, я это дълаю тебъ въ угоду, отвътилъ онъ.— Ты такъ часто просила меня объ этомъ, а я, къ сожалънію, всегда противился до этого времени. И онъ прибавилъ совершенно просто:
- Я прошу тебя простить мнъ, что я заставилъ тебя потерять столько времени.

Она подняла голову.

— Я не понимаю, что ты этимъ хочешь сказать?— произнесла она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Онъ не обратилъ на это вниманія и ничего ей не отвѣтилъ. Развѣ она сама не намекала неоднократно на разводъ? Такъ развѣ же онъ, такимъ образомъ, не заставилъ ее потерять даромъ время? Онъ разстегнулъ свой сюртукъ и съ полнымъ спокойствіемъ сдѣлалъ отмѣтку въ своемъ карманномъ календарѣ.

Она не могла не обратить вниманія на это самообладаніе, котораго никогда раньше не замѣчала у него; у нея невольно вырвалось:

- Мнѣ кажется, ты такъ измѣнился въ послѣднее время...
- Да, немного посъдълъ, но...
- Нътъ, ты не понялъ меня, —прервала она его.

На это Тидемандъ медленно отвътилъ, глядя ей въ глаза:

- Далъ бы Богъ, чтобы ты меня понимала всегда такъ, какъ я понимаю тебя, Ганка! Тогда, можетъ быть, не дошло бы до того...—Онъ снова застегнулъ свой сюртукъ, какъ бы собираясь уходить, и сказалъ:
  - Что касается денегъ...
  - Да, вотъ они, сказала она, протягивая ему сто кронъ.
     Въ первый разъ онъ сдълалъ гнъвное движеніе головой.
- Я не объ этихъ деньгахъ говорю. Будь такъ любезна и постарайся понять меня хоть *теперы*... Деньги на жизнь будутъ тебъ доставлены, какъ только ты пришлешь свой адресъ.

- Но, Боже мой, проговорила она смущенно, развѣ же мнѣ надо уѣхать? Я вѣдь могу остаться здѣсь въ городѣ? Что мнѣ дѣлать?
- Какъ тебѣ угодно. Дѣти вѣдь могутъ остаться здѣсь, не правда ли? Я ужъ буду о нихъ заботиться, на этотъ счетъ можешь быть совершенно спокойна. А что касается тебя, то... ты, должно быть, возъмешь себѣ гдѣ-нибудь пару комнатъ, что? Вѣдь три года все таки, ты вѣдь знаешь, три года еще.

Она все еще стояла съ красной кредиткой въ рукахъ и смотрѣла на нее. Она не могла собраться съ мыслями, все шло кругомъ передъ глазами у нея. Но въ глубинѣ души у нея все таки было чувство радости отъ сознанія, что она свободна. Она ничего не говорила, и онъ рѣшилъ положить конецъ этой сценѣ, чтобы не поддаться собственному волненію.

— Итакъ, прощай...—Онъ протянулъ ей руку.—Мы, можетъ быть, еще увидимся; но я все таки кочу тебя сейчасъ поблагодарить, потому что вдвоемъ намъ, во всякомъ случаѣ, больше не придется оставаться... Деньги будутъ тебѣ посылаться каждый мѣсяцъ.

Онъ надълъ шляпу и направился къ дверямъ.

Она провожала его взглядомъ. Неужели это Андреасъ?

— Да, да,—проговорила она смущенно, — ты хочешь идти, а я стою здъсь и задерживаю тебя. Да, да, такъ мы, значитъ, такъ и сдълаемъ... я, впрочемъ, совершенно не знаю, что говорю...

Ея голосъ вдругъ оборвался.

Дрожащими руками Тидемандъ отворилъ дверь и пропустилъ ее впередъ. Поднявшись по лѣстницѣ первый, онъ наверху, на площадкѣ, остановился и подождалъ, пока она поднимется, затѣмъ отворилъ своимъ собственнымъ ключемъ дверь въ квартиру и пропустилъ Ганку. Когда она вошла, онъ сказалъ:

-- Да, да, итакъ, спокойной ночи!

И Тидемандъ снова спустился въ контору и заперся въ

ней. Онъ прислонился къ окну и, заложивъ руки за спину, сталъ смотръть на улицу, ничего не видя. Нътъ, ея ръшеніе нисколько не измѣнилось, какъ можно было бы ожидать; въ ней не было ни малѣйшаго колебанія. Она стояла здѣсь, опершись локтемъ о конторку, она выслушала его и отвѣтила: "да, такъ мы, значитъ, такъ и сдѣлаемъ". Нѣтъ, ни малѣйшаго колебанія... Но она и не выразила ничѣмъ своей радости? Нѣтъ, она пощадила его, этого онъ не можетъ отрицать, на столько деликатности у нея хватило. О, Ганка всегда была чутка и деликатна, помилуй ее Богъ! Да, вотъ здѣсь она стояла. Ганка, Ганка!.. Но теперь она вѣроятно сидитъ наверху и радуется. Да и почему бы ей не радоваться? Она добилась того, чего хотѣла... А дѣти, должно быть, уже спятъ, обѣ, Ида и Іоганна. Онѣ даже еще не достаютъ до подушки, такъ онѣ малы. Ну, съ ними то онъ справится. Онъ, можетъ быть, и посѣдѣлъ немного, но онъ еще не сраженъ.

И Тидемандъ отошелъ отъ окна и подошелъ къ конторкъ. До самаго утра онъ простоялъ у конторки, разбирая книги и бумаги.

II.

Въ теченіе послѣдующихъ дней фру Ганка тщетно искала Иргенса. Ей хотѣлось какъ можно скорѣй сообщить ему о своемъ великомъ счастьи, о томъ, что она свободна, наконецъ, свободна, но его не было дома. Дверь его была заперта на ключъ, а на ея стукъ не послѣдовало никакого отвѣта, значитъ, его не было дома. Въ ресторанахъ она тоже не встрѣчала его. Въ концѣ концовъ, ей пришлось ему написать, попросить, чтобы онъ назначилъ ей день, часъ, ей надо сообщить ему радостную вѣсть.

Но въ теченіе этихъ двухъ безконечныхъ дней ожиданія, когда она ни за что не могла приняться, ея радость по поводу развода начала понемногу испаряться; она такъ часто повторяла себъ, что теперь ея замужняя жизнь кончилась, что мысль ея въ концъ концовъ привыкла къ этому и сердце уже не трепетало отъ ра-

дости. Она разстанется съ мужемъ, —прекрасно, но она и до сихъ торъ была не особенно связана. Разница была не настолько велика, чтобы это сознаніе могло постоянно поддерживать въ ней радостное настроеніе.

Къ этому присоединилось еще то, что теперь, когда вопросъ быль рѣшенъ и она въ любой моментъ могла оставить домъ, ею овладъла какая-то смутная тоска, мучительное, щемящее чувство: нътъ, счастливъе она себя не чувствовала теперь. Какой-то странный и сильный трепетъ пробъгалъ по всему ея тълу, словно золотой лучъ солнца пронизывалъ ея сердце теперь всякій разъ, когда дъти начинали болтать съ ней или протягивали къ ней свои рученки; отчего бы это могло быть? Въ прошлую ночь она встала, чтобы взглянуть на спящихъ дътей. Они лежали въ своихъ маленькихъ кроваткахъ, раскинувшись во снѣ такъ, что маленькія тѣльца ихъ обнажились до самыхъ плечъ; но они спали крѣпко, изрѣдка шевеля во снѣ пальцами рукъ или ногъ. Милые ребятишки! какъ они лежатъ со сбившимися на грудь рубащенками. раскраснъвшись и раскинувъ въ разныя стороны ручки и ножки! Она осторожно накрыла ихъ одъялами и вышла изъ комнаты, взволнованная, съ опущенной головой.

Что будетъ, когда она переъдетъ? Когда она устроится? Она свободна, но замужемъ, еще цълыхъ три года ей надо ждатъ, житъ гдъ-нибудь, платитъ помъсячно за квартиру, закупатъ для себя провизію. И эти два дня, когда мысль ея неустанно вертълась вокругъ этого, у нея не было никого, съ къмъ бы она могла посовътоваться; Иргенса все не было дома. Одному Богу извъстно, гдъ онъ пропадалъ. Тидеманда, своего бывшаго мужа, она больше не видала

Она снова отправилась къ Иргенсу. Онъ поможетъ ей найти комнаты и дастъ ей навърное какой-нибудь полезный совътъ. Ахъ, да, какъ хорошо, что теперь настанетъ конецъ этой жизни, полной постояннаго принужденія и притворства; много мъсяцевъ подъ рядъ, цълый годъ уже она таитъ въ душъ свою неудовлетво-

ренность,—съ тѣхъ поръ, какъ попала въ новый кружокъ и узнала новую жизнь; теперь она свободна, свободна и молода. Она поразитъ Иргенса этимъ радостнымъ извѣстіемъ; онъ такъ часто говорилъ о разводѣ, когда они бывали наединѣ, въ интимныя минуты...

Наконецъ-то Иргенсъ оказался дома.

Она сейчасъ же начала ему разсказывать о своемъ счастьи, разсказала, какимъ образомъ это произошло, что Тидемандъ, наконецъ, уступилъ, передала точно его слова, восхищаясь его самообладаніемъ и силой воли. Она не сводила своихъ блестящихъ глазъ съ лица Иргенса, наблюдая выраженіе его. Иргенсъ не выказалъ особенной радости, онъ улыбался, вставлялъ изрѣдка какое-нибудь слово, спросилъ, довольна ли она. Такъ вотъ какъ, значитъ, она разводится? Что жъ, она хорошо дѣлаетъ, нѣтъ никакого смысла мучиться такъ всю жизнь... Но онъ продолжалъ спокойно сидѣть на своемъ мѣстъ, самымъ разсудительнымъ образомъ обсуждая эту перемѣну въ жизни Ганки.

Злыя предчувствія закрались ей въ душу, сердце ея усиленно забилось.

— Но тебя это, кажется, не особенно радуетъ, Иргенсъ? сказала она.

Онъ снова улыбнулся:

— Не радуетъ? Но, конечно! Милая, неужели ты думаешь, что я не радуюсь? Ты такъ давно уже хотъла освободиться отъ этихъ узъ; такъ какъ же мнъ не... О, ты можешь быть совершенно увърена въ этомъ.

Все прекрасныя слова, но въ нихъ не было огня, не чувствовалось тепла. Онъ подыскивалъ слова, она это хорошо слышала, Что-же такое случилось? Или онъ ее больше не любитъ? Она сидъла съ тяжелымъ сердцемъ; ей надо было оттянуть время, чтобы немного успокоиться, и она сказала:

 Но, милый, гдъ ты былъ все это время? Я три раза была у твоихъ дверей и все не заставала тебя.

Онъ опять отвътилъ разсудительно и какъ бы ища словъ, сказалъ, что это простая случайность, ей просто не везло. Онъ выходилъ нъсколько разъ, но большей частью сидълъ дома. Да и гдъ бы ему быть?

Пауза. Она больше не въ силахъ была владѣть собой и заговорила прерывисто:

— Но, Боже мой, Иргенсъ, вѣдь теперь я *твоя*, я развожусь, я больше не останусь тамъ. Вѣдь ты благодаренъ мнѣ за это, не правда-ли? Потому что теперь я больше тамъ не останусь. Конечно, должно пройти еще три года, но все-таки...

Она остановилась, она видѣла по его лицу, что онъ словно собирается съ духомъ, готовится встрѣтить бурю лицомъ. Но онъ ничего не сказалъ, ни одного слова, и ее охватилъ еще большій страхъ. Снова наступило молчаніе.

- Да, Ганка, это не хорошо, заговорилъ онъ, наконецъ. Ты, значитъ, поняла меня такимъ образомъ, что если бы ты была разведена, то.... если ты только разведешься, тогда... Я допускаю, что, строго говоря, ты можетъ быть, права, да, что я, можетъ быть, сказалъ нъчто подобное. Да, пожалуй, что я разъдругой говорилъ это...
- Но, послушай, —воскликнула она, и сердце ея снова сжапось, —вѣдь мы же никогда ничего другого и не имѣли въ виду, что, Иргенсъ? Потому что вѣдь ты же любишь меня, въ это я вѣрю. Ты такой странный сегодня.
- Къ сожалѣнію, отношеніе мое къ тебѣ уже не такое, какъ раньше. —Онъ грустно посмотрѣлъ въ сторону и снова сталъ искать словъ; по тѣлу его пробѣжала дрожь. —Я не хочу тебѣ лгать, Ганка, я въ тебя уже не такъ влюбленъ, какъ прежде. Я взялъ бы грѣхъ на душу, если бы вздумалъ скрыть это отъ тебя, я противъ этого ничего не могу, это не въ моей власти.

Это она поняла, это было ясно. Голова ея медленно опустилась на грудь, и, растерянная, убитая, она прошептала:

Да, не въ твоей власти. Это кончилось, минуло безвозвратно...

И она замолчала.

Вдругъ она подняла голову и взглянула на него; ея короткая верхняя губа еще немного пріоткрылась и бѣлые зубы ея засверкали. Она попробовала улыбнуться и тихо сказала:

— Но можетъ быть, еще не все кончено, Иргенсъ? Подумай, что я поставила на карту...

Онъ покачалъ головой.

- Да, это очень грустно, но... Знаешь, о чемъ я думалъ сейчасъ, когда ничего не отвъчалъ на твои слова? Я думалъ о томъ, что ты сказала: "минуло безвозвратно". Я думалъ, можно-ли такъ сказать, правильно-ли это выражено. Видишь, какъ мало меня это трогаетъ даже теперь, это объясненіе меня не волнуетъ, я совершенно не взволнованъ. Изъ этого ты можешь сама заключить...—И словно ему важно было воспользоваться удобнымъ случаемъ, онъ продолжалъ:
- Ты сказала, что была здѣсь три раза и хотѣла видѣть меня? Два раза я объ этомъ зналъ. Я считаю своимъ долгомъ сказать это тебѣ, для того, чтобы ты убѣдилась, до какой степени мнѣ невозможно скрыть отъ тебя положеніе вещей. Я сидѣлъ здѣсь у себя и слышалъ твой стукъ въ дверь, но я не отворилъ. Ты видишь, слѣдовательно, какъ это серьезно... Но, милая, милая Ганка, я противъ этого ничего не могу подѣлать, и ты не должна огорчаться... Не правда-ли, ты поймешь, если я тебѣ скажу, что наши отношенія нѣсколько унижали меня. То, что я все время принималъ отъ тебя деньги, глубоко оскорбляло мое самолюбіе, и я говорилъ самому себѣ: это принижаетъ тебя! Не правда-ли, ты понимаешь, что человѣкъ съ моимъ характреромъ... потому что я гордъ,—не знаю, достоинство-ли это, или недостатокъ моей натуры...

Пауза.

— Да, да, проговорила она машинально, да, да.

И она поднялась, чтобы уйти. Глаза ея смотръли неподвижно и, казалось, ничего не видъли.

Но онъ хотълъ объяснить ей лучше, она не должна уходить съ неправильнымъ представленіемъ о немъ; онъ удержалъ ее онъ долженъ изложить ей свои доводы, иначе въдь онъ является прямо въ смѣшномъ свѣтѣ. И онъ долго говорилъ, поясняя каждую мелочь, какъ если-бы онъ ожидалъ, что настанетъ этотъ моментъ объясненія, и заранъе все приготовилъ мысленно. Да. тутъ цѣлый рядъ мелочей, а для такихъ натуръ, какъ онъ, мелочи имъютъ большое значеніе. Въ общемъ, ему становилось все болье ясно, что они не подходять другь къ другу. Она его ценить, гораздо больше даже, чъмъ онъ этого заслуживаетъ, но она, можетъ быть, не совстмъ его понимаетъ; онъ этого не ставить ей въ упрекъ, но... Она говорила, что гордится имъ, что чувствуетъ гордость, когда дамы на улицъ оборачиваются и смотрятъ ему вслѣдъ. Прекрасно! Но она, можетъ быть, недостаточно цѣнила его, какъ личность. Она не достаточно была проникнута той мыслью, что онъ не совствить обыкновенный человтикъ. Это, конечно, простительно, она просто недостаточно глубоко его понимаетъ. Она не тъмъ гордилась, что онъ сказалъ, или подумалъ, или написалъ, нътъ, она не этимъ гордилась прежде и больше всего; но она замъчала, что дамы смотрять ему вслъдъ на улицъ. А между тъмъ въдь дамы могутъ оборачиваться на кого угодно. будь это какой-нибудь пейтенантъ или лавочникъ. Она даже подарила ему палку для того, чтобы онъ имълъ болъе презентабельный видъ на улицъ...

— Нѣтъ, Иргенсъ, прервала она его, не потому, это было не потому...

Хорошо, можетъ быть, это было и не потому, и разъ она это говоритъ, то... Но на него это произвело именно такое впечатлъніе. И онъ подумалъ, что если безъ палки онъ выглядитъ не-

достаточно хорошо, то... Въдь съ палками ходятъ даже эти два остриженныхъ подъ машинку молокососа, которыхъ Эйенъ постоянно таскаетъ за собой. Коротко говоря, онъ отдалъ эту палку первому встръчному... Но тутъ еще много другихъ вещей, другихъ мелочей: ей захотълось пойти въ оперу, онъ не могъ сопровождать ее, но она все-таки пошла, и онъ сказалъ самому себь: она все-таки идетъ въ оперу, несмотря на это, ей не такъ ужъ важно, чтобы онъ съ нею пошелъ, - прекрасно, въ глубинъ души онъ былъ этому радъ, онъ чрезвычайно былъ этому радъ. И такъ далъе. Она носила свътлое шерстяное платье, и когда они бывали вмъстъ, онъ весь потомъ былъ покрытъ волосами и шерстинками. Она никогда этого не замъчала. Онъ всякій разъ долго послѣ этого чистилъ свое платье и смахивалъсъ него шерстинки онъ выглядель такъ, словно валялся одетый въ постели. Но замечала ли она это? Никогда! И онъ говорилъ самому себъ: она никогда не замъчаетъ этого, никогда не видитъ! Такъ одна мелочь за другой становилась между ними, и въ концъ концовъ дъло дошло до непреодолимой антипатіи. Онъ видълъ у нея недостатки ръшительно во всемъ. Она на ходу немного переваливалась, и когда онъ шелъ съ ней по улицъ, ему казалось, что люди смотрятъ на ея фигуру, и это его злило, приводило его въ дурное настроеніе. Онъ прекрасно помнитъ одинъ зимній вечеръ; на дворцовомъ холив они встретили двухъ молодыхъ людей, это были только студенты, но все равно. Онъ готовъ былъ бы поклясться, что эти молодые люди смотръли на ея фигуру особеннымъ образомъ и что въ головъ у нихъ въ это время пробъгали циничныя мысли. Ему послышалось даже циничное замъчаніе. Но могъ ли онъ придраться къ этому? Онъ сказалъ себъ: она переваливается, дъйствительно, переваливается; но можно ли быть въ претензіи на другихъ за то, что они замъчаютъ это, обращаютъ на это вниманіе? Но почему она ходитъ такъ небрежно, она, такая красивая? Прохожіе видять это, дівлають свои замізчанія... Ахъ, туть тысяча мелочей! Не особенно давно у нея были потрескавшіяся

губы, такъ что она даже не могла смъяться естественнымъ образомъ. И представь себъ, даже это дъйствовало на него самымъ раздражающимъ образомъ, ему было непріятно смотръть на нее. Боже мой, она не должна думать, что онъ ее попрекаетъ этимъ, попрекаетъ тъмъ, что у нея потрескались губы, это была, конечно, не ея вина, и онъ не такъ глупъ, чтобы ставить ей это въ вину, онъ вовсе не такъ глупъ. Но... Какъ бы то ни было, дъло дошло въ концъ концовъ до того, что онъ прямо боялся ея прихода. Пусть она повърить ему, онъ сидълъ здъсь на стуль и страдалъ, невыразимо страдалъ, слыша ея стукъ въ дверь. Но едва только она успъла спуститься съ лъстницы, какъ онъ тоже поднялся и вышелъ изъ дому. Онъ отправился въ ресторанъ и пообъдалъ съ апетитомъ, хорошо пообъдалъ самымъ спокойнымъ и безсердечнымъ образомъ, не чувствуя ни грусти, ни волненія, ни угрызеній совъсти. Онъ хочеть, чтобы она это знала для того. чтобы она могла понять его...- Но, милая Ганка, вотъ я сижу и говорю все это и, можетъ быть, я этимъ еще больше огорчилъ тебя. Я считалъ это необходимымъ, ты должна была убъдиться, что тутъ, дъйствительно, были серьезныя основанія, что это не пустая болтовня. Къ сожальнію, это гнъздится глубоко въ моей натуръ. Но не принимай этого слишкомъ близко съ сердцу, милая, пусть это тебя не слишкомъ огорчаетъ. Ты знаешь, что я все таки люблю тебя и въ глубинъ души благодаренъ тебъ за все. Я никогда не забуду тебя, я это слишкомъ хорошо чувствую. Скажи, что ты переносищь это твердо, и я буду радъ...

Онъ остановился. Не было никакого сомнѣнія, что онъ заранѣе придумалъ все это объясненіе, приготовилъ все, что онъ скажетъ,—съ такой точностью онъ помнилъ каждую, самую незначительную мелочь. И даже замолчавъ, наконецъ, онъ все еще соображалъ, не забылъ ли чего нибудь.

Она продолжала сидъть на своемъ мъстъ, неподвижно и тупо. Да, самыя дурныя ея предчувствія не обманули ее, все было, дъйствительно, кончено. Вонъ тамъ сидитъ Иргенсъ, и онъ сказалъ то-то и то-то, и не забылъ упомянуть о томъ-то и о томъ-то чтобы какъ можно лучше выяснить ей все. Онъ такъ много говорилъ, да, но онъ все таки выдалъ себя; какъ тщательно онъ выкапывалъ все, что могло послужить ему хоть нъкоторымъ оправданіемъ! Нѣтъ, къ нему она не можетъ теперь обратиться за совътомъ; онъ, должно быть, указалъ бы ей на газетныя объявленія о сдающихся комнатахъ, можетъ быть, посовътовалъ бы ей обратиться къ помощи посыльнаго. Онъ вдругъ сталъ уплывать отъ нея куда-то вдаль, она видъла его далеко далеко отъ себя, въ глубинъ комнаты, у него были спереди въ шелковой сорочкъ двъ перламутровыя запонки, и волосы его блестъли и были гладко причесаны. У нея было ощущеніе, словно его длинная ръчь страннымъ образомъ открыла ей глаза; подумайте, въдь онъ даже не поколебался простить ей то, что у нея весной были потрескавшіяся губы! Вонъ онъ сидитъ...

Она такъ отупъла, что даже не была въ состояніи сразу подняться; она чувствовала въ душъ полнъйшую пустоту, крохотная иллюзія, которую она еще пыталась сохранить, разсъялась самымъ жалкимъ образомъ. Кто-то подымался по лъстницъ, а она не помнила, заперла пи дверь, или оставила ее не запертой; но она все таки не двинулась съ мъста. Шаги прошли мимо, поднялись этажемъ выше.

— Милая Ганка, — сказалъ онъ, желая утъшить ее насколько возможно; — ты должна была бы серьезно подумать о томъ, чтобы приняться за романъ, о которомъ мы говорили. Нътъ никакого сомнънія въ томъ, что ты можешь съ этимъ справиться, а я съ удовольствіемъ просмотрю потомъ рукопись. Ты должна была бы, дъйствительно, подумать объ этомъ, это и развлекло бы тебя. Ты знаешь, что я желаю тебъ добра.

Да, Боже мой, было время, когда она, дъйствительно, думала о томъ, чтобы начать писать романъ. Почему нътъ? То одно, то другое женское имя выплываетъ на поверхность и пріобрътаетъ извъстность, и всъ эти женщины такъ мило пишутъ. Да, она въ

самомъ дълъ разъ забрала себъ въ голову, что теперь ея чередъ. И какъ ее только ни поощряли въ этомъ! Слава Богу, съ тъхъ поръ она больше объ этомъ не думала; слава Богу!

- Ты не отвъчаешь, Ганка?
- Да,— отвѣтила она съ отсутствующимъ видомъ, да ты, пожалуй, правъ.

Она сразу поднялась, глядя прямо передъ собою. Ахъ, если бы она только знала, что ей теперь предпринять! Пойти домой? Да, это, пожалуй, самое лучшее. Если бы у нея были родители, она бы, можетъ быть, отправилась къ нимъ, но родителей у нея нѣтъ и, такъ сказать, никогда не было. Да, ей остается только отправиться въ домъ Тидеманда, коммерсанта Тидеманда, гдѣ она жила до сихъ поръ...

И съ застывшей на губахъ улыбкой она протянула Иргенсу руку и простилась съ нимъ.

Онъ почувствовалъ такое облегчение при видъ ея спокойствія, что съ искренней теплотой пожалъ ей руку. Какая она все таки необыкновенно благоразумная женщина, женщина, которая умфетъ брать вещи такъ, какъ ихъ надо брать! Никакихъ сценъ, никакихъ истерикъ, упрековъ, отчаянья; простое прощаніе съ улыбкой на губахъ. Ему хотълось еще больше укръпить ея духъ, поддержать ее въ ея печали, и, чтобы отвлечь ее отъ грустныхъ мыслей, онъ сталъ говорить о вещахъ, близко касавшихся его самого, о своихъ творческихъ планахъ: да, онъ непремѣнно пошлетъ ей и свою слъдующую книгу, она снова найдетъ его въ ней. И. какъ я уже сказалъ, о романъ надо подумать... И, чтобы показать ей, что дружба его къ ней остается неизмѣнной, несмотря на то, что ихъ отношенія кончились, онъ еще разъ попросилъ ее поговорить съ журналистомъ Грегерсеномъ о рецензіи его книги. Это чортъ знаетъ что такое, что ни одной замътки не появилось еще! Но за этимъ опять таки стоитъ Паульсбергъ, Паульсбергъ завистливъ, онъ пускаетъ въ ходъ все решительно, чтобы не дать газетамъ говорить о комъ нибудь, кромъ него

самого. Если она хочетъ оказать ему большую услугу, то... Потому что онъ, Иргенсъ, самъ не можетъ заставить себя говорить съ Грегерсеномъ, для этого онъ, видитъ Богъ, слишкомъ гордъ, онъ не въ состояніи унижаться...

— Да,—отвътила она все съ той-же застывшей улыбкой, я говорила съ нимъ, я ясно помню, что говорила разъ съ Грегерсеномъ о чемъ-то въ этомъ родъ.

И не глядя больше ни направо, ни налъво, она направилась прямо къ выходу.

Но едва она очутилась въ сѣняхъ, какъ опять открыла дверь и, не говоря ни слова, снова вошла въ комнату. Она подошла къ зеркалу, висѣвшему между обоими окнами, и начала поворачиваться передъ нимъ и оглядывать себя.

— Да, пожалуйста!—сказалъ Иргенсъ,—вотъ зеркало. Оно, можетъ быть, немного запылено, но...

Она сняла шляпу и пригладила рукой волосы; она провела также платкомъ по губамъ. Онъ все время стоялъ и смотрѣлъ на нее, она его слегка удивляла. Это, конечно, прекрасно обладать такой внутренней силой и не давать горю сломить себя, но это ея самообладаніе свидѣтельствуетъ все же объ отсутствіи, чуткости, о полномъ отсутствіи чуткости. Онъ все таки предполагалъ въ ней настолько глубины чувства, что разрывъ съ нимъ отзовется на ней сильнѣе. А между тѣмъ она стоитъ и съ величайшей тщательностью приводитъ въ порядокъ свой туалетъ. Онъ не могъ понять такого хладнокровія, оно оскорбляло его, прямо оскорбляло его внутреннее чувство, и, глубоко огорченный, онъ замѣтилъ ей, что вѣдь онъ еще находится въ комнатѣ, странно, что она, повидимому, совершенно забыла объ его присутствіи...

На это она ничего не отвътила. Но, отойдя отъ зеркала, она остановилась на минуту среди комнаты и, глядя куда-то внизъ, проговорила устало и равнодушно:

— Ты не понимаешь развъ, что я совершенно покончила съ тобой! Но, очутившись на улицъ, въ яркомъ дневномъ свътъ, среди суеты двигающихся людей и экипажей, она не выдержала и начала рыдать. Она опустила вуаль, выбирала самые глухіе переулки, чтобы быть скрытой отъ постороннихъ взоровъ, и шла, перегнувшись впередъ, совершенно разбитая; она шла очень быстро, и плечи ея вздрагивали отъ рыданій. Какъ мрачно и темно стало вокругъ нея! что ей теперь дълать? Она все ускоряла шагъ, сошла съ тротуара и шла посреди улицы, шепча и рыдая. Въ сущности, можетъ ли она вернуться домой, къ Андреасу и дътямъ? Что, если дверь заперта? У нея было два дня, чтобы подыскать себъ комнаты; теперь Андреасъ, можетъ быть, потерялъ терпъніе. Надо поторопиться, дверь, можетъ быть, еще не будетъ заперта, если она поторопится.

Всякій разъ, что она доставала изъ кармана носовой платокъ, она нашупывала письмо. Ахъ, да, это конвертъ со ста кронами, онъ лежитъ еще у нея въ карманъ и шуршитъ всякій разъ, когда она суетъ руку въ карманъ... Боже мой, если бы имъть когонибудь, къ кому бы можно было теперь пойти, какого-нибудь друга! Изъ всъхъ членовъ ихъ кружка она никого не хотъла видъть; о, нътъ, съ нея довольно ихъ! Цълый годъ она вращалась среди нихъ, и слышала ихъ ръчи и видъла ихъ поступки, нътъ, помилуй ее Богъ, какъ ее хватило на это! Тутъ и Мильде, тутъ и Паульсбергъ, тутъ и актеръ Норемъ, и Иргенсъ, и Грегерсенъ; всь они постоянно говорили только о своихъ собственныхъ дълахъ, и придирались другь къ другу, и огрызались на каждое слово другого. Нътъ, нътъ, съ ними она покончила, ничто больше не заставитъ ее пойти туда... Но Оле Генриксенъ, не можетъ ли она пойти къ нему и попросить у него совъта? Нътъ. Нътъ, этого она не можетъ...

Андреасъ, должно быть, еще въ конторъ, стоитъ и работаетъ. Она не видала его два дня, какъ то не пришлось, онъ, должно быть, очень занятъ. А она еще взяла у него сто кронъ, несмотря на то, что онъ разоренъ. Боже мой, какъ она раньше не поду-

мала объ этомъ? Она попросила у него сто кронъ! "Да", отвътилъ онъ, "но не зайдешь ли ты со мной въ контору, у меня нътъ при себъ денегъ". И онъ открылъ шкапъ и досталъ оттуда сто кронъ, вынулъ, можетъ быть, послъднія деньги. И онъ протянулъ ей кредитку и даже не забылъ сказать "пожалуйста", котя у самого у него, можетъ быть, не оставалось ни гроша. Въ волосахъ у него появилась съдина, и у него былъ очень утомленный видъ, но онъ ни на что не жаловался, онъ говорилъ и держалъ себя гордо и спокойно. Онъ удивилъ ее тогда, ей каза лось, будто она видитъ его въ первый разъ... Нътъ, она ни за что не оставитъ у себя этихъ ста кронъ; ахъ, если бы она никогда и не просила ихъ у него! Можетъ быть, если она принесетъ ихъ Андреасу, обратно онъ проститъ ей это? Или она очень помъщаетъ ему, если зайдетъ сейчасъ въ контору? Но она не задержитъ его...

Фру Ганка вытерла слезы подъ вуалью и продолжала идти. Дойдя до дверей конторы, она на мгновеніе остановилась. А что, если онъ укажетъ ей на дверь? Онъ къ тому же, можетъ быть, и догадается, откуда она пришла... Отъ служащихъ она узнала, что Тидемандъ у себя.

Она постучалась и прислушалась.—Войдите! — сказалъ онъ. Она вошла очень тихо. Тидемандъ стоялъ у конторки; онъ поднялъ голову при ея появленіи и сейчасъ же положилъ перо.

- Извини, я тебъ мъшаю? проговорила она торопливо.
- Нътъ, отвътилъ онъ, глядя на нее вопросительно, нисколько.

Передъ нимъ лежала цѣлая куча писемъ; онъ стоялъ, высокій и прямой, облокотившись одной рукой на конторку. Нѣтъ, онъ не особенно посѣдѣлъ, и глаза его больше не казались усталыми.

Она достала изъ кармана сто кронъ и проговорила:

 — Я хотъла только вернуть тебъ это. Прости, что я просила у тебя денегъ теперь, когда ты самъ такъ нуждаешься въ нихъ. Я прямо объ этомъ не подумала тогда. Это было такъ дурно съ моей стороны.

Онъ посмотрълъ на нее удивленно и сказалъ:

- Голубушка, оставь эти деньги у себя. Лишнихъ сто кронъ въ дълъ не имъютъ ровно никакого значенія.
- Да, но все таки, пожалуйста... Я прошу тебя взять ихъ обратно.
- Хорошо, если они тебѣ не нужны, то я ихъ возьму. Спасибо. но...

Онъ же еще благодаритъ ее! Какъ она была рада теперь, что еще не израсходовала этихъ денегъ и могла ихъ ему вернуть. Она подавила свое волненіе и въ смущеніи тоже сказала спасибо, кладя передъ нимъ деньги. Она продолжала стоять. Видя, что онъ снова берется за перо, она сказала съ робкой улыбкой:

Я должна извиниться передъ тобой, что такъ долго...
 столько времени прошло, а я еще не сняла комнаты, но...

Больше она не могла владъть собой, голосъ измънилъ ей, и она, отвернувшись, стала доставать носовой платокъ.

- Въдь это не къ спъху, сказалъ онъ. Тебъ незачъмъ такъ торопиться, я думаю?
  - -- Да? Спасибо.
- Спасибо? Я этого не понимаю. Въдь не я же... Я только хотълъ облегчить тебъ исполненіе твоего желанія.

Она испугалась; ей показалось, что онъ ею недоволенъ, и она поспъшила сказать:

— Да, да! Я и не хотъла... Но я тебъ мъшаю...

И она быстро вышла изъ комнаты.

III.

Тидемандъ не зналъ отдыха съ тъхъ поръ, какъ надъ нимъ разразилось несчастье. Съ ранняго утра и до поздняго вечера онъ всегда былъ за работой; онъ былъ заваленъ бумагами, счетами, векселями, акціями, понемногу приводя все это въ порядокъ.

Оле Генриксенъ въ любую минуту помогалъ ему по первому его слову; онъ уплатилъ ему деньги за дачу и перенялъ многія изъ его дълъ. Теперь дъла Тидеманда понемногу налаживались.

Оказалось, что фирма Тидемандъ не имѣла основного капитала для операцій, хотя она и проявляла весьма разнообразную и обширную дѣятельность и вела крупные обороты. Затѣянная Тидемандомъ безумная операція съ рожью казалась всѣмъ прямо невѣроятной; теперь, когда несчастье совершилось, всѣ проявляли необычайное благоразуміе и не скупились на критику: кто жалѣлъ Тидеманда, кто подымалъ его на смѣхъ—смотря по свойству характера. Тидемандъ молча выдерживалъ этотъ натискъ; онъ неустанно работалъ, стараясь сохранить равновѣсіе, и продолжалъ держаться на ногахъ. Конечно, на складѣ у него была громадная масса зерна, которую онъ закупилъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ; но рожь, въ концѣ концовъ, всегда остается рожью, товаръ не залеживался у него, онъ продавалъ его равномѣрно и потихоньку по рыночнымъ цѣнамъ и несъ свои потери съ полнымъ самообладаніемъ. Его неудача не сразила его.

Теперь ему предстояло свести послѣдніе разсчеты съ американской фирмой, и для этого ему нужна была помощь Оле Генриксена; потомъ ужъ онъ постарается самъ справиться. Онъ мечталъ о томъ, чтобы упростить и сократить свои дѣла, такъ сказать, начать опять съ малаго, чтобы понемногу снова подняться на прежнюю высоту. Ему надо было все это обдумать; у него было много плановъ въ головѣ, не даромъ онъ чуть-ли не съ дѣтскихъ лѣтъ былъ коммерсантомъ.

Тидемандъ собралъ часть бумагъ и отправился съ ними къ Оле. Былъ понедъльникъ, оба они съ утра отправили почту и теперь были свободны; но Тидеманду еще надо было потомъ зайти въ банкъ.

Какъ только онъ показался въ дверяхъ, Оле положилъ перо и пошелъ къ нему на встръчу. Ихъ встръчи по прежнему были для нихъ праздникомъ, и по прежнему въ такихъ случаяхъ по-

являлись на сцену вино и сигары; ничто не измѣнилось. Тидемандъ не хотѣлъ мѣшать Оле; напротивъ, онъ предложилъ ему помочь, если можно. Но Оле отклонилъ его помощь; у него рѣшительно ничего спѣшнаго нѣтъ сейчасъ.

Въ такомъ случав, сказалъ Тидемандъ, онъ опять займетъ его вниманіе своими бумагами. Онъ становится довольно навязчивымъ и является сейчасъ же, какъ только что нибудь у него неладно...

Оле со смѣхомъ прервалъ его:

Ты, однако, никогда не забываешь предварительно извиниться.

Оле подписалъ и спросилъ:

- Что новаго?
- Все по старому.
- Твоя жена еще не перевхала?
- Нътъ, она еще не переъхала. Она не мало возится, ей, повидимому, не такъ легко найти комнаты. Ну, пусть повозится, въ концъ концовъ она гдъ-нибудь да устроится... Что я котълъ сказать: гдъ фрекенъ Оготъ?
- Точно не знаю, она пошла гулять, Иргенсъ пришелъ за нею.

Пауза.

Оле снова заговорилъ:

- Твои служащіе еще всі у тебя?
- Да, не могъ же я всѣхъ ихъ сразу высадить на улицу, надо было дать имъ время подыскать себѣ что нибудь. Но теперь они скоро всѣ разъѣдутся, я оставляю одного человѣка въ конторѣ.

Они опять заговорили о дълахъ. Тидемандъ велълъ смолоть значительную часть ржи, чтобы облегчить себъ сбытъ; теперь дъло пошло, дъйствительно, вдвое скоръе, онъ продаетъ и теряетъ при этомъ, но деньги все-таки поступаютъ въ кассу. Да, теперь больше нътъ ръчи о томъ, чтобы ликвидировать дъло.

Кромъ того, въ головъ у него зародился маленькій планъ; но пока онъ не созрълъ, о немъ не стоитъ говорить. Когда всю свою жизнь изо дня въ день занимаешься дъломъ, то естественно, что нътъ-нътъ да зародится въ головъ какая нибудь мысль. Вдругъ онъ сказалъ:

— Если бы я зналъ, что ты не обидишься, я бы хотѣлъ поговорить съ тобой объ одной вещи; это касается тебя самого... Прости, что я это говорю тебѣ, но у меня на этотъ счетъ свое особое мнѣніе: гмъ! Иргенсъ... ты бы не долженъ былъ отпускать Оготъ такъ часто гулять. Фрекенъ Оготъ довольно часто гуляетъ съ нимъ. Другое дѣло, если бы ты самъ принималъ участіе въ этихъ прогулкахъ. Ничего дурного, конечно, нѣтъ въ томъ, что люди гуляютъ, но... Да, это, мое личное мнѣніе, не сердись на меня за то, что я высказалъ его.

Оле посмотрълъ на него, разинувъ ротъ; затъмъ онъ разразился смъхомъ:

— Милый Андреасъ, что ты хочешь этимъ сказать? Неужели ты уже началъ такъ подозрительно относиться къ людямъ?

Тидемандъ прервалъ его:

— Я хочу тебѣ только сказать, что не въ моихъ привычкахъ заниматься сплетнями.

Пауза. Оле все еще смотрѣлъ на него. Что такое съ Тидемандомъ? Взглядъ его сдѣлался острымъ, и онъ рѣзкимъ движеніемъ поставилъ свой стаканъ на столъ, произнося послѣднія слова. Сплетнями? Нѣтъ, Тидемандъ не занимается сплетнями, но онъ сошелъ съ ума, совершенно сошелъ съ ума.

— Ты, впрочемъ, правъ, что такія прогулки, если онѣ слишкомъ часто повторяются, могутъ дать поводъ къ сплетнямъ и разговорамъ,—сказалъ Оле.—Мнѣ это, право, раньше не приходило въ голову, но теперь, когда ты обратилъ мое вниманіе... Я при случаѣ намекну Оготъ.

Вольше объ этомъ не было ръчи. Разговоръ снова перешелъ

на личныя дѣла Тидеманда. Какъ онъ, собственно, устроился? Онъ все еще обѣдаетъ въ ресторанахъ?

Да, все еще. Что ему дълать? Ему придется еще нъкоторое время объдать въ ресторанахъ, иначе онъ подвергнетъ Ганку безконечнымъ сплетнямъ и пересудамъ. Будутъ говорить, что это по ея винъ они не вели хозяйства въ послъдніе годы. Потому что окажется, что, едва только она ушла изъ дому, какъ онъ, Тидемандъ, снова взялъ кухарку и сидитъ съ тъхъ поръ дома. Мало ли что сплетники могутъ выдумать; у Ганки навърное не особенно много друзей. — И Тидемандъ разсмъялся при мысли о томъ, какъ онъ натянетъ носъ всемъ сплетникамъ. - Несколько дней тому назадъ она была у меня, пришла ко мнъ въ контору,продолжалъ онъ разсказывать. -- Когда раздался стукъ въ дверь, я подумалъ, что это опять какой нибудь счетъ, какое-нибудь злополучное письмо съ требованіемъ денегъ, но это была она. Это было всего лишь нъсколько дней тому назадъ. И знаешь-ли, что ей было нужно? Она принесла мнв сто кронъ. Да. Она, должно быть, скопила ихъ. Конечно, можно, быть можетъ, сказать, что это, въ сущности, были мои же собственныя деньги; но въдь она могла ихъ оставить у себя. Но она увидала, что мнѣ теперь туго приходится... Въ послъдніе дни она, впрочемъ, совершенно не выходила; меня удивляетъ это, я не понимаю, чемъ она живетъ. Она все время сидитъ дома. Я ея не вижу, но горничная говоритъ, что она иногда объдаетъ у себя на верху. Она очень занята, впрочемъ; она все время работаетъ надъ чъмъ нибудь.

— Меня нисколько не удивитъ, если ваши отношенія въ скоромъ времени измѣнятся къ лучшему. Можетъ случиться, что она совсѣмъ не переѣдетъ?

Тидемандъ смфрилъ своего друга взглядомъ.

— Ты полагаешь?—сказалъ онъ.—Не ты ли, впрочемъ, самъ сказалъ мнъ однажды, что я не перчатка, которую можно бросить и потомъ снова взять, смотря по надобности? Нътъ, она навърное

столь же мало думаетъ о томъ, чтобы вернуться, какъ я о томъ, чтобы снова принять ее...

Тидемандъ поспъшно всталъ и простился; ему нужно еще зайти въ банкъ, и онъ долженъ поторопиться.

Оле продолжалъ стоять у конторки, размышляя надъ семейной жизнью Тидеманда. Но гдѣ же это Оготъ такъ долго? Она обѣщала вернуться черезъ часъ, а между тѣмъ прошло уже гораздо больше двухъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла. Нѣтъ, конечно, ничего дурного нѣтъ въ томъ, что она отправляется гулять, но все таки... Въ этомъ Тидемандъ правъ, но... У него свое особое мнѣніе на этотъ счетъ, сказалъ онъ; что онъ этимъ хотѣлъ сказатъ?.. Вдругъ у Оле мелькнула въ головѣ мысль, ужъ не Иргенсъ ли разбилъ счастье Тидеманда? Красный галстукъ? Не носилъ ли онъ одно время краснаго галстука?

Теперь Оле стало ясно, что Тидемандъ имѣлъ въ виду, когда однажды съ особеннымъ удареніемъ говорилъ объ опасности весеннихъ прогулокъ на острова. Такъ вотъ оно что! Оготъ въ послѣднее время совершенно потеряла охоту сопровождать его въ контору; у нея, дѣйствительно, появилось желаніе больше выходить, бродить по городу въ пріятномъ обществѣ, осматривать все, что можно, въ этомъ пріятномъ обществѣ... Не пожалѣла-ли она разъ, что и онъ не поэтъ? "Жалко, что и ты тоже не поэтъ, Оле", сказала она. Да, но потомъ она такъ нѣжно и мило объяснила, что это была только шутка. Нѣтъ, она невинна, какъ дитя, какое она и есть на самомъ дѣлѣ. Но эти постоянныя прогулки съ Иргенсомъ, она могла бы отказываться отъ нихъ изрѣдка ради него...

Оготъ вернулась домой лишь довольно долго спустя. На лицъ ея игралъ румянецъ, глаза блестъли. Она сейчасъ же бросилась Оле на шею, это она дълала всякій разъ послъ того, какъ выходила съ Иргенсомъ. Оле снова просіялъ; развъ мыслимо было теперь доставить ей хоть маленькое огорченіе? Онъ только спроситъ ее, не согласится ли она ради него оставаться немного

208

больше дома. Такъ тоскливо дълается, когда она уходитъ надолго онъ не въ состояніи этого выносить. Онъ тогда ни о чемъ другомъ не можетъ думать, какъ только о ней.

Оготъ молча выслушала его и объщала помнить объ этомъ. Да, это такъ, онъ совершенно правъ.

— И я хотълъ тебя просить еще вотъ о чемъ: не могла-ли бы ты проводить немного меньше времени съ Иргенсомъ, чуть-чуть поменьше. Я ничего дурного не хочу сказать, Оготъ; но только чуть-чуть поменьше, чтобы не было повода людямъ говорить объ этомъ. Иргенсъ мой другъ, и я его другъ, но... Да, только не принимай близко къ сердцу того, что я сказалъ.

Она повернула къ себѣ его лицо, взяла обѣими руками его голову и повернула его лицо къ себѣ; глядя ему въ глаза, она сказала:

- -- Ты въдь не думаешь, что я тебя не люблю, Оле? Онъ смутился: она стояла такъ близко къ нему; онъ запнулся и отступилъ назадъ.
- Не любишь? Ха-ха! Какая же ты чудачка, Оготъ! Неужели же ты думаешь, что я хотълъ тебя упрекнуть въ чемъ-нибудь? Ты меня не поняла, это только изъ-за злыхъ языковъ, только изъ-за злыхъ языковъ. Но это было страшно глупо съ моей стороны, я не долженъ былъ объ этомъ упоминать; теперь ты, пожалуй, станешь избъгать Иргенса. Я тебя очень прошу, пусть все останется по старому; если ты теперь прервешь всякія сношенія съ нимъ, то это обратитъ на себя еще больше вниманія. Онъ такой тонкій и выдающійся человъкъ.

Но у нея была потребность объясниться: она такъ-же охотно гуляетъ со всякимъ другимъ, какъ и съ Иргенсомъ, это случайно вышло сегодня. Она восхищается имъ, этого она не станетъ отрицать, но въдь она не единственная; къ тому-же ей его жаль, подумай, онъ добивался стипендіи и не получилъ ея. Она жалѣетъ его и больше ничего, ръшительно ничего больше...

— Да что ты! — воскликнулъ Оле. Коротко говоря, все должно

остаться по старому... Что касается срока ихъ свадьбы, то этотъ вопросъ скоро ръшится. Ему только надо съъздить въ Англію, и тогда онъ свободенъ. Лучше всего будетъ ей вернуться домой, въ Торахусъ, на то время, что его не будетъ, а когда все будетъ готово, онъ за ней пріъдетъ. Для свадебнаго путешествія у него найдется время, пожалуй, не раньше весны.

Оготъ радостно улыбалась, соглашаясь на все. Странное, смутное желаніе шевельнулось у нея въ душѣ: ей бы хотѣлось остаться здѣсь, пока онъ не вернется изъ Англіи, а потомъ они вмѣстѣ могли бы поѣхать въ Торахусъ. Она сама не знала, откуда взялась у нея эта затаенная мысль; впрочемъ, это желаніе не настолько сильно, чтобы о немъ стоило говорить; пусть будетъ такъ, какъ хочетъ Оле. Она сдѣлала нѣсколько замѣчаній относительно того, чтобы онъ не слишкомъ долго оставался въ Англіи; глаза ея смотрѣли открыто и чистосердечно; говоря съ нимъ, она одну руку положила ему на плечо, другая опиралась о конторку.

И этому чистому ребенку онъ собирался сдълать намекъ!

IV.

Въ теченіе цѣлой недѣли Иргенсъ не показывался. Явилисьли у него какія-нибудь подозрѣнія? Или ему надоѣли прогулки? Наконецъ, однажды послѣ обѣда, онъ появился въ конторѣ Оле Генриксена; былъ ясный, солнечный день, но вѣтеръ дулъ со страшной силой, и облака пыли неслись по улицамъ. У него были сомнѣнія, захочетъ-ли фрекенъ Оготъ выйти въ такой вѣтеръ, и онъ сказалъ поэтому:

— Сегодня такой чудесный вътеръ, я бы хотълъ повести васъ на холмы, на самыя возвышенныя мъста, фрекенъ Люнумъ. Вы, можетъ быть, никогда не видали подобнаго зрълища, городъ весь словно окутанъ облаками пыли.

Оле сейчасъ-же подхватилъ его предложеніе; это, дѣйствительно, интересное зрѣлище, она должна хоть разъ посмотрѣть на это... При другихъ обстоятельствахъ Оле рѣшительно сказалъ

бы нѣтъ, эти тучи пыли производили унылое впечатлѣніе и въто же время были чрезвычайно вредны. Но Иргенсу непремѣнно хотѣлось подняться на высоты, казалось, будто вѣтеръ составляетъ его родную стихію. Что толку было ссылаться на эти порывы бури налетавшіе съ моря и набережной и заставлявшіе дрожать и шататься маркизы на окнахъ? Къ тому же Оле хотѣлъ показать Оготъ, что самъ онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ этой прогулки съ Иргенсомъ... Хорошо! Она, въ самомъ дѣлѣ должна это посмотрѣть.

И Оготъ ушла съ Иргенсомъ.

- Я не видалъ васъ цълую въчность, сказалъ Иргенсъ.
- Я теперь сижу дома—отвѣтила она,—и прилежно работаю. Я скоро ѣду домой.
  - Въ самомъ дълъ? спросилъ онъ ръзко и остановился.
- Да-а... Я, правда, скоро вернусь, но все таки... Они пошли дальше. Иргенсъ былъ задумчивъ.
- Послушайте,—сказалъ онъ,—сегодня все таки слишкомъ вътрено, мы даже не слышимъ собственныхъ словъ. Пойдемте лучше въ дворцовый паркъ. Я знаю тамъ уголокъ...
  - Какъ хотите, отвътила она.

Они нашли защищенный отъ вѣтра уголокъ; кругомъ не видно было ни одной души. Иргенсъ сказалъ:

— Говоря по правдъ, я вовсе не имълъ намъренія повести васъ сегодня на возвышенности. Я только боялся, что вы не захотите выйти въ такой вътеръ, потому я и сказалъ это все тамъ въ конторъ. Я долженъ былъ васъ видъть, наконецъ, снова.

Пауза.

- Вотъ какъ... Ахъ, да, вы уже перестали удивлять меня, отвътила она.
- Но, Боже мой, въдь ужъ десять дней прошло съ тъхъ поръ, что я говорилъ съ вами въ послъдній разъ. Столько времени!
- Но въдь это не только моя вина... Ну, хорошо, не будемъ объ этомъ больше говорить, —прибавила она поспъшно. —Скажите

мнѣ, впрочемъ, почему вы продолжаете держать себя по отношенію ко мнѣ такимъ образомъ? Это, право, не хорошо съ вашей стороны. Вѣдь я вамъ уже сказала раньше, что это не хорошо. Мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы мы остались добрыми друзьями, но...

- Но не больше, да. Я понимаю. Но видите-ли, этого недостаточно для человъка, который страдаетъ, вы это знаете. Нътъ, вы этого, впрочемъ, не знаете, вы никогда этого не знали. Невольно все кружишь, да кружишь около того, что тебъ заказано, тебя тянетъ взглянуть прямо въ лицо своей судьбъ. И если бы мнъ пришлось, напримъръ, все отдать ради настоящей минуты, я бы это сдълалъ. Я предпочитаю быть одинъ часъ вмъстъ съвами, чъмъ жить долгіе годы безъ васъ.
- Да, да, но вѣдь теперь слишкомъ поздно, вѣдь вы же знаете. Такъ какой толкъ говорить объ этомъ? Вы только дѣлаете положеніе болѣе тяжелымъ для насъ обоихъ.

На это онъ отвътилъ медленно и твердо:

Нѣтъ, еще не слишкомъ поздно.

Она взглянула на него и поднялась, онъ тоже всталъ, и они опять пошли. Погруженные въ свои мысли, не отдавая себъ отчета въ томъ, что они дълаютъ, они кружили по парку, не замъчая встръчныхъ, не отвъчая на поклоны. Они обошли кругомъ, снова вернулись къ защищенному мъсту и оба снова съли.

- Мы кружимъ, -- сказалъ онъ. -- Такъ и я кружу около васъ.
- Послушайте, заговорила она съ совершенно влажными глазами, это, должно быть, послъдній разъ, что я гуляю съ вами, Иргенсъ, такъ будьте же милы, вы объщаете? Потому что въдь я скоро уъзжаю.

Но какъ разъ въ ту самую минуту, какъ онъ собирался отвътить ей и вложить въ этотъ отвътъ всю свою любовь, мимо нихъ прошелъ кто-то. Это была дама. Она шла одна, въ рукъ у нея была вътка, которою она все время хлестала себя по платью. Она приближалась очень медленно; она была молода. Иргенсъ

зналъ ее, онъ поклонился, поднялся со скамьи и низко снялъ шляпу.

Дама, покраснъвъ, прошла мимо.

Оготъ спросила:

- Кто это?
- Это дочь моей хозяйки, отвѣтилъ онъ пренебрежительнымъ тономъ.—Вы хотите, чтобы я былъ милъ. Но, голубушка...

Но Оготъ хотъла знать подробнъе про эту даму: она живетъ, значитъ, въ одномъ домъ съ нимъ? Что она дълаетъ? А его хозяйка, кто она такая?

И Иргенсъ на все отвѣчалъ. Точно дитя, любопытство котораго было возбуждено какой-нибудь случайностью, Оготъ заставляла себѣ разсказывать объ этихъ совершенно чужихъ ей людяхъ съ Транесвей, № 5. Она удивлялась тому, что дама покраснѣла и что Иргенсъ поклонился ей съ такой изысканной вѣжливостью. Она не знала, что Иргенсъ имѣлъ обыкновеніе платить за квартиру такимъ дешевымъ способомъ, кланяясь на улицѣ своимъ козяевамъ.

— Эта барышня недурна собой, но у нея веснушки,—сказала она.—Она выглядъла прямо хорошенькой, когда покраснъла, вы не находите?

И Иргенсъ согласился, что она недурна. Но у нея нътъ на лицъ ямочки, существуетъ только одна женщина, у которой...

Оготъ бросила на него быстрый взглядъ; его голосъ дъйствовалъ на нее, его слова попадали въ цъль; она полузакрыла глаза. Въ слъдующее мгновеніе она почувствовала, что склоняется къ нему и что онъ ее цълуетъ. Никто изъ нихъ не говорилъ ни слова, вся ея тревога исчезла, она спокойно отдавалась сладостной минутъ.

И никто не нарушалъ ихъ одиночества. Вътеръ съ глухимъ завываніемъ носился по парку, замирая въ отдаленіи. Но вотъ снова послышались шаги; они отшатнулись другъ отъ друга и оба смотръли въ землю, покуда человъкъ проходилъ мимо нихъ;

Оготъ сидъла спокойно и естественно, не обнаруживая никакого волненія. Потомъ она поднялась и пошла. Теперь только она начала соображать, что произошло; слезы покатились изъ глазъ ея, и, все еще словно въ туманъ, она прошептала:

— Помилуй меня Богъ, что я сдълала!

Повторилось то, что было уже разъ раньше; Иргенсъ пытался говорить, хотълъ сказать что-нибудь, по возможности смягчить то, что произошло: это случилось потому, что должно было случиться, онъ ее такъ безумно любитъ, она должна же понять, что это не простая забава и не шутка съ его стороны... И дъйствительно, видно было, что ему въ ту минуту было совсъмъ не до шутокъ.

Но Оготъ не слушала его; она шла и все повторяла про себя слова отчаянія, инстинктивно идя по направленію къ городу. Казалось, будто она торопится поскоръй придти домой.

— Дорогая Оготъ, выслушайте меня...

Она прервала его возбужденно:

— Да молчите же, молчите!

Онъ замолчалъ.

При выходъ изъ парка вътеръ сорвалъ у нея съ головы шляпу; она котъла ее удержать, но не могла, шляпа полетъла вдоль ограды, и вътеръ унесъ ее снова въ паркъ. Иргенсу съ трудомъ удалось поймать ее у дерева.

Оготъ въ первую минуту стояла неподвижно на мѣстѣ, затѣмъ она тоже бросилась бѣжать за шляпой, и когда они оба очутились у большого дерева, ея прежнее отчаяніе почти исчезло. Иргенсъ протянулъ ей шляпу, и она поблагодарила. У нея былъ немного сконфуженный видъ.

Они пошли дальше.

Пройдя небольшое разстояніе по усыпанной щебнемъ дорогь, Оготъ повернулась спиной къ вътру и пошла пятясь назадъ. Вдругъ она остановилась. Она увидала Кольдевина. Онъ пересъкалъ дорогу вдоль парка по направленію къ Тиволи; онъ шелъ торопливо, перегнувшись впередъ, словно желая скрыться. Такъ, значитъ, онъ еще не уѣхалъ домой.

И Оготъ съ ужасомъ подумала: что, если онъ былъ въ паркѣ и видѣлъ ихъ! На одну секунду въ мозгу ея ясно, словно освѣщенная молніей, встала цѣлая картина: онъ, можетъ быть, тоже шелъ изъ парка, онъ хотѣлъ переждать, пока они скроются изъ виду, но не разсчиталъ, съ головы у нея снесло шляпу и это задержало ихъ на нѣсколько минутъ; онъ такимъ образомъ вышелъ изъ парка слишкомъ рано. Какъ онъ перегнулся впередъ, чтобы никому не попадаться на глаза. Но онъ нигдѣ не могъ укрыться на этой открытой площади.

Оготъ крикнула ему, но вътеръ отнесъ ея крикъ въ сторону. Она начала махать ему рукой, но онъ сдълалъ видъ, что не замъчаетъ этого, онъ даже не поклонился. И, не говоря ни слова Иргенсу, она пустилась бъжать внизъ съ дворцоваго холма, она придерживала рукой шляпу и бъжала; она догнала Кольдевина у первой улицы. Но какъ ей пришлось бъжать для этого! А вътеръ вдобавокъ поднималъ ея юбки чуть не до колънъ.

Онъ остановился и поклонился, по обыкновенію, неловко, съ смѣшаннымъ выраженіемъ грусти и радости, взволнованный до глубины души. Платье его было въ ужасномъ видѣ.

— Вы... вы не смѣете ходить за мной и шпіонить, —проговорила она хриплымъ, прерывающимся голосомъ. Она стояла передънимъ, задыхаясь и сердясь на него, какъ ребенокъ, за то, что ей надо было приложить такія усилія, чтобы догнать его.

Онъ открылъ ротъ, но ничего не сказалъ, онъ не зналъ, что ему дълать.

- Вы слышите!
- Да... Вы не были-ли снова больны? Вы не выходили двъ недъли... Нътъ, я не знаю, но...

Онъ остановился. Его слова, такія безпомощныя, тронули ее, гнѣвъ ея сразу прошелъ, она снова была готова заплакать, она чувствовала себя пристыженной до глубины души.

— Милый Кольдевинъ, простите!

Она просила у него прощенія. Онъ не зналъ, что отвѣтить на это, и сказалъ на удачу:

- Простить? Не будемъ говорить объ этомъ... Но отчего-же вы плачете? Лучше-бы намъ не встръчаться, тогда...
- Нътъ, напротивъ, хорошо, что мы встрътились, —прервала она его, я хотъла васъ видъть. Я постоянно думаю о васъ, но никогда васъ не вижу. Я часто скучаю по васъ.
- Не будемъ объ этомъ говорить, фрекенъ Оготъ. Вы знаете, что съ этимъ мы покончили. Я желаю вамъ всего хорошаго, всего хорошаго!

Къ Кольдевину, повидимому, вернулось спокойствіе; онъ даже началъ говорить о совершенно безразличныхъ вещахъ: какая ужасная буря сегодня! Богъ знаетъ, что сегодня будетъ съ судами на моръ...

Она слушала его и отвъчала, его спокойствіе дъйствовало и на нее; она проговорила тихо:

- Такъ вы еще не уѣхали домой. Я васъ больше не прошу придти къ намъ, это безполезно. Мы съ Оле такъ хотѣли, чтобы вы тоже участвовали въ прогулкѣ на яхтѣ, которую мы устроили на прошлой недѣлѣ, но васъ нигдѣ нельзя было найти.
- Я послѣ этого видѣлся съ господиномъ Генриксеномъ, я объяснилъ ему, что въ то воскресенье былъ приглашенъ въ другое мѣсто, на обѣдъ... Такъ у васъ, значитъ, все благополучно?
  - Да, спасибо.

Ее снова охватило безпокойство: а что, если этотъ человѣкъ, съ которымъ она сейчасъ стоитъ и разговариваетъ, что, если онъ былъ въ паркѣ и видѣлъ все! Она сказала самымъ равнодушнымъ тономъ, на какой была способна:

- Поглядите, какъ деревья гнутся въ паркъ. Но тамъ, въ глубинъ парка, я думаю, совершенно спокойно?
  - Въ глубинъ парка? Да? Я тамъ не былъ... Но я вижу,

что вашъ спутникъ ждетъ васъ, вамъ надо идти. Это, кажется, Иргенсъ?

Слава Богу, она спасена, онъ не былъ въ паркъ! Она больше ничего не слышала и не отвъчала на его вопросы. Она замътила приближающагося Иргенса. Ему, повидимому, надоъло ждатъ; но она не обращала на это вниманія и снова повернулась къ Кольдевину.

- Такъ вы говорили съ Оле послѣ этой прогулки? Почему онъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ?
- Ну, можетъ-ли онъ помнить обо всемъ! У него въ головъ такъ много заботъ, фрекенъ Оготъ, такъ много дълъ. Его торговыя предпріятія чрезвычайно обширны, я убъдился въ этомъ разъ, когда былъ у него въ конторъ. Колоссальное дъло! Нътъ, этому человъку простительно забывать о такихъ мелочахъ. Я бы хотълъ вамъ сказать одно: онъ любитъ васъ больше, чъмъ кто бы то ни было. Онъ... Не забывайте этого. Это все, что я хотълъ вамъ сказать.

Эти нѣсколько словъ проникли ей въ сердце. Образъ ея жениха всталъ передъ ней, и она воскликнула восхищенно:

— Да, не правда-ли? Ахъ, когда я вспомню все... Я сейчасъ приду, — крикнула она Иргенсу, сдълавъ ему знакъ рукой.

Она простилась съ Кольдевиномъ и ушла,

Она вдругъ чрезвычайно заторопилась; она извинилась передъ Иргенсомъ, что заставила его такъ долго ждать, но продолжала идти съ величайшей поспъшностью.

- Какъ вы спѣшите!-проговорилъ онъ.
- Да, мнѣ надо домой. Ухъ, что за вѣтеръ!
- Оготъ!

Она взглянула на него, его голосъ дрогнулъ; горячая струя пробѣжала по ея тѣлу. Нѣтъ, она не могла дольше притворяться болѣе спокойной, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, ея глаза снова полузакрылись, она подвинулась къ нему и коснулась его плечомъ, она шла совсѣмъ близко къ нему.

Онъ снова назвалъ ее нѣжно по имени, и она отвѣтила покорно:

— Оставьте меня теперь, дайте мнѣ время. Но что мнѣ дѣлать? Я васъ буду такъ любить, если только вы оставите меня теперь въ покоѣ.

Онъ молчалъ.

Они подходили все ближе и ближе; вотъ уже и домъ Генриксена виденъ въ концѣ улицы. Она пришла въ себя: что она такое сказала? она дала какое-нибудь обѣщаніе? Нѣтъ, нѣтъ, никакого! И глядя въ сторону, она сказала:

- То, что сегодня произошло... Вы меня цѣловали... Я такъ жалѣю объ этомъ, видитъ Богъ! Это приводитъ меня въ отчаяніе...
- Тогда накажите меня,—проговорилъ онъ пылко,—-назначьте какое угодно наказаніе!
- Нѣтъ, я не могу васъ наказать. Но вотъ моя рука въ томъ, что, если вы себѣ позволите что-нибудь подобное еще разъ, я разскажу это Оле.

И она протянула ему руку.

Онъ взялъ ее, пожалъ, наклонился и поцъловалъ ея руку, поцъловалъ нъсколько разъ почти подъ самыми ея окнами. Голова у нея кружилась, она едва нашупала дверь и начала подыматься по лъстницъ.

V.

Оле Генриксенъ получилъ телеграмму, вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ ускорить свою поѣздку въ Лондонъ. Цѣлыя сутки безъ перерыва онъ работалъ, какъ волъ, писалъ и приводилъ въ порядокъ бумаги, бѣгалъ по банкамъ, дѣлалъ распоряженія въ конторѣ, давалъ наставленія главному прикащику, который долженъ былъ замѣнить его, какъ представитель фирмы. Пароходъ, на которомъ онъ долженъ былъ уѣхать, стоялъ въ гавани и нагружался, онъ отходилъ часа черезъ два. Оле Генриксену нельзя было терять времени.

Оготъ провожала его изъ конторы въ контору, разстроенная и грустная; она съ трудомъ сдерживала волненіе. Она не говорила ни слова, чтобы не мъшать ему, но все время смотръла на него влажными глазами. Было ръшено, что она уъдетъ домой на слъдующій день съ утреннимъ поъздомъ.

Старикъ Генриксенъ бродилъ кругомъ молчаливо и тихо; онъ видълъ, что сыну надо спъшить, каждую минуту съ пристани приходилъ человъкъ съ извъстіями съ парохода; теперь ему осталось только взять на бортъ партію ворвани и тогда онъ готовъ къ отплытію. На это потребуется три четверти часа.

Наконецъ, Оле покончилъ со своими дѣлами и могъ отправиться. Оготъ, державшая наготовѣ свой плащъ, накинула его на плечи; она хотѣла проводить Оле на пристань.

Но въ послъднюю минуту явился Эйенъ. Онъ прицъпиль къ своему пенснэ красный шнурокъ, и этотъ красный шнурокъ свисалъ ему на грудь. За послъднія недъли его нервность стала ему причинять новые виды страданій; онъ не могъ, напримъръ, считать иначе, какъ четными числами, два, четыре, шесть; онъ заказалъ себъ темный костюмъ со свътлыми, бросающимися въ глаза, пуговицами, и это доставляло ему нъкоторое облегченіе. Или опять таки этотъ черный, невидный шнурокъ на пенснэ, можно-ли, въ сущности говоря, быть увъреннымъ, что у тебя еще есть пенснэ, когда абсолютно не видишь шнурка? Теперь онъ, по крайней мъръ, знаетъ, что оно у него есть, счастливая мысль носить его на красномъ шнуркъ принесла ему покой...

Молодой человъкъ вошелъ, задыхаясь. Онъ очень проситъ извинить его, онъ не мъщаетъ?

— Я слышу, что ты уважаешь, Оле Генриксенъ? — сказалъ онъ. —Я узналъ объ этомъ только что на улицв, и меня что-то кольнуло въ сердце, прямо кольнуло. Сколько ни стараешься, сколько ни работаешь, все это безполезно, всть все таки нечего. Коротко говоря, у меня нътъ надежды кончить свою новую книгу въ близкомъ будущемъ, и я пока совершенно на мели. Я не дол-

женъ былъ бы говорить объ этомъ такъ открыто, это мнѣ и Мильде сказалъ сегодня: не говори объ этомъ, сказалъ онъ, это значитъ, въ сущности говоря, выставлять къ позорному столбу всю Норвегію и ея отношеніе къ нашему брату. Но что мнѣ дѣлать? Если ты можешь мнѣ помочь выйти изъ этого положенія, Оле, такъ сдѣлай это. Если ты можешь вынуть столько изъ кармана?

Направляясь къ шкапу, Оле сунулъ руку въ карманъ за ключами. Но онъ уже отдалъ ключи, отецъ взялъ ихъ. Онъ потерялъ терпѣніе и выразилъ сожалѣніе, что Эйенъ не пришелъ раньше, теперь ему надо уѣзжать. Эйенъ не проронилъ ни звука. Сколько ему нужно? Хорошо! И Оле передалъ отцу короткое распоряженіе.

Старый Генриксенъ открылъ шкапъ, деньги лежали передъ нимъ, но онъ хотѣлъ точнѣе знать, въ чемъ дѣло, и присталъ съ разспросами. Да кромѣ того, куда внести эту статью? Чтобы покончить съ этимъ, Оле самъ отсчиталъ деньги.

Эйенъ быстро проговорилъ:

- Я дамъ тебѣ расписку. Гдѣ у тебя перо? Новое перо; я пишу только новыми перьями.
  - Прекрасно. Пусть это останется до слѣдующаго раза.
- Но я хочу дать тебъ расписку, ты понимаешь. Въдь ты имъешь дъло съ честнымъ человъкомъ.

Затъмъ Эйенъ досталъ бумагу изъ кармана и сказалъ:

— Это моя послъдняя вещь. Дъйствіе происходить въ Египтъ; это стоитъ прочитать. Ты долженъ имъть экземпляръ потому, что ты, дъйствительно, дружески помогаешь мнъ всегда. Пожалуйста, вотъ. О, не стоитъ благодарности; мнъ это доставляетъ удовольствіе.

Наконецъ, Оле вышелъ; Оготъ пошла съ нимъ.

— Ты замътила,—сказалъ онъ,—какъ Эйенъ былъ радъ, что могъ мнъ дать это стихотвореніе? Какъ его жалко, это такой тонкій талантъ, о, чрезвычайно крупный талантъ. Я былъ немного

ръзокъ съ нимъ, я жалъю объ этомъ. Ну, хорошо все-таки, что онъ меня еще засталъ... О чемъ ты думаешь, Оготъ?

Она отвътила тихо:

- Ни о чемъ. Я бы хотъла, чтобы ты былъ уже снова здъсь, Оле!
- Милая моя Оготъ, но въдь я же ъду только въ Лондонъ, сказалъ онъ, взволнованный, какъ и она.— Будь спокойна, я не долго останусь тамъ.

Онъ обнялъ ее за талію и сталъ ее гладить по щекъ, гладиль, идя по улицъ и называя ее обычными нъжными именами маленькая женушка, маленькая, милая женушка!

Послышался пароходный свистокъ; Оле взглянулъ на часы, у него оставалось еще четверть часа времени, онъ могъ еще зайти къ Тидеманду.

Не успъвъ еще войти въ комнату, онъ сказалъ.

- Я ѣду въ Лондонъ. Я хотѣлъ тебя просить навѣдываться отъ времени до времени къ моему старику. Я оставилъ ему помощника, но все таки.
- Хорошо, отвътилъ Тидемандъ. Не присядете-ли, фрекенъ? Вы, должно быть, тоже уъзжаете?
  - Да, завтра, отвътила Оготъ.

Оле вспомнилъ о послъднихъ извъстіяхъ съ биржи; рожь снова начала подыматься въ цънъ; онъ поздравилъ своего друга, пожалъ ему руку.

Да, рожь немного поднялась въ цѣнѣ; урожай въ Россіи не могъ все таки значительно измѣнить положеніе дѣлъ на хлѣбномъ рынкѣ; повышеніе цѣнъ былс весьма небольшое, но для огромнаго запаса Тидеманда оно имѣло большое значеніе.

— Да, я еще держусь, насколько возможно,—сказалъ онъ радостно, — и главнымъ образомъ я обязанъ этимъ тебѣ. Да, я еще...—И онъ началъ разсказывать, что взялъ на себя небольшое дѣло по доставкѣ дегтя для одной верфи. Онъ чувствуетъ огромное и радостное удовлетвореніе отъ сознанія, что можетъ

снова немного расправить члены.—Но объ этомъ мы поговоримъ подробнъе, когда ты вернешься. Счастливаго пути!

— А если что-нибудь случится,—сказалъ Оле,—то телеграфируй.

Тидемандъ проводилъ молодыхъ людей до дверей. Оба, и Оле, и Оготъ, были взволнованы. Онъ подошелъ къ окну и махнулъ имъ еще разъ рукой, когда они проходили мимо; минуту спустя онъ снова стоялъ у конторки за своими книгами и бумагами, попрежнему погруженный въ работу. Прошло четверть часа; онъ увидалъ Оготъ, возвращавшуюся съ пристани. Оле уѣхалъ.

Тидемандъ сталъ ходить по комнатъ, отъ времени до времени разговаривая съ самимъ собою вслухъ, дълая мысленно выкладки и разсчеты и соображая всв возможности своего новаго предпріятія. Взглядъ его упалъ на длинный счетъ въ лежавшей на конторкъ раскрытой счетной книгъ. Это былъ счетъ Иргенса. Онъ равнодушно посмотрълъ на него; это былъ старый долгъ, вино и денежный заемъ, снова вино и снова денежный заемъсчеть за много лътъ; но за послъдній годъ ничего больше не значилось. Онъ ни разу еще не заплатилъ ничего, рубрика кредита оставалась пустой. Мертвый долгъ, мертвый долгъ! Тидемандъ вспомнилъ, какъ Иргенсъ говорилъ о своихъ долгахъ; онъ не скрывалъ, что за нимъ числится тысячъ двадцать долгу, онъ открыто и съ улыбкой признавался въ этомъ. Что ему было дълать? Вѣдь надо же было ему жить. Можно было только сожалѣть, что обстоятельства ставять его въ такое положение, страна не велика, народъ бъденъ; онъ самъ первый хотълъ бы, чтобы это было иначе, и если бы нашелся человъкъ, который заплатилъ бы его долги, онъ былъ бы ему искренно благодаренъ. Но такой человъкъ не являлся. Противъ этого ничего не подълаешь, говорилъ онъ обыкновенно, онъ долженъ нести свой крестъ. Къ счастью, у большинства кредиторовъ было настолько такта и тонкаго чутья, что они понимали, какого рода человъка имъютъ передъ собой, и избъгали напоминать ему о деньгахъ, они относились съ

уваженіемъ къ его таланту. Но отъ времени до времени случапось, что какой-нибудь портной или виноторговецъ, дъйствительно,
присылалъ ему счетъ и, можетъ быть, портилъ ему самое лучшее
настроеніе. Въдь онъ долженъ былъ открывать две рь, когда стучались, хотя бы онъ былъ въ это время въ самомъ разгаръ творческаго вдохновенія, долженъ былъ отвъчать, дълать распоряженія: что, счетъ? положите его туда, ужъ я его увижу, когда мнъ
понадобится клочекъ бумаги. Ахъ, вотъ какъ, при немъ расписка
въ полученіи? Въ такомъ случав онъ по чести долженъ отказаться
принять его, у него въ квартиръ никогда не было счетовъ съ
росписками въ полученіи. Возьмите его съ собой; скажите, что
я кланяюсь и благодарю...

Тидемандъ снова зашагалъ по комнатѣ. По ассоціаціи идей мысли его перешли къ Ганкѣ и разводу. Богъ знаетъ, чего она ждала, она еще не переѣхала; она сидѣла во второмъ этажѣ тихо и незамѣтно, проводила время съ дѣтьми и цѣлыми днями шила крохотныя платьица. Разъ онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ, она несла въ рукахъ хлѣбъ и нѣсколько мелкихъ свертковъ; она отступила въ сторону и извинилась, но они не говорили другъ съ другомъ.

Что у нея, собственно, въ мысляхъ? Онъ не хочетъ ее гнать изъ дома, но вѣдь такъ оно тоже не можетъ долго продолжаться. Удивительнѣе всего то, что она обѣдаетъ дома, она совершенно перестала ходить въ рестораны. Боже мой, у нея, можетъ быть, даже средствъ нѣтъ для этого; онъ какъ-то разъ послалъ ей наверхъ съ горничной двѣсти кронъ, но ихъ не можетъ же хватить на вѣчность. Пожалуй, она нуждается въ деньгахъ и не хочетъ сказать? Онъ заглянулъ въ свой карманный календарь и увидалъ, что уже больше мѣсяца прошло со времени объясненія съ Ганкой, отъ этихъ жалкихъ грошей уже, должно быть, давно ничего не осталось. Она и игрушки и разныя вещи для дѣтей, пожалуй, покупала тоже изъ этихъ денегъ.

Тидеманда вдругъ бросило въ жаръ отъ волнения. Нътъ,

нужды она не должна испытывать, слава Богу, онъ еще не такъ бѣденъ! Онъ собралъ всѣ деньги, какія у него нашлись, вышелъ изъ конторы и поднялся во второй этажъ. Отъ горничной онъ узналъ, что Ганка у себя въ комнатѣ, въ своей собственной маленькой комнаткѣ, выходившей на улицу. Было четыре часа.

Онъ постучался; изнутри послышалось: "войдите"! Онъ вошелъ.

Ганка сидъла за столомъ, она собиралась объдать. При его появленіи она вскочила.

— Ахъ... я думала, что это горничная, —пробормотала она. Краска залила ея лицо, и она бросила смущенный взглядъ на столъ. Она принялась приводить столъ въ порядокъ, накрывать кушанье бумагой, переставлять стулья и все повторяла: —здѣсь такой безпорядокъ, я не думала... я не знала...

Онъ извинился, что пришелъ, не предупредивъ ее. У него только маленькое дѣло къ ней, у нея, должно быть, давно уже нѣтъ денегъ; да, конечно, это иначе и быть не можетъ, онъ ничего больше не хочетъ объ этомъ слышать. Вотъ здѣсь немного денегъ, мелочь... И онъ положилъ конвертъ на столъ.

Она не хотъла брать этихъ денегъ, у нея еще есть достаточно; она показала ему, что у нея еще есть деньги, много денегъ, послъднія двъсти кронъ еще нетронуты. Она даже хотъла ему вернуть эти двъсти кронъ.

Онъ изумленно посмотрълъ на нее. Въдь ея кольца всъ при ней? Нътъ, на лъвой рукъ у нея не было кольца; куда она его дъвала? Между бровями у него появилась морщинка, и онъ спросилъ:

- Куда ты дъвала свое кольцо, Ганка?
- Это не то, которое я отъ тебя получила, отвѣтила она быстро. Это другое. Это ничего не значитъ.

Онъ снова заговорилъ:

— Я не зналъ, что ты была вынуждена дѣлать подобныя вещи, иначе я бы ужъ давно...

- Я не была къ этому вынуждена, это была моя добрая воля. У меня въдь еще лежатъ деньги... Но это ничего, твое кольцо у меня осталось, видишь.
- Все равно, то-ли кольцо, или другое... Мнѣ ты этимъ отнюдь не оказала услуги, я желаю, чтобы твои вещи оставались у тебя нетронутыми. Мое положеніе не такъ еще плохо, хотя мнѣ и пришлось разсчитать часть служащихъ.

Она опустила голову. Онъ остановился у окна и сталъ смотрѣть на улицу; когда онъ снова обернулся, онъ замѣтилъ, что она сбоку наблюдаетъ за нимъ, глаза ея, широко раскрытые, были обращены прямо на него. Онъ смутился и, откашливаясь, снова повернулся къ окошку. Нѣтъ, онъ не можетъ теперь намекнуть о переѣздѣ, пусть она остается здѣсь еще нѣкоторое время, это ея дѣло. Онъ только попробуетъ убѣдить ее бросить этотъ странный образъ жизни, этотъ удивительный способъ вести хозяйство, на что это похоже, она и значительно похудѣла въ короткое время.

- Извини меня, но ты должна была бы... не изъ-за чего другого, какъ только ради себя самой...
- Да, ты правъ, —прервала она его, боясь, чтобы онъ не договорилъ до конца. —Я знаю, день уходитъ за днемъ, а я все не переѣзжаю.

Но тутъ онъ забылъ, что хотълъ ей сказать, и ухватился за ея послъднія слова:

- Я этого не понимаю. Ты вѣдь добилась того, чего хотѣла, ничто больше не стоитъ тебѣ поперекъ дороги, ты можешь быть Ганкой Ланге, сколько тебѣ угодно, я вѣдь тебя не держу?
- Нътъ, конечно, отвътила она. Она поднялась и сдълала шагъ къ нему. Совершенно машинально она протянула къ нему руку, но такъ какъ онъ ея не взялъ, она, покраснъвъ и смутившись, опустила ее. Она опять съла на стулъ.
- Да, конечно, ты меня не держишь... Гм... Я хотъла спросить тебя... я не ожидаю благопріятнаго отвъта... но не могу-ли

я остаться здівсь еще нівкоторое время, не долго? Я была бы другой, чівмъ раньше; я чувствую, что стала бы другой, во мнів тоже произошла переміна, и въ тебів тоже. Я не могу этого выразить, я бы...

Взглядъ его вдругъ затуманился. Что все это означаетъ? Твердость его на одно мгновеніе поколебалась; онъ застегнулъ сюртукъ и выпрямился. Неужели онъ напрасно перенесъ всѣ свои страданія, страданія долгихъ, томительныхъ дней и ночей? Едва-ли. Это сейчасъ выяснится. Что онъ можетъ сдѣлать? Вотъ она сидитъ, Ганка, совершенно внѣ себя, его появленіе привело ее въ величайшее возбужденіе.

 Успокойся, Ганка. Ты, быть можетъ, сама не знаешь, что ты говоришь.

Въ душъ ея мелькнулъ свътлый, безумный лучъ нацежды.

— О, я знаю, — прервала она его, — я знаю каждое слово. Если бы ты согласился забыть, чемъ я была раньше, Андреасъ! если бы ты сжалился надо мной этотъ разъ еще, только еще этотъ одинъ разъ! Будь милосердъ, Андреасъ, будь милосердъ! Въ теченіе всего этого місяца я такъ стремилась снова къ своему очагу, къ тебъ и къ дътямъ, я, стоя эдъсь за занавъской, слъдила за тобой, когда ты выходилъ изъ дому. Я увидала тебя въ первый разъ во время прогулки на яхтъ; ты помнишь эту прогулку? тогда я какъ будто въ первый разъ увидала тебя. Я раньше не видала тебя. Ты стоялъ у руля, ты такъ выдълялся на фонъ неба, на фонъ воздуха, здъсь у тебя было немного съдыхъ волосъ. Меня вдругъ такъ поразилъ твой видъ, и я спросила тебя, не холодно-ли тебъ, только для того, чтобы услышать отъ тебя нъсколько словъ. Время шло. Но въ теченіе всъхъ этихъ недъль я ничего больше не видала, кромъ тебя, ничего. Мнъ двадцать четыре года, но я никогда до сихъ поръ не испытывала ничего подобнаго. Все, что ты дълаешь, все, что ты говоришь... И все, что дъти дълаютъ и говорятъ... Мы играемъ и кокочемъ, онъ въшаются мнъ на шею... Я всегда провожаю тебя глазами; здъсь

я распустила нѣсколько петель въ занавѣскѣ для того, чтобы сдѣлать отверстіе шире. Я могу провожать тебя взглядомъ до самаго конца улицы, а когда ты открываешь дверь конторы, я знаю, что это ты. Накажи меня, накажи меня, но только не отталкивай меня отъ себя, накажи меня лучше. Я нахожу тысячу радостей въ томъ, что могу быть здѣсь, и я стану совершенно другой...

Она почти не останавливалась и все продолжала выговаривать истерическія слова въ возбужденіи, отъ котораго языкъ по временамъ переставалъ ей повиноваться. Она поднялась, въ одно и то же время плача и смъясь, голосъ ея дрожалъ и прерывался и издавалъ только отдъльные, подавленные звуки.

- Остановись!—произнесъ онъ коротко, и слезы появились и у него на глазахъ. Онъ старался подавить свое волненіе, дълалъ гримасы, чтобы овладъть собой, и пришелъ въ бъщенство оттого, что не могъ справиться съ собой. Онъ стоялъ, и искалъ отвъта, и съ трудомъ находилъ слова:
- Ты всегда умѣла забрасывать меня словами, Ганка, я же не обладаю такой ловкостью, я не умѣю отвѣчать на подобныя вещи. Тамъ у насъ въ кружкѣ умѣютъ говорить, я же этому искусству не научился... Извини, я не хотѣлъ тебя обидѣть, но... Если ты думаешь, что я могу занять освободившееся мѣсто, если ты это думаешь... Не хочешь-ли ты сдѣлать меня замѣстителемъ? Я не знаю, но... Ты хочешь теперь вернуться обратно? Но какъ ты возвращаешься? Да нѣтъ, я не хочу этого знать, Богъ съ тобой.
- Нѣтъ, конечно... Я только хотѣла тебя попросить все таки. Да, я была невѣрна тебѣ и всему, и нѣтъ ничего, что-бы...
- Я думаю, что мы можемъ положить конецъ этой сценъ. Ты тоже нуждаешься въ покоъ.

Тидемандъ направился къ двери. Она послъдовала за нимъ глаза ея были широко раскрыты.

— Накажи меня! — воскликнула она. — Я прошу тебя объ

этомъ, будь милосердъ. Я буду тебъ благодарна за это. Не уходи еще... Для меня не существуетъ ничего, кромъ тебя, я люблю тебя. Когда я провожаю тебя взглядомъ здѣсь, черезъ это окошко, я долго еще стою у окна и жду послъ того, какъ ты давно повернулъ за уголъ, и даже, съвъ за работу, я еще разъ поворачиваюсь къ окну, не увижу-ли я тебя еще. Не отталкивай меня, подожди еще. Да, я была невърна тебъ и... Но ты могъ-бы сдълать пробу, ты могъ-бы испытать меня еще разъ. И тогда... я, можетъ быть, могла-бы остаться здѣсь? Я не знаю...

Онъ открылъ дверь. Она все еще стояла съ ожиданіемъ во взоръ.

— Почему ты такъ смотришь на меня? Что ты ждешь отъменя?—сказалъ онъ уже въ дверяхъ.—Приди въ себя, не думай больше объ этомъ. Я постараюсь сдълать все для дътей, больше этого ты отъ меня не можешь требовать.

Она оставила всякую надежду. Когда онъ ушелъ, она нѣмымъ движеніемъ протянула къ нему руки и долго такъ стояла, не двигаясь съ мѣста. Она слышала его шаги въ передней, потомъ на лѣстницѣ; на одно мгновеніе онъ остановился внизу въ сѣняхъ, словно соображая, куда пойти. Ганка быстро подскочила къ окну, но сейчасъ-же услыхала, что онъ вошелъ въ кснтору. Вслѣдъ затѣмъ все стихло.

Кончено! Да и можно-ли было ожидать другого? Боже милостивый, можно-ли было ожидать другого! Какъ могла она вътеченіе цълаго мъсяца носить въ себъ эту надежду и такъ наивно радоваться и день и ночь! Онъ ушелъ, онъ сказалъ послъднее слово и ушелъ. Онъ, пожалуй, и не хочетъ, чтобы она оставалась здъсь дольше съ дътьми...

На слѣдующій день фру Ганка переѣхала. Она взяла комнату по газетному объявленію, первую попавшуюся комнату далеко у крѣпостного вала. Она покинула домъ утромъ, когда Тидеманда не было дома; рыдая, она поцѣловала дѣтей; затѣмъ положила

вст свои ключи въ конвертъ и написала мужу нъсколько словъ. Вернувшись домой, Тидемандъ нашелъ эти ключи отъ шкаповъ и сундуковъ, даже ключъ отъ входной двери она не забыла вернуть ему. И рядомъ съ ключами лежала ея прощальная записка, содержавшая всего лишь нъсколько словъ.

Тидемандъ снова вышелъ изъ дому. Онъ бродилъ по улицамъ, вышелъ къ морю и пошелъ по набережной, не отдавая себъ отчета. Часа два спустя онъ повернулъ обратно, и пошелъ той-же дорогой назадъ. Онъ посмотрълъ на часы; былъ часъ. Идя вдоль берега моря, онъ наткнулся на Кольдевина.

Кольдевинъ стоялъ неподвижно на углу какого то зданія, и только голова его торчала впередъ. Увидя Тидеманда, шедшаго почти прямо на него, онъ выступилъ впередъ и поклонился.

Тидемандъ поднялъ голову и посмотрълъ на него отсутствующимъ взглядомъ.

Кольдевинъ спросилъ:

- Виноватъ, не господинъ-ли это Иргенсъ тамъ гуляетъ, этотъ господинъ въ съромъ костюмъ?
- Гдъ? Да, кажется. Возможно, что это онъ, отвътилъ Тидемандъ. И онъ снова опустилъ голову.
  - А эта дама? Съ нимъ дама, это не фрекенъ-ли Люнумъ?
  - Дама? Да, кажется, что это фрекенъ Люнумъ.
- Но не должна-ли она была сегодня увхать? Мнв кажется, я слышалъ... Но, должно быть, она передумала?
- Да,—отвътилъ Тидемандъ,—она, можетъ быть, и не ъдетъ сегодня.

Кольдевинъ быстро взглянулъ на него. Онъ, очевидно, заговорилъ съ нимъ не во время, Тидемандъ былъ погруженъ въ собственныя мысли. Онъ въжливо поклонился, попросивъ иззиненія, что, можетъ быть, помъшалъ.

Тидемандъ пошелъ дальше.

Нѣтъ, Оготъ не уѣхала, какъ предполагала сначала. Она вспомнила, что ей надо купить подарки для своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ; не могла-же она пріѣхать домой съ пустыми руками, а чтобы выбрать подходящія вещи, нужно время. Кромѣ того, такъ весело было ходить по улицамъ совершенно самостоятельно и заглядывать во всѣ витрины; она потратила на это нѣсколько часовъ; было около шести часовъ вечера, когда она, покончивъ со всѣми своими покупками, встрѣтила на улицѣ Иргенса. Онъ освободилъ ее отъ всѣхъ ея свертковъ и пошелъ съ нею. Въ концѣ концовъ они взяли коляску и поѣхали за городъ. Былъ ясный и мягкій вечеръ.

Нътъ, она не должна еще уъзжать завтра. Для чего это? Лишній день не имъетъ значенія. Днемъ раньше или позже—не все ли равно?—И Иргенсъ открыто сказалъ ей прямо въ лицо, что съ его финансами въ настоящее время дъло обстоитъ плохо, иначе онъ бы послъдовалъ за ней... Нътъ, не въ томъ же купэ, но хотя бы въ томъ-же поъздъ, для того, чтобы до конца быть въ ея близости. Но, какъ онъ уже сказалъ, онъ слишкомъ бъденъ для этого.

Она слушала его. Какой позоръ, что такой человъкъ, какъ онъ, вынужденъ жить въ такихъ стъсненныхъ обстятельствахъ! Она, конечно, вовсе не хочетъ, чтобы онъ поъхалъ съ ней, это не потому, конечно, а вообще. Какое впечатлъніе на нее производило его открытое признаніе въ бъдности! Онъ не рисовался, не боялся признаться въ томъ, что есть, у него не было ложнаго стыда. Да, но помочь ему все-таки ничъмъ нельзя.

- Я, впрочемъ, не знаю, насколько времени могу считать свою жизнь здѣсь въ безопасности, сказалъ онъ, улыбаясь.— Вы разсказали моему другу, Оле, что я себя велъ нехорошо по отношенію къ вамъ?
  - Еще не поздно, отвътила она.

Нѣтъ, она ничего не разсказала, не могла же она поступить такъ по ребячески. Да кромѣ того, вѣдь она уѣзжаетъ теперь домой, значитъ, все равно все это кончится.

Они велѣли кучеру остановиться и вышли изъ коляски; они пошли дальше по дорогѣ, разговаривая, смѣясь и шутя. Онъ просилъ ее простить ему его безразсудное поведеніе во время ихъ послѣдней прогулки; но онъ этимъ вовсе не хочетъ сказать, что онъ готовъ забыть ее или въ состояніи ее забыть. Онъ держалъ себя въ высшей степени спокойно и не сказалъ ни одного слова, которое могло бы показаться необдуманнымъ.

- Я васъ люблю, сознался онъ, но я понимаю, что это совершенно безполезно. У меня только $o\partial no$ остается, что можетъ меня поддержать въ жизни, это мое перо. Я, можетъ быть, изръдка буду писать стихотворенія, обращенныя къ вамъ, но вы не должны ставить мнѣ это въ вину. Да, время все сглаживаетъ, и черезъ сто лѣтъ все равно все будетъ забыто.
  - Не въ моей власти измѣнить это, отвѣтила она.
- Нътъ, именно въ вашей. Конечно, это зависитъ отъ того... Во всякомъ случаъ, никто другой, кромъ васъ, не можетъ этого измънить.—И вслъдъ затъмъ онъ спросилъ ее:
- Вы сказали въ послѣдній разъ, чтобы я далъ вамъ время вы просили дать вамъ немного времени, что вы этимъ имѣли въ виду? Или это были только слова?
  - Да, отвътила она.

Они пошли дальше и вышли въ поле. Иргенсъ сталъ оживленно говоритъ о синѣющемъ вдали лѣсѣ, о холмахъ, о пасущейся на привязи лошади, о рабочемъ, который стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, наклонившись, и старался поднять упавшій плетень. Оготъ почувствовала къ нему благодарность, она поняла, что онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы не переступитъ границъ, онъ не хотѣлъ тревожить ее, и она это цѣнила. Онъ даже сказалъ со слабой улыбкой, что если бы онъ не стѣснялся, онъ бы записалъ нъсколько строфъ, которыя сейчасъ пришли ему въ голову. Пусть она не подумаетъ, что это аффектація.

И Иргенсъ записалъ эти нъсколько строфъ.

Она старалась заглянуть ему черезъ плечо, ей хотълось знать, что онъ пишетъ; улыбаясь, полная любопытства, она наклонялась впередъ, прося позволенія посмотръть.

Вотъ, пожалуйста! Впрочемъ, ничего особеннаго, она можетъ убъдиться въ этомъ.

- Знаете-ли, сказалъ онъ, когда вы сейчасъ стояли такъ близко ко мнѣ, почти совершенно наклонивъ ко мнѣ голову, я въ душѣ молилъ васъ оставаться въ такомъ положеніи. Я только поэтому такъ долго не соглашался показать вамъ то, что я написалъ.
- Иргенсъ, проговорила она вдругъ мягкимъ голосомъ, что было бы, если бы я сказала вамъ "да"?

Пауза. Они посмотръли другъ на друга.

- Было бы то, что... что вы должны были бы сказать "нътъ" ему, другому.
- Да... Но теперь уже поздно, да, теперь поздно. Объ этомъ нечего думать... Но, если это можетъ васъ утъшить, то знайте, что не вы одни огорчены... Я хочу сказать, я васъ такъ люблю, но...

Къ этому отвъту онъ отнесся чрезвычайно мило. Онъ схватилъ ея руку, молча, съ счастливымъ видомъ, пожалъ ее и сейчасъ же выпустилъ.

Они продолжали идти. Никогда они не были ближе другъ къ другу. Когда они приблизились къ плетню, рабочій поднялъ голову и снялъ шапку. Передъ ними былъ плетень, дальше идти нельзя было. Они взглянули другъ на друга и, не проронивъ ни слова, повернули и пошли обратно. Не проронивъ ни слова.

Они снова съли въ коляску. На обратномъ пути Иргенсъ держалъ въ рукахъ всъ ея маленькіе свертки; онъ не шевелился и

держалъ себя чрезвычайно сдержанно. Ее все болъе и болъе трогала эта сдержанность, къ которой онъ себя принуждалъ, онъ даже лишилъ себя свободы движеній; и когда онъ снова попросилъ ее не уъзжать еще на слъдующій день, она наконецъ, объщала остаться.

Когда надо было отпустить извощика, то оказалось, что у Иргенса нѣтъ денегъ; онъ тщетно искалъ во всѣхъ карманахъ и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ попросить ее заплатить извощику. Она сдѣлала это съ благодарностью въ сердцѣ; она сразу не подумала объ этомъ, какъ досадно! у него былъ совершенно несчастный видъ. Она радовалась, какъ дитя, что могла вынуть кошелекъ и заплатить вмѣсто него извощику...

На слѣдующій день они встрѣтились уже съ утра. Они гуляли вдоль набережной, разговаривая въ полголоса; оба были полны сдержаннаго волненія, придававшаго особую нѣжность ихъ взорамъ; они взглядывали другъ на друга и отъ времени до времени прикасались другъ къ другу плечами. Увидавъ подъ конецъ Кольдевина, который стоялъ и сторожилъ, по обыкновенію, изъза угла, Иргенсъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ этомъ, чтобы не встревожить Оготъ. Онъ только сказалъ:

— Какъ это скучно, что мы съ вами не простые рабочіе, на насъ глазъютъ со всъхъ сторонъ, нигдъ не чувствуешь себя въ покоъ отъ этихъ взглядовъ. Мнъ не суждено вести совершенно незамътное существованіе, но это имъетъ свои неудобства.

Они условились отправиться вечеромъ въ Grand. Она такъ давно не была тамъ, въ послъднее время она, право, не слишкомъ часто выходила. Вдругъ онъ сказалъ:

- Знаете что, подымемтесь ко мнѣ. Тамъ мы можемъ сидѣть спокойно и болтать.
  - Это можно? -- спросила она.

Да, конечно, можно. Почему же нътъ? Средь бъла дня. Они

прямо подымутся наверхъ, безъ всякихъ церемоній. И онъ никогда, никогда не забудетъ, что она была у него, и сохранитъ это воспоминаніе навсегда.

И, совершенно оробъвшая отъ радости и страха, она пошла съ нимъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

1

Мильде и Грегерсенъ шли по улицѣ, направляясь въ Grand. Они говорили о портретѣ Паульсберга, написанномъ Мильде и только что пріобрѣтенномъ національной галлереей; объ актерѣ Норемѣ и одномъ изъ его товарищей, поднятыхъ наканунѣ вечеромъ въ водосточной канавѣ и отведенныхъ въ ратушу; о фру Ганкѣ, о которой говорили въ городѣ, что она, наконецъ, разошлась со своимъ мужемъ. Да и могло-ли быть иначе? Цѣлыхъ четыре года она мужественно переносила эту торгашескую жизнъ въ лавкѣ! Оба пріятеля спрашивали другъ у друга адресъ фру Ганки, они хотѣли зайти къ ней, поздравить ее, показать ей, что ихъ симпатіи на ея сторонѣ. Но ни одинъ, ни другой не зналъ ея адреса.

Въ настоящій моментъ они, впрочемъ, были чрезвычайно заинтересованы политическимъ положеніемъ. Положеніе было таково, что стортингъ разошелся, такъ и не сказавъ ръшительнаго слова. "Въдомости" въ послъднюю минуту отсовътовали сдълать это, указывая на отвътственность, на несвоевременность такого прямого вызова. Доведя свое подстрекательство до извъстнаго градуса, газета пошла на попятный дворъ и отказалась отъ своей прежней точки зрънія,—какъ всегда.

— Нътъ, что мы, чертъ побери, можемъ сдълать, мы, съ нашими военными силами! — сказалъ Грегерсенъ, сотрудникъ "Въдомостей", серьезно и убъжденно. — Намъ ничего не остается, какъ ждать.

Они вошли въ Grand. Тамъ уже сидълъ Эйенъ со своими

покатыми плечами и краснымъ шнуркомъ, на которомъ висъло пенснэ. Онъ излагалъ передъ своими неизмѣнными спутниками, обоими остриженными подъ машинку поэтами, свои дальнѣйшіе творческіе планы—три или четыре стихотворенія въ прозѣ: спящій городъ, маки, вавилонская башня, текстъ къ картинѣ. Представьте себѣ вавилонскую башню, одну только ея архитектуру И нервнымъ движеніемъ пальца Эйенъ описалъ въ воздухѣ спираль надъ своей головой.

— Жестъ былъ слишкомъ быстръ, —прервалъ его Грегерсенъ. — Въдь не представляешь же ты себъ вавилонскую башню въ родъ часовой пружины? Нътъ, я себъ представляю ее такимъ образомъ, спираль, полную величаваго спокойствія. —И Грегерсенъ обвелъ вокругъ себя нъсколько большихъ круговъ.

Немного спустя пришелъ и Паульсбергъ съ женой; сдвинули два стола и образовали одну компанію. Мильде потребовалъ угощенія для всѣхъ, у него еще были въ карманѣ деньги, остатки отъ первой половины стипендіи. Паульсбергъ не могъ удержаться и сразу накинулся на Грегерсена за послѣднюю политику "Вѣдомостей". Не такъ давно еще онъ самъ помѣстилъ въ "Вѣдомостяхъ" рѣзкую статью, или газета совершенно забыла объ этомъ? А между тѣмъ вѣдь тогда она была согласна съ нимъ Какъ же это все понять? Скоро порядочному человѣку стыдно будетъ помѣстить въ этой газетѣ хоть одно слово. Паульсбергъ былъ искренно возмущенъ и высказалъ свое мнѣніе въ короткихъ, но рѣзкихъ словахъ.

Грегерсенъ молчалъ. Онъ отвътилъ только, что "Въдомости" въдь привели свои доводы въ сегодняшнемъ номеръ...

Доводы? Да, но что это за доводы? Паульсбергъ покажетъ ему, каковы эти доводы. Кельнеръ, сегодняшнія "Вѣдомости"!

Въ ожиданіи газеты Мильде тоже высказалъ свое мнѣніе, что доводы эти были слишкомъ жалки, прямо ничтожны. Въ нихъ упоминается о восточной границѣ, объ увеличеніи военной силы, даже о вмѣшательствѣ другихъ державъ.

— А между тъмъ не далъе, какъ четверть часа тому назадъ, ты, въ разговоръ со мной, вполнъ соглашался съ "Въдомостями", Мильде, — замътилъ Грегерсенъ.

Но тутъ Паульсбергъ началъ разбирать газетную статью пунктъ за пунктомъ. Онъ смѣялся тихо и ядовито и обводилъ присутствующихъ взглядомъ. Не великолѣпно-ли это, что такая газета, какъ "Вѣдомости", говоритъ объ отвѣтственности? Вся эта статья написана для подписчиковъ... И Паульсбергъ швырнулъ отъ себя газету. Нѣтъ, вѣдь надо же въ жизни хоть немного, хоть сколько нибудь дорожитъ честностью. Это вѣчное приспособленіе ко вкусамъ толпы прямо развращаетъ всю страну. Онъ не задумается завтра-же пойти въ "Вѣдомости" и высказать имъ все это.

Послѣ его словъ наступила полная тишина. Никогда или рѣдко приходилось слышать, чтобы Паульсбергъ столько говорилъ заразъ; всѣ взгляды были устремлены на него, даже посѣтители, сидѣвшіе за сосѣдними столами со своими кружками пива, вытянувъ шеи, слушали его; всѣ знали Паульсберга, и всѣмъ было въ высшей степени интересно послушать, что этотъ человѣкъ думаетъ о положеніи вещей. Вотъ какъ, Паульсбергъ не согласенъ съ "Вѣдомостями"; вы слышите! Ни одинъ порядочный человѣкъ больше не можетъ писать тамъ.

Вѣдный журналистъ былъ не мало смущенъ серьезными словами Паульсберга. Вертя "Вѣдомостями" въ рукахъ, онъ заявилъ что принципіально онъ согласенъ съ Паульсбергомъ, что существуетъ-же на свѣтѣ кое-что, что называется честностью, этого нельзя отрицать. Не онъ, конечно, вызвалъ эту перемѣну фронта въ "Вѣдомостяхъ", но, какъ сотрудникъ, онъ не можетъ считать себя свободнымъ отъ всякой вины.

— Я полагаю, — закончилъ Ларсъ Паульсбергъ съ той же серьезностью, — я полагаю, что если бы нѣкоторыя лица и газеты оставались на этотъ разъ единодушными до конца, стортингъ сдѣлалъ бы что-нибудь передъ роспускомъ. Мы бы по всей въро-

ятности увидали конецъ этого несчастнаго спора. Но нѣкоторымъ пицамъ и газетамъ были слишкомъ близки ихъ собственные интересы, и стортингъ разошелся по домамъ. Теперь надо былобы объявить по всей странѣ самый строгій національный трауръ, чтобы заставить націю почувствовать, что мы кое-что потеряли, кой-чего лишились. Вѣдь на насъ, на молодежи, больнѣе всего отзовется этотъ шагъ.

Снова тишина. На всѣхъ произвело впечатлѣніе то, что они слышали. Лицо Паульсберга выражало въ эту минуту самое глубокое негодованіе по поводу образа дѣйствій газеты и стортинга. Онъ забылъ свою обычную позу—опущенную голову и глубокомысленное выраженіе, производившіе такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ; теперь это былъ негодующій и глубоко оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ человѣкъ, державшій голову высоко и высказывавшій прямо свое мнѣніе. Только послѣ долгой паузы Мильде, наконецъ, рѣшился поднести къ губамъ свой стаканъ; три поэта все еще сидѣли молча. Но журналистъ, этотъ веселый малый, сотрудникъ злополучной газеты, не могъ этого дольше выдержать; указывая пальцемъ на объявленіе въ "Вѣдомостяхъ" и хихикая, онъ прочиталъ:

- "Молодую дъвушку, желающую раздълить комнату съ другимъ лицомъ, просятъ обратиться"... Хи-хи, "молодую дъвушку, желающую раздълить комнату съ другимъ лицомъ"...
- Грегерсенъ, не забывайте, что эдѣсь дамы, сказала фру Паульсбергъ, тоже улыбаясь.

Серьезное настроеніе исчезло, всів начали говорить, перебивая другь друга, и даже Эйенъ рискнуль поздравить Паульсберга съ принятіемъ его портрета въ національную галлерею. Это почти то же, что быть принятымъ въ академію. Ну, да и пора было! нельзя сказать, чтобы это было слишкомъ рано!

Принесли еще вина, много вина, Мильде расщедрился и чокался со всъми. Вино скоро вернуло Грегерсену его хорошее настроеніе, онъ принялся разсказывать уморительныя вещи, по обыкновенію, коверкая слова. Въ залѣ становится все теплѣе, сказалъ онъ, воздухъ ужасный, смѣшеніе всевозможныхъ запаховъ, запаха рыбы и разныхъ видовъ мяса. Кто знаетъ, вымыты ли сегодня плевательницы... Грегерсенъ не особенно стѣснялся выборомъ темъ для разговора.

Маленькому Эйену захотълось снова навести разговоръ на поэзію. Мильде бросилъ быстрый взглядъ на Паульсберга, сдълавшаго недовольную гримасу; онъ, очевидно, былъ не въ настроеніи выслушивать взгляды Эйена на поэзію. И Мильде прямо заявилъ, что нътъ, ужъ гораздо лучше говорить о Суэцкомъ каналъ.

Это маленькое замѣчаніе чрезвычайно огорчило Эйена. Если бы при этомъ не присутствовали оба его ученика и послѣдователя, онъ бы только улыбнулся и пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей; но теперь онъ не могъ молчать, онъ отвѣтилъ чрезвычайно рѣзко, что Мильде обладаетъ необыкновенной способностью быть нахальнымъ кстати и некстати. Развѣ кто-нибудь спрашиваетъ его мнѣнія о Боделэрѣ?

Мильде не замедлиль отвътить, онъ зналь, что Паульсбергъ на его сторонъ. Завязалась обычная перебранка, только грубъе, откровеннъе, чъмъ обыкновенно. Не было фру Ганки, умъвшей усмирять страсти; съ одной и съ другой стороны слышались ръзкія слова, не оставлявшія никакого сомнънія въ томъ, что сказавшій ихъ имълъ ими въ виду; въ концъ концовъ Мильде упомянулъ о поэзіи Эйена, какъ о самомъ обыкновенномъ Бодлэровскомъ воспаленіи мозга. На это Эйенъ ничего не отвътилъ, онъ ръзкимъ движеніемъ поставилъ стаканъ на столъ, заплатилъ и вышелъ. Направляясь къ дверямъ, онъ гнъвно накинулъ на плечи пальто. Оба спутника его послъдовали за нимъ.

— Этотъ человъкъ совершенно невыносимъ со своими стихотвореніями въ прозъ, проговорилъ Мильде въ видъ извиненія. — Я не понимаю, какъ онъ можетъ говорить о своемъ собственномъ бумагомараніи, когда передъ самымъ носомъ у него сидитъ, напримъръ, такой человъкъ, какъ Паульсбергъ. Ну, да ничего, я

его умиротворю. Достаточно только похлопать его по плечу и выразить сожальніе, что онъ не получиль стипендіи, и дьло въ шляпь.

Но минуту спустя Мильде самъ вспомнилъ о фру Ганкъ.

— Здѣсь не хватаетъ фру Ганки, — сказалъ онъ, — она окончательно исчезла, никто не знаетъ ея адреса. Вы слыхали уже, должно быть, что она разошлась съ мужемъ? Она сняла комнату и получаетъ отъ своего лавочника опредѣленную сумму ежемѣсячно.

Вдругъ журналистъ Грегерсенъ въ припадкѣ веселости воскликнулъ:

- Вы все время толкаете меня ногой, фру Паульсбергъ.
- Фи, какъ вамъ не стыдно...
- Право же, вы толкаете меня ногой подъ столомъ, хе-хе. Но я, впрочемъ, въ принципъ вовсе не противъ того, чтобы красивая женщина толкала меня ногой, хе-хе, я отнюдь не принадлежу къ наиболъе принципіальнымъ противникамъ такого удовольствія.

И Грегерсенъ самъ громко расхохотался надъ своей остротой. Онъ снова сълъ на своего конька—жеманство, порокъ, который у насъ въ настоящее время находится въ полномъ расцеътъ. Развъ это не такъ? Развъ у насъ есть возможность сдълать хоть одно свободное движеніе, быть человъкомъ? Какъ бы не такъ! И Грегерсенъ снова расхохотался, чрезвычайно довольный собою.

Паульсбергъ, сидъвшій все время молча и сознававшій кромъ того, что онъ былъ несправедливъ къ своему, всегда готовому придти къ нему, на помощь другу Грегерсену, попрекая его политикой "Въдомостей", тоже разсмъялся и былъ очень доволенъ тъмъ, что Грегерсенъ такъ веселится. Паульсбергъ чокнулся съ нимъ; онъ собирался къ тому же снова просить его объ услугъ и ссориться съ Грегерсеномъ отнюдь не входило въ его виды. Черезъ нъкоторое время онъ опять чокнулся съ нимъ и заговорилъ прямо:

— Ты въдь понимаешь, чортъ побери, что я не хотълъ тебя

обидъть, когда ругалъ "Въдомости", что я тебя лично совсъмъ не имълъ въ виду?

И Грегерсенъ, опъянъвшій и добродушно настроенный, поняль; онъ похлопалъ Паульсберга по плечу и проговорилъ:

 Но, голубчикъ, дружище, за кого ты меня принимаешь? За дурака, что ли?

Нътъ, Паульсбергъ не считаетъ его дуракомъ, видитъ Богъ, нътъ. И онъ увлекъ журналиста въ уголъ и сказалъ:

— Послушай, старый товарищъ, на дняхъ въ одной нѣмецкой газетѣ появилась хвалебная замѣтка о моей статъѣ "Отпущеніе грѣховъ", ты можетъ быть, могъ бы сунуть ее какъ-нибудь въ газету? Ты оказалъ бы мнѣ этимъ большую услугу. Я пришлю тебѣ ее въ переводѣ. Вѣдь публикѣ интересно-же узнать, что насъ начинаютъ цѣнить за-границей.

И Грегерсенъ объщалъ постараться, въ доброй волъ его недостатка не будетъ. Конечно, эта замътка будетъ помъщена.

Они вернулись вмѣстѣ къ столу. Мильде, у котораго ушки были на макушкѣ, слышалъ разговоръ обоихъ друзей, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что не ослышался: Паульсбергъ хочетъ все-таки, чтобы въ "Вѣдомостяхъ" появилась о немъ замѣтка.

Теперь Паульсбергъ, въ сущности, сдѣлалъ свое дѣло и сталъ собираться домой. Но Мильде былъ такъ наивенъ, что сталъ протестовать. Уже домой? Что за глупости? Это не по товарищески! Паульсбергъ нетерпѣливо улыбнулся.

— Ты все еще меня не знаешь, Мильде,—замътилъ онъ.— Разъ я сказалъ что-нибудь, то я это и дълаю, ты долженъ былъ бы это знать.

И Паульсбергъ съ женой простились. Но въ дверяхъ они столкнулись съ тремя новыми посѣтителями и вернулись снова къ столу, чтобы поздороваться со старыми знакомыми. Эти трое посѣтителей были Гранде и Норемъ, притащившіе съ собой Кольдевина.

Фру Гранде не было съ ними, фру Гранде никогда не приходила.

Кольдевинъ говорилъ съ Гранде и Норемомъ, продолжая разговоръ, который завязался на улицъ; онъ кивкомъ головы поздоровался съ присутствующими и замолчалъ не раньше, чемъ сказалъ все, что хотълъ. Адвокату, этому полнъйшему ничтожеству, не умъвшему самому ни сказать, ни сдълать что-либо значительное, доставляло удовольствіе заставлять говорить этого деревенскаго дикаря. Онъ кивалъ головой и слушалъ, спрашивалъ, возражалъ только для того, чтобы услышать, что тотъ ответитъ. Онъ встрътилъ Кольдевина далеко, въ Транесвей, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и Кольдевинъ разсказалъ ему, что скоро увзжаетъ изъ города, ввроятно уже завтра съ ночнымъ повздомъ. Онъ снова ъдетъ въ Торахусъ, впрочемъ, только для того, чтобы отказаться отъ своего мъста домашняго учителя; онъ получилъ мъсто на съверъ и хочетъ попытать свое счастье тамъ. Но разъ онъ уже на отлетъ, такъ сказать, замътилъ адвокатъ, то надо ради послѣдняго раза выпить вмѣстѣ. Было бы стыдно упустить такой случай. И Кольдевинъ, въ концъ концовъ, согласился пойти съ нимъ. Актера Норема они встрътили у самаго ресторана.

Кольдевинъ тоже говорилъ о стортингѣ и политическомъ положеніи, онъ снова обвинялъ молодежь за то, что она и пальцемъ не шевельнула и не подняла своего голоса, чтобы протестовать противъ всѣхъ промаховъ послѣдняго времени. Помилуй насъ Богъ, что же это у насъ за молодежь? Это какіе-то выродки.

 Наше дъло опять плохо, какъ я слышу, — замътилъ Мильде тихо.

Паульсбергъ осушилъ свой стаканъ и отвътилъ, улыбаясь:

О, если вооружиться достаточнымъ терпѣніемъ, то... Впрочемъ, пойдемъ домой, Николина. У меня нѣтъ никакой охоты слушать это.

И Паульсбергъ съ женой покинули Grand.

Кольдевинъ сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ другихъ; у него былъ довольно жалкій видъ; онъ ходилъ все въ томъ же костюмѣ, въ которомъ пріѣхалъ въ городъ весной, и борода и волосы его были давно нестрижены. Его костюмъ былъ совершенно поношенъ, и на немъ не хватало пуговицъ.

Журналистъ все таки пригласилъ его състь поближе къ ихъ столу. Что онъ будетъ пить? Только пиво? Ну, какъ ему угодно, но...

- Кольдевинъ скоро покинетъ насъ, сказалъ адвокатъ, онъ можетъ быть, уже завтра уъзжаетъ, мы сегодня должны вмъстъ выпить... Пересаживайтесь сюда, Кольдевинъ, вотъ корошее мъстечко.
- А ты, Норемъ,—сказалъ Мильде,—что это, чортъ возьми, о тебъ разсказываютъ? Въ водосточной канавъ тебя нашли, въ безчувственномъ состояніи въ водосточной канавъ?
  - Да, отвътилъ Норемъ, что жъ тутъ такого?
  - Гм... Ты правъ, пожалуй, но все таки...

Кольдевинъ обвелъ комнату равнодушнымъ взглядомъ. Судя по внъшнему виду, длинному, лысому школьному учителю жилось не особенно хорошо за время его пребыванія въ городъ, онъ страшно похудълъ, и вокругъ его лихорадочно блестъвшихъ глазъ легли глубокія тъни. Онъ жадно пилъ свое пиво и даже сказалъ, что уже давно пиво не доставляло ему такого наслажденія. Онъ былъ полонъ благодарности. Богъ знаетъ, можетъ быть, онъ былъ и голоденъ.

- Но вернемся къ нашему разговору, —сказалъ адвокатъ, вѣдь нельзя же прямо такъ-таки, здорово живешь, сказать, что у насъ однѣ тупицы, что? Вотъ, напримѣръ, наша молодая Норвегія.
  - Нътъ, отвътилъ Кольдевинъ, здорово живешь, вообще,

никогда ничего не слѣдуетъ заявлять. Надо попытаться выяснить основныя причины положенія...

- Да, конечно!
- Да, и основная причина нашего теперешняго положенія это, какъ я уже сказалъ, наша наивная, слѣпая вѣра въ силы, которыми мы отнюдь не обладаемъ въ высокой степени. Мы стали такъ страшно нетребовательны къ самимъ себѣ. Какъ это случилось? Не находится-ли это въ связи съ основными причинами всего нашего положенія Наша сила существуетъ только въ теоріи, мы говоримъ, мы опьяняемся собственными словами, но мы не дѣйствуемъ. Наша молодежь занята литературой и элегантными костюмами, это теперь предметъ ея честолюбія, и ничѣмъ другимъ она не интересуется. Она могла бы, напримѣръ, интересоваться нѣсколько больше нашей коммерческой жизнью.
- Подумайте, какъ вы все знаете!—началъ журналистъ возбужденно.

Но Мильде остановилъ его, незамѣтно наклонившись къ нему и шепнувъ ему пару словъ: какое ему до этого дѣло? почему не дать этому человѣку говорить, сколько ему угодно? Хе-хе, вѣдь онъ самъ твердо вѣритъ въ то, что говоритъ, онъ весь дрожитъ отъ высокой степени внутренняго убѣжденія, это, чортъ возьми, любопытное зрѣлище по нынѣшнимъ временамъ.

Вдругъ адвокатъ спросилъ его:

- Вы слышали послѣднее стихотвореніе Эйена?
- Нътъ, отвътилъ Кольдевинъ.
- О, это великолъпная вещь! египетскій мотивъ, я помню только одну строфу: "и среди этого моря песку, гдѣ нѣтъ никого, слышится только непрерывный шумъ песчанаго дождя объ мою шляпу, да хрустѣніе, неумолкающее хрустѣніе верблюжьихъколѣнъ..." Но затѣмъ слѣдуетъ самое главное, внутренность гробницы, пыль, мумія. Да, вы непремѣнно должны были бы это послушать. Но послѣднюю книгу Иргенса вы, конечно, читали?

- Да, послъднюю книгу Иргенса я читалъ. Почему вы спрашиваете меня объ этомъ?
- Нътъ, такъ, просто, отвътилъ адвокатъ. Мнъ только непонятно, какъ вы можете быть такого плохого мнънія о нашей молодежи, когда вы знаете ея творенія. Въдь это все первоклассные поэты...
- Въ вашемъ кружкѣ есть, между прочимъ, молодой человѣкъ, который недавно потерялъ большія деньги на ржаной операціи,—сказалъ Кольдевинъ.—Онъ меня больше интересуетъ. Это ужасно грустно, что онъ понесъ такія потери, что ему такъ не повезло. Но знаете-ли вы, что этотъ самый человѣкъ теперь дѣлаетъ? Онъ не падаетъ духомъ отъ своей неудачи, онъ теперь создаетъ новый предметъ экспорта. Я знаю это отъ его служащихъ, онъ взялся снабдить заграничную верфь дегтемъ, норвежскимъ дегтемъ. Но о немъ никто не говоритъ.
- Да, я сознаюсь, что мои познанія по части норвежскаго деття весьма слабы, но...
- Ваши познанія по этой части могли бы быть не такъ слабы, господинъ адвокатъ, но у васъ, должно быть, слишкомъ мало интереса къ торговой и промышленной жизни. Но зато вы самымъ основательнымъ образомъ знакомы со всѣми явленіями въ области эстетики, вы слышали послѣднее стихотвореніе въ прозѣ Эйена. Тутъ у васъ столько писателей, тутъ и Эйенъ, тутъ и Иргенсъ, тутъ и Паульсбергъ, не говоря уже о всѣхъ остальныхъ; это молодая Норвегія. Я иногда встрѣчаю ихъ на улицѣ; они проносятся мимо меня, какъ подобаетъ поэтамъ проноситься мимо простого смертнаго, они полны новыхъ идей, отъ нихъ пахнетъ одеколономъ, коротко говоря—они рѣшительно ничего не оставляютъ желать. А когда они появляются здѣсь, въ Grand, то всѣ остальные посѣтители умолкаютъ. Тише, поэтъ говоритъ! Газеты извѣщаютъ націю о томъ, что писатель Паульсбергъ предпринялъ поѣздку въ Генефосъ. Словомъ...

Но тутъ Грегерсенъ дольше не могъ сдерживаться, вѣдь это

онъ самъ писалъ замътки о поъздкъ Паульсберга въ Генефосъ; онъ воскликнулъ:

- У васъ пренахальная манера говорить дерзости съ такимъ видомъ, словно вы ничего особеннаго не сказали...
- Я не понимаю, чего ради ты, Грегерсенъ, волнуешься!— замътилъ Мильде.—Когда самъ Паульсбергъ сказалъ, что надо только вооружиться терпъніемъ.

Пауза.

— Словомъ, продолжалъ Кольдевинъ, народъ дѣлаетъ свое дѣло, газеты дѣлаютъ свое дѣло. Наши писатели не просто достойные вниманія таланты, нѣтъ, это огненные столбы, геніи, прокладывающіе новые пути, ихъ переводятъ на нѣмецкій языкъ, они пріобрѣтаютъ извѣстность. Это можно повторять, да повторять до тѣхъ поръ, пока публика не повѣритъ этому; но такое самообольщеніе крайне вредно для насъ, оно приводитъ къ тому что мы все видимъ въ розовомъ свѣтѣ и не видимъ опасности.

Грегерсенъ, наконецъ, заговорилъ, прервавъ его:

— Скажите-ка, вы, какъ васъ тамъ, не помню, какъ ваше имя: вамъ извъстна исторія съ Винье и картофелемъ? Я всегда вспоминаю эту исторію, когда слышу вашу болтовню. Вы такъ безмърно наивны, вы являетесь изъ деревни и думаете всъхъ насъ здёсь поразить, и не знаете, что ваши мнёнія не представляютъ ровно ничего новаго. Это мивнія самоучки... Да, Винье въдь былъ самоучка, какъ вамъ извъстно. Ну, можетъ быть, вамъ это и неизвъстно, но, словомъ, онъ былъ самоучка. Однажды онъ погрузился въ размышленіе надъ пятномъ, которое увидалъ въ разръзанной сырой картофелинъ-въдь это-то вы, по крайней мъръ, знаете изъ вашей деревенской жизни, что весною въ картофелъ встръчаются иногда фіолетовыя пятна. И Винье былъ такъ пораженъ видомъ этого фіолетоваго пятна, что сълъ и сдѣлалъ цѣлую математическую выкладку по этому поводу. Затъмъ онъ принесъ эту выкладку Фарилею для прочтенія, въ полной увъренности, что онъ сдълалъ необыкновенное открытіе.

Да, это хорошо, сказалъ Фарнлей, это совершенно вѣрно, то, что вы сдѣлали, вы рѣшили задачу. Но только, прибавилъ старикъ Фарнлей, египтяне знали это еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ... Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ они уже знали это, ка-ха-ха! Вотъ объ этой-то исторіи я и вспоминаю всякій разъ, когда слушаю вашу болтовню. Не обижайтесь, пожалуйста!

Пауза.

— Нътъ, я на васъ не обижаюсь, — отвътилъ Кольдевинъ. — Но, насколько я васъ понялъ, мы съ вами одного мнънія? Я говорю только то, что вы знали уже раньше, не такъ-ли?

Грегерсенъ сердито тряхнулъ головой и повернулся къ Мильде:

- Нътъ, онъ невозможенъ!—сказалъ онъ. Онъ отпилъ изъ своего стакана и снова обратился къ Кольдевину; говоря громче, чъмъ это было нужно, и наклонясь къ нему, онъ воскликнулъ:
- Отецъ Небесный, неужели вы не понимаете, что ваши мнѣнія прямо смѣшны, это мнѣнія самоучки? Вы воображаете, что это ново, то, что вы говорите, но это для насъ старо, мы все это знаемъ и смѣемся надъ этимъ..., Ухъ, нѣтъ, я больше не желаю съ вами разговаривать!

Грегерсенъ быстро поднялся.

- Ты заплатишь? обратился онъ къ Мильде.
- Да. Ты развѣ уже уходишь?
- Да. Во-первыхъ, мнѣ надо въ редакцію, а во-вторыхъ, съ меня достаточно этого. Во-вторыхъ, и въ третьихъ, и въ самыхъ послѣднихъ, съ меня этого достаточно! Прощайте!

И покинувъ невърнымъ шагомъ ресторанъ, Грегерсенъ направился въ редакцію "Въдомостей".

Было шесть часовъ. Трое мужчинъ, оставшихся за столомъ, сидъли нъкоторое время молча. Кольдевинъ сталъ нашупывать свои пуговицы, словно собираясь застегнуть сюртукъ и уйти; но, не найдя пуговицъ, онъ быстро взглянулъ въ окно, чтобы отвлечь вниманіе, и сказалъ:

- Становится, однако, поздно...—Но пиво, повидимому, развязало ему языкъ, онъ снова заговорилъ:
- Взять хотя бы журналиста Грегерсена. Этотъ человъкъ пользуется полнымъ моимъ сочувствіемъ.
- Онъ васъ покорнъйше за него поблагодаритъ, сказалъ Мильде.
- Но онъ отъ него не избавится. Я думаю обо всехъ этихъ людяхъ, работающихъ изо дня въ день въ газетахъ, объ этихъ труженникахъ, которые за одинъ мъсяцъ дълаютъ больше, чъмъ поэты въ состояніи вымучить изъ себя за цізлый годъ. Часто у нихъ семья, часто имъ туго приходится, многихъ изъ нихъ судьба жестоко преслѣдуетъ. Они мечтали о жизни болѣе свободной и кипучей, о дъятельности болъе широкой, нежели работа въ редакціи газеты, гдв ихъ анонимные труды пропадаютъ безследно и гдъ большинство изъ нихъ должны употреблять неимовърныя усилія, часто даже прибъгать къ лести, только чтобы удержать за собою мъсто. Придетъ имъ въ голову какая-нибудь счастливая мысль, они должны ее сейчасъ же пустить въ дъло, сунуть въ какую-нибудь статью. И статья эта тутъ же печатается въ необработанномъ видъ и новая идея пропадаетъ въ мгновеніе ока. А что это даетъ имъ? Увы, самое жалкое вознагражденіе, жалкое вознагражденіе и мало радости. Этихъ людей, можетъ быть, не слѣдовало бы лишать справедливаго поощренія, которое они заслуживаютъ, и можетъ быть, никто бы отъ этого ничего не потеряль; напротивъ, результаты сказались бы въ развитіи свободной и искренней газетной литературы. Въ этомъ нътъ ничего невозможнаго. При настоящемъ положеніи вещей журналистъ влачитъ свое существованіе, не встръчая справедливой оцънки своей работы. Каковы же результаты? Результаты тъ, что въ немъ развивается озлобленіе и нахальство. Такъ какъ печать является міровой силой, то онъ пользуется этой счлой, чтобы заставить себя бояться, внушить къ себъ страхъ, если не любовь. Получивъ власть, онъ пишетъ даже о вещахъ, въ которыхъ ничего

не понимаетъ, только чтобы заявлять о себъ. Онъ выступаетъ въ роли учителя и руководителя въ такихъ областяхъ, въ которыхъ Господь лишилъ его разумънія; онъ сегодня покровительствуетъ личному другу, завтра губитъ своего личнаго противника, и все это—какъ Богъ на душу положитъ. И это жалкое положеніе его стало прочнымъ и постояннымъ только благодаря условіямъ. Нѣтъ, крупный журналистъ долженъ быть цѣнимъ выше поэтовъ.

Актеръ Норемъ все это время сидълъ на своемъ мъстъ, съежившись и не произнося ни слова; отъ времени до времени онъ слегка подымалъ тяжелыя въки и лъниво и усталс потягивалъ дымъ изъ своей сигары. Наконецъ, онъ поднялъ голову, поставилъ свою пустую кружку на столъ и сказалъ:

 Послушай, Мильде, если ты, дъйствительно, хочешь меня угостить, такъ вели подать мнъ вина.

Принесли вино.

Въ это самое мгновеніе дверь кафе открылась и въ комнату вошли Иргенсъ и фрекенъ Оготъ. Они на минуту остановились въ дверяхъ, оглядывая комнату; Оготъ не обнаруживала ни смущенія, ни безпокойства. Увидя Кольдевина, она сдѣлала нѣсколько порывистыхъ шаговъ впередъ, улыбаясь и раскрывъ ротъ, чтобы поздороваться съ нимъ, но вдругъ остановилась. Кольдевинъ смотрѣлъ на нее пристальнымъ, упорнымъ взглядомъ, машинально нащупывая пуговицы своего пальто.

Это продолжалось нѣсколько мгновеній.

Иргенсъ и Оготъ вмъстъ подошли къ столу, поздоровались и съли. Оготъ протянула Кольдевину руку. Мильде спросилъ, что они желаютъ пить. У него денегъ хватитъ на все, чего бы они ни пожелали.

— Вы пришли слишкомъ поздно, — сказалъ онъ, улыбаясь, — вы должны были бы быть здъсь раньше, Кольдевинъ, право, чрезвычайно забавлялъ насъ всъхъ.

Иргенсъ поднялъ голову, бросилъ быстрый взглядъ на Кольдевина и сказалъ, закуривая сигару: — Я уже разъ имълъ удовольствіе наслаждаться бесъдой господина Кольдевина, въ Тиволи, кажется. Пока этого съ меня достаточно.

Иргенсъ съ трудомъ скрывалъ свою злобу противъ Кольдевина. Онъ видѣлъ его сегодня уже второй разъ; Кольдевинъ все время стоялъ передъ его квартирой на Транесвей № 5, Иргенсъ не могъ выйти съ Оготъ, покуда этотъ дъяволъ не уходилъ. Счастливый случай какъ разъ привелъ туда Гранде, иначе этотъ человѣкъ и до сихъ поръ продолжалъ бы тамъ стоятъ. И какъ онъ тамъ стоялъ? Какъ часовой, не двигаясь съ мѣста! Иргенсъ былъ въ бѣшенствѣ, ему стоило величайшихъ усилій не датъ Оготъ подойти къ окну; брось она только одинъ взглядъ въ окно, она сразу увидала бы Кольдевина. Онъ отнюдь не прятался, напротивъ, онъ стоялъ такъ, словно хотѣлъ, чтобы его видѣли, и держалъ такимъ образомъ Иргенса и его гостью въ осадномъ положеніи.

Теперь у него былъ нѣсколько смущенный видъ, онъ безпокойно вертѣлъ въ рукахъ свою кружку и смотрѣлъ въ землю. Но высокомѣрныя слова Иргенса, казалось, задѣли его, и онъ прямо началъ, безъ всякой связи съ предъидущимъ.

Скажите мнѣ вотъ что... Позвольте мнѣ, впрочемъ, самому сказать это: вотъ эти писатели являются и переворачиваютъ у насъ вверхъ дномъ все, что имъ вздумается, и никто противъ этого не протестуетъ. Писатель можетъ самымъ спокойнымъ образомъ задолжать двадцать тысячъ. Что за важность? Онъ не въ состояніи заплатить, вотъ и все. Что, если бы купецъ вздумалъ поступать такимъ образомъ? втираться къ другимъ людямъ и выманивать у нихъ вино и платье подъ ложныя объщанія заплатить? Его бы просто привлекли за обманъ и объявили бы банкротомъ. Но писатели, художники, эта наша слава, какъ кошмаръ, давящая страну подъ ликующіе клики націи,—у кого хватило бы духу поступить по отношенію къ нимъ такъ жестоко? Публика только частнымъ образомъ говоритъ объ этомъ мошенничествъ

и смѣется надъ нимъ, и думаетъ, что это чертовски ловкая штука—задолжать цѣлыхъ двадцать тысячъ...

Мильде съ шумомъ поставилъ свою кружку на столъ и сказалъ:

— Я полагаю, милъйшій, что этому пора положить конецъ.

Превосходный живописецъ Мильде вдругъ потерялъ терпѣніе. Покуда онъ сидѣлъ здѣсь одинъ съ адвокатомъ и актеромъ, онъ не протестовалъ ни однимъ словомъ, напротивъ, онъ даже забавлялся ядовитыми рѣчами этого жалкаго деревенскаго учителя. Но достаточно было явиться хоть одному изъ писателей для того, чтобы онъ вдругъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и выступилъ съ энергичнымъ протестомъ. Такова ужъ была замѣчательная особенность Мильде — всегда считаться съ тѣмъ, кого онъ имѣлъ за собой.

Кольдевинъ взглянулъ на него.

- Вы полагаете? -- сказалъ онъ.
- Да, я полагаю.

Кольдевинъ безъ сомнѣнія говорилъ съ разсчетомъ, съ предвзятымъ намѣреніемъ и направлялъ свои слова по опредѣленному адресу, всѣ это слышали. Иргенсъ сидѣлъ и нервно покусывалъ свою верхнюю губу.

Наконецъ, и вниманіе Норема, сидъвшаго до сихъ поръ неподвижно и смотръвшаго на все тупымъ взглядомъ, было привлечено разговоромъ; онъ понялъ, что что-то тутъ происходитъ передъ его глазами, и тоже вмъшался въ разговоръ, пустившись въ разсужденія о купеческой морали. Что такое эта мораль? самая гнилая мораль на свътъ, обманъ и надувательство, ростовщичество, чистъйшее ростовщичество. Развъ это справедливо брать проценты? Онъ ничего не желаетъ слышать объ этомъ; онъ съумъетъ отвътить на это, если до того дойдетъ. Хе-хе, купеческая мораль? Самая гнилая мораль на свътъ...

Между тѣмъ адвокатъ говорилъ черезъ столъ съ Иргенсомъ и Оготъ, онъ разсказывалъ имъ, какъ онъ встрѣтилъ Кольдевина:

— Я встрътилъ его въ твоихъ краяхъ, Иргенсъ, въ Транесвей, да, почти передъ самыми твоими окнами. Онъ стоялъ тамъ. Я притащилъ его съ собой, въдь не оставлять же его было тамъ...

Оготъ спросила тихо, причемъ глаза ея вдругъ расширились и приняли испуганное выраженіе.

— Въ Транесвей? Вы тамъ его встрѣтили?.. Ты слышишь, Иргенсъ, онъ былъ подъ твоими окнами.

Она моментально почуяла бъду. Теперь Кольдевинъ слъдилъ за ней съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ не сводилъ съ нея глазъ, стараясь, чтобы она замътила, что онъ смотритъ именно на нее.

Норемъ между тъмъ продолжалъ приставать со своими невозможными вопросами: вотъ какъ, значитъ, это надо понять такъ, что вся нація, такъ сказать, развращена, мужчины и женщины совершенно деморализованы, потому что они интересуются искусствомъ и поэзіей? Оставьте искусство въ покоъ, чортъ васъ побери, и не заботьтесь о немъ. Хе-хе, мужчины и женщины совершенно деморализованы...

Кольдевинъ сейчасъ же ухватился за эти его слова и сталъ отвъчать. Онъ не обращался къ Норему, даже не смотрълъ въ его сторону, онъ говорилъ въ пространство, но, повидимому, имълъ въ виду опредъленное лицо, и предметъ разговора, очевидно, затрагивалъ что-то въ его душъ. Это не совсъмъ точно сказано, что мужчины и женщины деморализованы, они только дошли до извъстной степени внутренняго опустънія, они измельчали и выродились. Эта новь—блъдная, скудная новь, она не способна дать обильную жатву. И женщины тоже живутъ изо дня въ день, не чувствуя усталости отъ жизни, но и не внося въ нее никакого содержанія. Да и какъ имъ внести какое-либо содержаніе? Имъ нечего вносить. Онъ порхаютъ, точно блуждающіе огоньки, онъ вкушаютъ отъ всего понемножку, немножко радостей, немножко

горестей, и не сознаютъ, до какой степени онъ стали незначительны. Онъ забыли свое крупное честолюбіе, ихъ сердца не способны испытывать большихъ страданій, они бьются быстро, но ничто и никто не способны ихъ зажечь. И куда молодыя женщины дъвали свой гордый взглядъ? Это былъ взглядъ, полный высокаго и тонкаго достоинства, но теперь его больше не встръчаещь. Женщины теперь такъ же охотно любуются посредственностью, какъ и крупной силой, онъ способны прійти въ восхищеніе отъ какихъ-нибудь жалкихъ стиховъ, отъ какого-нибудь вымученнаго романа. А между тъмъ еще не такъ давно нужны были болъе крупныя, болъе гордыя явленія, чтобы ихъ покорить, объ этомъ свидътельствуетъ исторія Норвегіи. Теперь онъ чрезвычайно понизили свои требованія, да иначе и не можеть быть; въ нихъ нътъ больше силы, ихъ порывы изсякли. Наша молодая женщина лишилась огромной силы, она потеряла свою милую простоту и невинность, великую страсть-признакъ породы: она не знаетъ больше настоящаго чувства-чувства къ одному человъку, къ единственному, ея герою, ея богу; въ ней появилась жадность, она не брезгаетъ любымъ встръчнымъ и охотно бросаетъ свои взгляды направо и налъво. Любовь для нея теперь не болѣе, какъ названіе существовавшаго когда-то чувства; она читала о немъ и въ свое время и сама видъла въ немъ забаву и развлеченіе, но она не преклонилась передъ нимъ въ сладостной покорности, оно лишь пронеслось мимо ея слуха, какъ замирающій вдали звукъ. Но это отнюдь не рисовка въ нашихъ женщинахъ, о, нътъ, онъ, дъйствительно, потеряли способность чувствовать по настоящему. Противъ этого ничего не подълаешь, остается только удержать этотъ недостатокъ въ опредъленныхъ границахъ. Черезъ столько-то и столько-то поколъній снова вернутся къ намъ наши хорошія времена, вѣдь все въ жизни движется волнообразно, и волна смѣняется волной. Но сейчасъ, въ данный моментъ, мы беззаботно довольствуемся жалкими остатками; только въ торговомъ мірѣ чувствуется біеніе живого, здороваго пульса, только тамъ живая жизнь кипитъ ключемъ, къ ечастью для насъ! И оттуда къ намъ придетъ обновленіе.

Но эти послѣднія слова снова привели Мильде въ негодованіе; онъ вынулъ десятикронную ассигнацію, швырнулъ ее Кольдевину на столъ и сказалъ сердито:

— Вотъ вамъ... вотъ ваши деньги! Вы помните, что одолжили мнъ разъ десять кронъ, я забылъ объ этомъ. Я надъюсь, теперь вы поняли, что можете идти.

Кольдевинъ густо покраснълъ, краска разлилась у него по всему лицу, но онъ взялъ ассигнацію.

- Вы не особенно-то въжливо благодарите за заемъ, сказалъ онъ.
- Да кто вамъ сказалъ, что я въжливый человъкъ? Суть въ томъ, что вы получили свои деньги обратно и что мы надъемся избавиться отъ васъ.
- Да, да, спасибо, мнѣ деньги таки нужны, у меня ихъ немного,—сказалъ Кольдевинъ, заворачивая ассигнацію въ клочекъ газетной бумаги. Глядя, какъ неловко онъ заворачивалъ и пряталъ эту жалкую бумажку, можно было догадаться, что онъ не особенно привыкъ имѣть дѣло съ деньгами. Но вдругъ онъ посмотрѣлъ Мильде въ лицо и сказалъ:
- Я, впрочемъ, совершенно не разсчитывалъ получить отъ васъ эти деньги обратно.

Мильде сдѣлалъ движеніе, но сейчасъ же съежился! Эти оскорбительныя слова не заставили его подскочить, онъ проглотилъ обиду, сталъ было что-то бормотать въ отвѣтъ, но одумался и сказалъ только, что онъ не имѣлъ намѣренія быть невѣжливымъ, онъ извиняется, онъ находится въ очень раздраженномъ состояніи, но... коротко говоря...

Но Норемъ, пьяный и равнодушный ко всему до сихъ поръ, не могъ дольше сохранить своей серьезности; онъ во всей этой сценъ видълъ только ея комическую сторону и, смъясь, воскликнулъ: — Ты и этого человъка обобралъ, Мильде? Нътъ, помилуй меня Богъ, ты занимаешь деньги ръшительно у всъхъ, кто тебъ ни попадется подъ руку! Ты прямо-таки неподражаемъ. Ха-ха-ха, и у него тоже!

Кольдевинъ поднялся.

Въ то же мгновеніе поднялась и Оготъ и поспѣшно подошла къ нему. Въ странномъ возбужденіи она схватила его за руку и начала ему что-то говорить шепотомъ; она увлекла его за собой къ другому окну, все продолжая шептать. Они усѣлись у окна; вокругъ нихъ не было никого. Она заговорила:

— Да, да, это, дъйствительно, такъ, какъ вы сказали. Это вы ко мнъ обращались, я это поняла, вы правы, правы, правы. О, вы увидите, это измънится! Вы сказали, что я не могу, что у меня нътъ больше силы, но нътъ, я могу, вы увидите! Теперь мнъ все стало понятно, вы объяснили мнъ все. Милый, не сердитесь на меня. Я сдълала столько дурного, но...

Глаза ея были сухи, но голосъ ея прерывался отъ рыданій, она глотала слова, сидъла въ полной безпомощности на самомъ кончикъ стула и все говорила. Онъ отъ времени до времени про-износилъ слово, кивалъ, качалъ головой, когда она казалась слишкомъ безутъшной, и въ смущеніи называлъ ее Оготъ, милая Оготъ. Она не должна принимать на свой счетъ все, что онъ сказалъ, нътъ, этого она не должна. Да, онъ имълъ въ виду также и ее, это правда; но онъ, значитъ, ошибся, и слава Богу! Онъ не хотълъ ничего другого, какъ предостеречь ее. Она молода, онъ настолько старше ея, въдь онъ же понимаетъ, какимъ искушеніямъ она подвергается. Но больше она не должна огорчаться изъ-за этого.

Они продолжали разговаривать. Иргенсъ потерялъ терпѣніе и поднялся со стула; онъ потягивался и зѣвалъ, словно желая показать, что собирается уйти, но вдругъ вспомнилъ что-то и быстро направился къ буфету. Здѣсь онъ потихоньку попросилъ жаренаго кофе, который ему и дали въ бумажномъ мѣшечкъ.

Мильде сталъ расплачиваться, щедро швыряя деньгами; затъмъ онъ поднялся, простился съ сидящими у стола и ушелъ. Нъсколько мгновеній спустя можно было видъть, какъ онъ раскланялся съ какой-то дамой передъ самыми окнами ресторана и послъдовалъ за ней въ боковую улицу; на дамъ было длинное боа, развъвавшееся въ воздухъ и отъ времени до времени касавшееся руки Мильде. Скоро они исчезли изъ виду.

А Оготъ и Кольдевинъ все еще сидъли на прежнемъ мъстъ.

— Проводите меня домой, — сказала она. — Погодите немного, я только...

Она торопливо подошла къ столу Иргенса и, взявъ со стула накидку, опять повернулась къ Кольдевину.

- Вы уходите?—спросилъ Иргенсъ и посмотрълъ на нее такъ, словно свалился съ неба.
- Да. Ухъ, нѣтъ, я этого больше не хочу. Спасибо за сегодняшній...
- Чего это вы больше не хотите? Я не могу васъ проводить домой?
- Нѣтъ. И я не хочу никогда больше, и завтра не хочу.
   Нѣтъ, этому надо положить конецъ.

Она протянула Иргенсу руку и еще разъ равнодушнымъ тономъ поблагодарила его; она все время смотрѣла въ сторону Кольдевина и, очевидно, теряла терпѣніе отъ того, что ее задерживаютъ.

— Помните, что вы объщали на завтра, — сказалъ онъ.

III.

Оготъ и Кольдевинъ вышли вмѣстѣ. Онъ не говорилъ ей, что собирается уѣзжать, и она этого не знала. Простодушное дитя! Она была счастлива, что идетъ рядомъ съ Кольдевиномъ, этимъ человѣкомъ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя своими невозможными рѣчами; она шла совсѣмъ близко къ нему, сердце дрожало у нея въ груди.

— Простите меня,—сказала она. —Да, да, простите меня за все, за прежнее и за настоящее. Немногимъ раньше я не рѣшилась бы просить у васъ прощенія, но какъ только я съ вами, я полна довѣрія къ вамъ. Вы меня ни въ чемъ не упрекаете, никогда. Но я ничего, ничего дурного не сдѣлала сегодня... я хочу сказать, сегодня, когда была не дома, когда я была далеко въ городѣ, я хочу сказать... Вы понимаете, что я хочу сказать.

И она посмотръла на него открытымъ взглядомъ.

- Вы скоро ѣдете домой, фрекенъ Оготъ?
- Да, я скоро поѣду домой... Простите мнѣ, Кольдевинъ, и вѣрьте мнѣ, вѣрьте мнѣ, я ничего дурного не сдѣлала сегодня, но я жалѣю объ этомъ, я жалѣю обо всемъ... Блуждающій огонекъ, безо всякой гордости... Я не такъ глупа, чтобы не понять, кого вы этимъ имѣли въ виду.
- Но милая Оготъ! —прервалъ онъ ее въ смущеніи, —я не о васъ говорилъ. Я вовсе этого не думалъ. Да кромѣ того, я былъ въ заблужденіи, въ полномъ заблужденіи, я и самъ это вижу; вы, слава Богу, совсѣмъ другая. Но при этомъ случаѣ, обѣщайте мнѣ одно, Оготъ, обѣщайте мнѣ быть осторожной, вы согласны? Это, конечно, вовсе не мое дѣло, я это знаю, но вы попали въ кружокъ людей, повѣрьте мнѣ, это совсѣмъ не подходящее для васъ общество. Фру Тидемандъ тоже такъ попалась раньше васъ.

Она посмотръла на него вопросительно.

- Мнѣ кажется, что я долженъ вамъ разсказать объ этомъ,— продолжалъ онъ. Фру Тидемандъ, одинъ изъ немногихъ гордыхъ людей въ этомъ кружкѣ, даже она! Одинъ изъ этой компаніи вскружилъ и ей голову.
- Вотъ какъ!—сказала Оготъ.—Но мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всего этого кружка, о, нѣтъ, повѣрьте мнѣ. Нѣтъ, я не хочу о немъ и думать.

И она вдругъ взяла Кольдевина подъ руку и тѣсно прижалась къ нему, словно ища у него защиты.

Онъ пришелъ въ смущение и замедлилъ шагъ; она сама почувствовала это и сказала съ улыбкой, выпуская его руку:

- Ахъ, нътъ, этого мнъ, должно быть, нельзя.
- Гм... Что вы будете дълать сейчасъ, когда придете домой? Кстати: были у васъ извъстія отъ вашего жениха?
- Нътъ. Еще не было. Но еще и не могло быть, еще слишкомъ рано. Вы боитесь, что онъ не вернется благополучно? Голубчикъ, скажите, вы этого опасаетесь?
- Нътъ, будьте спокойны, онъ вернется совершенно благополучно.

Они остановились передъ ея дверью и простились. Медленно, неръшительно, не подымая юбки, она поднялась на двътри ступени. Вдругъ она повернулась, снова спустилась на улицу и еще разъ схватила Кольдевина за руку.

Послъ этого она поспъшно поднялась и скрылась за дверью.

Онъ продолжалъ стоять на мъстъ. За дверью съ минуту слышались ея шаги, затъмъ все смолкло. Онъ повернулся и пошелъ обратно по улицъ, ничего не видя и не слыша вокругъ себя.

Онъ инстинктивно пошелъ по направленію къ трактиру, въ которомъ обыкновенно объдалъ, и, войдя, попросилъ чего нибудь поъсть. Онъ быстро проглотилъ все, что ему подали, какъ если бы давно уже не ълъ; онъ не оставилъ даже ни кусочка хлъба. Покончивъ съ ъдой, онъ вынулъ свои десять кронъ изъ газетной бумаги, въ которую онъ были завернуты, и заплатилъ за ужинъ. При этомъ онъ нащупалъ въ карманъ жилета маленькій свертокъ, нъсколько кронъ серебромъ, небольшую сумму, которую онъ отложилъ на билетъ по желъзной дорогъ и которой не позволялъ себъ трогать.

На слѣдующій день, около пяти часовъ, Оготъ приближалась къ набережной, къ тому самому мѣсту, гдѣ она гуляла наканунѣ. Иргенсъ былъ уже тамъ и ждалъ ее.

Она быстро подошла къ нему и сказала:

- Я пришла, но только для того, чтобы сказать вамъ... Я не хочу больше встръчаться съ вами, мнъ некогда болтать съ вами. Но я не хотъла, чтобы вы эдъсь ходили взадъ и впередъ и ждали.
- Послушайте-ка, фрекенъ Оготъ, сказалъ онъ вдругъ, теперь нечего больше устраивать исторіи.
- Я больше не пойду къ вамъ, никогда больше. Теперь я все знаю. Почему вы не зовете къ себъ фру Тидемандъ? Да, почему вы ее не зовете къ себъ?

Оготъ была блѣдна и возбуждена.

- Фру Тидемандъ? сказалъ онъ удивленно.
- Да, конечно, я все знаю, я навела справки... Да, я всю ночь думала объ этомъ, вы можете идти къ фру Тидемандъ.

Онъ подощелъ къ ней совсъмъ близко.

- Фру Тидемандъ не существуетъ для меня съ тѣхъ поръ, какъ я васъ увидалъ. Я не видалъ ея уже нѣсколько недѣль, я даже не знаю, гдѣ она живетъ.
- Это все равно,—сказала она.—Вы можете ее розыскать... Я пойду съ вами немного. Я не пойду къ вамъ на квартиру, но я могу пройти съ вами нъсколько шаговъ,—сказала она.

И они пошли. Оготъ снова была спокойна.

- Я вамъ сказала, что всю ночь думала объ этомъ,—начала она опять.—Это, конечно, не такъ. Я хотъла сказать, весь день. Нътъ, даже не весь день, но... Стыдитесь! Замужнюю женщину! Но вы не очень-то усердно защищаетесь, Иргенсъ.
  - Я знаю, что это безполезно.
- Да, вы, конечно, любите ее.—И такъ какъ онъ продолжалъ молчать, она воскликнула возбужденно и ревниво:—Но вы могли бы, по крайней мъръ сказать мнъ, любите-ли вы ее.
- Я люблю васъ, отвътилъ онъ. Я въ эту минуту не лгу, я люблю васъ и никого другого, Огогъ. Вы можете сдълать со мной, что хотите, я все таки люблю васъ.

Онъ смотрълъ не на нее, а внизъ, въ землю, и нъсколько разъ заломилъ руки.

Она почувствовала, что его волненіе искренно, и сказала опять мягко:

 Да, да, Иргенсъ, я върю вамъ... Но я не пойду къ вамъ, все таки не пойду.

Пауза.

- Кто это вдругъ настроилъ васъ такъ враждебно ко мнѣ? Ужъ не этотъ-ли...? Онъ вашъ бывшій учитель, но мнѣ онъ прямо противенъ. Обтрепанный и отвратительный, какъ смертный грѣхъ. Невыносимый субъектъ.
- Будьте такъ добры не отзываться такимъ образомъ о Кольдевинѣ, сказала она рѣшительно. Я васъ прошу объ этомъ.
- Ну, онъ сегодня вечеромъ увзжаетъ, мы такимъ образомъ избавляемся отъ него.

Она остановилась.

- Онъ сегодня увзжаетъ?
- Да. Онъ увзжаетъ съ вечернимъ повздомъ.

Онъ уѣзжаетъ? Онъ ни слова не говорилъ ей объ этомъ. Иргенсъ долженъ былъ сказать ей, откуда онъ это знаетъ. Она была такъ поглощена этой мыслью объ отъѣздѣ Кольдевина, что не слышала ничего больше; можетъ быть, она почувствовала также облегченіе отъ сознанія, что старый учитель больше не будетъ слѣдить за нею. Когда Иргенсъ легко дотронулся до ея руки, она машинально пошла дальше. Они пошли прямо къ его дому. Когда они очутились у лѣстницы, она вдругъ отшатнулась назадъ и нѣсколько разъ сказала нѣтъ, глядя на него остановившимся взглядомъ. Но онъ продолжалъ умолять ее; въ концѣ концовъ онъ рѣшительно взялъ ее за руку и повелъ впередъ.

Дверь захлопнулась за ними...

На углу улицы стоялъ Кольдевинъ и видълъ все это. Когда молодые люди исчезли за дверями, онъ тоже выступилъ впередъ

направился прямо къ двери. Здѣсь онъ съ минуту стоялъ въ застывшей позѣ, наклонившись впередъ, словно прислушиваясь. Лицо его страшно измѣнилось, оно было искажено, но онъ улыбался, стоялъ и улыбался. Затѣмъ онъ сѣлъ на ступеньки у самой стѣны и сталъ ждать.

Прошелъ часъ, гдѣ-то на башнѣ пробили часы, было еще много времени до отхода поѣзда. Протпо еще полчаса, и наверху на лѣстницѣ послышались шаги. Иргенсъ вышелъ первый, но Кольдевинъ не шевелился, продолжая сидѣть такъ же неподвижно, спиной къ двери. Затѣмъ вышла Оготъ; она начала спускаться съ лѣстницы и вдругъ испустила крикъ. Въ ту же самую минуту Кольдевинъ поднялся и пошелъ. Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ни слова, только показался, былъ на мѣстѣ. Онъ шатался, какъ пьяный, и свернулъ за первый уголъ; на лицѣ его была все та же застывшая улыбка.

Кольдевинъ пошелъ прямо на вокзалъ. Онъ купилъ билетъ и, какъ только отворили дверь, вышелъ на платформу. За нимъ побъжалъ носильщикъ съ его чемоданомъ. Ахъ, да, чемоданъ, онъ чуть было не забылъ о немъ. Да, поставьте его здъсь, внесите его въ купэ, въ пустое купэ! Вслъдъ затъмъ онъ и самъ вошелъ въ вагонъ. Онъ былъ совершенно разбитъ. Онъ сидълъ въ своемъ углу и горестно покачивался всъмъ своимъ худымъ, изможденнымъ тъломъ. Немного спустя онъ досталъ изъ бокового кармана маленькій шелковый бантикъ изъ лентъ норвежскихъ національныхъ цвътовъ и сталъ его рвать на мелкіе куски. Онъ сидълъ совершенно спокойно, разрывая бантикъ на клочья, и, кончивъ это, принялся разглядывать эти мелкіе клочья у себя на ладони. Въ эту минуту раздался свистокъ и поъздъ тронулся; Кольдевинъ открылъ окно и разжалъ руку. И крохотные остатки лентъ закружились въ воздухѣ вдоль поѣзда и упали на землю, гдѣ каждый могь ихъ топтать ногами.

Прошло еще нѣсколько дней раньше, чѣмъ Оготъ, наконецъ, собралась домой. Иргенсъ все-таки не напрасно трудился, ему посчастливилось, и теперь онъ пожиналъ плоды своихъ усилій. Оготъ ежедневно была съ нимъ, она была въ него влюблена до послѣдней степени, ходила за нимъ по пятамъ, вѣшалась ему на шею.

И дни шли.

Отъ Оле пришла, наконецъ, телеграмма, и Оготъ очнулась. Телеграмма первоначально была отправлена въ Торахусъ, ее переслали въ городъ, и она пришла съ большимъ запозданіемъ. Оле былъ въ Лондонъ.

Да, что же это будетъ? Оле въ Лондонъ, но онъ во всякомъ случать не здъсь, и она даже не можетъ себъ ясно представить, какъ онъ выглядитъ. Высокій, смуглый, съ голубыми глазами и спадающей на лобъ прядью волосъ, которую онъ безпрестанно откидываетъ назадъ. Когда она думала о немъ, онъ представлялся ей далеко-далеко, въ давно минувшемъ прошломъ. Какъ далекъ былъ тотъ день, когда онъ уъзжалъ!

Когда пришла телеграмма, въ душѣ ея снова вспыхнуло чувство къ отсутствующему, всю ее снова пронизала прежняя радость, счастливое сознаніе, что сердце его принадлежить ей; она шептала его имя и со слезами на глазахъ благословляла его за всю его доброту, краснѣя и прерывисто дыша, звала его къ себѣ. Нѣтъ, никто не могъ сравниться съ нимъ, онъ никого никогда не обижалъ, но честно и искренно шелъ прямымъ путемъ, и онъ ее любилъ. Маленькая женка, маленькая женка! И отъ груди его исходила такая теплота, ее бросало въ жаръ всякій разъ, когда она прислонялась къ его груди. Ее бросало въ жаръ также и отъ его необыкновенной радостной ласковости; среди работы, провѣряя какой-нибудь счетъ, онъ вдругъ такъ любовно взглядывалъ на нее и улыбался. О, она и этого не забыла...

Она живо уложила свои вещи и рѣшила сейчасъ-же уѣхать домой, что бы тамъ ни было. Въ послѣдній вечеръ, наканунѣ отъѣзда, она простилась съ Иргенсомъ; это было долгое прощаніе, отъ котораго сердце у нея разрывалось въ груди. Она теперь его, о, да, и Оле придется примириться съ этимъ. Какъ все это произошло неожиданно! Ея рѣшеніе было твердо: она уѣдетъ изъ города и извѣститъ Оле о случившемся, какъ только онъ вернется. Что онъ скажетъ, когда прочитаетъ ея письмо и найдетъ въ немъ кольцо? Да, что онъ скажетъ! Ей было больно, что она не сможетъ быть здѣсь, чтобы утѣшить его, что она нанесетъ ему этотъ ударъ издалека. Вотъ какъ этому суждено кончиться!

Иргенсъ былъ къ ней нѣженъ и старался ободрить ее; они вѣдь не надолго разстаются; въ крайнемъ случаѣ, если никакихъ другихъ средствъ не будетъ, онъ придетъ къ ней пѣшкомъ. Да кромѣ того, вѣдь она можетъ пріѣхать снова въ городъ, вѣдь она не какая-нибудь нищенка, она даже владѣетъ собственной яхтой, настоящей увеселительной яхтой, можно-ли требовать большаго? И Оготъ улыбнулась этой шуткѣ и почувствовала себя спокойнѣе.

Дверь была заперта; на улицѣ было совершенно тихо, они могли слышать біеніе собственныхъ сердецъ. И она простилась съ нимъ.

Было ръшено, что Иргенсъ не будетъ ее провожать на вокзалъ, онъ самъ это предложилъ. Пойдутъ только лишнія сплетни, если его увидятъ на вокзалъ, городъ въдь не великъ, а его, къ сожальнію, столько людей знаетъ, онъ не можетъ пользоваться такой свободой дъйствій, какъ всякій другой. Оготъ согласилась съ этимъ. Но они будутъ писать другъ другу, будутъ писать каждый день, не правда-ли? Потому что иначе она этого не выдержитъ...

Тидемандъ былъ единственный изъ чужихъ, знавшій объ отъѣздѣ Оготъ и провожавшій ее на вокзалъ. Послѣ обѣда онъ, по обыкновенію, явился въ контору Генриксена и имѣлъ обычный разговоръ съ старымъ главой фирмы. На это ушло изрядно времени, и когда онъ выходилъ, онъ столкнулся въ дверяхъ съ Оготъ, совершенно готовой къ отъвзду, ей оставалось только проститься. Тидемандъ пошелъ съ ней на вокзалъ, неся ея дорожную сумку; ея сундукъ былъ отправленъ раньше.

Утромъ шелъ дождь и на улицахъ было грязно, очень грязно. Оготъ произнесла нъсколько разъ.

— Ахъ, какой унылый видъ! какой унылый видъ!

Но больше она ничего не говорила; она шла торопливо, точно добросовъстное дитя, боящееся запоздать. Ея маленькая дорожная шляпка очень шла къ ней, дълала ее еще моложавъе; отъ быстрой ходьбы на лицъ у нея появилась краска.

Они мало говорили. Оготъ сказала только:

 Какъ это любезно съ вашей стороны, что вы провожаете меня, иначе мнъ пришлось бы идти совсъмъ одной.

Тидемандъ видълъ, что она старалась подавить волненіе, она улыбалась, но глаза ея были влажны.

Онъ тоже улыбнулся и отвътилъ, чтобы развлечь ее, что она должна быть рада, что покидаетъ эту городскую грязь и возвращается снова къ чистымъ дорогамъ, въ лучшій воздухъ. Впрочемъ, она скоро, должно быть, снова вернется?

— Да, — отвътила она, — должно быть, скоро.

Это было все, о чемъ они говорили. Они стояли на платформъ; дождь снова пошелъ и глухо барабанилъ по стеклянной крышъ надъ ихъ головами; локомотивъ шипълъ и пыхтълъ. Оготъ вошла въ вагонъ и черезъ окно протянула Тидеманду руку. И съ внезапно явившейся потребностью въ прощеніи, въ снисходительномъ отношеніи къ ея винъ, она сказала этому чужому человъку, съ которымъ она даже не часто встръчалась:

- Прощайте... И не думайте обо мнѣ слишкомъ дурно! Она вся покраснѣла при этомъ.
- Милое дитя?..—проговорилъ онъ удивленно-вопросительно. Больше онъ ничего не успълъ сказать.

Она высунулась изъ окна и кивала своей маленькой, свѣтлой головкой еще послѣ того, какъ поѣздъ тронулся. Глаза ея все время были влажны, и она боролась съ собою, чтобы не разрыдаться. Она все время смотрѣла на Тидеманда, подъ конецъ она начала еще махать своимъ носовымъ платкомъ.

Странная дъвушка! Его тронула ея простая сердечность, и и онъ тоже макалъ ей платкомъ, пока поъздъ не исчезъ изъ виду. Не думать о ней слишкомъ дурно? Нѣтъ, онъ не будетъ думать о ней дурно. И если это и было когда-нибудь, то, во всякомъ случаъ, больше этого не будетъ. Она макала платксмъ ему, чужому человъку! Это онъ непремънно разскажетъ Оле, онъ будетъ радоваться...

Тидемандъ направился къ своимъ амбарамъ. Голова его была полна дѣлъ и плановъ, и онъ постепенно забылъ обо всемъ остальномъ. Въ дѣлѣ у него снова закипала работа, кредитъ сталъ поправляться, и ему пришлось опять взять къ себѣ въ складъ двухъ изъ прежнихъ служащихъ. Его дѣло можно было сравнить со звѣремъ, лежавшимъ долгое время неподвижно, въ изнуреніи, и теперь опять начинавшемъ шевелить членами и набираться силъ. Въ настоящее время Тидемандъ былъ занятъ нагрузкой дегтя.

Обошедши складъ и отдавъ нѣсколько распоряженій, онъ отправился въ ресторанъ, гдѣ обыкновенно обѣдалъ. Было уже поздно, онъ ѣлъ быстро, не заговаривая ни съ кѣмъ. Онъ усиленно размышлялъ о новомъ планѣ, пришедшемъ ему въ голову. Транспортъ дегтя въ Испанію идетъ правильно, рожь стоитъ хорошо и твердо, и онъ понемногу и равномѣрно распродаетъ свой огромный запасъ, дѣятельность его все расширяется; теперь можно заняться и кожевеннымъ заводомъ въ Торахусѣ. А что, если одновременно съ заводомъ устроить постоянную смоловарню? Нѣтъ, онъ, конечно, не станетъ отговаривать Оле отъ такого

предпріятія, если ему самому эта мысль будетъ улыбаться. Тидемандъ уже нѣсколько недѣль носился съ этимъ планомъ и даже обсуждалъ его съ однимъ инженеромъ. Очищенные отъ коры отрѣзки и верхушки имѣются наготовѣ, и въ то время, какъ кора пойдетъ на кожевенный заводъ, дерево пойдетъ въ смоловарню. Самъ онъ пока не хотѣлъ затѣвать новыхъ дѣлъ, да ему вѣдь и приходится теперь работать только на себя и на дѣтей; но онъ невольно постоянно возвращался мыслью къ этому вопросу.

Тидемандъ пошелъ домой. Дождь лилъ равномърно и часто.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей своей конторы онъ вдругъ сразу остановился, въ слѣдующее мгновеніе онъ осторожно отступилъ къ ближайшимъ воротамъ. Онъ не отводилъ глазъ отъ одной точки: тамъ на улицѣ, передъ самой его конторой, стояла его жена, не обращая вниманія на дождь. Она поперемѣнно смотрѣла то въ окна конторы, то наверхъ, во второй этажъ, въ среднюю комнату, ея собственную прежнюю комнату. Это, дѣйствительно, она стояла тамъ, онъ не ошибался; у него вдругъ захватило дыханіе. Онъ уже разъ раньше видѣлъ ее тамъ, она кружила около дома въ тѣни газоваго фонаря, какъ теперь; онъ тихснько назвалъ ее по имени, окликнулъ ее, но она торопливо завернула за уголъ, не отвѣчая. Это было три недѣли тому назадъ, въ одинъ воскресный вечеръ. И вотъ она опять здѣсь.

Онъ хотълъ подойти, онъ сдълалъ движеніе, отъ котораго его дождевой плащъ зашуршалъ; въ то же мгновеніе она пугливо оглянулась и ушла. Онъ стоялъ неподвижно на своемъ мъстъ, пока она не исчезла изъ виду.

٧.

Недълю спустя Оле Генриксенъ вернулся домой. Не получая отвъта отъ Оготъ, онъ сталъ безпокоиться; онъ телеграфировалъ нъсколько разъ, но отвъта все не было. Тогда онъ быстро собрался и уъхалъ домой. Но онъ такъ далекъ былъ отъ самой мысли о настоящей причинъ молчанія Оготъ, что еще въ послъд-

ній день своего пребыванія въ Лондонъ купилъ для нея подарокъ: шарабанъ для ея маленькаго пони въ Торахусъ.

Дома же, на его письменномъ столъ, его уже ждало письмо Оготъ. Кольцо лежало въ немъ, завернутое въ папиросную бумагу.

Оле Генриксенъ прочиталъ письмо, почти не понимая его. Только руки его начали дрожать и глаза широко раскрылись. Снъ подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ и сталъ снова перечитывать письмо; оно было совершенно просто и ясно, онъ не могъ вычитать изъ него ничего другого, кромъ того, что въ немъ стояло: она возвращала ему его "свободу". И тутъ же, завернутое въ папиросную бумагу, лежало кольцо. Да, сомнънія больше не могло быть въ значеніи этого яснаго и опредъленнаго письма.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Оле Генриксенъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; письмо лежало на конторкѣ, онъ ходилъ, заложивъ руки за спину, бралъ снова письмо, перечитывалъ его и клалъ обратно. Онъ былъ "свободенъ".

Онъ не долженъ думать, что она его не любитъ, писала она, она думаетъ о немъ столько же, сколько и раньше, теперь даже больше, безчетное число разъ въ день она проситъ у него прощенія. Но что изъ того, что она столько о немъ думаетъ, писала она дальше, она больше не можетъ принадлежать ему, какъ должна была бы, до того дошло. Но она сдалась не сразу и не безъ борьбы; видитъ Богъ, она такъ любила его и не хотъла принадлежать никому другому, кромъ него. Но теперь она зашла слишкомъ далеко, и она проситъ его только объ одномъ, чтобы онъ судилъ ее снисходительно, хотя она этого и не заслужила, и чтобы онъ не горевалъ о ней.

Письмо было помѣчено дважды, въ началѣ и въ концѣ, она этого не замѣтила. Оно было написано ея крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ и имѣло трогательно-безпомощный видъ; въ двухъ мѣстахъ въ немъ были помарки.

Да, онъ понялъ его правильно; къ тому же въдь и кольцо лежало тутъ же! И въ самомъ дълъ, что онъ такое представлялъ собой? Онъ не былъ какимъ-нибудь выдающимся человъкомъ, извѣстнымъ всей странъ, или геніемъ, котораго можно любить до безумія; онъ былъ простой труженикъ въ своей области, лавочникъ и больше ничего. Онъ не долженъ былъ воображать, что ему удастся спокойно удержать за собою сердце Оготъ; теперь ясно, какъ онъ ошибался. Да, онъ добросовъстно велъ свое дъло, работалъ съ утра и до вечера; но, Боже мой, въдь не могло же это привязать къ нему женское сердце, противъ этого ничего нельзя сказать. Да, да, теперь ему ясно, почему онъ не получалъ отвъта на свои телеграммы. Въ сущности, онъ долженъ былъ бы сразу догадаться, въ чемъ дѣло, но ему не приходило въ голову... Она зашла слишкомъ далеко, она даетъ ему отставку и любитъ другого. Да, да, противъ этого ничего нельзя сказать. Разъ, что она любитъ другого, то... Это, должно быть, Иргенсъ овладълъ таки ею. Да, Тидемандъ былъ все таки правъ, катанья на острова и прогулки пъшкомъ были опасны, у Тидеманда былъ опытъ въ этомъ отношеніи. Ну, что жъ, теперь поздно думать объ этомъ. Да кромъ того, любовь, очевидно, была не особенно сильна, если она не могла выдержать такого испытанія, какъ катанье на острова...

Но вдругъ бѣднягой овладѣваетъ гнѣвъ, онъ начинаетъ ходить по комнатѣ все быстрѣе и взволнованнѣе, и лобъ его покрывается краской. Она зашла слишкомъ далеко! о, да, вотъ награда за всю его нѣжность! Онъ преклонялъ колѣни передъ этой дѣвченкой, которая такъ мало была достойна этого, а ея жалкому любовнику онъ въ теченіе двухъ лѣтъ давалъ себя обкрадывать деньгами и товаромъ. Онъ можетъ это доказать по книгамъ, вотъ, взгляните, взгляните сюда, и вы увидите, какъ элегантный другъ Оготъ нуждался то въ десяти, то въ пятидесяти кронахъ. А онъ—Оле Генриксенъ—еще однажды побоялся, чтобы ей какъ-нибудь не попался на глаза счетъ господина поэта,

и онъ убралъ книгу совершенно, изъ деликатности къ великому человъку. Да, славную компанію составляютъ эти двое, они стоятъ другъ друга, и теперь онъ можетъ воспъть свою любовь въ своихъ стихотвореніяхъ, въдь это такая необыкновенно подходящая тема. Хе-хе, онъ не долженъ слишкомъ горевать о ней, нътъ, этого онъ ни въ какомъ случав не долженъ, потому что этого она не могла бы перенести, это лишило бы ее сна. Скажите, пожалуйста! Но кто говоритъ, что онъ будетъ горевать о ней? Она ошибается, онъ преклонялъ передъ нею колѣни, но онъ не цъловалъ ея ногъ, нътъ, нътъ, онъ даже въ сущности и не преклонялъ передъ нею колънъ. О, нътъ, въ постель онъ не сляжетъ отъ горя, она можетъ быть совершенно спокойна, ей нечего изъза этого проливать слезы. Она порвала съ нимъ, она отослала ему обратно кольцо! Ну, и что изъ этого? Но зачѣмъ она повезлю съ собою кольцо въ Торахусъ? отчего она не оставила его у него на письменномъ столѣ? ей бы не пришлось тратиться на пересылку! Прощай! прощай! Пожалуйста, не стоитъ безпокоиться. Ступай къ чорту вмъстъ со своимъ франтоватымъ обманщикомъ и больше я никогда не хочу о васъ слышать...

Онъ гнѣвно сжималъ руки и ходилъ по конторѣ большими, взволнованными шагами. Ну, онъ отплатитъ ей тѣмъ же, онъ, конечно, швырнетъ ей въ лицо свое собственное кольцо и положитъ конецъ всей этой комедіи. Онъ остановился у конторки, снялъ съ руки кольцо, завернулъ его и вложилъ въ конвертъ. Затѣмъ онъ написалъ адресъ крупными, грубыми штрихами; рука его сильно дрожала. Раздался стукъ въ дверь; онъ швырнулъ письмо въ ящикъ стола и повернулъ ключъ въ замкъ.

Это былъ одинъ изъ его служащихъ; онъ пришелъ напомнить, что уже очень поздно; не закрыть-ли контору?

Да, можно запереть. Впрочемъ, онъ самъ тоже уже готовъ и уходитъ. Занесите ключъ наверхъ!

И онъ вышелъ.

Никто не долженъ имѣть поводъ сказать про него, что этотъ гнусный обманъ его сразилъ; онъ покажетъ людямъ, что онъ сохранилъ все свое самообладаніе. Онъ пойдетъ въ Grand и отпразднуетъ свое возвращеніе домой простой кружкой пива. Хе-хе, это будетъ великолѣпно! О, ему и въ голову не приходитъ прятаться отъ людей. Вотъ у него въ ящикѣ стола лежитъ револьверъ, но развѣ онъ намѣренъ пустить его въ ходъ? Развѣ у него мелькнула хотя бы отдаленная мысль объ этомъ? Отнюдъ нѣтъ, нисколько, ему только на одно мгновеніе пришло въ голову, что онъ, можетъ быть, лежитъ тамъ и ржавѣетъ. Нѣтъ, слава Богу, настолько жизнь еще ему не надоѣла...

И Оле Генриксенъ отправился въ Grand.

Онъ сълъ у самыхъ дверей и потребовалъ себъ кружку пива. Немного спустя кто-то хлопнулъ его по плечу; онъ поднялъ голову, передъ нимъ стоялъ Мильде.

— Ты тутъ усълся, старина, безъ дальнихъ словъ?—воскликнулъ Мильде.—Съ пріъздомъ! Перейдемъ къ окну, тамъ насъ нъсколько человъкъ.

И Оле Генриксенъ перешелъ къ окну. Тамъ сидъли Эйенъ, Норемъ и Грегерсенъ, передъ каждымъ стоялъ стаканъ, полунаполненный виномъ. Эйенъ вскочилъ и сказалъ радостно:

— Съ прівздомъ, дорогой Оле! Какъ пріятно снова видѣть тебя, я соскучился по тебѣ. Я, впрочемъ, завтра зайду къ тебѣ, чтобы поздороваться съ тобой, какъ слѣдуетъ; мнѣ надо кой о чемъ поговорить съ тобой.

Грегерсенъ равнодушно протянуль палецъ. Оле взяль его, сълъ и, кликнувъ кельнера, велълъ ему перенести сюда свою кружку пива.

- Какъ, ты пьешь пиво? спросилъ Мильде удивленно.— Нътъ, знаешь-ли, въ такую минуту не полагается пить пиво. Павай пить вино.
- Да вы пейте, что хотите, съ меня достаточно этой кружки пива.

Въ эту самую минуту показался и Иргенсъ, и Мильде крикнулъ ему:

— Оле пьетъ пиво, но вѣдь мы же не станемъ пить пиво? Что ты скажешь на это?

Иргенсъ нисколько не смутился, очутившись лицомъ къ лицу съ Оле, онъ кивнулъ ему головой и пробормоталъ что-то въ родъ привътствія. Затъмъ онъ тоже сълъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Оле посмотрълъ на него и замътилъ, что манжеты на немъ были не первой чистоты; да и весь его костюмъ былъ не первой свъжести.

Мильде повторилъ свой вопросъ, не потребовать-ли имъ еще немного вина? Оле непремънно хочется пива, но, видитъ Богъ, совершенно невозможно пить теперь пиво, особенно въ виду двойного торжества.

- Двойного торжества?—спросилъ Грегерсенъ.
- Да, двойного торжества. Ибо, во-первыхъ, Оле вернулся домой, а это въ настоящую минуту для насъ самое важное, я прямо говорю. А затъмъ меня сегодня выселили изъ моей мастерской, а въдь это тоже событе не маловажнаго значенія. Можете вы себъ представить, хозяйка явилась и пожелала получить деньги! Деньги? говорю я. Ну, и пошло. Но кончилось тъмъ, что она отказала мнъ отъ квартиры, давъ притомъ самый короткій срокъ, два часа. Хе-хе, я никогда еще не слыхалъ о такомъ срокъ. Она, правда, предупредила меня еще мъсяцъ тому назадъ, но все-таки. Впрочемъ, мнъ таки пришлось оставить ей нъсколько разрисованныхъ полотенъ... Но во всякомъ случаъ, я думаю, что слъдуетъ выпить еще вина. Въдь Оле не такой человъкъ, чтобы считать, что мы пьемъ.
- --- Но, голубчикъ, какое мнѣ до этого дѣло? -- сказалъ Оле Генриксенъ.

Но Иргенсъ уже схватилъ со стола пустую бутылку, подозрительно осмотрълъ этикетку и сказалъ:

— Что это такое? Нътъ, знаете ли, ужъ если вино, такъ во всякомъ случаъ такое, которое можно пить.

И вино принесли.

Иргенсъ былъ, впрочемъ, въ довольно хорошемъ настроеніи; онъ успѣшно работалъ сегодня, сказалъ онъ, написалъ стихотвореніе, нѣсколько строфъ, изъ которыхъ радость буквально такъ и брызжетъ, словно слышишь смѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ; но это просто исключеніе, потому что вообще-то его произведенія въ настоящее время отнюдь не проникнуты, да и не должны быть проникнуты радостью.

Его кный коллега Эйенъ тоже былъ не особенно угнетенъ. Конечно, богатствами онъ не обладаетъ, этого нельзя сказать; но онъ довольствуется малымъ, да и добрые люди помогаютъ ему, было бы гръшно отрицать это. Но какъ разъ сегодня есть еще особое обстоятельство, которое доставляетъ ему нъкоторую радость: онъ получилъ письмо отъ одного датскаго собирателя автографовъ, который проситъ его прислать ему его подпись. Это, можетъ быть, и мелочь, но во всякомъ случаъ свидътельствуетъ о томъ. что свътъ все-таки не совсъмъ тебя забываетъ. Говоря это, Эйенъ обводилъ глазами всъхъ присутствующихъ, съ самымъ открытымъ и чистосердечнымъ выраженіемъ лица.

Молодые люди усердно чокались другъ съ другомъ; разставаясь, всѣ были въ хорошемъ настроеніи. Иргенсъ ушелъ первый, за нимъ всталъ Эйенъ, простился и тоже ушелъ. Оле Генриксенъ продолжалъ сидѣть, пока не ушли всѣ; только Норемъ еще оставался на своемъ мѣстѣ, но онъ, по обыкновенію, заснулъ.

Оле все время сидълъ, прислушиваясь къ разговорамъ, и лишь отъ времени до времени вставлялъ какое-нибудь замъчаніе. Онъ сидълъ молчаливый и усталый; возбужденіе его улеглось, чувство горечи и отвращенія охватило его и сдълало его равнодушнымъ ко всему. Вотъ онъ сидитъ въ ресторанъ, среди полупьяныхъ людей; тутъ же, рядомъ съ нимъ сидитъ Иргенсъ и, можетъ быть, внутренно торжествуетъ свою побъду надъ нимъ, а онъ

между тѣмъ продолжаетъ все-таки сидѣть и не уходитъ. Нѣтъ, онъ не уходитъ. Не все-ли равно, гдѣ онъ проведетъ этотъ часъ или два?

Наконецъ, онъ заплатилъ за свое пиво и поднялся.

Кельнеръ остановилъ его.

- Виноватъ, сказалъ кельнеръ, но за вино...
- Вино?—спросилъ Оле Генриксенъ.—Я выпилъ двѣ кружки пива.
  - Да, но за вино не заплачено.
- Ахъ, вотъ какъ, эти господа не заплатили за свое вино? Гнъвъ снова вспыхнулъ въ немъ, съ языка у него готово было сорваться замъчаніе, что стоитъ только послать этотъ счетъ за вино въ Торахусъ, и онъ сейчасъ же будетъ погашенъ. Но онъ этого не сказалъ: онъ только замътилъ:
- Я, въ сущности, не пилъ вина, но все равно, я могу за него заплатить.

И онъ сталъ доставать кошелекъ изъ кармана.

Тутъ кельнеръ разговорился и началъ распространяться о различнаго рода посътителяхъ. Бываютъ такіе посътители, съ которыхъ нельзя спускать глазъ, иначе они улизнутъ, не заплативъ. Конечно, это къ данному случаю не относится, о, ничего подобнаго, такъ его слова не надо понимать. Поэты и художники это народъ честный до кончика ногтей, особенно поэты, о, относительно нихъ можно быть спокойнымъ. Онъ знаетъ ихъ, онъ ихъ изучалъ и научился прислуживать имъ такъ, чтобы они оставались довольны. Это люди, изъ которыхъ каждый имъетъ свои особенности, это надо имъть въ виду, когда служишь кельнеромъ; мы привыкли къ тому, что они иногда забываютъ уплатить, у нихъ голова переполнена другими вещами, они сочиняютъ, и имъ приходится столько думать. Но ужъ всегда находится кто-нибудь, кто улаживаетъ это за нихъ и дълаетъ это даже съ радостью; достаточно только сказать слово...

Оле расплатился и вышелъ.

Что ему, впрочемъ, теперь дѣлать дома? Лечь въ постель и заснуть? Да, если бы онъ это могъ! На пароходѣ онъ спалъ плохо, да и только что вернулся съ дороги, но онъ все-таки постарается не ложиться какъ можно дольше. Вѣдь все равно онъ навѣрное не уснетъ. Онъ выбиралъ самыя темныя улицы, гдѣ было меньше людей; онъ шелъ по направленію къ дому, но потомъ круто повернулъ и пошелъ по дорогѣ къ крѣпости.

Совершенно неожиданно онъ наткнулся у крѣпостного вала на Тидеманда. Тидемандъ былъ одинъ, онъ стоялъ неподвижно передъ темными воротами какого-то дома и смотрѣлъ наверхъ, на окна. Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

Оле подошелъ къ нему; они взглянули другъ на друга съ удивленіемъ.

- Я хотълъ сдълать прогулку, маленькую прогулку и случайно попалъ сюда, —заговорилъ Тидемандъ въ величайшемъ смущеніи, даже не поздоровавшись.
- Но, слава Богу, это ты, Оле, ты вернулся? Съ прівздомъ! Пойдемъ, уйдемъ отсюда.

Они пошли. Тидемандъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. Вотъ такъ штука! Онъ ничего не зналъ о возвращеніи Оле. Дома все, впрочемъ, въ порядкъ, онъ аккуратно заходилъ къ старику, какъ и объщалъ. Въ дълъ все шло, какъ слъдуетъ.

- Да, твоя невъста уъхала, сказалъ онъ, я провожалъ ее на вокзалъ. Я долженъ тебъ сказать, Оле, у тебя очаровательная невъста. Она стояла въ вагонъ взволнованная оттого, что уъзжала, и, прощаясь со мной, смотръла на меня совершенно влажными глазами. Ты въдь знаешь, какая она. А когда поъздъ тронулся, она вынула носовой платокъ и начала мнъ махать. Да. Она стояла и махала мнъ платкомъ только потому, что я проводилъ ее на поъздъ. И все это у нея выходило такъ очаровательно, ты долженъ былъ бы видъть ее.
- Она больше не моя невъста, проговорилъ Оле глухимъ голосомъ.

Оле пошелъ къ себѣ въ контору. Былъ поздній часъ ночи. Онъ долго шелъ по улицамъ съ Тидемандомъ и разсказалъ ему все. Теперь ему оставалось только написать письмо родителямъ Оготъ, почтительное и гордое, безъ какихъ бы то ни было упрековъ. Это былъ его послѣдній долгъ.

Покончивъ съ этимъ, онъ еще разъ прочиталъ письмо Оготъ. Онъ котѣлъ было вначалѣ разорвать его и сжечь, но удержался и положилъ его передъ собою на конторку. Это было все же письмо отъ нея, послѣднее ея письмо. Она сидѣла и писала ему это письмо и думала въ это время о немъ. Она держала свои маленькія ручки на бумагѣ; и вотъ тутъ чернила загустѣли на перѣ, она обтерла его и снова обмакнула и продолжала писать. Письмо было къ нему и ни къ кому другому; она, можетъ быть писала его ночью, когда всѣ уже спали.

Онъ снова вынулъ кольцо изъ папиросной бумаги, въ которую оно было завернуто, и долго смотрълъ на него раньше, чъмъ положилъ обратно. Онъ жалълъ теперь о томъ, что потерялъ раньше свое равновъсіе и отдался чувству гнъва, онъ хотълъ бы взять обратно каждое слово. Прощай, Оготъ!

И послѣднее письмо Оготъ онъ спряталъ вмѣстѣ съ остальными.

VI.

Оле снова принялся за дѣла; онъ отдавался имъ теперь еще ревностнѣе, чѣмъ когда-либо, и проводилъ въ конторѣ почти все свое время, даже когда работа, въ сущности, была уже кончена. Для чего онъ это дѣлалъ? Онъ похудѣлъ, онъ слишкомъ много работалъ и давалъ себѣ слишкомъ мало отдыха; взглядъ у него сдѣлался отсутствующій и неподвижный. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ не выходилъ изъ амбара и конторы. Не надо же давать людямъ основаніе говорить, что онъ упалъ духомъ и совершенно повѣсилъ голову только потому, что его помолвка раз-

строилась. Онъ заботился о своихъ дѣлахъ, какъ и прежде, и дѣла шли хорошо.

Онъ худълъ, выглядълъ плохо, да, совершенно върно. Это было только отъ работы, ни отъ чего другого, какъ отъ работы, онъ, можетъ быть, слишкомъ ужъ много работалъ. Въдь ни одной живой душт не могло же придти въ голову, чтобы тутъ могла быть какая-нибудь другая причина? За его отсутствие столько накопилось дълъ, онъ объяснилъ это все Тидеманду, къ его возвращению изъ Англіи его ждало невъроятно много дъла. Впрочемъ, съ самымъ главнымъ онъ успълъ уже справиться, теперь онъ можетъ работать спокойнъе, и онъ начнетъ также и выходить понемногу, чтобы посмотръть, что есть интереснаго, развлечься.

Онъ ходилъ вмѣстѣ съ Тидемандомъ въ театры и въ Тиволи; часто они дѣлали по вечерамъ большія прогулки, во время которыхъ обсуждали всѣ детали устройства кожевеннаго завода въ Торахусѣ и рѣшили къ веснѣ начать строить. Тутъ же рядомъ, подъ той же крышей, будетъ устроена и смоловарня. Это предпріятіе сильно занимало обоихъ, особенную же ревность проявлялъ Оле. Онъ съ такимъ увлеченіемъ принималъ участіе въ кипѣвшей вокругъ жизни, что никому не могло придти въ голову, что онъ носитъ въ себѣ какое-нибудь горе; объ Оготъ онъ никогда не говорилъ, никогда не упоминалъ ея имени, она для него умерла и больше не существовала.

Но онъ оставался попрежнему худымъ, съ такими же ввалившимися глазами. Въ концъ концовъ онъ сталъ все сваливать на свое путешествіе, оно, дъйствительно, утомило его, онъ простудился въ дорогъ. Но онъ чувствуетъ, что теперь скоро поправится, все это пройдетъ, это только вопросъ времени.

У Тидеманда тоже жизнь наладилась сравнительно недурно. Онъ, наконецъ, взялъ снова свою прежнюю кухарку и теперь объдалъ дома; этого онъ не имълъ уже цълыхъ два года. Первое время онъ не могъ отдълаться отъ впечатлънія пустоты; столо-

вая была большая, и не всё мёста были въ ней заняты, какъ раньше. Но дёти наполняли весь домъ своимъ здоровымъ шумомъ, онъ по временамъ слышалъ ихъ внизу, въ конторѣ, своихъ веселыхъ рёзвушекъ. Онѣ иногда даже мѣшали ему, бывали такія счастливыя минуты, когда онѣ отрывали его отъ работы. Когда ихъ радостныя восклицанія и смѣхъ проникали къ нему или онъ слышалъ наверху, въ передней, топотъ ихъ маленькихъ ножекъ, онъ клалъ перо и отправлялся наверхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова возвращался внизъ и съ новой энергіей углублялся въ свои книги и бумаги, какъ пылкій юноша... Да, Тидеманду жилось хорошо, онъ не могъ пожаловаться ни на что. Все въ его жизни начало принимать лучшій оборотъ...

— Знаешь-ли, что, — сказалъ Оле, — я думаю, что въ Англіи можно найти сбыть для норвежскаго сыра. Когда я былъ тамъ, я говорилъ съ различными торговыми фирмами, имъ нуженъ бълый сыръ, козій сыръ; темнаго сыра они не признаютъ. Что намъ, впрочемъ, мѣшаетъ готовить такъ называемый нормандскій сыръ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ничего другого, кромѣ творога и сметаны. Дѣло только въ способѣ приготовленія.

Этотъ заваленный работой человъкъ думалъ еще о томъ, что Англія могла послужить рынкомъ для сбыта норвежскаго сыра. Лихорадочно, съ слегка дъланной живостью, онъ сталъ развивать свой планъ о разведеніи козъ—стада въ пять тысячъ головъ—на какомъ-нибудь горномъ пастбищъ въ Вальдресъ, объ устройствъ фермы по швейцарскому образцу, объ изготовленіи огромныхъ партій сыра и широкомъ сбыть. Глаза его все время были устремлены куда-то въ пространство.

— Да, но транспортъ, — замътилъ Тидемандъ; — прежде всего надо подумать о транспортъ съ горъ внизъ...

Оле прервалъ его:

— Совершенно вѣрно, транспортъ. Но вѣдь не можетъ же это служить препятствіемъ на вѣчныя времена, вѣдь появятся же когда-нибудь желѣзныя дороги. Кромѣ того можно провести

отъ горы къ горъ кабель съ достаточнымъ провъсомъ, чтобы до него легко можно было добраться съ какой-нибудь станціи въ долинъ. По такому кабелю можно было бы перевозить все, что угодно. Грузъ двигался бы по кабелю на резиновыхъ колесахъ и движеніе регулировалось бы со станціи при помощи канатовъ и блоковъ. Да, онъ уже думалъ объ этомъ, это вовсе не такъ невозможно. А разъ товаръ будетъ доставленъ внизъ, дальнъйшій транспортъ уже не будетъ представлять никакихъ затрудненій.

Тидемандъ слушалъ своего друга, не сводя съ него глазъ. Онъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ и, казалось, былъ всецьло поглощенъ одной этой мыслью. Но минуту спустя онъ спросилъ Тидеманда, какъ поживаютъ его дѣти, хотя незадолго до того Тидемандъ разсказывалъ ему о нихъ. Оле Генриксенъ, всегда отличавшійся своею ровностью и благоразуміемъ, теперь до нѣкоторой степени потерялъ свое спокойствіе.

Разговоръ зашелъ объ общихъ знакомыхъ, о прежней компаніи. Гранде, разсказывалъ Тидемандъ, сдѣланъ членомъ комиссіи по разработкѣ закона объ избирательномъ правѣ; это явилось неожиданностью даже для него самого. Онъ говорилъ Тидеманду, что эта комиссія знаменуетъ собою хорошее начало для дальнѣйшаго, это прекрасное, либеральное движеніе. Можетъ быть, что уже въ слѣдующій разъ окажется возможнымъ провести всеобщее избирательное право, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. О Мильде адвокатъ разсказалъ ему, что этотъ счастливчикъ получилъ заказъ на огромную работу—иллюстрировать каррикатурами Вельгавенскія Сумерки Норвегіи. О, Мильде навѣрное удастся сдѣлать замѣчательныя вещи, это какъ нельзя болѣе подходящій человѣкъ для такой работы.

Оле слушалъ его разсѣянно. Объ Иргенсѣ не было упомянуто...

По пути домой Тидемандъ случайно зашелъ въ одинъ розничный магазинъ, въ который онъ поставлялъ товаръ. Это было совершенно случайно. Онъ вошелъ въ магазинъ и прямо напра-

вился къ прилавку, обращаясь съ громкимъ привътствіемъ къ стоявшему у кассы хозяину. Въ это самое мгновеніе онъ увидалъ у прилавка свою жену; передъ нею лежало нъсколько мелкихъ свертковъ.

Тидемандъ не видълъ ея съ того самаго вечера, когда она подъ дождемъ стояла у дверей его конторы. Однажды онъ по счастливой случайности увидалъ въ окнѣ золотыхъ дѣлъ мастера ея кольцо; онъ сейчасъ же выкупилъ и отослалъ его ей. Она поблагодарила его короткой записочкой: ей это кольцо совершенно не нужно было, но теперь, конечно, другое дѣло, она его больше не станетъ продавать.

Она стояла у прилавка въ черномъ платъъ; оно было слегка поношено и имъло не особенно хорошій видъ, и въ головъ у него, какъ молнія, мелькнула мысль, что у нея, можетъ быть, недостаточно денегъ, и она испытываетъ нужду. Почему она ходить въ такихъ старыхъ платьяхъ? Въдь не вынуждена же она экономить на этомъ, онъ посылалъ ей все больше и больше денегъ, слава Богу, средства ему позволяли. Въ началъ, когда дъла его еще были плохи, онъ посылалъ ей не особенно большія суммы, это правда; его самого это не мало огорчало, и онъ всякій разъ, посылая деньги, письменно извинялся передъ нею. Это была лишь разсвянность съ его стороны, писалъ онъ, въ теченіе недъли ей будутъ посланы еще деньги, это простая забывчивость, онъ не позаботился во время приготовить деньги. И она благодарила въ коротенькой запискъ и всякій разъ писала, что у нея слишкомъ много денегъ, куда ей дѣвать такую кучу денегъ? У нея лежитъ большой запасъ, онъ можетъ ей повърить.

Но почему же она въ такомъ случаѣ ходитъ въ такихъ старыхъ платьяхъ?

Она обернулась, она узнала его голосъ, когда онъ здоровался съ хозяиномъ. Въ теченіе секунды они смотрѣли другъ на друга. Онъ смутился и съ улыбкой поклонился и ей, какъ и хозяину, и она, мгновенно покраснѣвъ, отвѣтила на этотъ поклонъ.

— Спасибо, этого достаточно, — сказала она тихо прикащику; — остальное я возьму въ другой разъ.

Она поспъшно уплатила и собрала свои покупки. Тидемандъ слъдилъ за нею взглядомъ. Она направилась къ двери, опустивъ голову и почти пристыженно глядя въ землю.

VII.

Дни шли за днями; городъ былъ спокоенъ, все было спокойно. Иргенсъ попрежнему возбуждалъ восхищение и обращалъ на себя всеобщее внимание. Одно время у него былъ нъсколько подавленный видъ. Его денежныя дъла угнетали его, онъ ничего не зарабатывалъ и никто ему ничего не давалъ. Приближалась осень и зима, виды его на будущее были не особенно блестящи, онъ даже былъ вынужденъ надъть снова два изъ своихъ прошлогоднихъ костюмовъ.

Въ одинъ прекрасный день онъ поразилъ своихъ знакомыхъ, появившись въ часъ прогулки обновленный съ головы до ногъ, въ элегантномъ осеннемъ костюмъ, въ свътло-желтыхъ перчаткахъ и съ деньгами въ карманъ, - прежній изящный, неподражаемый Иргенсъ. Публика съ восхищеніемъ таращила на него глаза: чортъ побери, этотъ человъкъ зативнаетъ всъхъ! Какая золотая руда открылась вдругъ предъ нимъ? О, у него необыкновенная голова на плечахъ, это талантъ, онъ превосходитъ всъхъ! Правда, хозяйка отказала ему отъ квартиры на Транесвей № 5, наконецъ, она ему таки отказала; но что-жъ такого? Онъ нанялъ двѣ комнаты въ аристократическомъ кварталѣ, съ окнами на улицу, съ видомъ на городъ, прекрасныя комнаты, съ мебелью, обитой свиной кожей. Онъ не могъ дольше выдержать въ своей прежней конуръ, съ полопавшимися половицами и жалкимъ входомъ, всѣ его лучшія настроенія улетучивались въ той обстановкъ, онъ страдалъ отъ нея; если хочешь создать что-нибудь, надо прежде всего по возможности избавить себя отъ всякаго гнета. Теперь онъ устроился сносно. На прошлой недълъ и фрекенъ Люнумъ вернулась въ городъ, гдѣ она разсчитывала пробыть нѣкоторое время; это она была причиной того, что онъ теперь сіялъ и чувствовалъ себя совершенно новымъ человѣкомъ. Все вокругъ стало какъ будто ярче и свѣтлѣе съ тѣхъ поръ, какъ Оготъ вернулась!

У нихъ было рѣшено, что они поженятся весной, въ разсчетѣ на слѣдующую стипендію. Вѣдь долженъ же онъ, наконецъ, получить эту несчастную стипендію, особенно, когда онъ обзаведется семьей и выпустить въ свѣтъ новый сборникъ стихотвореній. Безусловно никто не нуждается въ этой спипендіи больше его, и вѣдь не дадутъ-же ему помереть съ голоду! И Иргенсъ рѣшительно вступилъ въ сношенія съ адвокатомъ Гранде, который лично ходилъ къ министру по поводу стипендіи будущаго года. Иргенсъ не хотѣлъ самъ обращаться къ министру, ему было прямо противно самому хлопотать за себя передъ сильными міра сего; но Гранде могъ бы это сдѣлать, если бы захотѣлъ.

— Ты знаешь, какъ обстоятъ мои дѣла, — сказалъ онъ адвокату, — я не богатъ, и если бы ты захотѣлъ поговорить съ министромъ, я былъ бы тебѣ очень благодаренъ. Но $\mathfrak A$ самъ не шевельну пальцемъ, къ этому я не могу себя принудить.

Правда, адвокатъ Гранде былъ человъкъ, котораго Иргенсъ въ душъ презиралъ; но нечего было дълать, онъ, какъ никакъ, начиналъ пріобрътать значеніе, этотъ адвокатъ; вотъ его назначили членомъ королевской комиссіи, и "Въдомости" даже интервьюировали его. Да, этотъ человъкъ былъ теперь не лишенъ значенія, что, впрочемъ, сказывалось уже даже въ его походкъ и во всей его манеръ держать себя. Теперь Гранде уже не останавливался на улицъ съ первымъ встръчнымъ...

Когда Тидемандъ разсказалъ Оле Генриксену, что встрѣтилъ утромъ Оготъ на улицѣ, на Оле это отозвалось, точно неожиданный ударъ. Но онъ сейчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ, улыбаясь:

— Но, голубчикъ, какое мнъ дъло до этого? Пусть ее будетъ

здѣсь, сколько угодно, я ровно ничего противъ нея не имѣю. У меня есть о чемъ думать и безъ нея.

Онъ заставилъ себя вернуться къ ихъ прежнему разговору— о новой партіи дегтя, на которую Тидемандъ получилъ заказъ— и нѣсколько разъ повторилъ:

— Застрахуй, какъ слѣдуетъ, ради Бога, только застрахуй, какъ слѣдуетъ, это никогда не можетъ повредить!

Въ немъ чувствовалась какая-то нервность, но, впрочемъ, онъ скоро снова успокоился.

Они выпили по стакану вина, какъ въ былые дни, и оба пришли въ мягкое, счастливое настроеніе; часа два прошло незамѣтно въ пріятной бесѣдѣ, и когда Тидемандъ сталъ собираться домой, Оле сказалъ ему съ чувствомъ глубокой благодарности:

— Какъ это мило съ твоей стороны, что ты заглянулъ ко мнѣ. А между тѣмъ вѣдь у тебя достаточно дѣла и безъ того... Послушай, — продолжалъ онъ, — сегодня вечеромъ послѣдній оперный спектакль, пойдемъ въ оперу, я очень прошу тебя объ этомъ.

Этотъ серьезный человѣкъ съ ввалившимися глазами имѣлъ при этомъ такой видъ, словно ему ничего на свѣтѣ такъ не хотѣлось, какъ пойти въ оперу. Онъ замѣтилъ даже, что уже нѣсколько дней думалъ объ этомъ.

Они сговорились пойти. Оле взялъ на себя позаботиться о билетахъ.

Какъ только Тидемандъ вышелъ изъ конторы, Оле сейчасъ же протелефонировалъ въ кассу театра и заказалъ для себя три мѣста рядомъ, 11, 12 и 13 номера. Номеръ двѣнадцатый онъ хотѣлъ самъ снести фру Ганкѣ, жившей у крѣпостного вала; то-то она обрадуется билету въ оперу, въ прежнія времена никто усерднѣе ея не посѣщалъ оперы. Онъ радостно потиралъ себѣ руки, выходя изъ дому. Номеръ двѣнадцатый, она получитъ номеръ двѣнадцатый и будетъ сидѣть посерединѣ. Себѣ онъ оставитъ

номеръ тринадцатый, это самый подходящій для него, этакой несчастливый номеръ...

Онъ шелъ все быстрѣе и быстрѣе, гонимый нетерпѣніемъ, и забылъ на время свои собственныя печали. О немъ нечего больше говорить, онъ справился со своимъ горемъ, совершенно справился и вышелъ изъ этого кризиса вполнѣ благополучно, онъ это докажетъ всему свѣту. Въ сущности, развѣ на него особенно подѣйствовало извѣстіе о томъ, что Оготъ снова въ городѣ? Нисколько; онъ выслушалъ его какъ ни въ чемъ не бывало. О, еще все войдетъ въ прежнюю колею, все наладится.

И Оле шелъ дальше. Онъ хорошо зналъ адресъ фру Ганки, онъ не разъ въ теченіе осени провожалъ ее до ея дверей, когда она украдкой приходила къ нему, чтобы справиться о дѣтяхъ. Кромѣ того, онъ встрѣтилъ Тидеманда передъ ея окнами въ тотъ вечеръ, когда вернулся изъ Англіи. Какъ они оба постоянно думаютъ другъ о другѣ! У нихъ совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ у него, онъ съ этимъ совершенно покончилъ и больше и не думаетъ объ этомъ...

Но придя къ фру Ганкъ, онъ узналъ, что она заперла свою комнату и уъхала изъ города, уъхала на дачу. Она вернется не раньше завтрашняго дня.

Оле не сразу понялъ. На дачу? На какую дачу?

Ахъ, да, правда, на дачу Тидеманда, само собою разумъется. А онъ тутъ стоитъ, какъ дуракъ. Такъ вотъ что, значитъ, она уъхала на дачу?.. Оле взглянулъ на часы. Нътъ, сегодня фру Ганкъ не успъть вернуться въ городъ, слишкомъ поздно. Кромъ того, какой бы онъ могъ придумать для нея предлогъ, чтобы заставить ее вернуться въ городъ сейчасъ же, не теряя ни минуты? Онъ хотълъ сдълать сюрпризъ обоимъ, ей и ея мужу. Теперь весь его планъ разстроился, разлетълся, какъ дымъ. Нътъ, какъ ему, однако, не везетъ даже тогда, когда онъ хочетъ сдълать что-нибудь хорошее для другихъ!

Оле пошелъ обратно.

На дачу! Какъ она кружитъ вокругъ старыхъ, милыхъ мѣстъ. Она больше не могла выдержать, она должна была снова увидать дачу, хотя листья уже опали съ деревьевъ и садъ стоитъ голый. Она возьметъ ключи у дворника и запрется въ комнатахъ. Дача! Тамъ и Оготъ должна была провести лѣто, если бы все это не кончилось такъ несчастливо. Ну, это другое дѣло, это сюда не относится... Фру Ганки, какъ бы то ни было, нѣтъ въ городъ, и она сегодня вечеромъ не можетъ быть въ оперѣ.

Оле почувствовалъ усталость и разочарованіе и въ томъ подавленномъ состояніи, въ какомъ онъ находился, ръшилъ все разсказать Тидеманду, открыть ему весь свой замыселъ; намъреніе у него во всякомъ случать было хорошее, ему жалко было ихъ обоихъ. И онъ отправился къ Тидеманду.

 Намъ придется однимъ пойти въ оперу, — сказалъ онъ. — У меня было еще третье мъсто, для твоей жены.

Тидемандъ измънился въ лицъ.

- Да?—произнесъ онъ только.
- Мит хоттось, чтобы и она была съ нами... Я, можетъ быть, долженъ былъ тебъ раньше сказать объ этомъ, но все равно... Оказывается, что фру Ганка утхала до завтрашняго дня.
  - Да?-повторилъ Тидемандъ, какъ раньше.
- Послушай, ты вѣдь не сердишься на меня за это? Если бы ты только зналъ, какъ... Твоя жена не разъ приходила ко мнѣ въ теченіе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ, чтобы справиться о тебѣ и о дѣтяхъ...
  - Да? ну, и прекрасно.
  - Что?
- Я говорю: и прекрасно. Для чего ты мнъ это разсказываещь?

При этихъ словахъ Оле весь вспыхнулъ. Приблизивъ свое возбужденное лицо къ лицу Тидеманда, онъ заговорилъ преры вающимся отъ гнъва голосомъ:

— Я одно тебъ скажу, чертъ тебя побери, что ты не пони

маешь своего собственнаго счастья. Ты идіотъ, ты сведешь ее въ могилу, этимъ дѣло кончится. И ты дѣлаешь все рѣшительно, чтобы и самому отправиться туда-же вследъ за ней; ты думаешь, я этого не вижу? "Прекрасно! прекрасно!" — конечно, это только "прекрасно", что она, какъ воръ, пробирается ко мнѣ поздно вечеромъ, когда на улицахъ темно, чтобы, задыхаясь, спросить с тебъ и о дътяхъ? Ты думаешь, я для собственнаго удовольствія въ теченіе всёхъ этихъ мёсяцевъ постоянно разспрашиваль и допытывался у тебя о твоемъ самочувствіи? Ради кого это все было, какъ не ради нея? Тебя самого, по мнѣ, хоть чортъ побери, понимаешь? Да. Ты ничего не видишь, ты не понимаешь, что она изводится изъ-за тебя. Я видълъ не разъ, какъ она ночью стояла здѣсь, у дверей твоей конторы, и шептала спокойной ночи тебъ и дътямъ. Она плакала, и посылала пальцами поцълуи Іоганнъ и Идъ, и подымалась на ступеньки, чтобы погладить ручку двери, къ которой ты прикасался, когда, уходя изъ конторы, запиралъ дверь. Она стояла и держалась за дверную ручку, какъ если бы это была живая человъческая рука. Это я видълъ много разъ изъ-за угла. Но ты и на это, конечно, только скажешь "прекрасно"; потому что ты сухой и упрямый человѣкъ, вотъ что ты такое!.. Впрочемъ, я вовсе не хочу сказать, что ты сухой и упрямый человъкъ, —прибавилъ Оле, обративъ, наконецъ, вниманіе на искаженное болью лицо Тидеманда и почувствовавъ раскаяніе. -- Но ты напрасно ждешь, что я попрошу у тебя извиненія. Потому что этого я не сдѣлаю. Ты ужасно упрямъ. Ганка жальеть о томъ, что было, и хочеть вернуться къ тебъ.

Пауза.

— Дай Богъ, чтобы это было вѣрно, что она хочетъ вернуться. То есть, я хотѣлъ сказать... Ты говоришь, вернуться? Но какъ? Развѣ ты знаешь, что было? Но я-то это знаю. Дѣти, думалъ я, ни въ чемъ, конечно, не должны нуждаться, а остальное будь, какъ будетъ. Но я ни одного дня не забывалъ о Ганкѣ, нѣтъ, я не забывалъ. Я думалъ, какъ ты, что въ одинъ

прекрасный день пойду къ Ганкъ и буду ее на колъняхъ просить вернуться, на колъняхъ умолять ее. Но развъ она могла бы вернуться, какъ бы она вернулась? Она сама сказала мнъ это... Тутъ нътъ ничего особенно дурного, но все таки... Ты не долженъ думать, что было что-нибудь особенно дурное, въдь этого ты не думаешь о Ганкъ?.. Да кромъ того, въдь совершенно неизвъстно, захочетъ ли она вернуться обратно; я не понимаю, съ чего ты это взялъ?

— Мнѣ не слѣдовало вмѣшиваться въ это, я это понимаю,— сказалъ Оле.—Но подумай объ этомъ все таки, Андреасъ, не забывай этого. И прости мнѣ все, что я наговорилъ, я беру это все обратно, это моя обязанность, потому что я этого не думалъ. Я въ послѣднее время сталъ такимъ вспыльчивымъ, я не понимаю отчего это. Но, какъ я уже сказалъ, подумай объ этомъ. А пока прощай. Ахъ, да, опера. Ты можешь быть готовъ черезъ часъ?

— Еще одно слово, — сказалъ Тидемандъ, — она, значитъ, спрашивала о дътяхъ? Вотъ видишь, вотъ видишь!

VIII.

Нѣсколько дней спустя Оле стоялъ въ своей маленькой конторъ рядомъ съ кладовой. Было три часа пополудни; былъ ясный, тихій день, и на пристани кипъла обычная работа.

Оле подошелъ къ окну и выглянулъ; огромное, нагруженное углемъ судно, медленно скользя, входило въ гавань; всюду виднълись суда, мачты и паруса; въ открытыя двери амбаровъ то вносились, то выносились товары. Вдругъ Оле вздрогнулъ: яхта Олотъ, маленькая увеселительная яхта исчезла. Онъ широко раскрылъ глаза; что это значитъ? Среди сотенъ мачтъ не видать было золоченной верхушки. Что за исторія!

Онъ схватилъ было шляпу, готовясь побъжать и узнать, въ чемъ дъло, но въ дверяхъ остановился. Онъ вернулся къ своему мъсту и, подперевъ голову руками, задумался. Въ сущности, въдь это уже не его яхта, она принадлежитъ ей, фрекенъ Люнумъ

она пріобрѣла ее самымъ формальнымъ образомъ, и бумаги всѣ находятся въ ея рукахъ. Она не отослала ему этихъ бумагъ обратно вмѣстѣ съ кольцомъ, она этого не сдѣлала, можетъ быть, забыла, какъ знать? Но, какъ бы то ни было, яхта принадлежитъ ей, и ему нѣтъ никакого дѣла до ея участи, ему все равно, гдѣ бы она ни находилась. Но что, если ее украли? Да, но это тоже его не касается.

Оле снова взялся за перо, но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ положилъ его обратно. Боже мой, здѣсь, на этомъ диванчикѣ, она сидѣла и вышивала крохотныя красныя подушечки для каюты! Она наклонялась надъ ними и шила такъ прилежно, что почти не подымала головы. И подушечки были такія очаровательно-крошечныя... Вотъ тамъ она сидѣла, онъ видитъ ее, какъ сейчасъ...

И Оле снова принялся писать.

Но вдругъ онъ раскрываетъ дверь въ кладовую и объявляетъ громкимъ голосомъ, что якта исчезла, якта *Оготъ*, ея нѣтъ. Слы-кано-ли что-нибудь подобное!

Одинъ изъ служащихъ разсказалъ, что якта еще утромъ была уведена двумя артельщиками изъ конторы нотаріуса, теперь она стоитъ со стороны крѣпости.

Изъ конторы нотаріуса? какого нотаріуса?

Этого служащій не зналъ.

Любопытство Оле было возбуждено. Яхта приналдежить не ему, это правда; но какія-же могуть быть у фрэкень Люнумъ дѣла съ нотаріусомъ? Туть навѣрное какое-нибудь недоразумѣніе. И Оле, не долго думая, отправляется прямо на крѣпостную набережную и тратить нѣсколько часовъ на разспросы и справки. Узнавъ въ концѣ концовъ имя нотаріуса, онъ отправился въ его контору.

Онъ засталъ тамъ человъка, приблизительно своего-же возраста, сидъвшаго за столомъ и писавшаго.

Оле поставиль нѣсколько осторожныхъ вопросовъ.

Да, это, дъйствительно, такъ, яхта продается, обращается въ деньги; онъ даже выдалъ уже за нее впередъ тысячу кронъ. Вотъ и бумаги, ихъ внесъ Иргенсъ, поэтъ Иргенсъ. Въдь господинъ коммерсантъ ничего не имъетъ противъ этого?

Нътъ, нътъ, конечно, ничего. Ровно ничего.

Нотаріусъ становился все вѣжливѣе и вѣжливѣе; онъ, конечно, зналъ обстоятельно все относительно этой яхты, но ничѣмъ не выдавалъ себя. Во что вы оцѣниваете это судно, господинъ коммерсантъ? Иргенсъ пришелъ къ нему съ просьбой устроить продажу яхты, онъ находится въ денежномъ затрудненіи и деньги нужны ему сейчасъ, немедленно; ну, конечно, для такого человѣка стараешься сдѣлать все, что возможно. Талантамъ вѣдь у насъ живется, къ сожалѣнію, не слишкомъ жирно. Но на всякій случай онъ повторяетъ еще разъ, что если господинъ коммерсантъ хоть что-нибудь имѣетъ противъ этой продажи, то онъ постарается какъ-нибудь устроить это дѣло, сдѣлаетъ все возможное, чтобы устроить его.

Но Оле Генриксенъ еще разъ замѣтилъ, что что же онъ можетъ собственно, имѣть противъ этого? Ему только интересно было знать... Яхта все время стояла передъ окнами его склада, и вдругъ она исчезла; ему и захотълось узнать, куда она дѣвалась. Онъ такимъ образомъ пришелъ изъ простого любопытства; прошу, впрочемъ, извинить за безпокойство.

Оле ушелъ.

Теперь онъ понимаетъ, какимъ образомъ Иргенсъ вдругъ обновился съ головы до ногъ и нашелъ возможность нанять себъ такія элегантныя комнаты въ самомъ аристократическомъ кварталѣ. Весь городъ говорилъ объ этомъ и удивлялся этому, никто не зналъ, откуда ему свалилась такая неожиданная помощь. Но что она могла пойти на это! подумалъ онъ. Неужели въ ней не заговорило чувство стыда передъ этой новой низостью? Впрочемъ, что въ этомъ собственно низкаго? Что ея, то и его, они любовно дълятъ все, противъ этого ничего нельзя

сказать. Богъ съ ней, пусть себъ поступаетъ такъ, какъ ей подсказываютъ ея чувства! Теперь она въ городъ, она хочетъ поучиться кой-чему въ ремесленной школъ, понятно, что ей пришло въ голову обратить въ деньги эту маленькую яхту. Можно-ли ее упрекнуть въ томъ, что она помогаетъ въ то же время своему жениху стать на ноги? Напротивъ, это служитъ ей къ чести... Но, въ концъ концовъ, она, можетъ быть, вовсе и не знаетъ что яхта продается, она, можетъ быть, и думать забыла и объ яхтъ, и о бумагахъ, и ей все равно, гдъ онъ находятся. Нельзя знать. И во всякомъ случаъ она, конечно, не стала бы продавать яхту только для того, чтобы раздобыть денегъ для себя самой, нътъ, нътъ, никогда, онъ ее знаетъ. Она хотъла помочь другому; вотъ она какова. А это въдь главное.

Онъ такъ ясно видълъ передъ собою Оготъ, ея свътлые волосы, ея носъ, ямочку на одной щекъ; седьмого декабря ей минетъ девятнадцать лътъ. Да, девятнадцать лътъ. Богъ съ ней, съ яхтой, это не имъетъ больше никакого значенія. Онъ предпочель бы, можетъ быть, спасти подушечки, но теперь поздно, онъ будутъ проданы.

Онъ вернулся въ контору, но совершенно не былъ въ состояніи работать и едва могъ сдълать самое необходимое; онъ поминутно останавливался, глаза его устремлялись неподвижно въ пространство, а мысли витали далеко отъ работы и конторы. Что, если онъ самъ купитъ яхту? Что она можетъ имъть противъ этого? Богъ знаетъ, можетъ быть, она увидитъ въ этомъ злостное намъреніе? Лучше ужъ сидъть спокойно и не предпринимать ничего. Да, это лучше всего, онъ не станетъ разыгрывать изъ себя дурака; фрекенъ Люнумъ и онъ навсегда покончили другъ съ другомъ всъ разсчеты; еще не хватаетъ, чтобы стали говорить о немъ, что онъ собираетъ реликвіи въ память о ней.

Онъ закрылъ контору въ обычное время и вышелъ. Фонари ярко свътили, въ воздухъ было по прежнему тихо. Онъ увидалъ свътъ у Тидеманда и хотълъ было зайти къ нему, но на лъст-

ницѣ остановился и повернулъ обратно: у Тидеманда, можетъ быть, какъ разъ какая-нибудь спѣшная работа. Оле вышелъ на улицу.

Часы шли. Онъ все бродилъ по улицамъ въ состояніи тупого равнодушія, усталости, съ почти полузакрытыми глазами. Онъ добрель до парка, прошель мимо, свернулъ въ сторону и поднялся на холмъ. Было темно, онъ ничего не видалъ, но все-таки присълъ на первыя попавшіяся ступеньки. Черезъ нѣсколько времени онъ вынулъ часы, было около половины двѣнадцатаго. Онъ всталъ и снова спустился въ городъ. Въ головѣ у него не было ни одной мысли.

Онъ направился къ Тиволи, къ ресторану. Сколько онъ проходилъ за этотъ вечеръ! Зато онъ будетъ спать эту ночь, какъ мертвый! Передъ самымъ рестораномъ онъ вдругъ остановился и сталъ, пятясь, отступать назадъ; онъ отступилъ на пять-шесть шаговъ; глаза его были пристально устремлены на дверь ресторана. У дверей стояла извощичья пролетка.

Онъ услыхалъ голосъ Оготъ, что и заставило его остановиться; теперь она вышла вмѣстѣ съ Иргенсомъ на улицу. Иргенсъ шелъ впереди, Оготъ за нимъ; она двигалась съ трудомъ и на лѣстницѣ немного замѣшкалась.

- Ну, поскоръй! сказалъ Иргенсъ.
- О, погодите немного, господинъ Иргенсъ, замътилъ извозчикъ, барыня еще не готова.
  - Вы меня знаете? спросилъ Иргенсъ удивленно.
  - Какъ мнѣ не знать!
- Онъ тебя знаетъ, онъ тебя знаетъ, сказала Оготъ, спускаясь съ лъстницы. Она не надъла своей накидки, а держала ее на рукъ, накидка тащилась по полу, и Оготъ поминутно путалась въ ней ногами. Взглядъ ея былъ стеклянный и мутный. Вдругъ она разсмъялась.
- Этотъ противный Грегерсенъ,—сказала она,—онъ сидълъ и все время толкалъ меня въ ногу. Я увърена, что изъ ноги идетъ кровь, я въ этомъ увърена... Послушай, Иргенсъ, ты скоро

выпустишь опять книгу?.. Подумай только, извозчикъ знаетъ тебя, ты слышалъ?

 Ты пьяна, — сказалъ Иргенсъ, помогая ей състь въ пролетку.

Шляпа ея сътхала на бокъ, она пыталась накинуть на себя накидку, не переставая все время говорить:

— Нѣтъ, я не пьяна, мнѣ только весело... Не посмотришь-ли ты мою ногу, идетъ-ли кровь? Я увѣрена, что кровь идетъ. Я даже чувствую, какъ нога горитъ, но это ничего; это мнѣ все равно. Ты говоришь, пьяна? А если бы я даже была пьяна? Вѣдь это ты меня привелъ сюда, я все дѣлаю, что ты хочешь, съ радостью... Ха-ха-ха, я должна смѣяться, когда подумаю объ этомъ противномъ Грегерсенѣ. Онъ сказалъ, что напишетъ обо мнѣ прекраснѣйшую статью, если только я позволю ему убѣдиться собственными глазами, дѣйствительно-ли онъ ушибъ мнѣ ногу до крови. Совсѣмъ другое дѣло, если я покажу тебѣ... Какое ужасное вино, оно ударило мнѣ въ голову. И эти папиросы, эти папиросы...

— Пошелъ, пошелъ!-крикнулъ Иргенсъ.

Дрожки тронулись.

Оле стоялъ и смотрълъ имъ вслъдъ; колъни его дрожали, и онъ безсознательно проводилъ руками по платью, по груди. Это была Оготъ! Какъ они ее испортили, какъ они ее испортили! Оготъ, милая Оготъ...

Оле сѣлъ тутъ же, гдѣ стоялъ; прошло много времени, фонари передъ рестораномъ погасли, стало совершенно темно. Констабль хлопаетъ его по плечу и говоритъ, что здѣсь нельзя сидѣть и спать. Оле поднимается. Да, конечно, онъ уже уходитъ, спокойной ночи, спасибо... И Оле пошелъ дальше.

Онъ вернулся домой около двухъ часовъ и зашелъ прямо въ контору; онъ зажегъ лампу и, по старой привычкѣ, повѣсилъ свою шляпу на гвоздь; лицо его точно окаменѣло. Прошло довольно много времени; онъ все ходилъ взадъ и впередъ по ком-

натъ. Затъмъ онъ подошелъ къ конторкъ и принялся писать письма, документы, короткія, сжатыя строки на различныхъ бумагахъ, которыя онъ затъмъ вкладывалъ въ конверты и запечатывалъ. Онъ вынулъ часы, было половина четвертаго; держа часы въ рукахъ, онъ машинально завелъ ихъ. Съ письмомъ къ Тидеманду онъ самъ спустился на улицу, чтобы опустить его въ ящикъ; вернувшись, онъ досталъ письма Оготъ и развязалъ ихъ.

Онъ не перечитывалъ ни одного изъ этихъ писемъ, онъ подошелъ съ ними къ камину и сталъ ихъ сжигать одно за другимъ; только послъднее, самое послъднее письмо, въ которомъ лежало кольцо, онъ на половину вынулъ изъ конверта и съ минуту смотрълъ на него, затъмъ онъ сжегъ и его, вмъстъ съ кольцомъ.

Маленькіе часы на стънъ пробили четыре, съ моря донесся свистокъ парохода. Оле поднялся и отошелъ отъ камина. Лицо его было искажено страданіемъ, каждая черта была напряжена, жилы на вискахъ вздулись. Онъ медленно открылъ маленькій выдвижной ящикъ въ своей конторкъ.

На утро Оле Генриксенъ былъ найденъ мертвымъ. Онъ застрълился. На конторкъ горъла лампа, рядомъ съ ней лежало нъсколько запечатанныхъ конвертовъ, самъ онъ лежалъ на полу. Дуло пистолета было такъ кръпко стиснуто между зубами, чтоего съ трудомъ вынули у него изо рта.

Въ письмѣ къ Тидеманду онъ прямо просилъ у него извиненія въ томъ, что не могъ придти и въ послѣдній разъ поблагодарить его за его дружбу. Теперь все пропало, онъ не можетъ жить ни одного дня дольше, онъ боленъ. Дачу пусть Тидемандъ сохранитъ на память. "Я надѣюсь, что тебъ она пригодится больше, чѣмъ мнѣ", писалъ онъ, "она твоя, дорогой другъ, прими ее отъ меня на память. Фру Ганка тоже будетъ ей рада; передай ей отъ меня послѣдній привѣтъ. И если тебѣ случится встрѣ-

тить фрекенъ Люнумъ въ нуждѣ, окажи ей дружескую помощь; я видѣлъ ее сегодня вечеромъ, но она меня не видала. Я не могу собрать свои мысли даже для письма къ тебѣ, я ясно вижу передъ собой только одно, и это одно я сдѣлаю черезъ полъ-часа".

Фотографическая карточка Оготъ лежала нетронутая въ его записной книжкъ, онъ, можетъ быть, забылъ сжечь ее. Онъ забылъ также отправить нъсколько телеграммъ, когорыя написалъ наканунъ, выходя изъ дома, онъ лежали еще въ боковомъ карманъ его сюртука. Онъ былъ правъ: онъ видълъ передъ собою ясно только одно.

IX.

Подошелъ конецъ сентября; наступили прохладные дни, небо было чисто и ясно; въ городъ не было ни пыли, ни грязи, городъ имълъ привлекательный видъ. На окрестныхъ горахъ еще не было снъга.

Событія въ город'є быстро см'єнялись одно другимъ; смерть Оле Генриксена возбудила лишь кратковременный интересъ; этотъ выстр'єль въ контор'є молодого коммерсанта не отозвался сколько-нибудь значительнымъ эхомъ; дни и нед'єли прошли съ т'єхъ поръ, и никто больше не говорилъ объ этомъ. Только Тидеманду трудно было забыть объ этомъ.

Тидемандъ былъ заваленъ работой; ему приходилось въ теченіе первыхъ недѣль помогать отцу Оле въ дѣлахъ. Старикъ еще не котѣлъ удалиться отъ дѣлъ, онъ только взялъ въ компаньоны своего главнаго прикащика и продолжалъ работать съ выдержкой и спокойствіемъ, не давая горю сломить себя. Старый Генриксенъ зналъ, что онъ и сейчасъ еще въ состояніи работать, разъ некому замѣстить его.

И Тидемандъ проводилъ дни въ неустанной дъятельности. Его запасъ ржи подходилъ къ концу, онъ продавалъ ее небольшими партіями по все болъе и болъе высокимъ цънамъ; по мъръ того, какъ зима приближалась, рожь подымалась въ цънъ, и цифра

потерь Тидеманда становилась все меньше. За послѣдніе дни ему пришлось взять обратно еще одного изъ своихъ прежнихъ служащихъ; онъ нагружалъ послѣднюю партію дегтя; завтра судно должно отчалить.

Онъ кончилъ всю свою работу, приготовилъ всъ бумаги, застраховалъ товаръ; теперь все было сдълано. Раньше чъмъ приняться за что-нибудь другое, онъ закурилъ сигару и задумался. Было около четырехъ часовъ пополудни. Онъ вынулъ перо изъ-за уха и положилъ его на столъ, затъмъ подошелъ къ окну и стали смотръть на улицу. Въ то время, какъ онъ стоялъ у окна, послышался осторожный стукъ въ дверь, и въ комнату вошла его жена. Она поздоровалась и спросила, не мъшаетъ-ли она ему; у нея только небольшое дъло къ нему...

На лицъ у нея была вуаль.

Тидемандъ бросилъ сигару. Онъ не видалъ своей жены уже много недъль, много долгихъ недъль; однажды вечеромъ, бродя по улицамъ, онъ встрътилъ даму, которую принялъ было за Ганку, у нея была совершенно такая-же походка; но это была не она. Онъ долго шелъ слъдомъ за дамой, пока не убъдился, что онъ ошибся; нътъ, это была не его жена. Ея больше не видать было. Онъ никогда не имълъ ничего противъ того, чтобы она приходила, и она знала это; но она не приходила. Должно быть, она окончательно забыла и его, и дътей, было похоже на то. Крадясь иною темной ночью по улицамъ вблизи кръпостного вала, когда онъ чувствовалъ себя [слишкомъ одинокимъ дома, онъ иногда видълъ [свътъ въ ея окнахъ, часто же у нея было темно, и во всякомъ случаъ ея самой онъ никогда не видалъ. Гдъ она была? Онъ два раза даже посылалъ ей деньги только для того, чтобы получить отъ нея нъсколько словъ.

И вотъ она стоитъ передъ нимъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Полубезсознательно онъ сдѣлалъ свое обычное движеніе, какъ бы собираясь застегнуть сюртукъ.

— Это ты?-сказалъ онъ.

— Да, это я, — отвътила она. — У меня... я хотъла...

И вдругъ она начала рыться въ своемъ карманѣ; она вытащила свертокъ кредитныхъ бумажекъ и положила ихъ на конторку. Руки ея сильно дрожали, нѣсколько ассигнацій выпало у нея изъ рукъ; она наклонилась, подняла ихъ и проговорила взволнованно:

— Возьми ихъ, не отказывайся! Это деньги, которыя я потратила на... потратила недостойнымъ образомъ. Не заставляй меня говорить, на что я ихъ потратила, это слишкомъ недостойно-Тутъ должно было бы быть гораздо больше, но я не могла больше ждать... гораздо больше денегъ, вдвое больше, но у меня не хватило терпѣнія откладывать свой приходъ. Возьми пока эти, будь такъ добръ! Остальное я верну тебѣ позже, со временемъ, но сегодня я должна была придти...

Онъ прервалъ ее съ отчаяніемъ въ голосъ:

- Боже мой, неужели ты не можешь... Ты постоянно возвращаешься къ деньгамъ. Зачѣмъ ты копишь для меня деньги? Я не понимаю, какое ты въ этомъ находишь удовольствіе. У меня довольно денегъ, дѣла снова идутъ, идутъ великолѣпно, я ни въ чемъ не нуждаюсь...
- Но эти деньги это совершенно другое дѣло, воскликнула она, я отдаю ихъ тебѣ ради себя самой. Я и получила ихъ тоже отъ тебя, ты посылалъ мнѣ слишкомъ много, я всякій разъ могла откладывать. Если бы у меня не было впереди этой маленькой радости, о которой я могла мечтать, я бы не выдержала. Я каждый день пересчитывала ихъ, ожидая, чтобы накопилось достаточно, тутъ не хватаетъ еще не половины, какъ я сказала, я пересчитала, не хватаетъ еще приблизительно четверти. Мнѣ стыдно...

Ему вдругъ стало ясно, почему она непремѣнно хотѣла ему вернуть эти деньги. Онъ взялъ ихъ и поблагодарилъ. Онъ не нашелся сказать ничего другого, какъ то, что это много денегъ, цѣлая куча денегъ. Но не лишаетъ-ли она себя этимъ чего-ни-

будь? Онъ можетъ положиться на нее? Въ такомъ случав онъ охотно займетъ у нея деньги, съ благодарностью возьметъ ихъ, она получитъ ихъ обратно, а пока они могутъ остаться у него въ дѣлѣ. Въ сущности, это сущее благодѣяніе для него, что она какъ разъ теперь пришла къ нему на помощь, потому что теперь ему, дѣйствительно, нужны деньги, нѣкоторая сумма денегъ, ужъ если сказать правду...

Онъ не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ; наблюдая за нею, онъ замътилъ, что она вздрогнула при его словахъ отъ радости, глаза ея заблестъли подъ вуалью и она сказала:

— Боже мой, какъ хорошо, что я пришла сегодня.

Ахъ, этотъ голосъ, этотъ голосъ! Онъ былъ ему знакомъ еще съ первыхъ счастливыхъ дней ихъ совмъстной жизни, когда она, полная смущенія, благодарила его за то или другое. Онъ сдълалъ нъсколько шаговъ и снова отошелъ назадъ, взволнованный ея близостью, ея видомъ, открытымъ взглядомъ ея глазъ подъ вуалью. Онъ опустилъ глаза.

- Какъ ты поживаешь? спросила она. И дъти?
- Прекрасно, дѣти вырастаютъ изъ своихъ платьевъ. Мы всѣ чувствуемъ себя превосходно. А ты?
- Я больше не имъю никакихъ извъстій о васъ. Я хотъла ждать до тъхъ поръ, пока буду въ состояніи придти съ деньгами, пока смогу принести все сполна, и послъднюю четверть также, но я не могла выдержать. Покуда Оле жилъ, я получала отъ него свъдънія обо всъхъ васъ; но теперь мнъ не къ кому больше идти, и я совершенно потеряла терпъніе. Я была здъсь, у твоего дома, еще вчера, но я не вошла, я ушла обратно...

Не попросить-ли ее взглянуть на дътей?

- Ты, можетъ быть, заглянешь къ нимъ на минуту?—спросилъ онъ. — Онъ такъ обрадуются. Я не знаю, все ли тамъ въ порядкъ наверху, но...
  - Да, спасибо!

Онъ видълъ, какъ она была ему благодарна, котя она ничего

больше не сказала. Она протянула ему руку, прощаясь съ нимъ.

- Если только они меня узнаютъ! сказала она.
- Я тоже приду немного спустя,—сказалъ онъ. Мнѣ сейчасъ больше нечего дѣлать. Ты, можетъ быть, посидишь немного, что? Но я не знаю, все ли тамъ наверху въ порядкѣ, можетъ быть... Вотъ ключъ отъ двери, тебѣ не надо будетъ звонить. Но смотри, чтобы дѣти не выпачкали тебя ногами, если ты возъмешь ихъ на колѣни. Не смѣйся надъ этимъ, Богъ знаетъ, въ чистыхъ-ли они сапожкахъ сегодня.

Ганка ушла. Онъ раскрылъ передъ нею дверь и проводилъ ее до лъстницы, послъ чего вернулся опять въ контору.

Онъ остановияся у конторки, но работать онъ не быль въ состояніи. Воть тамъ она стояла. На ней было ея черное бархатное платье; но лица ея онъ не разглядѣлъ, только часть шеи, бѣлую полоску шеи. Теперь она наверху. Богъ знаетъ, можно ли и ему уже подняться наверхъ, уже сейчасъ? Дѣтей больше не слыхать, они не бѣгаютъ по комнатѣ, они, можетъ быть, сидятъ у нея. На нихъ сегодня, кажется, красныя платьица?

Онъ поднялся наверхъ, охваченный страннымъ волненіемъ; дойдя до дверей комнаты, онъ даже постучался, словно онъ входилъ не къ себъ. При его появленіи жена его сейчасъ-же поднялась.

Она была теперь безъ вуали, она сильно покраснъла. Теперь онъ понялъ, почему она носила вуаль: безрадостные дни въ маленькой комнаткъ у кръпостного вала, очевидно, дались ей не легко, лицо ея носило явные слъды страданія. Іоганна и Ида стояли около нея, держась за ея платье; онъ не вполнъ узнавали ее, онъ удивленно смотръли на нее и молчали.

- Онъ меня не узнаютъ,—сказала фру Ганка, садясь снова; я спросила ихъ.
- Нѣтъ, я тебя узнаю, —сказала Іоганна. И она принялась взбираться къ матери на колѣни; Ида послѣдовала ея примѣру.

Тидемандъ, взволнованный, смотрълъ на эту сцену.

— Не надо лъзть на маму, дъти, — сказалъ онъ; — оставьте маму въ покоъ.

Но онъ не слушали его, онъ вовсе не имъли желанія оставить маму въ покоъ. У нея были кольца на рукахъ и самыя удивительныя пуговицы на платьъ, которыя можно было дергать, сколько угодно. Онъ болтали, дергали эти пуговицы, потомъ вдругъ увидали на груди у матери булавку, которая тоже вызвала рядъ замъчаній съ ихъ стороны. Онъ объ сидъли на колъняхъ у матери, положивъ руки къ ней на грудь.

Ты бы спустила ихъ на полъ, вѣдь ты устала, -- сказалъ
 Типемандъ.

Устала? Она? Нътъ, пусть онъ сидятъ, пусть сидятъ!

Они заговорили объ Оле, вспомнили Оготъ; Тидемандъ сказалъ, что непремънно навъститъ ее надняхъ. Оле просилъ его объ этомъ нъкоторымъ образомъ; ея участъ тревожила его, онъ ея не забылъ. Въ комнату вошла няня; она пришла за дътьми; ихъ пора накормить и уложить спать.

Но дъти ни за что не хотъли уходить, они протестовали и упирались; мать должна была тоже пойти съ ними, пойти въ дътскую и уложить ихъ. Она стала оглядывать комнату; все было въ ней, какъ и раньше; вотъ ихъ объ маленькія кроватки, одъяльца, крохотныя бълыя подушки, книжки съ картинками, игрушки. Уложивъ ихъ въ постель, она должна была пъть имъ пъсни; онъ не хотъли спать, онъ держали ее за руки и безпрестанно порывались снова вылъзть изъ постелекъ, не переставая въ то же время болтать.

Тидемандъ нѣкоторое время стоялъ и смотрѣлъ на нихъ, мигая глазами; затѣмъ онъ быстро повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Полъ-часа спустя Ганка вышла изъ дътской.

- Онъ спятъ,- сказала она.
- Я хотълъ тебя спросить... У насъ здъсь своеобразный порядокъ,—сказалъ Тидемандъ,—мы ведемъ нъчто въ родъ хо-

зяйства. Порядка у насъ нѣтъ ни въ чемъ. Если-бы ты захотѣла поужинать здѣсь... Я не знаю, что они тамъ приготовили на кухнѣ къ ужину; но я подумалъ...

Она взглянула на него застѣнчиво, какъ молодая дѣвушка, и сказала:—да, спасибо.

Послъ ужина они снова вышли въ гостиную, и Ганка вдругъ сказала:

- Андреасъ, я не для того пришла сегодня, чтобы снова вернуть прежнее; этого ты не долженъ думать. Я только не могла дольше ждать, мнѣ надо было видѣть кого-нибудь изъвасъ.
- Я этого и не думалъ, отвътилъ онъ. Но дъти не захотятъ тебя отпустить.
- Мнѣ ни одной минуты не приходило въ голову попросить тебя опять о томъ, о чемъ я тебя разъ просила; это все кончено, я это сама знаю. Да я бы и не могла вернуться обратно, всякій разъ, что ты бы взглядываль на меня, я бы.... даже когда ты здоровался бы со мной, я бы всякій разъ вздрагивала. Я знаю, это было бы невыносимо для насъ обоихъ. Но, можетъ быть, мнѣ можно приходить сюда отъ времени до времени?

Тидемандъ опустилъ голову. Она больше не хочетъ вернуться, это кончено, прошло невозвратно. Эти мѣсяцы научили ее иначе смотрѣть на вещи.

- Приходи, когда тебъ вздумается, приходи каждый день,— сказалъ онъ.—Ты въдь приходишь не ко мнъ.
- О, да, и къ тебѣ тоже. Потому что я постоянно думаю о тебѣ. Это началось лѣтомъ, со времени того катанья на парусахъ. Ты измѣнился, ты сталъ другимъ, и я тоже стала другой. Съ тѣхъ поръ, какъ ты разорился, ты сталъ другимъ человѣкомъ Но теперь все равно мичего нельзя измѣнить. Но я видѣла тебя на улицѣ чаще, чѣмъ ты думаешь. Я даже ходила за тобой.

Онъ поднялся, въ сильномъ смущеніи подошелъ къ барометру,

ударилъ по нему пальцемъ и принялся внимательно разглядывать его.

- Но въ такомъ случаъ... я не понимаю.. Въ такомъ случаъ почему-же все должно быть кончено? Я хочу сказать... Впрочемъ, и за дътьми теперь такъ мало присмотра...
- Я не потому пришла,—прервала она его.—Да, конечно, потому, я и поэтому тоже пришла; но... Въдь ты всегда будешь вспоминать... Въдь нельзя ожидать, что...

Она взяла со стула свою накидку.

— Не уходи!—проговорилъ онъ.—Въдь и ты теже никогда, ни на одну минуту не выходила у меня изъ головы. Ужъ если мы заговорили объ этомъ, такъ въдь, въ сущности, это въ такой же степени моя вина, какъ и твоя, что ты ушла. И ты права, что я сталъ другимъ, я, дъйствительно, сталъ, можетъ быть, немного другимъ. Но твоя комната и сейчасъ въ такомъ-же видъ, какъ и была, хочешь посмотръть? Не думай, что мы что-нибудь тронули тамъ. И если ты хочешь остаться... Послушай, у меня сегодня ночью работа въ конторъ, тамъ навърное ждетъ меня цълая куча писемъ, я почти увъренъ, что тамъ лежитъ цълая куча. А твоя комната въ томъ-же видъ, въ какомъ ты ее оставила; можешь посмотръть.

Онъ открылъ дверь. Она послѣдовала за нимъ и заглянула въ комнату; комната была освѣщена, она вошла въ нее. Нѣтъ, онъ хочетъ, чтобы она осталась, онъ еще хочетъ этого! Она можетъ остаться, онъ самъ это сказалъ, онъ принимаетъ ее обратно. Она стояла совершенно растерянная и ничего не говорила, ихъ взгляды встрѣтились, онъ обнялъ ее и поцѣловалъ, поцѣловалъ, какъ въ первый разъ, столько лѣтъ тому назадъ. Глаза ея полузакрылись, и въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ, какъ рука ея обвилась вокругъ его шеи.

Настало утро.

Городъ проснулся. Съ верфей снова доносились гулкіе удары молотовъ, а по улицамъ медленно и тяжело катились крестьянскія тельги. Все идетъ по старому. Площади наполняются людьми и товарами, магазины открываются, шумъ все растетъ, а по лъстницамъ вверхъ и внизъ бъжитъ со своими газетами и своей собачкой маленькая дъвочка съ неподвижнымъ взглядомъ.

Все идетъ по старому.

На "Углу" только около полудня появляется обычная публика, молодые и свободные люди, имѣющіе возможность поздно спать и дълать, что имъ вздумается. Тутъ стоитъ нъсколько человъкъ, которыхъ всѣ знаютъ: Мильде, Норемъ и Эйенъ; двое въ пальто, одинъ въ плащѣ, Эйенъ въ плащѣ. Холодно, и они зябнутъ; они стоятъ, погруженные въ свои мысли, и почти не разговариваютъ: даже когда къ нимъ присоединяется Иргенсъ, въ самомъ лучшемъ настроеніи и элегантный, какъ самый элегантный изъ городскихъ франтовъ, разговоръ мало оживляется. Нѣтъ, еще слишкомъ ранній часъ и слишкомъ холодно; часа черезъ два настроеніе будетъ совершенно другое. Но вотъ Эйенъ заговориль о своемъ самомъ послѣднемъ стихотвореніи въ прозѣ-Спящій городъ; въ эту ночь ему удалось написать почти до половины. Онъ теперь пишетъ на цвътной бумагъ, и это оказалось великолънной идеей. Вы представьте себъ, говорить онъ, спящій городъ, объятый тяжелымъ, давящимъ покоемъ; слышно только его сонное дыханіе, словно отдаленный гулъ пущенной черезъ шлюзъ гдѣто, за много миль, воды. Время тянется, ползетъ безконечно долго и медленно; но вотъ, наконецъ, чудовище просыпается и начинаетъ вытягивать свои члены. Не правда ли, изъ этого можно кое-что сдълать?

И Мильде полагаетъ, что изъ этого, пожалуй, дъйствительно, можно кое-что сдълать; Мильде давно уже снова въ самыхъ дру-

жескихъ отношеніяхъ съ Эйеномъ. Мильде работаетъ теперь надъ карикатурами для *Сумерекъ Норвегіи*. Да, ему, дъйствительно, удалось сдълать нъсколько чрезвычайно забавныхъ карикатуръ и окончательно погубить злополучную поэму. Издатель возлагаетъ на это изданіе большія надежды.

Норемъ не произноситъ ни слова.

Вдругъ издали показывается Ларсъ Паульсбергъ; рядомъ съ нимъ идетъ журналистъ Грегерсенъ. Группа на "Углу" увеличивается, каждый обращаетъ на нее вниманіе, —такое скопленіе на одномъ мѣстѣ. Литература безусловно преобладаетъ, литература завладѣла всѣмъ тротуаромъ. Проходящіе мимо люди возвращаются подъ какимъ-нибудь предлогомъ обратно, только, чтобы посмотрѣть еще разъ на этихъ шестерыхъ молодыхъ людей въ пальто и плащахъ. Мильде обращаетъ на себя вниманіе своимъ новымъ костюмомъ, у него явились таки средства для этого. Онъ больше не упоминаетъ о переселеніи въ Австралію.

Грегерсенъ осматриваетъ его новый костюмъ со всъхъ сторонъ и говоритъ:

— Ты, должно быть, еще не уплатилъ за это?

Но Мильде не слышалъ его словъ, его вниманіе было устремлено на нѣчто другое, на коляску, приближавшуюся по улицѣ шагомъ. Ничего необыкновеннаго не было въ этой коляскѣ, кромѣ того, что она подвигалась шагомъ. И кто въ ней сидѣлъ? Дама, которая была незнакома Мильде, хотя онъ зналъ весь городъ. Онъ спросилъ другихъ, не знаютъ-ли они ее; Паульсбергъ и Эйенъ одновременно ухватились за свои пенснэ и всѣ шестеро пристально уставились на даму. Но ни одинъ изъ нихъ ея не зналъ.

Она была необыкновенно полна и тяжело и удобно покоилась на подушкахъ сидънья; у нея былъ вздернутый носъ, голову она держала высоко поднятой; красная вуаль спускалась со шляпы и висъла вдоль спины. Нъсколько пожилыхъ человъкъ, повидимому, знавшихъ ее, поклонились ей, и она съ равнодушнымъ видомъ

отвѣчала съ высоты своей коляски на каждый поклонъ медленнымъ движеніемъ головы.

Только когда она миновала "Уголъ", Паульсбергъ вдругъ вспомнилъ ее и сказалъ, улыбаясь:

— Но, Боже мой, въдь это же фру Гранде, фру Либерія!

Теперь и остальные узнали ее. Да, конечно, это была фру Либерія, нѣкогда столь веселая фру Либерія! Журналистъ Грегерсенъ даже однажды поцѣловалъ ее, это было семнадцатаго мая, въ минуту увлеченія. И теперь въ душѣ его пронеслось странное воспоминаніе объ этомъ днѣ. Это было давно, очень давно тому назадъ.

— Подумайте, это она!—сказалъ онъ.—Но какъ она растолстъла! Я ея совершенно не узналъ, я долженъ былъ бы поклониться.

Это должны были бы сдѣлать и остальные, всѣ они были съ ней знакомы. Но Мильде нашелъ оправданіе для себя и для другихъ, сказавъ:

— Да есть-ли какая-нибудь возможность узнать ее, когда ея годами не видишь? Она вѣдь нигдѣ не бываетъ, никогда не по-казывается, ни въ чемъ не принимаетъ участія, она сидитъ дома и жирѣетъ. Мнѣ тоже слѣдовало поклониться, но... Нѣтъ, этотъ промахъ не очень тяготитъ мою совѣсть.

Но Иргенсу пришла въ голову ужасная мысль: онъ не поклонился, фру Гранде могла обидъться на него и повліять на мужа въ дурную для него, Иргенса, сторону въ вопросъ о стипендіи. Въдь она имъла величайшее вліяніе на своего мужа, это было всъмъ извъстно; а что, если адвокатъ завтра же войдетъ къ министру съ докладомъ, въ которомъ изложитъ дъло въ другомъ свътъ?

— Прощайте! — проговорилъ Иргенсъ неожиданно и быстро удалился. Онъ шелъ со всей скоростью, на какую былъ способенъ, ему пришлось сдѣлать большой крюкъ; какое счастье, что фру Гранде ѣдетъ такъ медленно, ему еще удастся встрѣтить ее снова.

И дъйствительно, когда онъ снова вышелъ на главную улицу, онъ встрътилъ ее опять и ему посчастливилось попасться ей на глаза. Онъ поклонился, онъ даже остановился, снялъ шляпу необычайно низко и поклонился. И она въ отвътъ кивнула ему головой съ высоты своей коляски.

Все тъмъ же медленнымъ шагомъ фру Либерія продолжала двигаться по улицамъ города. Встръчные не переставали спрашивать другъ друга, кто она, кто это такая. Что за любопытство! Это фру Либерія Гранде, замужемъ за Гранде, изъ стариннаго рода Гранде. Она сидъла откинувшись на подушки своей коляски съ спокойствіемъ и важностью цѣлаго министерства, и медленно совершала свою рѣдкую, рѣдкую утреннюю прогулку. Ничего необыкновеннаго въ этомъ не было, кромъ того, что она ъхала шагомъ. Но ея красная вуаль была далеко не модна, она только обращала на себя вниманіе, и молодежь, следившая за модой, посмъивалась про себя надъ этой красной вуалью. Но многіе подозрѣвали бѣдную дамочку въ томъ, что въ головѣ у нея въ то время, какъ она каталась, были самыя высокомърныя мысли; у нея былъ такой видъ, словно она вывхала изъ дому съ опредъленнымъ намъреніемъ обратить на себя вниманіе и словно она сидитъ и все время повторяетъ въ душѣ: вотъ я проѣзжаю смотрите, я проъзжаю!

Такой у нея былъ видъ!

Въ довершеніе всего она велѣла кучеру остановиться у зданія стортинга. Что ей тамъ нужно было? А когда кучеръ ея вдобавокъ еще оглушительно щелкнулъ кнутомъ, то не было никого по близости, кто бы не подумалъ, что это уже слишкомъ. Что общаго у фру Либеріи со стортингомъ? Стортингъ закрытъ, всѣ разъѣхались, сессія кончилась; что, эта женщина съ ума сошла? Но немногіе пожилые люди, знавшіе фру Либерію, знали также, что мужъ ея засѣдаетъ въ либеральной комиссіи, въ одной изъ заднихъ комнатъ стортинга. Къ нему можно попасть съ бокового входа. Развѣ она не имѣетъ права посѣтить своего

мужа? Противъ этого ничего нельзя сказать, у нея можетъ быть дъло къ мужу; да и не такъ ужъ часто она выходитъ изъ дому. Нътъ, люди несправедливы по отношенію къ ней.

Фру Либерія вышла изъ коляски и, велѣвъ кучеру ждать, тяжело и медленно стала подыматься по лѣстницѣ; ея красная вуаль вяло и неподвижно свисала у нея на спинѣ, ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не шевелило ея. Черезъ минуту она исчезла за дверями огромнаго зданія...

Къ двумъ часамъ движеніе и шумъ въ городѣ достигли свсего апогея; всюду было то-же оживленіе; люди шли, ѣхали, разговаривали, покупали и продавали; со всѣхъ сторонъ слышался глухой гулъ работающихъ машинъ. Съ набережной донесся пароходный свистокъ, потомъ еще одинъ, флаги развѣвались, баржи скользили взадъ и впередъ, паруса ставились и убирались. То здѣсь, то тамъ судно бросало якорь, жепѣзныя цѣпи гремѣли въ клюзахъ, распространяя запахъ ржавчины. И шумъ разливался по городу широкой волной, наполняя воздухъ, въ этотъ ясный, сіяющій день, слово тысячеголосымъ торжествующимъ ура.

Всюду жизнь кипъла и била ключемъ.

Нагруженное дегтемъ судно Тидеманда было готово къ отплытію, поэтому онъ и пришелъ самъ на пристань; Ганка была съ нимъ, они стояли рука объ руку и смотръли. Поминутно они взглядывали другъ на друга глазами, въ которыхъ сверкала радость и молодость; съ моря на встръчу имъ развъвались флаги. Когда судно двинулось, Тидемандъ поднялъ шляпу и сталъ ею размахивать высоко надъ головой. Ганка махала своимъ платкомъ. Съ парохода имъ тоже замахали разъ и другой. И судно медленно вышло въ фіордъ.

— Пойдемъ? — спросилъ Тидемандъ.

Она тъснъе прижалась къ нему и отвътила:

— Какъ хочешь.

Но въ эту минуту къберегу подошелъ другой пароходъ, огромнъйшее сооружение, выпускавшее цълыя тучи дыма изъ своихъ

трубъ. И на этомъ суднъ также находились товары Тидеманда, онъ ждалъ его послъдніе два дня; его радость еще увеличилась оттого, что судно пришло какъ разъ теперь, и онъ сказалъ:

- У насъ и здѣсь тоже есть товаръ.
- И здѣсь тоже!—проговорила она только и взглянула на него; онъ почувствовалъ, какъ нѣжная дрожь пробѣжала по ея рукѣ.

Они пошли домой.

конецъ.

изд. «Шиповникъ». Спб., б. конюшенная 17.

			e.														L	[ѣна.
																		р. к.
Лит	худ	аль	манахи	KH.	I				•									1 -
	••		33	KH.	II.													1 —
	ď		**	KH.	III.	4												1
	*		12	KH,	IV.				٠							-		1 -
2.0	**		,,	KH,	V.													1 -
	>>			KH.	VI.													1 -
			**	кн.	VII.												Ç,	1 -
			**		VIII.													1 -
	**			KH.	IX.													1 -
			n	KH.	X.	•									*:			1 -
			**	KH.	XI.													1 25
Съв	врные	CO	орники	KH.	I. (2·	е и	зд.)	(p	acr	po,	цан	(0)						1 —
	77		"		—III												a l	1 50
	27		#		ſ													1 20
	**		**					(*)		7%								1 —
0-6-	"		"_		I						٠							1 10
Coop	. 004	KH.	Гамсун			Ι												1 —
**	**	**	,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,	Т		Ι												1
77	2	77	,,	Т		I.												1 25
"	1000	**		Т														1 25
**	,,	17	,,	т		ſ		٠.										1 25
*	**	**	**	т					٠	٠								1 25
"	**	10	"	т	VI	222		٠.									1	
77	23	99	**	т								. ,					1	
**	**	**	*	T.			•		٠								1	
"	"	17	**	т.	X				•					 			1	
	"	**	**	T.	XI	171 - 171	•		*								1	77.7
Собр.		"	n v."	т.	XII			٠.	٠				٠				1	25
coop.	C 0 4.	Г.,	Ц. Уэллс		l						. ,						1	25
*	**	**	37	Т,	II							*				•	1	25
"	"	**	,,,	т.	III	30 30			٠	٠.	0.3	٠			0.6		1	25
"	**	**	11	т.	IV.		٠.		•					 ٠			1	25
Coőp.	CO4.	ř.	ц'Анўнці	т.	V.				٠								1	25
ooop.				O T.	II				*			*	* 1				1	25
,,	"	77	. "	т.	III.	CO. 174.1	٠.	٠		٠.		•		•	٠	*3	1	25
Conn.	004	Пеп	ида Ан	nnoon.	1111.			•					٠		,		1	25
ооор.	Δ.	,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,		Дреев	T.	۷. VI						•					1	25
Собр.	C04.	Борі	" ica 3aŭi	цева н	н. І	(из	д. 2	e-oe	;	• •		:					1	25 50
Coop.		. ".		" К	н, II	٠							٠.		40		1	-
coop.		U . U	ергѣева	-ценс	каго			I.		٠.							1	11110
27	27		,,			KH.		- ALC: -		٠.							1	_
006-	"	0	na C. "			KH.	I۷	٠,									1	25
Собр.	Mor. 1	эедо	ра Соло	гуоа:	11													2000
	Таж	IN O	всъ. Ро	манъ.	Изд	. 5-	oe.	٠									1	75
	1 яже	лые	сны, Р	оманъ	. Из,	4. 3	-ье.			0	٠						1	75
	LHAL	a pa	злукъ. 1	азск	азы.			,							•		1	
	LHNL	a 04	арованій	1. Pas	сказ	ы		-	_		CET						1	-

			Цъна.
			-
			р. к.
Пеонидъ Андреевъ. Царь голодъ			. 1 —
В. Муйжель. Разсказы			. 1 —
Маркъ Криниций. Разсказы			. 1 —
К. Ковальскій. Разсказы			. 1 —
Г. Чулновъ. Разсказы кн. І			. 1 —
Шаломъ Ашъ. Разсказы кн. 1			. 1 —
В Ропшинъ. Конь блъдный			. — 50
Анатоль Франсъ. Островъ Пингвиновъ.			. 1 40
Онтавъ Мирбо. Путеш. въ автомобилъ .			. 1 25
Байронъ. Каинъ			. — 75
" въ переплетъ			. 1 50
Иліада Гомера. Въ перев Н. Минскаго.	Изд. 2-ое .		. 1 25
н. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухъ			. 2
К. Д. Бальмонтъ. Зеленый вертоградъ.			. 2 —
Андрей Бълый Пепелъ			. 2 —
Евг. Гарасовъ. Земныя дали			. — 60
Сборникъ. Ссыльнымъ и заключеннымъ.			1 —
Сборникъ Италін			. 1 —
Сборникъ Книга о театръ			. 2 —
С. Рафаловичь. Отвергнутый Донъ-Жуа	нъ		. — 60
С. Рафаловичъ. На въсахъ справедливо	сти. (Романъ)		1 50
Франкъ Ведекиндъ. Т. 1 (пьесы)			1 20
Франкъ Ведениндъ Т. II (пьесы)			1 25
Ал. Блокъ. Три пьесы			1 20
Евг. Чириковъ Марія Ивановна. Комедія С. Найденовъ Хорошенькая. Комедія.			- 60
С. панденовь лорошенькая, комедія.			- 60
Г. Гауптманъ. Потонувшій колоколъ. Александръ Бенуа. Гойя			- 05
А. Серафимовичъ. Дътскіе разсказы.			2 '
А. Ремизовъ. Морщинка. Сказка			_ 50
Г. Плехановъ. Чернышевскій			- 30
К. Марисъ. Къ критикъ полит. экономіи			3 -
К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и	VDUCTIONCTE		- 20
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ Т.	I		1 50
А. Луначарсній. Религія и соціализмъ Т.	II (neuar)		1 00
Г. Лягарделль. Революціонный синдикали	ama		40
Іозефъ Петцольдъ. Введеніе въ философі	ю чистаго оп	ıra .	2 —
Іозефъ Петцольдъ. Проблема міра			ī —
Парвусъ. По тюрьмамъ			80
Н. Троций. Туда и обратно			- 60
А. Амфитеатровъ и Е. Аничновъ. Побъдо	носцевъ		50
А. Луначарскій. Пять фарсовъ			- 40
Г. Чулковъ. Анарх. идеи въ др. Ибсена			- 30

